Гаджиев К.С.

Политология
Учебник для высших учебных заведений.

Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва
Логос, 2001

Р е ц е н з е н т ы :
Доктора политических наук В.Н.Дахин *(Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации),* Г.В.Каменская *(Институт мировой экономики и международных отношений РАН)*

Гаджиев К.С. Политология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2001.– 488 с.

Излагается курс политологии: становление, основные проблемы, методы и темы политической науки. Главное внимание уделяется политологическим аспектам гражданского общества и институтов власти. Рассматриваются основные политические системы, партии и идейные течения. Раскрываются природа демократии, особенности политического развития России, роль в политике средств массовой информации. Содержит вопросы для контроля знании, учебную программу, рекомендуемую литературу. В отличие от книги того же автора «Введение в политическую науку» (М., Логос, 2000) изложение приведено в соответствие с требованиями государственных образовательных стандартов высшего профессинального образования второго поколения.

Для студентов высших учебных заведений. Представляет интерес как для политических деятелей, научных работников, специалистов служб политического консультирования, так и для широкой читательской аудитории.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
Истоки политической науки
Формирование основ политической науки
Институционализация политической науки
Две тенденции в развитии политической науки
Политическая наука после Второй мировой войны
Сравнительная политология
Контрольные вопросы

Глава 2. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА
Предмет политической науки
Место политической науки в системе социальных и гуманитарных наук
Методология и методы политических исследований
Контрольные вопросы

Глава 3. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Истоки гражданского общества
Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы
Принцип разделения различных сфер общественной жизни
Контрольные вопросы

Глава 4. ВЛАСТЬ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
Исторические корни власти
Власть и монополия на законное насилие

Основные параметры власти
Контрольные вопросы

Глава 5. ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ
Общая характеристика
Территориальный императив
Легитимность
Суверенитет
Национальное государство
Абстрактность и анонимность власти и государства
Правовое государство
Контрольные вопросы

Глава 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
Системный подход или политическая система?
Основные характеристики политической системы
Опыт типологизации политических систем
Политические режимы
Территориально-политическая организация государственно-политической системы
Контрольные вопросы

Глава 7. ДЕМОКРАТИЯ: ПРИНЦИПЫ, УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ
Понятие «демократия»: истоки и содержание
Основные принципы и установки демократии
Недостатки и достоинства демократии
Конституционные основания демократии
Либерально-демократические режимы
Контрольные вопросы

Глава 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
Основные вехи формирования партий
Идея и принцип представительства
Роль и функции партий в политической системе
Партии и заинтересованные группы
Опыт типологизации политических партий
Особенности межпартийной конкуренции
Новейшие тенденции в эволюции партии
О перспективах развития партийной системы в России
Контрольные вопросы

Глава 9. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: МЕХАНИЗМЫ И ПРОЦЕДУРЫ
Избирательная кампания
Основные типы избирательной системы
Контрольные вопросы

Глава 10. ДЕМОКРАТИЯ В НЕЗАПАДНОМ МИРЕ
Феномен экспансии демократии
Соотношение рыночной экономики и демократии
Демократия как народовластие
Совместима ли демократия с незападными культурами?
О выживаемости и управляемости демократии в незападном мире
Контрольные вопросы

Глава 11. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ДИКТАТОРСКОГО ТИПА
Типологизация диктаторских систем
Тоталитарные режимы
Аннигиляция традиции
Тоталитарные перевоплощения интернационализма и национализма
Политический и идеологический монизм
Террор как сущностная характеристика тоталитаризма
Тоталитарный человек и государство
Редукционизм и апофеоз конфронтационности
Контрольные вопросы

Глава 12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
Возникновение конвенции политической культуры
Что такое политическое сознание?
Политическая социализация
Составные элементы политической культуры
Политическая символика
Религиозный аспект политической культуры
Типологизация политической культуры
Контрольные вопросы

Глава 13. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА
Морально-нравственный аспект мира политического
Политика между профессионализмом и моралью
Антиномия между равенством и свободой
Контрольные вопросы

Глава 14. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
Политическая теория
Политическая идеология
Что есть политическая философия?
Онтология мира политического
Контрольные вопросы

Глава 15. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Либерализм
Консерватизм
Социал-демократизм
Марксизм
Контрольные вопросы

Глава 16. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИКЕ
Место и роль СМИ в политике
Тенденции воздействия СМИ на общественное мнение
Что такое «теледемократия»?
Взаимоотношения СМИ и властных структур
СМИ в качестве инструмента «политического маркетинга»
СМИ и опросы общественного мнения
«Театрализация» политического процесса
Контрольные вопросы

Приложение ПРОГРАММА КУРСА «ПОЛИТОЛОГИЯ»
ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политика представляет собой одну из важнейших сфер жизнедеятельности людей. Каждый человек так или иначе соприкасается с *миром политического* — приходя в государственное учреждение или обращаясь в общественную организацию, работая, обучаясь в школе или университете, поддерживая какую-либо политическую партию и голосуя на выборах за ее кандидата. Сами понятия «политика» и «политическое» отличаются многозначностью. Например, говорят о валютной политике банков, о политике профсоюзов во время забастовки, школьной политике городских властей, политике дирекции предприятия или школы и, как отмечал известный немецкий социолог М. Вебер, даже о политике умной жены, которая стремится управлять мужем.

В действительности же политика в собственном смысле слова представляет собой одновременно сферу деятельности, связанную с властными отношениями в обществе, и саму деятельность государства и его институтов по управлению различными областями общественной жизни: экономикой, социальной сферой, культурой, образованием, наукой, здравоохранением и др. В этом плане говорят о политике экономической, промышленной,

аграрной, социальной, военной, в области образования, здравоохранения. Иначе говоря, политика призвана обеспечить жизнедеятельность различных сфер общественной жизни, институтов, организаций, общества в целом.

В качестве основных субъектов политики выступают как государство, так и различные государственные и политические институты и учреждения, партии, организации, движения и даже отдельные личности. Для правильного понимания сущности и предназначения политики необходимо прояснить вопрос о мире политического, результатом и проявлением функционирования которого она является. Мир политического существует как сложное сочетание политических явлений, институтов, отношений, процессов. Некоторые авторы даже убеждены в том, что политика включает в себя все формы социальной активности, направленной на производство и распределение материальных и человеческих ресурсов. Существует и прямо противоположное мнение, отрицающее за политическим какое-либо реальное содержание.

Поэтому очевидно, что вычленение мира политического из всей совокупности общественных институтов и отношений, изучение и постижение его сущности, структур, ценностей, происходящих в нем событий и процессов, взаимоотношений с другими сферами жизни людей представляет собой трудную, но крайне важную для общества задачу. Особенно возрастают роль и значение этой проблемы в переломные исторические периоды, когда подвергаются радикальной трансформации сами основы жизнеустройства людей, их идеалы, ценности, мировоззренческие установки и ориентации. Именно такой период кардинальных изменений переживает в настоящее время наша страна. Очевидно, что для ее духовного и интеллектуального возрождения особую актуальность приобретают переосмысление и перестройка всей системы социальных и гуманитарных наук, среди которых достойное место занимает политология, изучающая мир политического во всех его аспектах и проявлениях.

Приступая к изучению любой социальной и гуманитарной дисциплины, каждый из нас сталкивается с множеством самых разнообразных вопросов: что это за дисциплина? каковы ее содержание, предназначение и функции? чем она занимается? каков предмет ее исследования? какое место она занимает среди других обществоведческих наук? Такие вопросы приобретают особую актуальность в отношении политологии как новой для нас научной и учебной дисциплины. Поиски ответов на них важны не сами по себе, а для правильного понимания политических реальностей в современном мире. Прочные и разносторонние знания о политике и мире политического — одна из решающих предпосылок политической социализации людей, формирования культуры гражданственности, утверждения политической свободы, определяющих в свою очередь перспективы и основные направления демократического развития общества.

Важное значение приобретает вопрос о том, какое именно содержание вкладывается в понятия «политология», «политическая наука», «политическое». Это отнюдь не праздный вопрос, особенно если учесть, что у нас еще не определены конкретные границы, круг проблем, вопросов, институтов и явлений, в совокупности составляющих предмет исследований политической науки. Не в полной мере разработаны ее понятия, категории, методы, язык. Следует подчеркнуть, что создание политологии как самостоятельной дисциплины у нас только начинается. В силу этого всякое построение в данной области не может не носить поисковый характер и его правильность должна быть проверена в процессе дальнейших исследований. Поэтому автор заранее благодарен преподавателям, которые сочтут целесообразным направить ему свои замечания, предложения, пожелания по дальнейшему совершенствованию учебного курса.

Предлагаемый курс политической науки предназначен прежде всего студентам, но, конечно, он заинтересует гуманитарную аудиторию, а также всех тех, для кого небезразличны проблемы политики и мира политического в целом. Он призван помочь читателю разобраться в таких основополагающих институтах, явлениях и проблемах современного общества и общественного развития, как гражданское общество, власть, государство, правовое государство, политика, политическая система и ее формы, демократия и тоталитаризм,

политическая культура, политическая философия, политическая этика и др. Автор надеется, что читатель найдет в книге ответы на большинство вопросов, связанных с этими проблемами. И что еще очень важно — она поможет ему освободиться от идеологических шор и по-новому взглянуть на реальности современного мира и правильно понять их.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Любой исследователь, интересующийся историей политической науки, сталкивается с множеством вопросов: когда возникла эта научная и образовательная дисциплина? какие именно факторы способствовали ее возникновению? кого можно считать ее основателями и разработчиками? какие она прошла этапы в своем развитии? и т.д.

Истоки политической науки

В попытках ответить на эти и другие вопросы многие исследователи обращали свой взор на духовное наследие античности. И действительно, к миру политического пристальный интерес проявляли такие выдающиеся мыслители древности, как Платон, Аристотель, Цицерон. Ими и их последователями и оппонентами писались фундаментальные сочинения под красноречивыми названиями: «Политика», «Государство», «Законы», «Республика».

Это дало основание американскому политическому философу Л.Страуссу утверждать, что именно античные мыслители подняли политическую науку до уровня самостоятельной дисциплины и тем самым «стали основателями политической науки в точном и окончательном смысле слова». Однако анализ реального положения не в полной мере подтверждает этот тезис.

Вопрос состоит в том, чтобы не путать политические и иные учения и идеи прошлого с политической наукой в собственном смысле слова, хотя нельзя отрицать факт существования между ними преемственной, генетической связи. Если первые в той или иной форме возникли с появлением государства, то политическая наука формировалась по мере вычленения политики как самостоятельной подсистемы жизнедеятельности людей. Подобно тому как социология формировалась и развивалась в русле основных тенденций и закономерностей становления и эволюции гражданского общества, политология как самостоятельная наука стала возможной в результате вычленения политической сферы из целостного человеческого социума, отделения мира политического от экономической, социальной и духовной подсистем, что по времени совпадало с Новым и Новейшим периодом истории.

В политической науке глубина и совершенство анализа определяются не только длительностью ее возраста, но и тем, насколько систематически и успешно она обновляется (постоянно изменяются как материя, так и дух политического, политических институтов). История политологии это, по сути дела, процесс постоянного обновления и обогащения ее теоретико-методологического и методического арсенала. Знание о политическом собирательно по своей сущности. Чем оно шире, многослойное и глубже — а это достигается в процессе постоянных исследований,— тем больше оно соответствует реальному положению вещей в мире политического. Политическая наука немыслима без традиции, в рамках которой она развивается. Именно традиция во многом определяет то, как исследователь подходит к предмету своего интереса. Под традицией здесь подразумеваются формы организации науки, системы теорий и идей, форм и методов аргументации, методологии, технические приемы и т.д.

В истории Запада формирование политического знания характеризовалось высокой степенью развития. Государственная система формировалась и развивалась не сама по себе, большую роль в этом плане играло политическое знание, которое в той или иной мере отражалось на развитии политической практики. Взаимное влияние политических знаний и практики политических преобразований хорошо прослеживается в истории стран Запада в период Нового и Новейшего времени, в формировании и развитии их государственной системы.

Например, трудно представить создание современной западной государственно-политической системы без идей Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Дж. Локка, И. Канта и без политической практики таких государственных деятелей, как Генрих IV, Людовик XIV, Петр I, Наполеон, Бисмарк, Александр II и т.д. Точно так же невозможно представить себе развитие современной политической науки, с одной стороны, без идей и концепций, сформулированных К.Марксом, Ф.Энгельсом, В.Парето, Э.Дюркгеймом, М.Вебером, Б.Н.Чичериным, П.И.Новгородцевым, М.М.Ковалевским и другими, а с другой — без тех социально-политических преобразований, которые связываются с именами В.И.Ленина, И.В.Сталина, Ф.Д.Рузвельта, У.Черчилля, К.Аденауэра и др.

Можно выделить три крупных периода в истории формирования и развития политологии. Это, во-первых, предыстория от античности до Нового времени. Этот период представлен Аристотелем, Платоном, Цицероном, Фомой Аквинским и другими мыслителями древности и средневековья. Значение данного периода состоит в накоплении и передаче от поколения к поколению политического знания.

Политология как самостоятельная наука стала возможна в результате отделения самого мира политического от производственно-экономической подсистемы и гражданского общества в качестве самостоятельной сферы жизнедеятельности людей (об этом более подробно см. гл. 3—5). Этот процесс пришелся на период с начала Нового времени до середины XIX в., который характеризуется формированием важнейших представлений о мире политического, о политике, политической деятельности, государстве, власти, политических институтах в современном их понимании и, соответственно, зачатков их научного анализа. Большой вклад в освобождение политики и политической мысли от теологии и церковной морали внесли Н.Макиавелли, Ж. Боден, Т.Гоббс, Б.Спиноза и др. В данном аспекте в некотором роде этапными можно считать такие работы, как «О свободе слова» Дж.Мильтона, «Левиафан» Дж.Гоббса, «Два трактата о государственном правлении» Дж.Локка, «О духе законов» Монтескье, «Об общественном договоре» Ж.-Ж.Руссо, «Гражданское общество» А.Фергюсона и др. В этих работах в той или иной форме выделялась проблема политического как особой сферы жизнедеятельности людей.

Примерно с середины XVIII до конца XIX в. политология постепенно вычленилась из комплекса социальных и гуманитарных наук. В 80—90-х годах XIX и первые десятилетия XX в. она уже институционализировалась и утвердилась в качестве особой дисциплины с собственным предметом исследования, методологией, методами. По сути дела, период от античности вплоть до начала Нового времени составляет предысторию политической науки и политической философии, главное значение которой состоит в накоплении и трансляции от поколения к поколению политического и политико-философского знания.

Первоначально в рамках общественно-политических и социокультурных парадигм политические феномены изучались в связи со всем комплексом общественных явлений. В этом плане в античной и средневековой культуре имел место своеобразный универсализм, при котором политическое специально не выделялось из общей суммы всех общественных явлений. Ученый смотрел на себя не как на специалиста в какой-либо области знания, а как на искателя знаний и мудрости вообще во всех сферах и проявлениях человеческой жизни. Отсюда и название *«философия» — любомудрие, которое в течение многих столетий охватывало все, что мы сейчас покрываем понятием «наука».*

Где-то к концу V в. имело место определенное разграничение отдельных областей знания, например арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Но не следует забывать, что трактаты Аристотеля по физике, физиологии, этике, политике, риторике и т.д. в течение многих веков рассматривались не иначе как подразделы своеобразной единой энциклопедии по философии. Специализация интеллектуального труда, разделение его по различным отраслям знания произошли значительно позже, чем в сфере практической материальной деятельности, скажем, между сельским хозяйством и ремеслом, а затем внутри этих отраслей.

Если согласиться с этими доводами, то применительно к античности (да и средневековью) о политической науке, политической философии и т.д. будет корректнее говорить, по-видимому, в том смысле, в которой Аристотель писал о Zoon politicon.

У древнегреческого мыслителя Zoon politicon не просто «животное (или существо) политическое», а «животное общественное» в самом широком и глубинном его понимании. В этом смысле вся античная философия является политической, т.е. общественной. Иначе говоря, речь может идти отнюдь не о политической философии и политической науке в строгом смысле слова, а о философии или науке об обществе-государстве в лице полиса, что далеко не одно и то же.

В плане признания обоснованности или необоснованности этих доводов нас не должны ввести в заблуждение такие названия работ основоположников античной философии, как «Государство», «Законы», «Политика» и др. Дело в том, что в них речь идет не только о государстве и мире политического в современном понимании слова. Смысл этих трудов с рассматриваемой точки зрения четко сформулировал Т.Гоббс. Он, в частности, говорил «*о гражданской науке»* (scientia civilis), которой, по его мнению, *«первым заинтересовался Сократ, когда она еще только зарождалась... А за ним обратились к ней Платон, Аристотель, Цицерон и прочие философы, как греческие, так и латинские».*

Обратите внимание, что Гоббс имеет в виду не «политическую науку», не «политическую философию» и даже не «науку о государстве», а «гражданскую науку». И действительно, труды классиков античной мысли — это исследования полиса в его тотальности без различения каких-либо отдельных сфер жизни. Если перевести на язык наших дней, то по тематике (но не по содержанию и глубине проникновения) — это обществоведческие работы, рассматривающие согласно стандартам современной классификации социальных и гуманитарных наук объекты исследования социологии, политической социологии, политологии, политэкономии, культурологии, философии в их интегральном единстве, исключающем какую бы то ни было расчлененность на отдельные самостоятельные сферы жизни.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «политическим» по названию трудам Платона «Государство», «Политик» и «Законы» и Аристотеля «Политика», «Риторика» и «Никомахова этика». Если так, то классиков античной мысли можно было бы назвать не только «политическими философами» и «политическими учеными», но с не меньшим на то основанием также «социологами», «политическими социологами», «политэкономистами», «культурологами» и т.д. Но такая постановка вопроса была бы недопустимым «осовремениванием» античных мыслителей и связанным с этим отказом от историчности соответствующих социальных и гуманитарных дисциплин. Поэтому Аристотеля, Платона, Цицерона и других мыслителей античности правильнее назвать не политическими учеными или политическими философами, а их предтечами.

Формирование основ политической науки

Качественные изменения с точки зрения возникновения политической науки и политической философии произошли с переходом от средних веков к Новому времени. Суть этих изменений в той мере, в какой это необходимо для понимания анализируемых здесь проблем (см. гл. 3—5), общеизвестна. Здесь отметим лишь то, что только со второй половины XVIII и до начала XIX в. можно вести речь о мире политического и гражданском обществе как самостоятельных подсистемах человеческого социума.

В контексте этих изменений протекал подспудный процесс диверсификации и возникновения новых научных дисциплин.

Уже в средние века право, теология и медицина существовали как самостоятельные дисциплины в университетах. Но философия продолжала охватывать подавляющую часть знаний о природе и обществе. Такой позиции продолжал придерживаться и ряд мыслителей Нового времени. Т.Гоббс, например, утверждал, что «философия делится на столько же ветвей, сколько существует родов вещей, которые могут быть доступными человеческому разуму, и каждая из этих ветвей получает различное наименование в зависимости от различия изучаемых ею предметов... Наука о движении — физикой, наука о естественном праве называется философией морали, тогда как вся наука в целом является философией».

Но как бы то ни было, процесс сегментации единой философии и рождения новых научных дисциплин приобрел необратимый характер. К середине XVIII в., например, философия разделилась на естественную и моральную философию, а с возрастанием престижа химии, физики, биологии и других дисциплин эти две сферы знания получили название «естественные науки» и «моральные науки». В рамках моральных изучались и анализировались почти все общественные и политические явления, процессы, институты. В этой связи напомним, что один из отцов-основателей политэкономии А.Смит был профессором моральной философии. В дальнейшем, особенно в свете изысканий А.К.Сен-Симона и О.Конта с их упором на отношения людей в обществе, моральные науки получили окончательное название «социальные науки», объектом изучения которых стали общество и мир политического в их взаимосвязи и взаимозависимости.

В XIX в. возникло и получило распространение такое понятие, как *гуманитарные науки*. В рамках социальных и гуманитарных наук и сформировались политическая наука и политическая философия. Этот процесс происходил на фоне возрастающего интереса к таким ключевым проблемам, как происхождение, сущность и предназначение государства; теория общественного договора; отношения между государством и церковью; народный суверенитет, права и свободы человека; формы правления и т.д.

Существенный толчок развитию политической теории, идеям конституционного строя, республиканской и либерально-демократической формам правления, а также вызреванию предпосылок формирования и утверждения институтов, отношений и норм, соответствующих этим теориям и идеям, был дан Просвещением, а затем Великой французской революцией, войной за независимость США конца XVIII в. и серией революций в XIX в. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в английской, американской и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, оптимально соответствующие природе человека. Очевидно, что во второй половине XVIII— начале XIX в. были сформулированы важнейшие подходы, которые явились основополагающими при разработке основных политических теорий и концепций современности. А это, естественно, создавало предпосылки для формирования самостоятельной научной дисциплины, призванной профессионально исследовать и анализировать мир политического.

Процесс вычленения политологии с ее собственным понятийно-категориальным аппаратом, методологическими принципами и системой аргументации протекал в общем контексте развития науки Нового времени. Здесь определяющее значение имели, естественно, утверждение, с одной стороны, атомистических и механистических представлений о мире и обществе, с другой стороны, ньютоновская картина мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями, структурой. Согласно этим представлениям, социальный мир, подобно природной вселенной, изображался как нечто вроде жестко детерминированного часового механизма, действия которого может исчерпывающе понять любой человек, обладающий способностью объять и проанализировать все его элементы и отношения между ними в их тотальности.

Обращая оружие рационализма против средневековых суеверий, Т.Гоббс ценил только эмпирический материал и, веруя в исчислимость политических феноменов с помощью математических методов, усматривал смысл государства в его полезности и способности обеспечить безопасность и мир для своих граждан. Д.Юм, наряду со многими другими мыслителями Нового времени, стремился свести политику к науке с тем, чтобы создать механизм разрешения или смягчения политических конфликтов. Считалось, что наука о политике, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в тех или иных конкретных формах и сферах, дает возможность определить константы и переменные величины, действуя на которые, можно достичь желаемых результатов. Постепенно объяснение политических феноменов и процессов в терминах рационализма становится общепринятым в западном обществознании.

Утверждалось, что в социальных и политических реальностях будут обнаружены законы и закономерности, которые по своей точности и определенности не будут уступать, например, законам физики. Формировалась методология анализа общественно-политических явлений, разрабатывались новые специальные методы исследования, неуклонно возрастал интерес к методам формально-правового анализа, юридической логике и сравнительно-правовому анализу. Исследовательские методы, приемы и понятия, выработанные в естественных науках, становились достоянием социальных и гуманитарных наук. Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности стали описываться и анализироваться с помощью таких заимствованных из естественных наук понятий, как «прогресс», «эволюция», «организм», «порядок» и др. Уже к началу XIX в. созрело мнение о необходимости систематического эмпирического изучения политических феноменов, исследования политики с помощью конкретных методов (А.Сен-Симон, О.Конт и др.).

XIX век стал в некотором роде веком не только исторической, но и государствоведческо-правовой, юридической науки, поскольку он ознаменовался развитием истории и теории права, отделением государственного права от административного, уголовно-процессуального от гражданско-процессуального, формированием различных школ права, таких как историческая, позитивистская, реалистическая и т.д. Наметилась тенденция к политизации и социологизации проблематики государства и права и соответственно к пересмотру юридического формализма. Немаловажную роль сыграли Р.Еринг, С.А.Муромцев, Э.Дюркгейм, М.Вебер и др.

Сложились такие направления политической и правовой мысли, как теория политического представительства, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция, теория правового государства и сравнительное правоведение. При всех выявленных позже недостатках заслуга исторической школы права (Савиньи и др.) состояла в том, что ее представители подчеркивали необходимость изучения правовых норм в их связи с общим контекстом исторического развития общества. Представители социологической юриспруденции (И.Бентам, Р.Еринг, С.А.Муромцев и др.), подчеркивая несостоятельность юридического формализма, обращали внимание на игнорирование социальных и политических последствий законодательства. Как бы подытоживая эти тенденции и процессы, известный французский историк А. де Токвиль в середине XIX в. пришел к выводу о необходимости создать «новую политическую науку для нового мира». С этого времени начинается период окончательного формирования политологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Институционализация политической науки

Процесс формирования и выделения политологии из общей системы социальных и гуманитарных наук занял несколько десятилетий, которые приходятся на конец XIX — начало XX в. Поэтому привязывать ее рождение к какой-либо конкретной дате в той или иной стране можно только условно. В Германии началом собственно политической науки можно считать уже возникновение в первой половине XIX в. правовой школы Staatslehre, поставившей своей целью изучение государства в различных его аспектах и проявлениях. Основы этой школы были заложены работами И.Канта и Г.В.Ф.Гегеля, особенно «Философией права» последнего. Немаловажную роль сыграли известные германские правоведы и государствоведы Л. фон Штайн, О. фон Гирке, Р.Еллинек и др.

Главная особенность школы Staatslehre состояла в том, что она сводила политическое исследование к идее государства, интерпретируемого как комплекс формальных конституционных норм. Политические процессы внутри страны, в том числе и вопросы государственного управления в целом, изучались в рамках государствоведения.

Постепенно наметилось разделение между государствоведением и собственно политической наукой, которая достигла заметного прогресса во второй половине XIX — начале XX в. Заметный вклад в разработку важнейших категорий и концепций мира политического внесли такие представители германской политической науки и политической философии, как М.Хасбах, М.Вебер, К.Шмитт и др.

Формирование политической науки во Франции заняло примерно полвека между двумя символическими датами: 1871 г., когда Э.Бутли основал «Свободную школу политических наук», и 1913 г., когда была опубликована книга А.Зигфрида «Политическая карта западной Франции при третьей республике».

Между этими датами было опубликовано множество работ, составивших основы французской политической науки. Это прежде всего «Принципы политической науки» Э. де Парье (1870), «Элементы политической науки» Э.Шеврьера (1871), «Философия политической науки» Э.Акола (1877). За ними последовали ставшие классическими труды А.Эрсана, А.Мишле («Идея государства», 1896 г., «Политическая доктрина демократии», 1901 г.), Л.Дюги («Конституционное право») и др.

Вычленение и формирование политической науки в Великобритании началось в конце XIX в. с основания при Лондонском университете Лондонской школы экономики и политических наук. Уже перед Второй мировой войной в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Ливерпульском и других университетах стали преподавать политические дисциплины. При этом главное внимание концентрировалось на государственном управлении и политических институтах, английском конституционном и административном праве, политической философии и теории, международных отношениях и колониальной администрации. В тот период тон в политологических исследованиях задавали Э.Баркер, Д.Коул, Г.Ласки, Ч.Мэннинг, У.Робсон, Г.Файнер и др.

Несколько десятилетий занял процесс формирования политической науки в США. Основателем систематического исследования политики в Америке считался Ф.Либер. Став в 1857 г. профессором истории и политической экономии в Колумбийском колледже (позже переименованном в Колумбийский университет), он начал читать лекции по политической философии, в центре которых стояли вопросы теории государства и политической этики. Дж. Берджес, сменивший в 1876 г. Либера, основал в том же Колумбийском колледже в 1880 г. школу политической науки. Была введена система подготовки научных кадров с написанием и защитой диссертаций, а в 1886 г. школа начала выпускать журнал «Ежеквартальник политической науки» («Политик сайенс куортерли»).

Примеру Колумбии последовали университет Джонса Гопкинса и другие ведущие учебные заведения США. Немаловажную роль в становлении американской политической науки сыграла книга Д.Берджеса «Политическая наука и сравнительное конституционное право», опубликованная в 1890 г. В 1903 г. была создана Американская ассоциация политических наук, положившая начало множеству подобных ассоциаций в самих США, а несколько позже и в других странах. В том же году начал издаваться журнал «Анналы американской академии политических и социальных наук», а с 1906 г. «Обозрение американской политической науки» («Американ политикал сайенс ревью»), с 1939 г.— «Журнал политических исследований» («Джорнел оф политикал стадиз»), которые и в наши дни продолжают играть немаловажную роль в разработке ключевых проблем политической науки.

Формирование социологии и политологии в России шло с некоторым запозданием по сравнению со странами Запада. Этот процесс значительно ускорился после отмены крепостного права, судебной и земской реформ, реформы армии и других преобразований в последние десятилетия XIX в. Эти реформы, которые могли в конечном счете способствовать утверждению начал гражданского общества и правового государства, в огромной степени стимулировали интерес русских обществоведов к проблемам права, конституционализма, истории государственного строительства и т.д.

В конце XIX — начале XX в. были заложены основы русского конституционализма. В данном контексте большое значение имело возрождение интереса к теории естественного права, которая использовалась для обоснования принципов правового государства. Немаловажная заслуга в разработке этих проблем принадлежит Б.Н.Чичерину, который написал несколько фундаментальных работ, в том числе 5-томную «Историю политических учений» (1877), «Очерки философии права» (1901), «О народном представительстве» (1857) и др.

Дальнейшую разработку эта проблематика получила в работах И.В.Михайловского, Л.И.Петражицкого и др.

Глава московской школы философии права П. И. Новгородцев принял активное участие в основании конституционно-демократической партии. Его учениками и последователями были И.А.Ильин, Б.П.Вышеславцев, Н.Н.Алексеев и другие, внесшие существенный вклад в разработку важнейших проблем политической науки. Ряд идей Новгородцева плодотворно развивались С.Л.Франком и С.И.Гессеном. В области философии права значительный вклад внесли Е.Н.Трубецкой, Н.А.Бердяев, В.С.Соловьев. Не случайно Н.И.Новгородцев называл В.С.Соловьева «блестящим и выдающимся представителем философии права» и причислял его к «наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов истекшего века».

Нельзя не отметить также тот неоценимый вклад, который внес в разработку проблем политической философии, обоснование принципов конституционализма и сравнительно-исторический анализ представительных учреждений и форм демократии М.М.Ковалевский. Эти и множество других фактов дают достаточные основания считать, что развитие политической мысли в России шло в том же направлении, что и на Западе. Но в отличие от западных стран в России процесс формирования и институционализации самой политической науки в результате целой череды катаклизмов, захлестнувших страну, оказался прерванным.

Подытоживая все изложенное выше, можно сказать, что последние десятилетия XIX — начала XX в. стали тем периодом, когда окончательно определилось вычленение сферы политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума. Именно к тому периоду относятся формирование и утверждение в большинстве промышленно развитых стран важнейших институтов, которые в совокупности составили современную политическую систему в различных ее формах. Речь идет прежде всего о четком разделении властей, утверждении парламента, исполнительной и судебной ветвей как самостоятельных институтов власти, партиях и партийных системах, избирательной системе, государственной службе и др.

Политическая наука как раз и стала дисциплиной, призванной изучать эти институты, феномены и процессы. Следует отметить, что вплоть до первых десятилетий XX в. продолжались споры и дискуссии относительно статуса и параметров политической науки. В трактовке некоторых видных представителей социальных и гуманитарных наук она охватывала политическую философию, право, политическую историю, исследование государственно-правовых и политических институтов и даже политэкономию. Это вполне естественно, если учесть, что одни и те же лица выступали в качестве представителей одновременно нескольких дисциплин. Например, второй том «Позитивной политики» О.Конта посвящен разработке весьма широкого спектра проблем, таких как собственность, религия, семья, язык, разделение труда и т.д. Не случайно Р.Арон утверждал, что О.Конт — «контрфилософ в социологии и социолог в философии». В этой связи нелишне напомнить, что полное название этой работы звучит так: «Система позитивной политики, или социологический трактат об основах религии человечества». Здесь можно согласиться с М.С.Липсетом, который считал, что крупнейшие социологи конца XIX в. в большинстве своем были одновременно политическими социологами или же «социологически мыслящими политологами». Такие социологи конца XIX — начала XX в., как М.Вебер, Э.Дюркгейм, Б.Парето, были одновременно политическими философами. Можно сказать, что в тот период между самоутверждавшимися научными дисциплинами развертывалось нечто вроде конкуренции на предмет распределения мест в статусной иерархии.

В июне 1903 г. в французском философском обществе известный психолог Г.Тард сделал доклад, посвященный проблеме классификации наук О.Конта и А.Курно. По словам Тарда, Конт выделил пять фундаментальных наук в следующей последовательности: математика, физика-химия, астрономия, биология, социология. Курно предложил свой перечень. Математика, физические науки, биологические науки, науки о духе и политические науки. У одного, как видно, систему замыкала социология, у другого — политические науки. От того, какая из этих систем одержит победу, зависело, какая из двух наук — социология или политология — займет место в иерархии фундаментальных наук наряду с естественными

науками, а какая — место просто отдельной дисциплины в рамках данной иерархии. Победила классификация Конта.

Но все же по мере дальнейшего разграничения и утверждения мира политического в современном понимании этого слова с его важнейшими институтами — политическими партиями, парламентаризмом, разделением властей, избирательной системой и т.д. политическая наука все отчетливее отпочковывалась от социологии, политэкономии, истории, юриспруденции. В этом контексте немаловажное значение имела разработка маститыми обществоведами конца XIX—начала XX в. основополагающих политологических концепций и теорий политики и мира политического.

Здесь прежде всего следует назвать М.Вебера, который стал рассматривать политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и соответственно собственную историю. Он, в частности, полагал, что политика обусловлена не только производственными отношениями, как у Маркса, или разделением труда, как у Э.Дюркгейма, но и в равной степени влиянием административных структур. Большое значение имели сформулированные Вебером концепции бюрократии и плебисцитарно-вождистской демократии. Вслед за К.Марксом и М.Вебером целая плеяда ученых — В.Вильсон, Дж.Брайс, В.Парето, Р.Михельс, Г.Моска — выдвинули собственные теории политического развития.

Так, Парето, Моска и Михельс пришли к выводу, что любая система политического правления, независимо от ее формально-юридического или идеологического характера, является, по-существу, *олигархической* или *элитической.* Здесь особо следует отметить теорию элиты, сформулированную Г.Моской в работах «Теория правления и парламентское правление» (1884) и «Основы политической науки» (1896. Т. 1, 1923. Т. 2) и В.Парето в «Тракте по общей социологии» (1916) и «Трансформациях демократии» (1921), а также в «Социологии политической партии в условиях демократии» Р.Михельса. В этих трудах были изложены теории циркуляции элит и железный закон олигархии, согласно которым политические реальности во всех политических системах определяются соперничеством, конкуренцией и соответственно сменой у власти различных группировок элит. Исходя из такой постановки вопроса, все они считали основной задачей политической науки изучение элит, особенностей их функционирования и закономерностей их периодической смены у власти.

В этот же период были заложены основы современной политической социологии. Здесь в первую очередь следует назвать опять же политологические работы М.Вебера, вышеупомянутую книгу Р.Михельса и др. Еще до них, в 1898 г. русский ученый М.Я. Острогорский опубликовал фундаментальный двухтомный труд (на французском языке) «Демократия и политические партии». Лишь в конце 20-х годов она была издана на русском языке. Показательно, что хотя в нашей стране книга Острогорского и не была такой популярной как на Западе, ее автор, наряду с такими признанными авторитетами того времени, как М.Вебер и Р.Михельс, считался одним из основателей политической социологии.

Большой вклад в развитие политической социологии внес американский политический ученый А.Бентли. В начале нынешнего столетия он опубликовал ряд работ, в которых разрабатывалась теория групп. А.Бентли рассматривал группу как фундаментальную единицу (или «частицу») политики, действующую под институциональным контролем административных учреждении, судов, законодательных органов и политических партий. Во многом теория групп являлась реакцией против правового формализма, поскольку в ней утверждалось, что групповое взаимодействие конституирует реальность политической жизни, действующей за юридически правовой ширмой общества и государства. Придавая этому основополагающее значение, Бентли и его последователи оценивали группу как важнейший предмет исследования политической науки. В дальнейшем на основе разработок Бент-ли были сформулированы концепции заинтересованных групп, которые наряду с партиями заняли важное место в политологических исследованиях. Существенный вклад был внесен в разработку теории демократии и конституционной формы правления, представительства, избирательных и партийных систем и т.д. (М.Я.Острогорский, Дж.Брайс, В.Вильсон и др.).

Две тенденции в развитии политической науки

В развитии политологии с самого начала обозначались две главные тенденции. В политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал. Так, в Германии политическая наука развивалась в русле немецкой классической философской традиции. Можно сказать, что основы ее теоретико-познавательных и институциональных рамок были заложены традиционными дисциплинами — философией и историей. Значительное влияние на характер германской политологии, особенно политической философии, оказало то, что они развивались в контексте присущего германскому обществознанию историзма. Для германской политологии характерен традиционный конфликт (который, по словам К.Байме, живуч и сейчас) «между аристотелевским пониманием политики как практической философии и рационалистическими и эмпирическими теориями Нового времени». Эти теории со времени Н.Макиавелли, Ф.Бэкона и Т.Гоббса интерпретировали политику преимущественно в технико-рационалистическом духе.

Но вместе с тем еще во времена Аристотеля политика «рассматривалась в качестве практической науки, служащей тому, чтобы подготавливать и предопределять действия, а не ограничивающейся описанием фактов». В такой трактовке в глазах некоторых германских исследователей политология не является наукой в строгом смысле слова — эпистемой. По их мнению, политическая наука как практическая дисциплина призвана определять цели и нормы политической деятельности. В этом плане в ее задачу входит философское осмысление социальной действительности и ориентация политической деятельности на те или иные социальные и моральные ценности.

С определенными оговорками можно сказать, что вплоть до второй половины 30-х годов примерно в подобном же русле развивалась политология в большинстве стран континентальной Европы. Вместе с тем как в континентальной Европе, так и особенно в англосаксонских странах политическая наука все больше делала крен в сторону позитивизма, в рамках которого наблюдалась тенденция к приравниванию науки о политике к естественным наукам. Нельзя не отметить, что дань позитивизму отдали и представители русских социальных и гуманитарных наук. Так, еще в 1869 г. вышла книга А.И.Стронина «История и метод», в которой была поставлена задача обосновать использование естественно-научных методов для изучения общественных явлений и процессов, хотя эта книга подверглась ожесточенной критике. В 1872 г. была опубликована работа П.Ф.Лилиенфельда «Мысли о социальной науке будущего». В ней автор, следуя в русле изысканий Г.Спенсера, предпринял попытку сформулировать собственный вариант теории органического общества. Надо сказать, что эта книга, изданная в Германии на немецком языке, уже в 1873 г. пользовалась в Западной Европе немалой популярностью. Будучи решительными приверженцами позитивизма, оба этих автора выступали за освобождение социальных наук, как они говорили, от этических, морально-психологических и иных метафизических наслоений. Исходя из постулата единства естественного и социального миров, Лилиенфельд, например, утверждал, что экономическая жизнь — это физиология общества, система правовых институтов — морфология, правительство — нервная система и т.д.

В соответствии с основными установками позитивизма были изложены так называемые «научные законы» политики. К ним, в частности, относятся положения, сформулированные в упомянутых выше работах М.Я.Острогорского и Р.Михельса. Так, на основе сравнительного исследования английской и американской партийных систем Острогорский пришел к выводу о несовместимости массовой бюрократической политической партии и демократической системы управления.

Р.Михельс, проанализировав историю и деятельность социал-демократической партии Германии, вывел свой железный закон олигархии. Согласно этому закону, для крупных бюрократических организаций характерна тенденция к сосредоточению власти в руках узкой олигархии. Можно назвать еще немало подобного рода других «законов» политики. Понимаемая так политология концентрировала внимание в основном на формальных

институтах политической системы: парламенте, исполнительной власти, административных учреждениях.

Однако обнаружилось, что для правильного понимания политических процессов этого недостаточно и необходимо изучать сами политические процессы, ценности, установки широких слоев населения, их политическое поведение и др. Поэтому уже в первые десятилетия XX в. известные политические ученые Запада Дж.Уоллес, Г.Ласки, Г.Ласуэлл поставили вопрос о значимости исследования социокультурных, религиозных, психологических факторов, неосознанных и подсознательных мотивов в политическом поведении людей. С этой целью были предприняты попытки применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также эмпирической социологии. В тот же период многими политологами была осознана необходимость использования в своих исследованиях методов экономической науки, истории, антропологии, психологии. Политологи стали широко привлекать также математические, статистические и количественные методы исследования.

В итоге позитивизм, особенно в англосаксонских странах, прежде всего в США, стал оттеснять политико-философское, теоретическое начало на второй план. Так, в 1923 г. президент Американской ассоциации политической науки Ч. Мерриам, обосновывая необходимость отказа от старых «априорных спекуляций» юридическими и сравнительно-историческими методами, утверждал, что техника поиска фактов создает «адекватный базис для надежного обобщения» и переводит «политическое исследование на объективную научную основу». В этом русле политическая наука США вплоть до конца Второй мировой войны концентрировала внимание на американской публичной администрации, публичном праве, политических партиях и группах давления, конгрессе и исполнительной власти, штатной и местной власти. При этом политические феномены и процессы в возрастающей степени становились объектом математизации и квантификации. Это в свою очередь вело к изгнанию из политологических исследований теоретического, мировоззренческого и ценностного начал.

Касаясь вопроса о восхождении сциентистской, позитивистской политологии в США, дело нельзя представлять дело так, будто противостоящие ей течения совершенно перестали существовать. В тот период вышло немало работ, в которых подвергался аргументированной критике позитивистский подход, отстаиваемый Ч.Мерриамом, Дж.Кэтлином и др. Достаточно упомянуть, например, работы У.Эллиота «Прагматический мятеж в политике» (1928) и «Возможности науки о политике» (1931), в которых обосновывалась несостоятельность устремлений тех позитивистов, которые пытались превратить политологию в точную науку. Эллиот, в частности, подчеркивал, что сциентизм не способствует развитию творческого духа и ориентирует политологов на однобокое накопление фактов «по частным проблемам со ссылкой на специфические практические цели».

Но тем не менее фактом является то, что в американской политической науке верх одержала позитивистская методология. Этот момент приобретает особенно важное значение, если учесть, что в 30—40-е годы американское влияние стало преобладающим в западной политологии. В тот период в США переместился центр развития социальных и гуманитарных наук. В тоталитарных странах Европы исследования в этой области были либо свернуты, либо полностью поставлены на обеспечение идеологических и политико-пропагандистских запросов правящих режимов.

Происходили небывалая в истории утечка умов и переселение цвета интеллектуальной и творческой элиты континентальной Европы в Америку. В период нацизма германская политология как таковая, по сути дела, была уничтожена. С 1932 по 1938 г. Германию покинули более половины всех преподавателей высшей школы, а также множество видных представителей интеллектуальной и научной элиты — З.Фрейд, К.Левин, Г.Маркузе, К.Мангейм, Э.Фромм, Т.Адорно и др. Аналогичной стала судьба политической науки в Италии и большинстве других европейских стран. Девальвация ценности знания, подчинение все и вся целям идеологии и пропаганды делали неуместными социальные и гуманитарные дисциплины, в том числе и политологию.

Особенно трагически сложились судьбы этих наук в Советском Союзе. После Октябрьской революции 1917 г. и установления диктатуры одной партии многие российские философы, политологи, социологи и представители других социальных и гуманитарных дисциплин выехали или были высланы за границу. В их числе находились такие блестящие умы, как Н.А.Бердяев, О.Н.Лосский, С.Л.Франк, П.Струве, И.Ильин, П.Сорокин и другие, получившие мировую известность благодаря своим трудам по различным проблемам современного обществознания. Эти труды, составившие золотой фонд русского зарубежья, в последние годы возвращаются к нам и вносят свой неоценимый вклад в восстановление прерванной российской политологической традиции. Все это позволяет сделать вывод, что в период между двумя мировыми войнами в политической науке верх взяла вторая тенденция. По сути дела, тон в ней задавали научные круги США, и в целом западная политическая наука функционировала под знаком позитивизма.

Политическая наука после Второй мировой войны

Послевоенные десятилетия можно рассматривать как новый этап в развитии политической науки. Уже в первые годы после войны развернулся широкомасштабный и бурный процесс сначала восстановления, а затем и дальнейшего развития политических наук в европейских странах. Прежде всего обращает на себя внимание неуклонное расширение диапазона политической науки. В круг ее интересов вошли политические системы, политический процесс и политические партии; заинтересованные группы и политические движения; политическое поведение и политическая культура; общественное мнение и средства массовой информации в политическом процессе; политическое лидерство и элиты; корпоративизм и неокорпоративизм; политические идеологии, история политических учений, политическая философия и т.д. Значительное внимание, особенно в европейской политической науке, уделяется методологическим проблемам.

В данном контексте немаловажную роль сыграл международный коллоквиум по вопросам политической науки, организованный по инициативе ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. На нем был сформулирован и принят специальный документ, в котором была предпринята попытка систематизировать и обнародовать составные элементы политической науки. Были выделены четыре блока этих элементов:

1. *Политическая теория:* а) политическая теория; б) история идей.

2. *Политические институты:* а) конституция; б) центральное управление; в) региональное и местное управление; г) публичная администрация; д) экономические и социальные функции управления; е) сравнительный анализ политических институтов.

3. *Партии, группы и общественное мнение:* а) политические партии; б) группы и ассоциации; в) участие граждан в управлении и администрации; общественное мнение.

4. *Международные отношения:* а) международная политика; б) политика и международные организации; в) международное право.

В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Всемирная ассоциация политических наук, ежегодные конференции которой внесли существенный вклад в развитие политологических исследований.

Первоначально, особенно в конце 40-50-х годах, тон в мировой политической науке продолжали задавать американцы. Именно в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках, в том числе политологии. Американским ученым принадлежит заслуга разработки системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т.д.

Показателем расцвета американской политической науки стало появление огромного потока литературы по разнообразным вопросам политики как в США, так и в других странах, создание новых научных и учебных центров, основание множества новых общенациональных и региональных политологических журналов и т.д. Политическая наука в США сосредоточена главным образом в университетах, число кафедр политологии в которых достигло 1340. Причем большинство американских политологов сочетают преподавание с научно-

исследовательской работой. Американская политическая наука оказала большое влияние на развитие политической науки в большинстве европейских стран.

Симптоматично, что американские ученые сыграли существенную роль в организации упомянутой выше конференции ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. Сразу после этой конференции во Франции были созданы Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете, Национальный фонд политических наук, а также Французская ассоциация политических наук. Последняя совместно с Национальным фондом политических наук с 1951 г. издает «Французский журнал политической науки». В 1956 г. во Франции была введена ученая степень доктора политических наук. По декрету правительства в университетах страны был введен новый курс «Конституционное право и политические институты», который способствовал пересмотру традиционных методов исследования политических феноменов и процессов. Особенно впечатляющих успехов французская политическая наука в лице М.Деверже, Б. де Жувенеля, Ж.Бюрдо, Ж.Веделя, М.Прело, П.Фавра и других добилась в области исследования конституционализма, государства и власти, политических систем и режимов, партий и партийных систем.

Английская политическая наука, во многом тяготея к позитивистской методологии, не чуждалась историко-философской направленности. В 1950 г. по инициативе Г.Ласки, Д.Брогэна, Ч.Уилсона, М.Оукшота была учреждена Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства (АПИСК), ставшая одним из филиалов Всемирной ассоциации политической науки. С того же года начал выходить печатный орган АПИСК «Политические исследования». Помимо него в настоящее время издается несколько других политологических журналов: «Британский журнал политической науки», «Правительство и оппозиция», «Политический ежеквартальник». Научно-исследовательская деятельность в области политики и преподавание политологии осуществляются примерно в 40 университетах страны.

Впечатляющих успехов в послевоенные десятилетия, особенно в 60—80-е годы, добилась политическая наука Федеративной Республики Германии. Эти успехи связаны прежде всего с именами К.Байме, Г.Рормозера, Г.Люббе, Г.-К.Кальтенбруннера. О характере и направленности германской политической науки можно составить представление уже одним перечислением круга проблем, ставших объектом ее изучения. Это — теория политики, история политических идей, философская антропология, теория политических процессов, сравнительный институционализм и др. Важное место отводится политическим институтам, политическим партиям, объединениям, союзам, внутренней политике, государственно-административной системе, внешней политике.

Очевидно, что германская политическая наука развивается и функционирует в русле традиций органического сочетания теоретических, философских и ценностных начал, с одной стороны, и эмпирико-фактографических начал — с другой. Обращает на себя внимание существование нескольких концепций политической науки в ФРГ. Сторонники первой концепции, следуя традиции школы Staatslehre, отождествляют ее с государствоведением, дополненным изучением динамики государственных институтов. Вторая концепция отрицает единство политической науки, придерживается положения о существовании множества «политических наук»: истории, социологии и экономики. Приверженцы третьей концепции рассматривают ее как один из разделов социологии, концентрируя при этом внимание на социологических аспектах политики. Четвертая концепция представлена исследователями, усматривающими задачу политологии в историко-герменевтическом анализе современности.

В тех или иных формах политическая наука развивалась и в других странах. Об этом свидетельствует создание множества национальных и региональных ассоциаций и организаций политических наук. Широкий размах получило преподавание политологии в университетах и вузах гуманитарного профиля, а также подготовка бакалавров, магистров и докторов по различным областям политологии.

В нашей стране с середины 80-х годов в этом плане произошли существенные сдвиги, создавшие условия для формирования новой российской политической науки. Важным этапом в этом процессе стала официальная отмена в 1989 г. руководящей роли КПСС, что

соответственно предполагало и отмену научного коммунизма и других связанных с ним предметов в качестве обязательных для изучения в вузах дисциплин. За этим последовало официальное признание политологии как самостоятельной научной и образовательной научной дисциплины. Особо важное значение имели учреждение экспертного совета ВАК по политическим наукам и введение в вузах страны преподавания политологии. Все это создало основу для развития современной профессиональной политической науки, формирования системы подготовки и переподготовки научных и преподавательских кадров политологов, установления и присуждения ученых степеней (кандидата и доктора) по политическим наукам и присвоения научных званий (доцента, профессора) на политологических кафедрах.

В настоящее время в вузах Российской Федерации функционирует более 300 кафедр политологии и политологических отделений, на которых трудятся более 4 тыс. профессоров и преподавателей. Неуклонно и сравнительно быстро растет число политологов различных профилей, работающих в академических институтах, различного рода аналитических центрах, частных исследовательских организациях, органах государственной власти. Многое делается для становления и развития важнейших разделов политической науки — политической социологии, политической философии, сравнительной политологии и др. Особенно стремительно развивается такая новая для нашей страны область, как политические технологии.

О том большом пути, который за сравнительно короткий период прошла отечественная политическая наука, свидетельствует тот факт, что в 1991 г. на основе существовавшей ранее Советской ассоциации политических наук была создана Российская ассоциация политических наук, а в 1995 г. организована Академия политической науки.

Вместе с тем не может не вызвать озабоченности факт дефицита фундаментальных исследований по ключевым проблемам политической науки, таким как понятие политического вообще, политическая философия, социология политики, власть, государство, методология политического исследования и др. Приходится констатировать также и то, что множество учебников и учебных пособий, появившихся за последние годы, лишены научно-исследовательской базы и не отвечают элементарным нормам, предъявляемым к работам такого рода. В этом плане отечественной политической науке предстоит еще много сделать, чтобы завершить процесс профессионализации и окончательной институционализации.

Не затрагивая конкретные пути и тенденции развития политической науки после Второй мировой войны по отдельным странам, все же отмечу некоторые ее особенности в США и континентально-европейских странах. В целом европейская политическая наука берет свое начало от истории идей и концентрирует внимание на исследовании государственного права и государственно-политических институтов. Американская же политология делала акцент на социальные основания государства. Здесь имеет место тесное взаимодействие политической науки, политической практики и политической социализации.

Развитие политической науки в США шло преимущественно по линии проведения прикладных эмпирических исследований. Отдавая предпочтение собиранию и систематизации эмпирических данных, американская политическая наука не всегда и не в достаточной мере учитывала историческое и теоретическое измерения политики. Если в США она развивалась в русле позитивизма и сциентизма, то в континентальной Европе были восстановлены и успешно развивались историко-правовые, государствовдческие, политико-философские традиции. Если в первом случае преобладало эмпирическое начало, то во втором исследования базировались на более органическом сочетании теоретического и эмпирического начал.

В послевоенные десятилетия дальнейшее развитие получили прежде всего те теории, идеи, концепции, которые были выдвинуты и сформулированы в довоенный период. Это теория групп вообще и заинтересованных групп в частности, связанная с ней теория равновесия политических сил (Д.Трумен, Д.Истон, Р.Тейлор), теория демократии (Р.Даль, Дж.Сартори), теория элит и элитизма (Г.Ласуэлл, Р.Миллс), идеи власти, контроля и влияния (Дж.Кэтлин, Ч.Мерриам, Г.Моргентау). Наряду с этим начались и широкомасштабно осуществлялись исследования политических систем современности (Д.Истон, К.Фридрих, К.Дойч, Г.Шильс,

Р.Арон), партийно-политических систем (М.Дюверже, У.Д.Бернхэм, Дж.Сандквист, К.Байме), структурно-функционального анализа мира политического (Т.Парсонс, Ч.Бернард, Р.Мертон), идей конфликта и консенсуса в политике (С.М.Липсет, Л.Коузер).

Сравнительная политология

В послевоенный период окончательно сформировалась сравнительная политология как самостоятельный раздел политической науки методологических принципов политологических исследований.

Политология, как и любая другая социальная и гуманитарная научная дисциплина, изучает свой предмет путем его соизмерения и соотношения с другими феноменами и процессами. Иначе говоря, сам принцип сравнительности имплицитно присущ любому политологическому исследованию, особенно когда речь идет о классификации типологизации. Политологическая традиция, начиная от Платона и Аристотеля, уже сама по себе содержит значительный элемент компаративизма. Именно на основе сравнительного подхода Аристотель создал свою типологизацию трех основных систем правления по числу лиц, обладающих властью, или властителей: монархическую, олигархическую и демократическую, в которых верховная власть принадлежит соответственно одному, немногим и всем.

Значительный вклад Аристотель внес также в сравнительное изучение конституций древнегреческих городов-государств. К предтечам сравнительного анализа следует причислить Ш.Л.Монтескье. Особенно широко сравнительный метод стал использоваться в социальных и гуманитарных науках в XIX в. Отдельные его элементы были присущи исторической школе права Савиньи в Германии и так называемой тевтонской школе историографии в США. Под влиянием этой школы в конце XIX в. сформировалась методология сравнительной политики. Одним из ее зачинателей считается Э.Фримен, который в своей книге «Сравнительная политика» (1873) (кстати, в свое время была переведена на русский язык) показал, что история и политика неотделимы.

Используя методы сравнительной филологии и политики для изучения истории конституционных учреждений, Фримен пытался выявить и объяснить сходные черты у разных народов и государств различных исторических эпох их происхождением от кого-нибудь одного корня. Особенно большую популярность методология сравнительной политики получила в США. Так, здесь сформировалось самостоятельное историческое направление, представители которого (Г.Б.Адамс, А.Уайт, Д.Барджес) пытались выявить генеалогию политических учреждений Америки из институтов общинного самоуправления древних германцев, найти в колониальной Америке связующее звено с древнегерманской племенной организацией.

Необходимо отметить, что методология сравнительной политики, как она трактовалась и применялась ее сторонниками, существенно отличается от методологии и методов современной сравнительной политологии. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать позицию по данному вопросу известного русского ученого XIX—начала XX в. М.М.Ковалевского, который проявлял определенный интерес к этой проблематике. Не признавая за простым сравнением тех или иных учреждений и институтов каких-либо двух и более произвольно взятых стран статуса научного метода, Ковалевский называл его *«просто сопоставительным методом».* Хотя, говорил он, сопоставить законодательства нескольких народов по тому или иному вопросу и интересно, но делать на этой основе выводы о достоинствах или недостатках этих законодательств неправомерно. Поэтому, продолжал он, *«говоря о сравнительном методе, мы отнюдь не разумеем под ним простого сравнения или сопоставления».*

Чтобы пояснить свою позицию, Ковалевский предпочитал понятию «сравнительный метод» понятие «историко-сравнительный метод». Излагая суть этого метода в юриспруденции того периода, он писал: «Те или другие законодательства сравниваются ими (историками и юристами.— *К.Г.)* или потому, что те народы, которым принадлежат эти законодательства, происходят от одного общего ствола, а следовательно, способны были в их глазах вынести из общей родины общие юридические убеждения и институты, или же потому, что не имея даже

такого общего достояния обычаев, нравов и учреждений, они одинаково должны были дорасти до них, другими словами, достигли одинаковых ступеней общественного развития».

Что же касается методологии современной сравнительной политологии, то она основывается на иных принципах и исходных позициях. В этом качестве сравнительный метод в отдельных своих аспектах использовал еще Гегель, особенно в работе «Философия истории». Именно в ней он сформулировал свой тезис о пассивности, летаргичности и в силу этого неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса по сравнению с Западом, где, по его мнению, преобладает активное, рационалистическое творческое начало, способствующее прогрессивному восхождению духа свободы. Эта традиция в рассматриваемом контексте нашла дальнейшее развитие у М.Вебера, особенно в его трудах по социологии религии и культуры. Значительный элемент компаративизма присутствовал в фундаментальном двухтомном труде русского ученого М.Острогорского «Демократия и политические партии», опубликованном в 1898 г. на французском языке.

Изыскания сравнительного плана продолжались другими исследователями в первые десятилетия XX в. Так, работы К.Фридриха и Г.Файнера «Теория и практика современной системы правления» (1932) и К.Фридриха «Конституционное правление и демократия» (1937) являются по своему характеру сравнительными исследованиями. В них анализируются различные формы правления, политических институтов и процессов в контексте важнейших тем политической теории. В 1940 г. с выходом в свет книги М.Фортеса и Е.Притчарда «Африканские политические системы» началась история политической антропологии, сыгравшей немаловажную роль в возникновении сравнительной политологии.

При всем том сравнительная политология как самостоятельный крупный раздел политической науки выделилась лишь в 50-х годах. Не случайно в многотомной «Энциклопедии социальных наук», опубликованной в 1930-1935 гг., отсутствует статья о сравнительной политологии. Этому способствовал целый ряд факторов. В началу 50-х годов как методологический арсенал политической науки, так и ее понятийно-категориальный аппарат, сложившиеся в предшествующий период, перестали отвечать реальностям мирового политического развития. Важнейшие политологические концепции разделения властей, представительства, парламентаризма и т.д. и соответствующие им государственные и политические институты возникли в период, когда широкие массы, по сути дела, еще не были допущены к политике, главенствующие позиции в ней занимали власть имущие, партии и избирательные системы находились еще на стадии формирования.

В XX в., особенно после Второй мировой войны, произошли существенные социальные и политические изменения. Это — введение действительного всеобщего права голоса, беспрецедентное расширение круга участников политического процесса, развитие и институционализация политических партий и заинтересованных групп, возникновение множества общественных организаций, всеобщей системы образования, восхождение средств массовой информации и т.д. Эти широкомасштабные изменения, естественно, требовали соответствующего концептуального, методологического и методического инструментария. Поэтому были разработаны и стали использоваться концепции политической системы, политических ролей и функций, политической структуры, политической культуры, политической социализации и т.д. Соответственно все большую популярность в политологии приобретали антропологические, социально-психологические, культурологические концепции, теории и методы исторической социологии и социологии в собственном смысле слова. Сравнительная политология как раз и была призвана интегрировать эти новые явления, тенденции и достижения и поднять политическую науку на качественно новую ступень развития.

В первой половине 50-х годов появились работы, которые дали стимул к разработке и институционализации этого научного направления. Среди них следует назвать книги Р.Макридиса «Сравнительное исследование систем правления» (1954) и «Сравнительное исследование политики» (1955). Своеобразным манифестом нового направления стала

получившая широкую популярность и отклик статья Г.Алмонда «Сравнительные политические системы» (1956). Последующие плодотворные изыскания самого Алмонда, С.Вербы, Р.Путнема, С.Пая, Д.Эптера существенно расширили и углубили наши знания о структурах, условиях и последствиях политического поведения и политической культуры различных слоев населения в индустриально развитых странах.

Немаловажное значение имеют появившиеся позже сравнительные исследования заинтересованных групп и неокорпоративистского механизма принятия решений (Ф.Шмиттер, Г.Лембрук, С.Бергер, Дж.Голдтроп и др.), сравнительные исследования политических партий (Дж.Сартори, А.Лийпхарт, Б.Поуэлл и др.). Среди факторов, способствовавших формированию сравнительной политологии, следует назвать беспрецедентный рост массива данных о незападных политических системах, растущий интерес страновых политологов к международно-политическим проблемам и связанное с этим внимание к политическим институтам, ценностям, установкам, традициям, политическим культурам других стран и народов.

С данной точки зрения важная заслуга сравнительного подхода состоит в том, что большинство его приверженцев фактически отказались от господствовавшего в западной политической науке в первой половине XX в. евроцентристского взгляда на политику. Собственно говоря, формирование и рост популярности сравнительного подхода именно в послевоенное время во многом объясняется развернувшимися в тот период изменениями мирового масштаба, в частности процессами деколонизации и образования новых государств, многие из которых становились самостоятельными и активными акторами мировой политики. Естественно, что проблема развития и политической модернизации новых стран Азии и Африки заняла важное место в сравнительной политологии. Под модернизацией в политологии понимается процесс эволюционной трансформации от традиционного общества к переходному или модернизирующемуся и через него к индустриальному обществу. Выделяют несколько типов модернизации. Основываясь на системном подходе, их авторы пытаются определить пути и формы влияния не только социальных изменении на политическую системы, но и конкретных типов политической системы на эти изменения.

В рамках сравнительной политологии развернулись исследования политической культуры различных стран и регионов, в полный голос заявили о себе новые дисциплины или разделы политической науки — политическая антропология, политическая психология, политическая экология и др. На качественно новый уровень поднялось изучение политической философии и этики. Появилась серия работ, посвященных разработке методологических принципов сравнительной политологии. Среди них можно упомянуть коллективные сборники статей «Методология сравнительного исследования» (1970) и «Сравнительные политические системы» (1977), книги Р.Чилкота «Теории сравнительной политики: в поисках парадигмы» (1981) и Р.Меррита «Системный подход к сравнительной политике» (1970), статьи Г.Алмонда «Анализ политических систем по типу развития» (1965) и И.Кима «Концепция политической культуры в сравнительной политике» (1964) и т.д. Необходимо отметить, что поток литературы по данной проблематике продолжает расти. О возросшей значимости этого направления свидетельствует появление целого ряда профессиональных журналов, таких как «Сравнительное обозрение цивилизаций», «Сравнительные исследования по истории и обществу», «Сравнительные политические исследования».

На исходе XX в., пройдя столетний путь со времени своего возникновения, политология приобрела статус поистине системной и междисциплинарной науки.

Контрольные вопросы

1. Каковы различия между политической мыслью и политической наукой?
2. Назовите основные этапы формирования и эволюции политической науки.
3. Какой вклад внесен на каждом из этих этапов в становление политической науки?
4. Можно ли назвать античных мыслителей отцами-основателями политической науки?
5. Кто из мыслителей Нового времени внес наибольший вклад в формирование политической науки?

6. Назовите и охарактеризуйте две основные тенденции в политологии.

7. Каковы особенности развития политической науки в европейских странах и США между двумя мировыми войнами?

8. Каковы особенности развития политологии после Второй мировой войны?

9. Назовите важнейшие политические теории и концепции, разработанные в послевоенные десятилетия.

10. Что понимается под сравнительной политологией?

11. Дайте характеристику основных этапов формирования сравнительной политологии.

Глава 2. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Вычленение любой научной дисциплины предполагает определение прежде всего круга тем и проблем, составляющих в совокупности предмет ее исследования. Важно сформулировать цели и задачи дисциплины, отличие ее от других социальных и гуманитарных дисциплин и ее реальное место в системе этих дисциплин. Невозможно представить любую научную дисциплину без более или менее четко сформулированных методологических принципов, собственного арсенала методов и приемов систематизации и анализа материалов, а также понятийно-категориального аппарата.

Предмет политической науки

Что же такое политология, или политическая наука? Какое место она занимает среди остальных социальных и гуманитарных наук? К настоящему времени нет еще общепринятого определения политической науки. Исследователи расходятся между собой в оценке границ и содержания политологии, круга охватываемых ею проблем, критериев выделения в самостоятельную научную дисциплину. Прежде всего необходимо определить круг тем и проблем, в совокупности составляющих предмет изучения данной дисциплины. Для этого, в свою очередь, нужно выяснить содержание понятий «политическое», «мир политического», «политическая сфера» и т.д. А эта проблема в значительной мере конкретизируется как проблема вычленения границ между ними и другими подсистемами человеческого общежития. Невозможно определить политическое, не ответив на вопрос о характере и типе соответствующего общества.

Этапы формирования политической науки в целом соответствовали этапам осознания людьми политики как самостоятельной сферы человеческой деятельности. Как правило, каждая из социальных и гуманитарных дисциплин призвана изучать самостоятельную, более или менее четко очерченную сферу общественной жизни. Собственную сферу имеет и политическая наука. Остановимся на этом вопросе более подробно.

В современной общественно-политической системе как целостном социуме выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: *производственная,* или *экономическая, социальная, духовная* и *политическая.* Производственная подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а политическая — механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных элементов системы. Социальная и духовная сферы в совокупности составляют гражданское общество, которое также можно обозначить как единую подсистему. Эта проблема более подробно анализируется в гл. 3. Здесь отметим лишь то, что в соответствии с предложенной классификацией человеческий социум условно можно было бы изобразить в виде схемы, представленной на рис. 1.

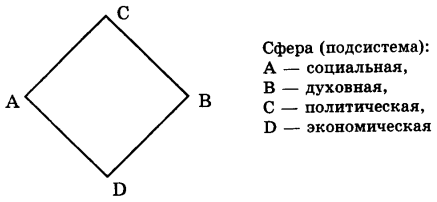

Рис. 1

Теперь, руководствуясь этой схемой, попытаемся классифицировать социальные и гуманитарные науки, каждая из которых призвана изучать тот или иной аспект, ракурс, компонент одной из четырех подсистем. В таком случае мы имеем следующий расклад: A — *социальные науки,* группирующиеся вокруг социологии, B — *науки о духе* (философия, культурология, религиоведение и богословие, этика, эстетика и искусствознание и т.д.), C — *политические науки* и D — *экономические науки.* Другими словами, каждая из четырех главных подсистем служит объектом изучения самостоятельного блока научных дисциплин. Но это лишь самое начало разговора о классификации социальных и гуманитарных наук. Трудности начинаются сразу же, как только мы приступаем к определению места каждой конкретной дисциплины в системе социальных и гуманитарных наук, к более или менее точному выявлению сферы или предмета ее изучения, круга охватываемых ею тем и проблем.

Что касается собственно политологии, то первоначально она сформировалась как дисциплина, призванная изучать предназначение и функции государственных и политических феноменов, институтов, процессов. В современном же толковании предметом ее исследования является мир политического в его тотальности и многообразии, все то, что охватывается понятием «политическое».

В свою очередь всю совокупность проблем, которыми занимаются политологи, можно подразделить на три блока. Во-первых, социально-философские и идейно-теоретические основания политики, системообразующие признаки и характеристики подсистемы политического, политические парадигмы, соответствующие тому или иному конкретному историческому периоду. Во-вторых, политические системы и политическая культура, отличия и сходства между различными политическими системами, их преимущества и недостатки, политические режимы, условия их изменения и смены. В-третьих, политические институты, политический процесс, политическое поведение. Причем речь отнюдь не идет о какой бы то ни было иерархической соподчиненности этих трех блоков, о большей или меньшей значимости того или иного из них.

Следует исходить из признания их равнозначности, поскольку идейно-теоретические основания политики невозможно донять в отрыве от конкретной политической системы, а ее, в свою очередь, — без конкретных политических институтов.

Политические феномены, несомненно, представляют интерес прежде всего в их наличном в данный момент состоянии. Задача политолога состоит в выяснении их структуры, составных элементов, функций, условий для нормального функционирования, соотношения и взаимодействия друг с другом. Но без учета исторического фона, идейно-теоретической и социально-философской подоплеки такой анализ был бы односторонним и, стало быть, не раскрывающим адекватно сущности политических явлений. Поэтому политологическое исследование должно включать три важнейших аспекта: *исторический, конкретно-эмпирический* и *теоретический.*

Основополагающими объектами исследования политологии являются *государство, власть* и *властные отношения,* составляющие как бы осевой стержень политического. Они имеют много измерений — экономическое, социокультурное, философское, социально-психологическое, структурное, функциональное и др. Каждое из этих измерений обладает своими собственными характеристиками, нормами и функциями. Поэтому задача политической науки в этом плане гораздо шире государствоведческой и правоведческой дисциплин, изучающих прежде всего правовые аспекты данной проблемы. Политическая наука призвана анализировать государство и властные отношения прежде всего как социальные феномены, как институты политической организации общества, главная цель которой — реализация всеобщего интереса.

Но сами эти измерения невозможно сколько-нибудь четко определить, не выяснив, что понимается под миром или подсистемой политического. Один из путей определения сущности и содержания любого понятия заключается в выявлении основных его контуров, параметров и составных элементов. Проблема определения мира политического конкретизируется как проблема вычленения границ между ним и другими подсистемами человеческого общежития.

Мир политического — это весьма сложный и многослойный комплекс явлений, институтов, отношений, процессов, включающий множество сфер, таких как государственно-правовая, партийная, избирательная, механизмы принятия решений, структурные и системные компоненты.

Естественно, что политические реальности и феномены невозможно понять без учета системы общения, средств и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, социокультурной и политико-культурной сферами, так и с миром политического в собственном смысле этого слова. Когда мы говорим о мире политического, то имеем в виду уже застывшие, статичные, наличные в каждый конкретный момент феномены, структуры, составные элементы, в также условия для их нормального функционирования и взаимодействия друг с другом.' Но политическое не ограничивается этим, поскольку одной из важнейших его характеристик является динамика, т.е. это — сфера, которая подвергается постоянным изменениям. К тому же политическое интегральной своей частью включает в себя теоретический и социально-философский аспекты. В данном контексте оно охватывает историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений и др.

При всем том в центре мира политического стоят государство, власть и властные отношения. Они составляют основополагающие категории политической философии и политической науки и дают ключ к пониманию сущности и предназначения политики, политических институтов и всего мира политического. Только поняв природу власти и государства, можно выделить политику из всей общественной системы и комплекса общественных отношений.

Как правило, в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. А это определяют господствующие в обществе нормы и правила игры, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическая символика и знаковая система, а также другие компоненты национальной культуры. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, как бы врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Общественная природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с чем-то таким, чем он гордится — собственным языком, собственной символикой. Именно в национальной культуре человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя. Будучи формой бытия человека, культура в равной мере относится и к сущности, и к существованию человека. Можно сказать, что *культура — это базис суверенного бытия людей.*

Применительно к рассматриваемому здесь вопросу речь идет о политической культуре, в которой как бы в превращенной форме реализуется ряд важнейших аспектов политического мировоззрения людей и политической философии. *Политическая культура* — это комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политического, законах и правилах их функционирования. В этом смысле политическая культура составляет в некотором роде этос или дух, который одушевляет формальные политические институты.

Мир политического состоит как бы из двух самостоятельных сфер. В нем выделяют конкретную или повседневную *политическую практику,* осуществляемую исполнителями всех уровней в лице чиновников, функционеров, служащих государства, партий, организаций, объединений, корпораций, институтов мирового сообщества или международно-политической системы, а также *сферу разработки* политических программ, идеологий, курсов стратегического характера на всех уровнях и принятия решений относительно путей, форм и средств их реализации. Это примерно соответствует тому водоразделу, который М.Вебер проводил между чиновником и политиком. Задача первого состоит исключительно в беспрекословном профессиональном выполнении принятых политиком решений, при этом он

не несет ответственности за направление и содержание политического решения. Такую ответственность несут политики, которые берут на себя функцию разработки программных установок и основных направлений их реализации.

Исходя из подобных соотношений, австрийский социолог и политик А.Шеффле назвал первую сферой «повседневной государственной жизни», а вторую — сферой «политики». В первой сфере все решения по каждому конкретному случаю принимаются в повседневной практической деятельности в соответствии с четко установленными правовыми или иными нормами, правилами, предписаниями и существующими прецедентами. Здесь уместно говорить не о политике в собственном смысле слова, а о повседневном административном управлении. О политике, считал Шеффле, мы вправе говорить лишь в тех случаях, когда речь идет о легитимизации нового положения вещей, например заключении договора с иностранным государством, принятии парламентом нового закона о налогах, проведении избирательной кампании, подготовке оппозицией акций протеста или подавлении правительством этих акций. Разумеется, такое разграничение носит условный характер, поскольку новая расстановка политических сил и соответственно принятие политических решений возможны и в процессе повседневного государственного управления.

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет то, что в английском языке для обозначения политики используются два термина: «policy» и «politics». Как отмечал видный французский социолог Р.Арон, *«слово "политика" в первом его значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом».* Во втором же значении это слово *«относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противоборствуют различные политические (в значении policy) направления. Политика как область — это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную policy, то есть свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение».* Все это говорит о том, что политика представляет собой одновременно и сферу деятельности, и форму деятельности.

Все изложенное выше дает достаточные основания для вывода, что понятие политического значительно шире и богаче понятий государства, политической системы, власти. Однако при всей многозначности данного понятия, когда говорят о мире политического, речь все же идет об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, с государством и государственным устройством, с теми институтами, принципами, нормами, которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей. Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что имеет касательство к феноменам, институтам, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми признаны окончательная власть и авторитет, существующие в этом обществе для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных для него целей.

Проблемы мирового сообщества и всего комплекса международных отношений составляют предмет исследования нескольких обществоведческих дисциплин, таких как история, правоведение, история дипломатии, социология, отчасти и философия. Естественно, значительное внимание этим проблемам традиционного уделяется и в политической науке. Дело в том, что государство является субъектом политики не только как носитель власти и властных отношений в рамках отдельной взятой страны, но и как носитель государственного суверенитета на международной арене, как один из многих субъектов политических отношений между различными государствами. Эта проблема приобрела особую актуальность в наши дни, когда усиливаются интеграционные тенденции во всех сферах жизни разных государств и народов, регионов и континентов.

Политология призвана проанализировать основные параметры международных отношений как единой системы со своими собственными системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Важной задачей политологии является изучение закономерностей, основных норм и особенностей взаимодействия

государств, региональных и всемирных организаций и других субъектов международных отношений в современных условиях. Особенно значимо исследование механизмов принятия решений, ролей и функций важнейших институтов в системе разрешения международных конфликтов и достижения консенсуса между государствами.

Подводя итог, можно сказать, что предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта. В фокусе ее зрения — такие разные по своему характеру институты, феномены и процессы, как политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политическое поведение, политическая культура, история политических учений и др. Эти проблемы изучаются не только политологией, но в тех или иных аспектах и измерениях также философией, социологией, государственно-правовой наукой и другими научными дисциплинами. Поэтому естественно, что политическая наука открыта влиянию со стороны других социальных и гуманитарных, а зачастую и естественных наук.

Место политической науки в системе социальных и гуманитарных наук

Мир политического переплетается с историей, культурой, сферой экономики, социальными феноменами. Поэтому не случайно, что на его изучение претендуют и другие социально-гуманитарные дисциплины. Политологам приходится постоянно соперничать и сотрудничать с философами, социологами, историками. Интегрируя отдельные аспекты этих дисциплин, политология располагается как бы в точке их пересечения и представляет собой междисциплинарную науку.

На заре формирования политической науки как самостоятельной дисциплины известный английский историк Э.Фримен не без определенных оснований говорил: *«История — это прошлая политика и политика — это сегодняшняя история».* И неудивительно, что политическая наука сформировалась в тесной взаимосвязи с историей. Но это отнюдь не говорит об отсутствии серьезных различий между двумя дисциплинами, что можно проиллюстрировать, сравнив задачи и функции историка и политолога. Как правило, историк имеет дело с свершившимися процессами и феноменами, ставшими уже достоянием прошлого. Он может наблюдать начало, развитие и конец изучаемых процессов. Политолог, напротив, имеет дело с еще не свершившимися фактами. Он смотрит на эти факты как на продолжающееся действие. Он смотрит на историю как на спектакль и воспринимает ее как действие, участником которого является сам. В отличие от историка, который может анализировать свой предмет, как бы став над ним, отстранившись от него, политолог должен сохранить теснейшую связь с предметом исследования, он находится как бы внутри изучаемого им процесса. Реальный источник его затруднений состоит в том, что он должен оценивать состояние политической ситуации до того, как она примет историческую форму, т.е. станет необратимой. А это побуждает политолога зачастую смешивать свои собственные желания с реальностью.

Касаясь возможностей той или иной науки адекватно изучить свой объект, уместно применить здесь гегелевскую метафору: *«Сова Минервы, начинает свой полет в сумерках».* И действительно, более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению вещей знания о том или ином общественно-политическом феномене можно получить лишь тогда, когда этот феномен стал свершившимся объективным фактом общественной жизни. Соответственно исследователь может изучать этот факт, наблюдая и изучая его как бы со стороны. С этой точки зрения положение историка предпочтительнее, поскольку он имеет дело с уже свершившимися историческими феноменами и фактами. Что касается политолога, то объектом его интереса являются живые реальности, затрагивающие интересы множества действующих в этих реальностях лиц.

Политолог, будучи одним из этих лиц, не способен в полной мере стать над изучаемыми им реальностями, которые еще не стали свершившимися фактами, находятся в движении,

процессе становления. Он не может отвлечься от субъективных, сиюминутных впечатлений, и его выводы могут быть подвержены влиянию изменяющихся событий и обстоятельств. Образно говоря, для политолога сумерки еще не наступили и его сова не готова к вылету.

Особенно важен вопрос о соотношении и разграничении политологии и социологии. Строго говоря, социальная сфера является объектом исследования социологии, а мир политического — политологии. Но при близком рассмотрении обнаруживается крайняя трудность, если не невозможность определения, где именно на линии АС (см. рис. 1) кончается социальная и начинается политическая подсистема. Не прояснив этот вопрос, мы не можем, разумеется, даже приблизительно определить круг тем и проблем, охватываемых соответственно социологией и политологией.

Очевидно, что существует комплекс институтов, феноменов, отношений, однозначно относящихся соответственно к гражданскому обществу (семья, группа, социальные слои, классы и т.д.) и к миру политического (парламент, правительство, государственно-административный аппарата и др.). Но существуют и такие институты, которые могут рассматриваться как несущие конструкции или составные элементы одновременно и гражданского общества, и подсистемы политического. В этом смысле особенно типично положение политических партий, имеющих своей социальной базой различные группы, слои, классы гражданского общества. Главная их задача состоит в том, чтобы сгруппировать, выкристаллизовать разнородные конфликтующие интересы в этом обществе и, представляя их во властных структурах, трансформировать в соответствующий политический курс в системе законодательной и исполнительной власти.

Пример с политическими партиями показывает, что между гражданским обществом и миром политического существует некое промежуточное пространство, от которого во многом зависит жизнеспособность и эффективное функционирование обеих подсистем. Следует отметить, что в гражданском обществе коренятся социально-экономические, социокультурные, этнонациональные, религиозные, образовательные и иные проблемы, которые в совокупности составляют социологические основы политики.

Очевидно, что ни политическая наука, ни социология не вправе претендовать на исключительную монополию на данный блок проблем. Выход из такой антиномии был найден на путях формирования новой самостоятельной научной дисциплины — *политической социологии,* объектами исследования которой являются институты, механизмы, процессы, действующие на стыке между гражданским обществом и миром политического. Главное отличие политологии от политической социологии состоит в том, что последняя имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе, факторами, определяющими политическое поведение людей, политические конфликты, политические установки, ориентации и умонастроения широких масс населения. Как отмечали видные представители политической социологии США Р.Бендикс и С.М.Липсет, «в отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти».

Политическая социология представляет собой своеобразный синтез социологии и политологии. Она в большей степени, чем политология, концентрирует внимание на борьбе за власть между различными частями общества, социальных конфликтах и социальных изменениях, скрытых функциях, неформальных и дисфункциональных аспектах политики. В широком смысле слова в центре внимания политической социологии — социологическое измерение политических феноменов. Она занимается прежде всего социальной базой власти во всех институциональных секторах общества. В этом контексте политическая социология интересуется особенностями социальной стратификации, тем, как они сказываются на политической организации. В узком смысле слова она концентрирует внимание на организационном анализе политических группировок и политического руководства, изучает

социальный контекст политических институтов и процессов на макро- и микросоциальном уровнях.

Если снова обратиться к рис. 1, то обнаружится, что на линии ВС положение дел оказывается еще более сложным и запутанным, чем на линии АС. И действительно, где на этой линии кончается духовная сфера и начинается мир политического?

Попытаемся объяснить это на конкретном примере. В качестве центрального субъекта мира политического выступает человек. Однако человек является существом не только социальным, политическим и экономическим, но и одновременно духовным, социокультурным, политико-культурным, морально-этическим и др. Было бы напрасным трудом пытаться провести некие линии разграничения между различными ипостасями, в которых одновременно выступает человек. Очевидно, что, обращаясь к человеку, политология вторгается в сферу интересов философии, этики, культурологии, антропологии, психологии, а эти последние в свою очередь — в сферу интересов самой политологии. На пересечении этих сфер мы и вправе вести разговор о политической философии, политической антропологии, политической психологии, политической этике, политической культуре как особых областях исследования и, с определенными оговорками, как о самостоятельных дисциплинах или разделах политической науки.

Политическая философия представляет собой отрасль или подраздел философии, имеющие своим объектом изучения и трактовки сферу политического. Ее задача — установление добра и зла, справедливого и несправедливого, совершенного и несовершенного, подлежащего сохранению или изменению, одобрению или осуждению и т.д. в политике. Если философия призвана постичь природу вещей вообще, то цель политической философии — понимание природы политических вещей. Этот аспект более подробно будет рассмотрен при анализе мировоззренческого измерения политики.

Политическая психология призвана изучать роль установок, ориентации, убеждений, ожиданий, мотиваций, восприятии в политическом поведении людей. Особенно широко исследования такого рода используются при изучении общественного мнения, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества, электорального поведения, политических установок и т.д. Зачинателем политической психологии считается Г.Ласуэлл, который в 1930 г. опубликовал книгу «Психология и политика», а в 1950 г. в соавторстве с А.Капланом — «Власть и общество». Особое развитие она получила с развертыванием после Второй мировой войны так называемой бихевиористской революции (об этом см. ниже).

Под *политической антропологией* традиционно понимается дисциплина, занимающаяся системами и институтами управления этнических сообществ, в особенности в развивающихся и примитивных обществах. Она интересуется связями политического поведения с более широкой культурой группы, коллектива, сообщества. Политико-антропологические исследования позволили сравнить разнообразные политические системы и выявить этнические факторы в политическом поведении людей.

Методология и методы политических исследований

Политология, как и любая научная дисциплина, имеет свои собственные методологию и методы исследования, а также язык и понятийный аппарат. Их разработка и внедрение стали частью процесса профессионализации и институционализации политической науки. Особенно большой вклад в этом отношении был внесен в период после Второй мировой войны.

Методология представляет собой определенный способ видения и организации исследования, систему аналитических методов и приемов, проверки и оценки, концептуального и идейного арсенала, в совокупности составляющих общий подход к решению стоящих перед данной наукой проблем. Она включает правила и критерии интерпретации фактов, равно как исследовательские планы, приемы сбора данных и т.д. Методология тесно связана с общемировоззренческой системой, которая, в свою очередь, является частью господствующей в данный период общественно-политической парадигмы. Ее нередко связывают с конкретными течениями политико-философской и идейно-политической мысли, полагая, что каждое из них

имеет собственную методологию. Например, говорят о марксистской, позитивистской, неопозитивистской, структурно-функциональной методологиях. Но тем не менее каждая научная дисциплина, в том числе политическая наука, имеет собственную методологию и инструментарий анализа, без соблюдения которых нельзя говорить о действительно объективном изучении предмета этой дисциплины.

Общественно-политические реальности слагаются из действий людей и характеризуются динамизмом и постоянной изменчивостью, случайность, событийность, вероятность и необратимость составляют их сущностные характеристики. Сущностная характеристика политики — не покой, а движение, и в центре внимания политической науки находится политический процесс. Поэтому прав Ж. Бордо, который говорил, что «политика не дает себя сфотографировать». А это означает, что здесь многие феномены, события, процессы настолько эфемерны и быстротечны, что зачастую исследователь не в состоянии поспевать за ними, тем более найти в этом калейдоскопическом водовороте не то что истину, но и просто элементарные причинно-следственные связи.

Политика имеет дело с пониманием и толкованием человеческих целей, а там, где речь идет о целях, непременно присутствуют ценности. Без проникновения в сферу целей и идеалов не может быть речи и об адекватном изучении мира политического. Общественно-политические реальности невозможно вычислить в количественных терминах и втиснуть в прокрустово ложе каких бы то ни было формул и определений. Социальный и политический факты нельзя отделить от ценности, ценностные соображения должны быть соотнесены со знанием фактов. Задача политолога состоит в том, чтобы выявить пути достижения наибольшего совпадения между миром сущего и миром должного. Поэтому политическая наука не может быть ценностно-нейтральной.

Законы общественно-политического развития, которые значительно менее устойчивы, нежели естественные законы, проявляются в разных институциональных, ценностно-нормативных, интеллектуальных условиях, раскладе социальных и политических сил, стечении обстоятельств и т.д. по-разному. Каждая конкретная общественно-историческая данность имеет собственные социальные и политические реальности и собственную систему приоритетов, предпочтений, ценностей. Будучи переменными образованиями или величинами, они находятся в состоянии постоянного изменения и обновления. Из этого можно сделать вывод, что исследование мира политического предполагает не только установление объективных причинно-следственных связей, но также признание правомерности суждений о вероятностной сущности общественно-политических процессов.

Более того, в современных реальностях в результате научно-технического прогресса стирается грань между реальным, вероятным и возможным. Возрастает роль вероятностных, событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма. К тому же в политике основополагающее значение имеют человеческий выбор, потребности, интересы и цели людей. Все это оставляет место для различных путей и направлений ее развития и соответственно различных интерпретаций мира политического и тенденций его развития. Разумеется, мы можем выразить и измерить в количественных терминах результаты выборов, их стоимость в долларах или рублях, динамику численности сторонников тех или иных партий и т.д. Но такие важные категории, как «благосостояние», «свобода», «равенство», «справедливость» невозможно выразить в каких бы то ни было количественных терминах. Здесь политический анализ требует воображения, своего рода способности «мысленного эксперимента» по принципу «что было бы, если бы произошло то-то или если бы было предпринято то-то».

Поэтому очевидно, что политический анализ не может основываться на одних только фактах, поскольку конкретные факты приобретают значимость лишь в той мере, в какой их можно соотносить с целым, обеспечивающим теоретически обоснованный контекст для интерпретации фактов. В определенном смысле невозможно рассматривать политические институты в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг

друга. Задача политолога состоит в достижении самого тесного взаимодействия теории и эмпирического начала, рефлексии и действия, интерпретации и практической вовлеченности.

В социальной и политической сферах речь идет не только об объяснении вещей, но и об адекватном их понимании в смысле постижения. Объяснить социальный феномен — значит прежде всего «описать его», разложить на составные элементы, сосчитать, измерить, расставить в причинно-следственной последовательности, определить основные векторы его развития и т.д. Понимание же предполагает выявление глубинных движущих мотивов общественно-политических феноменов. Поэтому очевидно, что исследователь-гуманитарий вносит свой жизненный опыт в трактовку изучаемых им явлений. Исследование человеческих деяний, познание истины в сфере человеческой культуры требуют внутреннего постижения, достигаемого с помощью иных средств, нежели наука, которая изучает неодушевленные предметы. Здесь воображение и научное знание действуют рука об руку. В этом смысле функции художника и ученого совпадают.

Можно сказать, что политический анализ — это не только научное исследование, но и в некотором роде искусство, требующее реконструкции не только рациональных, поддающихся количественному исчислению, калькуляции мотивов, интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений, которые не поддаются квантификации и математизации, другим методам естественных наук и требуют воображения, интуиции, психологического проникновения и т.д. Поэтому изображение мира политики в целом можно представить не как фотографирование, а как создание художественного портрета. То, как художник изображает, это не точная фотография, а концепция характера, его видение изображаемого объекта. Подобным же образом мир, который мы рисуем в наших политических рассуждениях, постигается, а не только воспринимается. В нашем изображении политической реальности мы скорее представляем наши политические доводы, нежели воспроизводим политическую практику. Это по своей сущности субъективный образ. Доводы, образ, оценка — часть мира политики, так же как портрет, созданный художником, является частью мира последнего.

С методологией тесно связаны *методы,* которые включают процедуры и процессы, технические приемы и средства исследования, анализа, проверки и оценки данных. Известный германский философ К. Ясперс не случайно настаивал на том, что всякая подлинная наука представляет собой знание, включающее знание о методах и границах этой науки.

Метод исследования (от греч. methodos — учение, теория, путь исследования или познания) — совокупность средств и приемов, используемых исследователем при решении интересующих его проблем — от постановки задачи до интерпретации результатов. Метод исследования каждой научной дисциплины теснейшим образом связан с ее методологией, которая диктует конкретные технические приемы, средства, инструментарий исследования.

Первоначально политическая наука обходилась довольно ограниченным исследовательским инструментарием, призванным анализировать прежде всего институциональные, нормативно-правовые, государственно-властные аспекты мира политического. Арсенал приемов и методов политических исследований существенно расширился в 50-е годы, когда почти одновременно мировая политология обогатилась целым комплексом новых методологических подходов. Среди них следует назвать прежде всего бихевиористский, системный, политико-культурный, сравнительный и междисциплинарный типы анализа. В политической науке во все более растущей степени стали использовать методы и приемы, заимствованные из культурной антропологии, социальной психологии, социологии и ряда естественных наук. В итоге политическая наука получила возможности для более всестороннего исследования массовых социально-политических движений, процессов и явлений.

В качестве метода могут выступать разного рода операции и приемы сбора, систематизации и классификации эмпирических фактов и материалов, которые во многом определяются используемым исследователем методологическим подходом. Существует целый комплекс методов, имеющих для социальных и гуманитарных наук общенаучный характер. К

ним относятся, в частности, сбор и обработка данных, квантификация, обобщение и систематизация, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция, классификация или типологизация и т.д. Они базируются на посылке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов, составляющих в совокупности политические феномены.

Среди перечисленных методов значительное место занимают приемы квантификации, т.е. расчленение анализируемого материала на то или иное количество элементов, которые легко можно количественно измерить и сопоставить как друг с другом, так и с другими элементами, чтобы выявить их истинную значимость для определения сущности и особенностей развития исследуемого феномена. Этот прием особенно эффективен при анализе результатов опросов общественного мнения, голосования на выборах в те или иные органы власти и разного рода других явлений массового характера. В тесной связи с ним используются приемы опроса, интервьюирования, шкалирования. Квантификапия просто незаменима при так называемом контентанализе, построенном на выявлении и количественной обработке содержания различных источников информации, в частности программ политических партий и движений, межгосударственных договоров, средств массовой информации и т.д.

В основе *бихевиористского анализа* лежит позитивистский подход, базирующийся на посылке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов, составляющих в совокупности политические феномены. Этот тип анализа утвердился сначала в социальных и гуманитарных науках США, а затем и в других странах Запада в ходе так называемой бихевиористской или бихевиоральной революции, развернувшейся там в 50-е годы.

Бихевиористский подход концентрирует внимание прежде всего на *поведении* отдельного индивида, группы, разного рода социальных, культурных, профессиональных и иных общностей. В политической науке он призван определить реальные параметры и причины политического поведения на массовом уровне и, соответственно, политических процессов и функционирования политических систем. Если традиционная политическая наука делала ударение на формально-юридическом анализе государственно-правовых и политических институтов, формальной структуре политической организации общества, то объектом анализа бихевистского анализа являются различные аспекты поведения людей как участников политического процесса.

Для бихевиористского анализа характерно широкое использование междисциплинарных методов, в частности математических и статистических и связанной с ними квантификации, а также приемов, заимствованных из культурной антропологии, социальной психологии, социологии и т.д. Это дало возможность для более всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

В рамках бихевиористского анализа важнейшим инструментом выявления соотношения и состояния общественных умонастроений, ориентации, установок, позиций широких масс людей по важнейшим политическим вопросам стали опросы общественного мнения. Развитие методологии опросов в совокупности с другими исследовательскими приемами и инструментами бихевиоризма и неопозитивизма позволило выяснить многие вопросы о том, существуют ли особые признаки, присущие исключительно той или иной нации, и особые субкультуры, и если да, то в каком плане и в какой степени; имеют ли четкие ориентации в отношении политики социальные классы, функциональные группы и элиты, и какую роль в формировании этих ориентации играет политическая социализация. Следует отметить, что западная политология добилась внушительных успехов в исследовании процессов и механизмов функционирования политических систем, институтов, партий, различных ветвей, уровней и органов власти, политического и избирательного процесса, поведения избирателей, результатов голосований и т.д.

Важной особенностью бихевиоризма как одного из вариантов неопозитивизма является постулат о недопустимости в политологическом исследовании ценностного подхода. Его приверженцы считают единственно верными лишь факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью формально-логических или математически

формализованных методов естественных наук. По их мнению, политологи должны вывести за скобки морально-этические и ценностные вопросы и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса; политическую науку следует отделить от философии и теории, поставив при этом во главу угла фактологическое исследование.

Тем самым ненаучные выводы отвергаются как умозаключения ценностного, мировоззренческого, идеологического характера. Тезисы вроде «свобода предпочтительнее равенства», «государственное состояние лучше анархии» и т.д., предполагающие занятие говорящим определенной позиции, неприемлемы для позитивизма и бихевиоризма, поскольку их нельзя квантифицировать и верифицировать математическими или иными сциентистскими методами. Своего апогея этот подход, особенно в американской политической науке, получил в 50—60-х годах, когда было объявлено о смерти политической философии в качестве предмета академических исследований и конце идеологии.

Но в целом, при всей разработанности исследовательского аппарата бихевиоризм оказался не способен охватить и раскрыть политические феномены и процессы во всей их полноте и многообразии. Обнаружилось, что, оставаясь на почве исключительно эмпирических фактов, абстрагируясь от ценностей, норм, теоретического и идеального начала, невозможно раскрывать реальное содержание политических феноменов. Как указывали несколько позже сами приверженцы бихевиоризма, он «породил значительное число псевдонаучных опытов», которые выпячивают форму, а не сущность исследуемой проблемы. Поэтому неудивительно, что в 70-х годах многие западные политологи стали говорить о «смерти» позитивизма и бихевиоризма, о том, что они стали «реликтами прошлого». Результатом подобных умонастроений явились появление в социальных и гуманитарных науках Запада новейших течений постбихевиоризма и постпозитивизма, возрождение интереса к политической теории и философии, ценностным и идеальным началам в политике.

Разработанный в 30-х годах представителями естественных наук *системный анализ* стал достоянием социальных и гуманитарных наук в 50-х годах. Здесь следует назвать прежде всего ра боту физиолога У. Кэннона «Мудрость тела», опубликованную еще в 1932 г. и сыгравшую большую роль во внедрении системного анализа в социальные науки. Важное значение имели исследования Л. Берталанфи по биологии и общему системному анализу. Политологи же, хотя прямо не обращались к этим работам, тем не менее не могли не испытать их влияние через широко известные работы Т. Парсонса, Дж. Хоманса, Р. Мертона и других исследователей, которые в 40— 50-х годах стали широко использовать достижения системников в социологии и экономической науке. Именно благодаря этим достижениям им удалось разработать теорию структурно-функционального анализа, ставшую одним из важнейших методологических подходов в изучении общества после Второй мировой войны.

С точки зрения системного анализа любые человеческие сообщества можно рассматривать как более или менее постоянные образования, функционирующие в рамках более широкой среды. Они характеризуются как целостные системы, состоящие из определенного комплекса взаимозависимых элементов, которые можно вычленять и анализировать. Системы имеют более или менее четко очерченные границы, отделяющие их от окружающей среды, причем существуют тенденция к некоему равновесию. В 50— 60-х годах в плане внедрения системного подхода в политологические исследования были предприняты заметные усилия. Здесь можно назвать, в частности, работы К. Эрроу, Э. Доунса, Д. Блэка, Дж. Бьюкенена, Г. Тэллока и др. Особенно большую роль в внедрении системного подхода в политическую науку сыграли американские исследователи Д. Истон, К. Дойч, Г. Олмонд. Суть подхода состоит в том, что мир политического изучается как комплекс элементов, образующих целостную систему в ее связи со средой — гражданским обществом и экономико-хозяйственной системой.

Симптоматично, что само понятие «политическая система» стало возможным с введением в политическую науку системного подхода. Необходимость его использования в политической науке определяется прежде всего сложностью, многообразием и многосложностью самого мира политического. Это обусловливает то, что политология по самой своей природе —

междисциплинарная наука, которая широко использует междисциплинарные методы исследования. Наиболее выпукло и обозримо этот факт проявляется при системном анализе, предполагающем всестороннее изучение политических феноменов, используя методы, инструменты, системы аргументации и т.д. других социальных, гуманитарных и отчасти естественных наук. Системный подход предполагает стандартизацию и унификацию научных понятий, систематизацию и упорядочение знаний о политических феноменах и реальностях.

Для любой системы, в том числе политической, характерны три основополагающих измерения: ставшее или реально существующее, проявляющееся в структуре; действование, поведение или функция; становление или эволюция. В идеале системный анализ должен охватить все три измерения в совокупности. Однако в реальной исследовательской практике главное внимание системники концентрируют на первых двух аспектах, отодвигая на задний план третий. Это и объяснимо, если учесть, что системный анализ наиболее эффективен там, где существует некое равновесие, факты определились, приобрели более или менее завершенные очертания, их можно систематизировать, свести к количественным параметрам, легко поддающимся измерению статистическими и математическими методами.

Важно отметить и то, что приверженцы системного подхода могут избрать разные углы зрения, соответственно будут отличаться результаты их изысканий. Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т. Парсонс концентрировал внимание на диалектической взаимосвязи между структурой и функциями составных элементов социальных систем, то Д. Истон поставил своей целью анализ механизма обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней. В системном анализе выделяются понятия «вход» и «выход». На «входе» политической системы решающее значение имеют такие компоненты, как политическая социализация, вычленение и формулирование интересов, их представительство в политике, политическая коммуникация. На «выходе» мы имеем определение правил или законов, программ, политических курсов, их применение и контроль за их соблюдением. Очевидно, что системный анализ позволяет исследовать политические феномены во всей их сложности и взаимопереплетенности, учитывая как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальные реальности.

Важным средством в руках политолога является *политико-культурный подход,* призванный объять социокультурное и политико-культурное измерения политики. Он позволяет преодолеть формально-юридическое понимание политики, традиционный подход к политике в терминах политической системы, государственно-правовых институтов и т.д. Обосновывая необходимость отказа от формально-правового подхода к политике, один из зачинателей концепции политической культуры Г. Алмонд предлагал разграничить два уровня исследования политической системы: институциональный и ориентационный. Если первый уровень концентрирует внимание на исследовании институциональной структуры политической системы, то второй уровень предусматривает изучение ориентации людей на эту систему и институты. Комплекс этих ориентации, включающих когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и ценностные, и был назван *политической культурой.* Тем самым субъективный аспект политического поднимался до уровня значимости институциональной структуры.

Политико-культурный подход дает возможность определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же в силу каких причин те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми в других. Он позволяет проникнуть вглубь — от явленного, поверхностного и одномерного видения политической системы и ее институтов, их деятельности и т.д., нащупать глубоко запрятанные корни национальных мифов, традиций, представлений и т.д., существующих в сознании всех членов общества от главы государства до маргинала. Достоинством политико-культурного подхода является то, что он интегрирует в себя социологию, социокультурологию, национальную психологию и новейшие методы исследования социальных и политических установок людей в единый междисциплинарный

подход. Это дает возможность полнее и глубже понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов. Эти моменты особенно важно подчеркнуть с учетом того, что одной из важнейших проблем, которой занимается политология, является политическая культура, включающая в себя разного рода ориентации, установки, национальные мифы, стереотипы и т.д.

Немаловажное место в арсенале политических исследований занимает *междисциплинарный анализ.* Его необходимость определяется прежде всего тем, что сама политология представляет собой научную дисциплину, располагающуюся на стыке целого ряда других социальных и гуманитарных наук. Отдельные элементы междисциплинарного подхода в политической науке стали использоваться уже в XIX в. в рамках разработки методологии и новых методов формально-правового, юридического, исторического и сравнительного анализа. Достоянием социальных и гуманитарных наук, в том числе и политологии, становились ряд исследовательских методов, приемов и понятий, выработанных в естественных науках. Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности стали описываться и анализироваться с помощью таких заимствованных из естественных наук понятий, как «прогресс», «эволюция», «организм», «порядок» и др.

Особенно широкий размах использование методов и приемов других научных дисциплин в политической науке получило в XX в. Уже в первые десятилетия века известные политические ученые Запада Дж.Уоллес, Г.Ласки, Г.Ласуэлл поставили вопрос о значимости исследования социокультурных, религиозных, психологических факторов, неосознанных и подсознательных мотивов в политическом поведении людей. С этой целью были предприняты попытки применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также эмпирической социологии. В тот же период многими политологами была осознана необходимость использования в своих исследованиях методов экономической науки, истории, антропологии, психологии. Политологи стали широко привлекать также математические, статистические и количественные методы исследования.

В 50-е годы, как уже говорилось, почти одновременно мировая политология обогатилась целым комплексом новых методологических и концептуальных подходов, методов и приемов исследования. В политологии приобретали популярность антропологические, социально-психологические, культурологические концепции; теории и методы исторической социологии и социологии в собственном смысле слова. В результате политическая наука оказалась на перекрестке «междисциплинарного» движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для более всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

При этом следует отметить, что в политической науке наряду с чисто формализованными методами и приемами широко используются также обыкновенное наблюдение за происходящими событиями, личный опыт исследователя, сбор информации в повседневной жизненной практике, собственная интуиция и т.д., призванные определить прежде всего эмпирические аспекты и параметры изучаемых феноменов и процессов. В то же время большинство типов или форм политического анализа предполагает использование различных идей, концепций, теорий, которые позволяют выявить мировоззренческое, концептуальное и ценностное измерение мира политического.

Большое значение с точки зрения профессионализации политической науки имела также разработка ее понятийно-категориального аппарата. *Понятия и категории,* обозначая те или иные явления, призваны выделять особенности, признаки, сущностные характеристики реального мира. Например, атомы, протоны, нейтроны и т.д. в физике, реальное и идеальное, сущее и должное, бытие и сознание в философии и т.д. Абстрагируясь от конкретных феноменов, событий, ситуаций, процессов, понятия и категории указывают на общие свойства, характерные для целой группы вещей и явлений. Они должны обладать единообразным содержанием и указывать исследователям на одни и те же или сходные признаки. Понятийно-

категориальный хаос в любой научной дисциплине недопустим, поскольку в таком случае она не будет в должной мере способна выполнять стоящие перед ней задачи по накоплению, систематизации, интерпретации и трансмиссии научного знания. Поэтому каждая научная дисциплина неизбежно сталкивается с проблемой создания собственного понятийно-категориального аппарата.

Следует подчеркнуть, что при разработке понятий и категорий в политической науке, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, существенную роль играет абстракция. Особенно отчетливо она проявляется в понятиях, которые, отражая явления, не связанные с определенным контекстом, с конкретными местом и временем, характеризуются различной степенью всеобщности. К таким понятиям относятся, например, *война, государство, власть, нация, конституция,* которые выражают общие для обозначаемых ими феноменов качественные характеристики, а не конкретные признаки, присущие, скажем, не пелопоннесской или тридцатлетней войне, а войне вообще, не конкретно взятому российскому или французскому государству, а государству вообще и т.д. Задача понятий и категорий состоит в том, чтобы упростить реальность для целей исследования, при атом не искажая ее сути.

Осмыслить, объяснить и предсказать события можно, только определив отношения между различными понятиями. Теоретические суждения систематизируются и организуются в соответствии с избранным теоретиком углом зрения и понятийным аппаратом. Более того, идеи, теории, постулаты, принципы, составляющие ткань политической науки, возможны лишь как результат группирования понятий в суждения или утверждения. Сами теоретические суждения могут в той или иной степени отличаться друг от друга по форме. Существует множество аргументов как за, так и против различных форм. Это вполне естественно, если учесть, что для поисков правильных ответов на поставленные вопросы необходимы соответствующие параметры и критерии их оценок. Поэтому естественно, что в задачу политической науки входят разработка и осмысление содержания конкретных политических понятий.

Члены Венского кружка — основатели школы логического позитивизма — считали, что почти все проблем в обществе порождены неопределенностью понятий, терминов, слов и т.д. И действительно, для адекватного профессионального изучения мира политического, политических феноменов необходимо определить, вычленить и уточнить языковые формы, категории и понятия политологии. Политика зачастую представляет собой не столько четко очерченную, раз и навсегда фиксированную сферу, сколько то, что сами люди считают политикой, хотя ее и нельзя рассматривать всецело как результат некоего вербального произвола. Это вполне естественно, особенно если учесть, что власть и политика отражают человеческие отношения и представления об этих отношениях, которые подвержены изменениям.

С данной точки зрения немаловажное значение приобретает правильная трактовка основополагающих понятий и категорий политической науки, соответствующая национально-культурным и общественно-историческим реальностям. Возьмем, например, понятие «демократия». Если проанализировать базовые признаки античной и современных форм демократии, то между ними обнаруживаются далеко идущие качественные различия. В современном мире базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям различных стран и народов. Это верно применительно к большинству понятий политической науки, таким как либерализм, консерватизм, радикализм, политическая система, государство, власть и др., содержание которых в соответствии с изменившимися социальными и политическими реальностями в процессе исторического развития подвергались существенным изменениям. В то же время необходимо отметить, что любой политический феномен, например власть, взятый сам по себе, невозможно сколько-нибудь четко фиксировать в понятиях, взятых изолированно от других феноменов. Чтобы выявить ее сущность, необходимо определить содержание понятия «государство», а его в свою очередь нельзя выяснить, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие «политическое», и т.д.

Политические понятия формируются и развиваются в связи с историческими реальностями и самым тесным образом связаны с системой общенаучных категорий и понятий эпохи. Более того, именно используемые категории и понятия могут помочь определить период (по крайней мере, нижние хронологические границы) возникновения той или иной политической доктрины.

Если, например, понятия «полис», «политика», «демократия» и т.д. возникли в эпоху античности, то такие понятия, как «суверенитет», «радикализм», вошли в обиход в Новое время. Многие биологические метафоры, характерные для политической науки XIX — начала XX в., ассоциировались с идеей органического государства. А популярные ныне термины, такие как «системный анализ», «политический процесс», «модель», связаны с механистической концепцией государства, которая, в свою очередь, связана с физикой и технологией. Такие термины, как «установки», «перекрестное давление», «взаимодействие», «правила игры», заимствованы из прикладной социологии, основанной на позитивизме.

Понятия «правые» и «левые», «консерватизм», «либерализм» и «радикализм» получили хождение в социальных и гуманитарных науках в XIX в. С тех пор в перипетиях бурных XIX и XX столетий вкладываемое в них содержание претерпело существенные, а в некоторых отношениях радикальные изменения. Ряд важнейших их функций подверглись инверсии: некогда консервативные идеи приобрели либеральное значение, и наоборот, отдельные либеральные идеи — консервативное значение. Например, в настоящее время уже потерял убедительность принцип, согласно которому индивидуалистические ценности жестко привязывались к правому флангу идейно-политического спектра, а коллективистские ценности — к его левому флангу. В свете всего сказанного нуждаются в переосмыслении и более четком толковании с учетом нынешних реальностей понятия «левые», «правые», «консерватизм», «либерализм» и т.д. Поэтому очевидно, что определение того или иного течения политической мысли как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей, концепций и доктрин может лишь исказить его действительную сущность, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных социально-экономических и политических контекстах могут быть интерпретированы и использованы по-разному для достижения разных целей.

Немаловажную проблему для политической науки составляют неоднозначность и полисемичность (или многозначность) многих понятий, категорий и терминов. «Один человек,— писал Т. Гоббс,— называет *мудростью* то, что другой называет *страхом,* один называет *жестокостью* то, что другой называет *справедливостью,* один *мотовством* то, что другой — *великодушием,* один *серьезностью* то, что другой — *тупостью».* Здесь сложность состоит не только в множестве значений каждого отдельного взятого слова, но и в возможности смешения этих значений, неясности, какое значение в данный момент подразумевается. Это можно продемонстрировать на примере понятия «идеология», с которым связаны самые разные смысловые ассоциации: идея, доктрина, теория, наука, вера, притворство, ценность, убеждение, миф, утопия, истина, познание, классовый интерес. То же самое можно сказать о других основополагающих понятиях и категориях политологии, таких как «власть», «политика», «свобода», «права человека». Помимо многозначности, полисемии тех или иных понятий проблема состоит также в феномене синонимии, поскольку разные понятия могут означать одно и то же. Поэтому сами понятия «власть», «свобода», «демократия», «равенство» и т.д. нуждаются в тщательном исследовании, в установлении того, какое именно в них вкладывается конкретное содержание в конкретном контексте.

Поэтому перед политическим ученым неизменно возникает проблема, состоящая в том, чтобы разобраться и сориентироваться в разнобое, разночтении определений и формулировок различных категорий политологического исследования.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под политической наукой?
2. Каковы предмет, круг тем и проблем, изучаемых политической наукой?

3. Каковы ее место и роль среди других социальных и гуманитарных наук?

4. Чем отличаются друг от друга социология, политическая социология и политическая наука?

5. В чем отличие между историей и политологией?

6. Какое содержание вкладывается в понятие «методология»?

7. Какую роль она играет в политическом исследовании?

8. Назовите и охарактеризуйте основные методы политического исследования.

Глава 3. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Политика, ее сущность, характер, формы функционирования, реализации в значительной мере детерминируются факторами, процессами и событиями, разворачивающимися в гражданском обществе. Поэтому для выявления сущности политического в целом, политических феноменов и процессов необходимо определить тип общества, тех социологических оснований и условий, на которых они разворачиваются. *Гражданское общество* представляет собой одну из ключевых категорий современного обществознания. Не является исключением и политология.

Что же такое гражданское общество и какое оно занимает место в общественно-политической системе? В трактовке этой сложной и многоплановой проблемы существует довольно большой разброс мнений и оценок как в западной, так и в отечественной литературе. Дискуссионным остается вопрос о происхождении, исторических судьбах и хронологических рамках гражданского общества. На правом фланге, преимущественно у либертаристов, оно понимается сугубо позитивно, как своего рода синоним рыночных или других форм «частной» жизни, которые считаются совершенными уже в силу того, что они противостоят государственной власти.

Ортодоксальные левые в целом негативно относятся к разделению гражданского общества и государства, полагая, что это затемняет основополагающие проблемы частной собственности, классового разделения и классовой борьбы. Часть исследователей придерживаются того мнения, что сама идея гражданского общества как независимого от государства образования верна лишь применительно к ранней «либеральной» стадии развития капитализма. В подтверждение этого тезиса приводится тот довод, что в современных условиях границы между гражданским обществом и государством практически стерлись, что государство, по сути дела, вмешивается в решение всех фундаментальных экономических и социальных проблем. Представители либеральной и умеренно-консервативной традиций вслед за Гегелем рассматривают гражданское общество и правовое государство как две стороны одной и той же медали. Известно также мнение, которое отождествляет гражданское общество с человеческим обществом вообще. Его сторонники убеждены в существовании гражданского общества при первобытно-общинном строе, античности, феодализме, капитализме и социализме. Мысль о том, что общество как таковое возникло и развивалось вместе с государством, сама по себе верная и не подлежит сомнению.

Но здесь мы имеем смешение общества как основной формы самоорганизации людей вообще и «гражданского общества» как исторического феномена, возникшего на определенном этапе развития человеческого общества, прежде всего западной цивилизации.

Истоки гражданского общества

Говорить о гражданском обществе в современном понимании этого слова можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия.

Путь западной цивилизации к гражданскому обществу был отмечен острыми и длительными социальными, политическими и идеологическими коллизиями, включая серию широкомасштабных политических революций. Это был процесс не только экономической,

социальной и политической, но также социокультурной, духовной и морально-этической трансформации. Об этом свидетельствуют как перипетии формирования и развития самого гражданского общества, так и история разработки концепции гражданского общества в западной общественно-политической мысли.

Понятие «гражданское общество» восходит своими корнями к периоду античности. При этом прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что у античных мыслителей понятия «гражданское общество», «политическое сообщество» и «государство» выступали в качестве синонимов и взаимозаменяемых терминов. Это «polls» и «politea» у древних греков, «res publica» и «societas civilis» у древних римлян. Они охватывали все важнейшие сферы жизни людей. Например, для греческого полиса было характерно тесное слияние гражданского коллектива с государством.

Гражданам полиса было чужда идея неприкосновенности частной сферы. Приверженность духу гражданского коллективизма выражалась в том, что общие интересы полиса сливались с частными интересами отдельных граждан, а в случае их столкновения приоритет бесспорно отдавался первым. Констатируя этот факт, Аристотель подчеркивал: *«даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение». «Желанно, разумеется, и (благо) одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства»* — утверждал он в «Никомаховой этике».

Здесь Аристотель, по сути дела, констатировал тот факт, что жизнь отдельного человека и экономически, и политически, и социально определялась его принадлежностью к полису как к основополагающей реальности. Иначе и не могло быть, поскольку государству-полису придавалось самодовлеющее значение. С этой точки зрения большой интерес представляет позиция Аристотеля, изложенная им в «Политике». Он, в частности, утверждал, что *«государство принадлежит тому, что существует по природе».* Развивая эту мысль дальше, Аристотель писал: *«Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас: ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части... Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».*

Очевидно, что Аристотель не оставляет человеку места вне государства. *«Тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим,*— утверждал он,— *не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством».* Человек, сколь бы значительным он ни был, всецело зависел от государства-полиса; имело место тождество частного и общественного. Показательно, что однокорневое древнегреческое прилагательное переводится как «гражданский», «общественный».

Поэтому знаменитый афоризм Аристотеля о Zoon politikon не случайно на современные языки переводится по-разному: «человек — существо политическое», «человек — существо общественное», «существо, живущее в полисе». Этот «политический человек» не мыслил себя вне экономической, социальной, религиозной и иных сфер. Основополагающие аспекты жизни человек античности и средневековья воспринимал в их целостности, не делая различий между государством и гражданским состоянием, фактами и ценностями, реальным и идеальным. Миросозерцание людей характеризовалось целостностью и нерасчлененностью на отдельные сферы. Также они воспринимали свое социальное окружение. Хотя это отнюдь не говорило о гармоничности жизни или отсутствии в ней противоречий и конфликтов.

Очевидно, что понятие «полис», которое, как правило, в русском переводе обозначается термином «государство», никоим образом не предполагает противопоставление государства и общества, такое разграничение чуждо античной философской мысли. Здесь само общество, все его сферы пронизаны политическим, государственным началом. У античных мыслителей речь идет об обществе-государстве как единой целостности. Фактически существовали понятие права, предшествующее политическому строю и стоящее вне его, идея прав личности,

призванная поставить четкие границы государственной власти. Конфликт между отдельным индивидом и государством еще не обнаруживается в то время именно потому, что мысль противопоставить их друг другу не получила признания.

Современным эквивалентом понятия «полис» корректнее считать не государство, а страну, сообщество или какое-либо иное понятие, адекватно выражающее реальное содержание этого исторического феномена. Поэтому вполне естественно, что в античности (и в средневековье, поскольку в рассматриваемом смысле вплоть до Нового времени не произошло существенных изменений) все знания о социальном мире, в том числе о полисе, понимаемом как общество-государство, были едины и неразделимы.

Переход к Новому времени ознаменовался созданием гражданского общества и соответственно выявлением отличий между ним и сугубо государственными институтами. В основе этого процесса лежал целый комплекс факторов, таких как утверждение идеи личности с особыми неотъемлемыми правами и свободами, а также интересами, которые могут не совпадать с интересами общества; растущее осознание факта существования конфликтов и противоречий между обществом и государством; постепенное вызревание институтов, ценностей и идей гражданского общества, а также мира политического как самостоятельных подсистем человеческого социума.

Мыслители Нового времени, открыв личность, вмете с тем осознали непреложный факт вечной антиномии между личностью и обществом. Отвергается античная и средневековая идея тождества частного и общественного, утверждается идея первичности общества по отношению к государству. Все это в конечном итоге способствовало формированию идеи гражданского общества и мира политического как самостоятельных подсистем человеческого социума. Она окончательно утвердилась во второй половине XVIII—XIX в. в процессе формирования капиталистической системы с ее основополагающими атрибутами — частной собственностью, рыночной экономикой, представительно-парламентской демократией и правовым государством, разграничением между социальной и политической сферами, экономическими, социальными и политическими функциями.

В итоге традиционная концепция гражданского общества-государтва стала подвергаться эрозии и соответственно пересмотру. Это все более отчетливо стало обнаруживаться в традиции, представленной Дж. Локком, А. Фергюсоном, С. Пуфендорфом, И. Кантом, физиократами. Как утверждал, например, Дж. Локк, общество предшествует государству, оно существует «по природе», а государство представляет собой некое «новое тело». Если оно каким-либо образом уничтожается, то общество сохраняется со всеми своими естественными законами и праваим. Дальнейшее развитие эта идея получила в Декларации независимости Соединенных Штатов 1776 г., программном документе Великой французской революции 1789 г.— Декларации прав человека и гражданина, работах представителей классического либерализма, а затем в различных течениях общественно-политической мысли XIX—XX вв.

Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы

Суть идеи гражданского общества, как можно убедиться из изложенного выше, состоит в признании дуализма общества и государства, индивидуального и коллективного начал. Причем такой дуализм характерен главным образом для общественно-политической системы, отождествляемой с капитализмом, политической демократией и правовым государством. Здесь, как в целостном социуме, выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: производственная (или экономико-хозяйственная), социальная, духовная и политическая. *Производственная* подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а *политическая* — механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных составных элементов системы в целом. *Социальная* и *духовная* сферы в совокупности составляют *гражданское общество,* которое также можно обозначить как единую подсистему.

С идеально типологической точки зрения гражданское общество — это своего рода социальное и социокультурное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов.

Именно в гражданском обществе обеспечиваются самые различные формы плюрализма — от сугубо социального до конфессионального и этнонационального. Это арена деятельности частных лиц, классов, групп, корпораций, сословий, институтов, которая регулируется гражданским правом и прямо не зависит от государства. Как отмечал Г.В.Ф. Гегель, многочисленные составляющие общества зачастую несопоставимы, неустойчивы и подвержены серьезным конфликтам. Оно напоминает поле боя, где сталкиваются частные интересы, причем чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других его элементов.

Иначе говоря, гражданское общество представляет собой форму самоорганизации людей, включающую разного рода добровольно сформировавшиеся негосударственные социальные, экономические, профессиональные, образовательные, религиозные, культурные и иные институты, организации, объединения, союзы. Это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их производства и воспроизводства, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для социализации и самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальные или коллективные. Вступая в систему общественных отношений, отдельный индивид отнюдь не утрачивает своего личностного начала, своей безусловной значимости. С нравственной точки зрения личность не должна превратиться в простое средство, для которого высшей целью является общество, государство или иное коллективное образование.

Общество — прежде всего союз личностей, и вне этих последних оно лишено всякого смысла. Качество общества зависит от качеств составляющих его личностей, налагающих печать своей воли, своих устремлений, нравственных ориентиров на формы общественной жизни. Здесь возможно одно из двух: либо режим всеобщего принудительного согласия, исключающий какое-либо отклонение от намеченного плана жизни общества, либо условия для полного проявления творческих потенций каждого индивида, противоречий и конфликтов, без чего нельзя представить себе сам животворящий дух истории. Естественно, что формирование гражданского общества неразрывно связано с формированием идеи индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности.

С этой точки зрения основополагающее значение имели формирование и утверждение в Новое время идеи о прирожденных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Неудивительно, что мыслители Нового времени объявили потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий. Они поставили на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельной, независимой единицы социального действия. Коль скоро основополагающая доминанта гражданского общества — отдельно взятая личность, то его несущими конструкциями являются все те институты, организации и группы, которые призваны содействовать всесторонней реализации личности, ее потенций, интересов, целей, устремлений. Эти институты и ассоциации служат для отдельного индивида источниками власти и влияния. Разумеется, в данном аспекте основополагающая роль центральной ячейки общественного организма, источника влияния и авторитета сохраняется за семьей.

Немаловажную роль играют родственные связи, соседские общины, профессиональные организации, творческие научные и образовательные институты, трудовые коллективы, сословия, социальные слои, классы и т.д., с которыми люди так или иначе отождествляют себя. Важной единицей социального действия в гражданском обществе является группа. Как отмечал Н.Смелзер, «группой называется совокупность людей, которые взаимодействуют друг с другом определенным образом, чувствуют свою принадлежность к данной группе и воспринимаются другими как члены этой группы».

Существуют множество групп по роли, предназначению и функциям. Их можно типологизировать как первичные и вторичные. *Первичная группа* состоит из небольшого числа людей, вступающих в прямое и непосредственное взаимодействие, базирующееся на их индивидуальных особенностях. Примером такой группы является семья или любая группа

друзей, сподвижников, соплеменников, между которыми сложились более или менее глубокие эмоциональные отношения. Объединяющим началом для *вторичной группы* являются не столько эмоциональные отношения, сколько достижение определенной цели. Типичный пример такой группы — бригада рабочих, созданная для выполнения четко сформулированной цели.

Очевидная характеристика группы — функциональная взаимозависимость составляющих ее членов. Группа существует и функционирует в силу разделяемых всеми ее членами интересов, целей, установок, ценностей, что в свою очередь предполагает взаимную зависимость ее членов друг от друга в деле реализации совместных целей и интересов. Чем очевиднее и определеннее эти цели и интересы, тем выше жизнеспособность и функциональная эффективность группы. Спаянность группы обеспечивается тем, что поведение всех ее членов регулируется определенным комплексом норм и правил, нарушение которых чревато далеко идущими последствиями вплоть до распада данной группы. Одной из наиболее институционализированных форм группы являются заинтересованные группы, представляющие собой разного рода организации или ассоциации рабочих, фермеров, предпринимателей, представителей различных профессий (например, врачей, адвокатов, инженеров и т.д.), церковные, женские, молодежные и иные общественные организации, объединенные общностью интересов. Заинтересованные группы и организации представляют отдельному индивиду необходимое поле для реализации его возможностей и потребностей. Они отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и иных интересов.

В результате социальная жизнь оказывается ареной столкновений и сотрудничества конкурирующих друг с другом групп, вступающих в разного рода союзы, коалиции, компромиссы, соглашения. Это помогает группам уравновешивать друг друга, удерживая всю социальную и политическую систему в своеобразном равновесии, препятствуя резкому сдвигу общественно-политической оси влево или вправо. Все эти институты, организации и центры служат в качестве опор и своеобразных референтных групп для отдельной личности в его взаимоотношениях с государством. В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе.

Гражданское общество, вычлененное из человеческого социума в качестве самоосознанной и самостоятельной сущности, придает ему новое качество. Все его подсистемы пронизаны единым комплексом основополагающих, или осевых принципов, ценностей, установок и ориентации. Такое понимание уже само по себе означает, что каждая из названных ранее подсистем может сохраниться и функционировать лишь при том условии, что все остальные подсистемы также исправно выполняют свои функции. Наличие тесной, неразрывной взаимосвязи между подсистемами наглядно обнаруживается на примере стран бывшего СССР, в том числе России, которые в процессе преобразования тоталитарных структур на путях демократизации зачастую сталкиваются с неразрешимыми проблемами.

На каждом шагу выясняется, что для успешного проведения экономических реформ важно не только декларировать лозунги о ликвидации созданной тоталитарным государством распределительной системы материальных благ, но и создавать реальные механизмы социальной защиты трудящихся, учащейся молодежи, неимущих слоев населения и т.д. А это невозможно реализовать без широкомасштабных структурных политических реформ. Реформы же, направленные на демократизацию властных структур, остаются лишь декларациями и благими пожеланиями, когда они не подкреплены реальными сдвигами в экономической и социальной сферах. Поэтому очевидно, что рыночная экономика, гражданское общество и политическая демократия останутся несбыточными утопическими прожектами, пока не появится четкое осознание того, что они предполагают и пронизывают друг друга и просто не могут существовать отдельно.

При всем сказанном гражданское общество нельзя представлять как промежуточное звено, некую прокладку между сферой производства и сферой политической. Оно органически проникает в сферу как политического, так и экономики. С определенными оговорками можно

сказать, что гражданское общество и правовое государство в свою очередь предполагают определенный тип экономики, основанный на частной собственности и системе свободного рынка (применительно к современному обществу, возможно, на принципах свободы экономического выбора). Более того, можно сказать, что экономика, если абстрагироваться от ее инфраструктурных и чисто технико-экономических аспектов, является частью гражданского общества.

Обратившись к схеме, приведенной в гл. 1, мы можем убедиться в том, что исключение любой из ее вершин ведет к отпадению от нее половины, а исключение оси АВ вообще лишает ее смысла. Если взять данную конфигурацию за основу, то сам собой снимается пресловутый вопрос о том, определяет ли базис надстройку или, наоборот, надстройка — базис. В силу своей неразрывной взаимосвязанности все подсистемы детерминируют друг друга.

Сказанное надо понимать не в смысле замены одной разновидности детерминизма другой его разновидностью. Разумеется, отказ от экономического детерминизма отнюдь не означает игнорирование фактора экономики в важнейших сферах общественной жизни, в том числе и сфере политической. Речь идет о том, что экономическая деятельность во всех ее проявлениях есть функция конкретных людей, составляющих гражданское общество. В определенном смысле можно сказать, что каковы эти люди, каково гражданское общество, такова и экономика. Например, экономический рост стал интегральной частью демократического процесса. Но он зависит от состояния здоровья общества, его умонастроений, морально-этических ориентиров, социальных установок, интеллектуальной атмосферы и т.д. Можно сказать, что экономика и политика есть функции гражданского общества. В этом контексте экономическая свобода и политическая свобода суть формы проявления более фундаментальной свободы индивида в обществе как самоценной и самодостаточной личности.

Показателем единства всех подсистем человеческого социума является также существование комплекса так называемых промежуточных институтов, которые выступают в качестве несущих конструкций одновременно и самого гражданского общества, и мира политического. Речь идет, например, о политических партиях, организациях, объединениях, средствах массовой информации, анализу которых посвящаются специальные главы.

Следует учесть также то, что гражданское общество — это не только определенный комплекс институтов, но и система отношений. В этом качестве оно есть духовное, социокультурное и политико-культурное образование. Соответственно оно включает не только институты, функционирующие в этих сферах, но и всю произведенную в них продукцию, как материальную, так и духовную. Поэтому естественно, что гражданское общество невозможно представить без национальных, религиозных и других традиций, обычаев, мифов, символов, стереотипов поведения, морально-этических норм, ценностей и т.п. Оно включает систему социальных связей, в которой формируются и реализуются экономические, профессиональные, культурные, религиозные и иные интересы людей.

Принцип разделения различных сфер общественной жизни

Свобода личности предполагает наличие как многих центров власти, исключающих монополию какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т.д. и уравновешивающих всевластие государства, так и свободы выбора во всех сферах общественной жизни. Основополагающее значение с этой точки зрения имеет частная собственность. Вслед за Гегелем можно сказать, что гражданское общество — это сообщество частных собственников, которые независимо от своего социального статуса, религиозных и политических воззрений, расовой, этнонациональной принадлежности и иных обстоятельств в юридически-правовом отношении равны перед законом.

Члены гражданского общества вправе преследовать свои интересы с помощью всех тех средств, которые предусмотрены законом, выбирать род занятий и профессию, место проживания и т.д. Как писал С.Л.Франк, *«частная собственность есть реальное условие бытия человека как духовно-телесного существа; тем самым она есть реальное условие его*

свободы как члена общественного целого и, следовательно, условие бытия самого гражданского общества».

Разумеется, в современных условиях эта роль частной собственности нуждается в определенном переосмыслении, но фактом остается то, что свобода выбора в важнейших сферах жизни, в том числе и политической, невозможна без свободы экономического выбора, что в свою очередь предполагает наличие альтернативных источников получения средств существования. Система отношений собственности, или система имущественных отношений, а также отношения купли и продажи во всех их проявлениях фиксируются в системе гражданского права, реализация которой обеспечивается государством. При этом важно учесть, что необходимым условием возникновения и утверждения подлинного гражданского общества является разграничение между экономической и политической властью, между собственностью и властью. Слияние политической и экономической власти неизбежно ведет к той или иной форме тирании.

Индивидуализм, основанный на отождествлении личной свободы и частной собственности, стал могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественного развития и формирования политической демократии. И действительно, как показала история и демократических, и тоталитарных систем, не может быть свободы личности там, где нет разнообразия, многообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора. Такой выбор может быть обеспечен прежде всего ограничением огосударствления средств производства и всей экономической сферы при сохранении в тех или иных масштабах и формах частной собственности, что характерно для всех этапов развития стран с либерально-демократическими режимами. Без свободы выбора ни одно занятие не способно оказывать благотворное влияние на человека. То, что человек не выбрал по собственной воле, то, что навязано ему извне, принудительно, не может стать частью его внутренней сущности, остается чуждым его истинно человеческой природе.

«Политическая свобода служит гарантией личной свободы, но она не может ее заменить»,— подчеркивал Б.Констан. Поэтому естественно, что гражданское общество предполагает разграничение между правами человека и правами гражданина. Как писал К.Маркс, *«droits de I'homme — права человека, как таковые, отличаются от droits du citoyen — прав гражданина государства. Кто же этот homme, отличаемый от citoyen? Не кто иной, как член гражданского общества. Почему член гражданского общества называется «человеком», просто человеком, почему его права называются правами человека? Чем объясняется этот факт? Только отношением политического государства к гражданскому обществу, сущностью политической эмансипации».* Другими словами, в рассматриваемом контексте гражданское общество обеспечивает права человека, в то время как государство — права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности, в первом случае — ее правах как отдельного человеческого существа на жизнь, свободу, стремление к счастью, а во втором случае — о ее политических правах.

Очевидно, что в качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает личность, ее право на самореализацию. Оно утверждается на признании права индивидуальной, личной свободы. Особенность гражданского общества состоит в разделении политической и социальной сфер, политических и социальных функций. Здесь правовой статус человека отделен от его социально-экономической роли в гражданском обществе. Он одновременно частное лицо и гражданин общества. Сфера частных интересов, наемного труда и частных прав освобождена от политического контроля.

С этой точки зрения обращает на себя внимание некая расщепленность позиций значительной части людей, с одной стороны, как личностей, членов гражданского общества, с другой стороны, как граждан государства, членов политического сообщества. Эта расщепленность, в частности, проявляется в том, что большинство людей в странах Запада, занятые насущными проблемами жизнеобеспечения и жизнедеятельности, уделяют мало внимания политической сфере, рассматривая ее как далекую от конкретных реалий жизни.

Реалии тоталитаризма и демократии реагируют на такое положение вещей совершенно по-разному. Тоталитаризм стремится к тому, чтобы ликвидировать частное начало и автономию в социальной жизни, демократия — защищает их. Гражданское общество и правовое государство возникли и развивались как реакция против идеала средневековой теократии. Одна из основных их характеристик — это светское начало, которое столь же существенно, как и правовое начало. Здесь упраздняется гомогенное единство политики и религии, политики и идеологии, утверждается раздвоение общественного и частного, общества и государства, права и морали, политической идеологии и науки, религиозного и светского и т.д.

Религия, мораль, наука, искусство и другие духовные феномены начинают существовать в полном своем объеме и в своем истинном качестве с их отказом от политического характера. Это можно наглядно продемонстрировать на примере религии. Как подчеркивал К. Маркс, *«так называемое христианское государство нуждается в христианской религии, чтобы восполнить себя как государство. Демократическое же государство, действительное государство, не нуждается в религии для своего политического восполнения. Напротив, оно может абстрагироваться от религии, ибо в нем осуществлена мирским способом человеческая основа религии».*

Противопоставив абсолютный авторитет творца авторитету традиции и церкви, обосновав идею равного ничтожества всех перед богом и возможности равного постижения божественной истины каждым отдельно взятым верующим независимо от коллективного опыта, М.Лютер, а за ним Ж.Кальвин и другие отцы-основатели протестантизма подвели почву под отрицание средневековой иерархичности как в религиозной, так и в мирской сфере. Вера была сделана личным делом самого верующего, который уже сам мог выбрать церковную деноминацию для отправления своей веры.

Процесс дальнейшей дедогматизации, демифологизации и секуляризации различных течений христианства, довершив дело, способствовал формированию идеи свободы совести как одного из основополагающих прав личности и гражданина. В результате отделения религии от государства она уже выражает не общность, а различие. Она оказывается изгнанной из политической общности в сферу частных интересов, перемещенной из государства в гражданское общество, из сферы публичного права в сферу частного права. Аналогичную метаморфозу претерпевают также наука, литература, искусство, все, что составляет социо-культурную и духовную сферы, весь комплекс институтов и организаций, призванных осуществить социокультурное и духовное воспроизводство общественной жизни, обеспечить социализацию, воспитание и обучение подрастающего поколения. При всей необходимости государственной поддержки и помощи это та сфера, где требуется наивозможно большая степень самостоятельности, инициативы, самовыражения, поскольку именно здесь человеческое начало проявляется в наиболее концентрированном виде. Это та сфера, где недопустимы какой бы то ни было классовый подход, идеологизация, политизация, государственное вмешательство и тем более огосударствление.

В целом сущностной характеристикой гражданского общества является своеобразный эклектизм — сочетание и учет интересов самых разнообразных социальных и политических сил, что предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами. Как говорил И.Кант, *«человек стремится к гармонии, но природа лучше знает, что хорошо для рода человеческого: она хочет дисгармонии».* Это не в меньшей мере верно для общества. Средством полного развития человеческих сил природа избирает противоборство этих сил в обществе. Это противостояние — тоже форма общения и общежития, хотя и «антиобщественная». Человеку по самой своей природе присуща склонность делать все по-своему. Естественно, что в этом отношении он встречает противодействие со стороны других индивидов, которые также стремятся делать все по-своему.

Но вместе с тем главное предназначение гражданского общества состоит в достижении консенсуса между различными социальными силами и интересами. Оно призвано определить нормы и границы, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и

направить ее в созидательное русло. Противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми.

Еще И.Кант ввел понятие «моральной автономии» личности, согласно которому о правовом государстве можно говорить лишь там, где признается, что общество само, независимо от государства, располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нравственные нормы. Именно институты гражданского общества, такие как семья, школа, церковь, соседские или иные общины, разного рода добровольные организации и союзы, способны играть эту роль. Такая функция в сущности чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в том случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность к этому. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Суть вопроса заключается в том, что именно интегральная совокупность, а не арифметическая сумма всех составляющих, их сущностное единство, а не безразличное многообразие, делают гражданское общество тем, что оно есть на самом деле. Особенность любого, более или менее жизнеспособного сообщества людей, в том числе гражданского общества, состоит в его сущностном единстве, в том, что оно есть совокупность не только однопорядковых, сходных между собой элементов, составляющих его людей, социальных групп, отношений, установок, но также их различий, многообразия, плюрализма. В то же время этот плюрализм нельзя представлять, как это нередко делается, в виде некого хаотического разнообразия, простого множества разнообразных изолированных начал, лишенного внутреннего субстанционального единства. Совсем наоборот. Как подчеркивал С.Л.Франк, *«гражданское общество есть как бы молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически гибкое целое».* Иначе говоря, для гражданского общества характерно сосуществование в его рамках разнородных социальных сил, институтов, организаций, заинтересованных групп и т.д., объединенных общим.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что гражданское общество представляет собой исторический феномен, возникший на определенном этапе исторического развития. Оно теснейшим образом связано с рыночной экономикой, политической демократией и правовым государством. Все эти составляющие современной общественно-политической системы обусловливают и дополняют друг друга. Поэтому для нас весьма актуален и важен вопрос о том, существует ли гражданское общество в России, и если да, то каковы его особенности.

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что в настоящее время Россия еще в полной мере не преодолела переходный период, главное содержание которого состоит в радикальной трансформации прежней советской общественно-политической системы, основанной на фактическом слиянии господствовавшей коммунистической партии, государства и гражданского общества, в современную политическую демократию и правовое государство. В данной связи важно учесть, что в марксизме, служившем идеологической основой советского режима, была заложена возможность полного растворения индивидуально-личностного начала в коллективном, будь то гражданское общество или государство. Маркс был убежден в том, что человек может найти себя и освободиться лишь тогда, когда он станет действительным родовым существом, что его спасение — в слиянии с родом, обществом.

У основоположников марксизма речь шла о построении коммунистического общества без государства. Вот почему в их глазах применительно к будущему отношения между государством и гражданским обществом теряли всякий смысл. В царстве свободы вы не вправе поднимать вопросы о свободах. Они представляли себе общество не только без господства, но и без власти. Считалось, что освобождение человечества придет в результате уничтожения классовых различий и последующей ликвидации разделения между гражданским обществом и государством, а также достижения координации и объединения личного и коллективного существования. В итоге в условиях реального социализма государство, которое рассматривалось как выразитель и гарант всеобщего интереса, по сути дела полностью подчинило, поглотило и подменило гражданское общество.

С исчезновением СССР и переходом России на рельсы экономической модернизации и создания политической демократии на повестку дня со всей остротой встал вопрос о гражданском обществе, о его сущности, путях и формах возрождения и укрепления его институтов, ценностей, отношений. На этом пути Россия за последние десять лет добилась заметного прогресса. Прежде всего восстановлено в правах частное начало в общественной жизни и особенно его краеугольный камень — частная собственность. Постепенно в экономике утверждаются рыночные принципы свободной конкуренции. Восстановлены и более или менее успешно функционируют множество автономных, независимых от государства социальных, культурных, профессиональных, образовательных и иных институтов. При всех возникающих на этом пути трудностях формируются разнообразные заинтересованные группы и политические партии, свидетельствующие о более или менее успешно протекающем процессе кристаллизации и структурирования интересов различных социальных сил. Наиболее зримым показателем успеха в этом направлении является формирование и институционализация независимых средств массовой информации. Однако нельзя забывать, что Россия прошла лишь незначительный отрезок этого весьма сложного и долгого пути.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные подсистемы человеческого социума и дайте их общую характеристику.
2. Какова взаимосвязь этих подсистем?
3. Какое место среди этих подсистем занимает гражданское общество?
4. Перечислите основные исторические вехи формирования и эволюции гражданского общества.
5. Каковы сущностные характеристики гражданского общества?
6. Назовите основные элементы гражданского общества.
7. В чем суть плюрализма и принципа разделения различных сфер общественной жизни?
8. Каковы особенности формирования гражданского общества в России?

Глава 4. ВЛАСТЬ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Власть и господство — базовые характеристики любого человеческого сообщества. С этим мы в той или иной форме встречаемся почти во всех сферах жизни людей. Речь может идти, например, о власти родителей над детьми в семье, руководителя предприятия над работниками, президента ассоциации над ее членами, мэра города над своими подчиненными, папы над прихожанами католической церкви. Часто понятие «власть» используется в качестве метафоры. Говорят, например, о власти традиций, власти предрассудков, власти идей, власти любви. Говорят также о власти человека над самим собой, власти над природой.

При всем том свое наиболее адекватное выражение понятие власти находит в политической сфере. Большинство исследователей совершенно справедливо придерживаются того мнения, что лишь власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Она отличается совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Государство — главный и единственный носитель политической власти. Специфическая особенность государственной власти состоит в том, что она осуществляется единой системой специальных центральных или высших и местных или нижестоящих органов, взаимосвязанных между собой по вертикали и горизонтали.

Именно понимаемая так власть и является предметом исследования данного раздела. Хотя власть и наделяется некоторыми общими, универсальными значениями, в разных социокультурных системах она может пониматься по-разному, иметь особые оттенки, включаться в разные системы координат идеального и т.д. Власть подразумевает людей — субъектов властных отношений, и с этой точки зрения она есть социальный институт. Поэтому

вполне естественно, что ее трактовка связана с субъективными позициями разных социальных групп или выражающих их интересы.

Исторические корни власти

Власть, как и государство, является одним из ключевых элементов мира политического. В течение многих веков мыслители, ученые и исследователи различных социально-философских и идейно-политических направлений пытались определить фундаментальную природу власти, основные ресурсы, обеспечивающие обладание властью и ее реализацию, границы, в которых могут быть использованы эти ресурсы, и соответственно применение самой власти. Немаловажное место в этих поисках занимало установление основных источников власти, факторов ее возникновения и последующей эволюции.

Как социально-политический феномен власть составляет антитезу состояния безвластия, отсутствия власти. Началу «архэ» (власти) в качестве символа организованного порядка в сообществе людей, регулируемого определенным комплексом общеобязательных норм и правил, противопоставлялось начало «анархэ» (безвластия) в качестве символа общественного устройства, в котором отсутствуют всякая власть, господство и принуждение. Ксенофан называл «анархией» время без Архона, т.е. без высшего правителя государства. Идеал такого общества, получивший позже большую популярность, на рубеже нашей эры изобразил римский поэт Овидий, назвавший его «золотым веком», «когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость».

Греческое слово «анархэ», означающее свободу от господства или состояние свободы, равно как и прилагательное «анархос», сохраняют свое значение в почти неизменном виде со времен Гомера и Геродота. Анархическими можно считать общину без вождя, общество без государства, армию без командующего, команду корабля без капитана, банду разбойников без главаря и др. Причем большей частью с античных времен это слово употреблялось с отрицательным оценочным оттенком. Для подавляющего большинства античных мыслителей был самоочевидным тот факт, что человеческое общежитие всегда нуждается в «ар-хе», т.е. властном начале, призванном укротить стихийные импульсы людей и обеспечить порядок в обществе.

Анализ исторических форм сообществ людей показывает, что разного рода идеи о некогда существовавших свободных обществах без принуждения и господства относятся к жанру политических утопий, но никак не к реальной истории. То же самое верно и применительно к различным вариантам анархизма, которые, в отличие от большинства традиционных утопий, предлагавших модели справедливой власти, предлагают (во всяком случае в идеале) идею свободы от любых форм власти. Уже в первобытно-общинных сообществах существовали системы нормирования и регулирования социальных отношений. М. Вебер называл эту систему «регулируемой анархией». Но с такой оценкой можно согласиться лишь с соответствующими оговорками, поскольку, хотя в отдельных общинах, возможно, и не было каких-либо четко фиксированных норм и правил институционализации и функционирования системы власти, вряд ли правомерно говорить о какой бы то ни было анархии в собственном смысле слова или тем более о некоем «безличном господстве», «господстве без господ», как это пытаются обосновать некоторые авторы. Уже первобытная община, по-видимому, была немыслима без конкретных обязательных норм, правил и табу, предусматривающих самую широкую гамму наказаний, в том числе насильственных.

Более того, властный императив теснейшим образом связан с первоначалами человеческой истории. Рассматриваемую в качестве инструмента контроля поведения людей власть лишь с определенными оговорками можно назвать историческим феноменом. Дело в том, что власть коренится в самой природе человека как общественного существа. В данном случае речь идет не только и не столько о природной склонности человека подчинить себе других людей, стремиться к более высокому положению в статусной иерархии или ницшеанской воле к власти, сколько о том, что без власти не может быть и самого человека и человеческого общества. Именно властное начало сыграло если не определяющую, то во

всяком случае немаловажную роль в процессе вычленения человека из стада. Дело в том, что само возникновение человека, его выход из животного или стадного состояния теснейшим образом связан с укрощением отдельных природных задатков. Необходимость в таком укрощении была вызвана потребностями формировавшегося человеческого общества подчинить эгоистически-индивидуалистические и агрессивные устремления отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива в лице рода или племени. По-видимому, особенно на первоначальных этапах в основе власти лежало скорее отрицательное, нежели положительное начало. Не случайно табу и по сей день имеет запретительный смысл.

В этом смысле рудиментарные элементы власти первоначально возникли в форме отдельных табу, или запретов на те или иные действия или акты, которые считались очевидными в стадном состоянии. Или иначе говоря, превоначально власть коренилась в табу. Первым властным актом, по-видимому, нужно считать именно первое табу, т.е. запрет делать, или приказ, веление не делать человеку то-то и то-то. *«Приказ,*— писал Э. Канетти,— *старше, чем язык, иначе его не понимали бы собаки. Дрессировка животных заключается как раз в том, чтобы они, не зная языка, научились понимать, что от них хочет человек. В коротких ясных приказах, которые в принципе ничем не отличаются от приказов, адресуемых людям, животным объявляется воля дрессировщика. Они ее исполняют, соблюдая также запреты. Поэтому с полным основанием корни приказа можно искать в древности; по крайней мере ясно, что в каких-то формах он существует и вне человеческих обществ».*

По-видимому, первого, кто произнес сакраментальное выражение «Ты не должен...», можно считать основателем власти и закона. Без таких табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия и вседозволенности, или анархэ к состоянию архэ, когда человеку под угрозой наказания, в том числе и путем применения физического насилия, не дозволяется делать те или иные вещи.

В основе этого лежит тот факт, что сама сущность человека определяется прежде всего социальным началом. Поскольку становление человека — процесс формирования его сущности, антропогенез представляет собой одновременно социогенез. Иначе говоря, антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны друг с другом, составляют две стороны единого процесса антропосоциогенеза. Процесс становления человека и человеческого общества представлял собой процесс формирования механизмов обуздания, ограничения, подавления зоологических инстинктов, таких, например, как пищевой и половой, постановки их под контроль общества, введения в определенные социальные рамки. Другими словами, императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам человеческого общежития. Более того, возникающие в процессе антропогенеза новые социальные потребности были одновременно потребностями в ограничении биологических потребностей.

Одним из таких важных механизмов и являлось табу. Оно, как искусственное человеческое образование, лежит у истоков власти и позитивного закона или права. Иначе говоря, власть так же стара, как и сам человеческий вид. В этом смысле процесс табуизации, по сути дела, совпадал с процессом формирования власти. Стало быть, власть возникла не на определенном этапе человеческой истории, а вместе с самим человеком, возникновение власти неотделимо от возникновения человека. Не случайно древнегреческое слово «архэ» означает одновременно «власть», «главенство», «начало» или «первоначало». Аристотель сообщает, что Фалес, считая воду первоначалом всех вещей, именовал это первоначало словом «архэ». [Правда, Гегель утверждал, что *«в действительности Анаксимандр был первым, употребившим выражение архэ, так что Фалес еще не обладал этим определением мысли; он знал архэ как начало во времени, но не как начало, лежащее в основании вещей».*] Не случайно и то, что, провозгласив свою знаменитую максиму panta rei, Гераклит объявил сам процесс изменения, беспрерывную смену возникновения и разложения первоначалом — архэ. В более поздние эпохи, например в поздней античности и в наше время, ослабление власти связано с вольным

или невольным снятием тех или иных табу, с процессом частичной детабуизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности.

Из сказанного можно сделать вывод, что власть возникла с возникновением человеческого общества и вместе с ним прошла длительный путь развития. Весь исторический опыт убедительно показывает, что она — необходимый элемент общественной организации, без которого невозможны жизнеспособность и функционирование общества, она призвана регулировать взаимоотношения между людьми, между ними, обществом и государственно-политическими институтами. Более того, власть является одиним из главных (если не самым главным) ресурсов любого человеческого сообщества. Притягательность власти с данной точки зрения состоит в том, что властные рычаги дают возможность влиять на производство, распределение и потребление этих ресурсов. Очевидно, что те, кто занимает подчиненное положение, будут стремиться свергнуть существующие власти и занять их место. Поэтому борьба между теми, кто обладает властными рычагами, и теми, кто стремится их взять, составляет неизменный закон человеческой жизни.

Ключ к власти лежит в способности ее субъекта контролировать поведение других людей и манипулировать социально-политическими процессами. В данном контексте под властью подразумевается способность ее субъекта (отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства) навязать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями с помощью насильственных или ненасильственных средств и методов. Другими словами, здесь речь идет о способности того или иного субъекта навязать свое господство другим людям, группам, классам, обществу в целом.

Власть и монополия на законное насилие

Можно выделить множество первоначальных истоков власти и господства. Самым бесспорным из них является сила, которая, в свою очередь, выступает в разных формах. Следует отметить, что по данному вопросу существует широкая гамма мнений от буквального отождествления власти с силой и физическим насилием до полного отрицания ее связи с силой. Как считал, например, Э. Фромм, «в *психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости».* По его мнению, во власти *«проявляется неспособность личности выстоять в одиночку и жить своей силой».* Власть — это не что иное, как отчаянная попытка приобрести заменитель силы, когда подлинной силы не хватает. Более того, *«сила в психологическом смысле не имеет ничего общего с господством; это слово означает обладание способностью... "власть" и "сила" — это совершенно разные вещи».* Понятия «господство» и «потенция» — отнюдь не совпадающие, а взаимоисключающие друг друга понятия. *«Власть,—* утверждал Фромм,*— это извращение силы, точно так же как сексуальный садизм — извращение половой любви».* Несколько другая точка зрения представлена С.Л.Франком, по мнению которого *«насилие и принуждение может быть в политике только подсобным средством, но не может заменить собою естественного, органического, почвенного бытия».*

Но это только в идеале. В реальной же истории человечества любая властная система так или иначе, в той или иной степени основана на акте или актах насилия. Сила слишком часто выступала в качестве не последнего, а первого и решающего аргумента. Необходимость насилия и принуждения в качестве механизмов регулирования поведения людей в обществе определяется недостаточностью одних только средств поощрения и порицания. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение. Подчеркивая значимость этого факта, в «Законах Ману» отмечалось: *«Наказание — царь, оно — мужчина, оно — вождь и оно — каратель... Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле... Весь мир подчиняется (только) посредством Наказания... Все варны испортились бы, все преграды были бы. сокрушены, и произошло бы. возмущение всего народа от колебания в (наложении) Наказания. Где идет черное, красноглазое Наказание, уничтожающее преступников, там*

подданные не возмущаются, если вождь хорошо наблюдает». Необходимость санкций, наказаний, запретов вытекает из самой противоречивой природы человека.

По-видимому, выражение «сильный всегда прав» восходит еще к тем временам, когда спор решался исключительно с помощью физического насилия. В этом смысле власть представляет собой проявление превосходства в сугубо материальном смысле: если я обладаю способностью подавить или убить другого человека, то я «сильнее» его, я способен подчинить его своей власти.

Слишком часто власть являлась результатом военной победы, узурпации, брато- и отцеубийства, государственного переворота или какого-либо другого незаконного деяния. Для любого историка это настолько очевидный факт, что здесь вряд ли надо приводить какие-либо примеры. Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что с самого зарождения власти на ней, как говорится, лежит каинова печать. Приходится признать и то, что в основе множества самых мирных, считающихся в наши дни самыми законными и укладывающимися в рамки права общественных и политических феноменов лежат насилие и другие формы противозаконных действий. Так, все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства прошли испытание насилием. Например, национально-государственный суверенитет, торжество права и закона над божественным правом государей на власть, разделение властей первоначально являлись объектами ожесточенной идеологической и политической (в том числе и вооруженной) борьбы между противоборствующими группами, сословиями, классами, государствами.

На пути разработки, учреждения и институционализации этих принципов и институтов каждая страна прошла через революции, гражданские войны, цареубийства и другие формы насилия. Великобритания, считающаяся одной из самых совершенных демократий современного мира, пережила две революции, причем в первый раз она избавилась от своего короля отрубив ему голову. Еще в большей степени это верно применительно к Франции, которая прежде чем окончательно принять демократические ценности и институты, прошла через несколько революций и переворотов. В США политическая демократия и рыночно-капиталистические отношения одержали окончательную победу лишь в результате самой жестокой и кровопролитной со времен Мария и Суллы гражданской войны.

Естественно, что власть ни в коем случае нельзя свести к силе, тем более, к голой физической силе или насилию. Но нельзя не учитывать и тот факт, что власть, не опирающаяся на силу, не способная добиться реализации своих решений, в том числе силой или угрозой применения насилия, может оказаться благим пожеланием или просто блефом. В этом смысле власть представляет собой форму выражения силы. Одна из главнейших задач государства — разрешение противоречия между необходимостью порядка и разнообразием интересов в обществе, сопряженных с конфликтами. С этой точки зрения государство и власть, политическое в целом призваны внести порядок в рациональную организацию, в социально-политический процесс, обуздать стихию человеческих страстей.

Поэтому естественно, что и государство и власть самым тесным образом связаны с насилием. Государство, даже самое демократическое, представляет собой во многих отношениях механизм принуждения, насилия над людьми. Но это насилие особого рода. Еще Т. Гоббс (продолжая в этом вопросе традицию Н. Макиавелли) усматривал главный признак государства в «*монополии* (курсив мой.— *К.Г.)* на принуждение и насилие». Дж. Локк считал политической властью *«право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры. наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты, государства от нападения извне — и все это только ради общественного блага».*

С тех пор этот тезис в разных редакциях стал общим местом в большинстве теорий государства. Данную мысль в несколько иной форме выразил известный немецкий правовед XIX в. Р. Еринг, который подчеркивал, что государство обладает абсолютной монополией на принуждение. Наиболее завершенную разработку данный тезис получил у М. Вебера. Он, в частности, утверждал, что государство невозможно определить социологически в терминах его

целей или из содержания его деятельности, поскольку нет такой задачи, которая была бы исключительным достоянием государства. Поэтому, говорил Вебер, четко очерченный признак государства следует искать в средствах, которые оно использует. Таким средством, по его мнению, и является насилие: *«Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство».*

Исходя из этой посылки, М. Вебер рассматривал государство как *«организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции».* Хотя сущность государства и власти, политического в целом, как будет показано ниже, и нельзя свести всецело к отношениям господства и подчинения, все же с точки зрения власти и властных структур эти отношения отличают политическое от других сфер общественной жизни. Более того, государство, власть и насилие немыслимы друг без друга. Хотя, подчеркнем, насилие не является единственным средством государства. Но это специфическое для него средство.

Государство, особенно если речь идет о современном государстве, в котором как бы в едином организме сочетается множество разнообразных конфликтующих, зачастую несовместимых друг с другом интересов, устремлений, установок и т.д., не в состоянии обеспечить выполнение своей главной функции по реализации общей воли своих подданных одними только уговорами или благодаря их сознательности и доброй воле. В данном контексте власть является как бы данью, отдаваемой греховной природе человека, средством, призванным бороться с несовершенством человека и социального мира в целом.

Мировая история по большому счету еще не знала государства без механизмов и средств предотвращения и наказания уголовных правонарушений, без системы исправительных учреждений. Насилие или угроза применения насилия является мощным фактором, сдерживающим людей от всякого рода поползновений на жизнь, свободу, собственность других членов общества. Непременные атрибуты государства — человек с ружьем, армия, полиция, призванные гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность как самого государства, так и всех без исключения его подданных. Они составляют инструмент силового обеспечения политики государства. В этом контексте прав французский мыслитель конца XVIII—начала XIX в. Ж. де Мэстр, который говорил: «бог, сотворивший власть, сотворил и наказание... палач сотворен вместе с миром».

Государство отличается от всех других форм организации людей тем, что оно располагает военной силой и судебно-репрессивным аппаратом. Более того, государство вправе не только применить к своим подданным в случае необходимости насилие, но и требовать от них служения с оружием в руках для применения вооруженного насилия к врагам самого государства.

При этом необходимо учесть следующее обстоятельство. В принципе насилие может быть применено и нередко применяется родителями в отношении своих детей, руководителем предприятия — в отношении своих подчиненных и др. Но все дело в том, что в любом из этих случаев действия применяющих насилие противоречат закону. Более того, закон запрещает такие действия под угрозой применения к ним самим насилия. Что касается государства, то формы, средства, условия использования им насилия или угрозы применения насилия строго определены и регламентированы законом.

Поэтому и говорят о *легитимном,* или *узаконенном* насилии со стороны государства. Важно учесть также не только легитимность насилия, применяемого государством, но и то, что ему и только ему принадлежит это исключительное право. Коль скоро все граждане независимо

от социального положения, национальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности равны перед законом, то ни один из них не вправе (кроме тех случаев, которые предусмотрены законом) применить насилие в отношении другого человека. Это касается и разного рода организаций, объединений, союзов, заинтересованных групп.

Другими словами, право применения или угрозы применения насилия отнято у всех индивидов и коллективов, составляющих общество, и сосредоточено в одном месте — у государства. Государство не просто наделено правом на применение насилия, а пользуется исключительным правом, т.е. монополией на применение насилия. Поэтому-то и говорят, что государство обладает монополией на легитимное, или узаконенное насилие. Причем такая монополия составляет важнейшее условие самоорганизации и интеграции высокодифференцированного общества.

Очевидно, что в современном государстве сила, насилие и принуждение облекаются в форму писаных или неписаных законов, разного рода запретов и предписаний, которые в существенной своей части строго определены и при необходимости исполняются с использованием силы. При всем сказанном, власть отнюдь не сводится всецело к функции насилия. Во властных отношениях подчиненный, будучи одной из сторон, тоже является участником этих отношений. Выше уже говорилось, что цель самоорганизации государства дается как бы изнутри. Это выражается, в частности, в том, что сама идея государственности включает в своей основе начало солидарности, вытекающей, как подчеркивал С.Л.Франк, из онтологического единства «мы». *«Государственное единство в лице патриотического сознания более всего утверждается через интимное сознание местных областных единств, через любовь к своеобразию своего родного города или родной области, через привязанность к местным обычаям, песням, диалекту... Общество, как живой организм, именно постольку прочно и жизненно: поскольку оно, как всякий сложный организм, складывается как иерархическое многоединство подчиненных и соподчиненных низших общественных единств».*

Государство представляет собой единство всеобщего и частного интереса, синтез всеобщей и частной идеи. Здесь к началу личной свободы и личных прав присовокупляются начала обязанности. Каждый конкретно взятый гражданин должен действовать не только в собственных интересах, но и во имя общего блага, преследовать не только частные цели, но и носить в своем сознании начала общественные. Все это позволяет сделать вывод, что власть проявляется не только в насилии, но также в различных *«динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств».*

Общество или государство представляет собой не некое механическое соединение тех или иных институтов и отношений, а формы самоорганизации человеческих сообществ, где единство не навязано извне силой, а дано как бы изнутри. С данной точки зрения немаловажен тот факт, что помимо насилия власть имеет своим основанием целый ряд других источников, например традицию, обычай, добровольное делегирование полномочий гражданами на основе договора и т.д., место, значение и роль которых общеизвестны. Поэтому политическая власть никогда не бывает всеисключающей. Рядом с ней и зачастую в противовес ей существует множество других источников и форм власти и авторитета, которые призваны уравновешивать и ограничивать ее. Это власть и авторитет традиции и обычая, разного рода организаций, объединений, институтов гражданского общества, такие как церковь, семья, университеты, бизнес, общественное мнение и средства массовой информации, профсоюзы и заинтересованные группы, господствующие в обществе нравственные императивы.

В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы прямо пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе. Как же в этом случае совместить принцип единства и неделимости верховной власти государства? Дело в том, что в соответствии с большинством современных теорий верховная государственная власть имеет некие границы, которые она не вправе преступать. Это — неотчуждаемые права личности на жизнь и свободу мысли от внешнего вмешательства. Как подчеркивал П.И.Новгородцев, императивом для

верховной власти остается «идея суверенитета народа и личности». Между правом, государством и отдельно взятой личностью существует некий договор относительно этих неотчуждаемых прав личности на жизнь, свободу и независимость, договор, подкрепленный «народовластием и парламентаризмом» в Конституции. Гарантией сохранения и реализации прав личности Новгородцев считал строгое разделение прерогатив и функций властей, призванное не допустить перекоса в пользу какой-либо ветви власти, в том числе и «деспотизма парламента». При этом он всячески подчеркивал, что «под единой властью... не разумеется, конечно, власть единоличная».

Очевидно, что в современную идею суверенитета органически встроены принципы, не допускающие ее использование в целях установления деспотизма, будь то исполнительная или законодательная ветвь власти или отдельное лицо. Необходимо учесть, что в подавляющем большинстве стран развитого мира сама политическая власть не является неким монолитом, а различные ее компоненты уравновешивают друг друга как бы изнутри. Этому, в частности, служит *система сдержек и противовесов,* предполагающая существование множества конкурирующих между собой центров власти, призванных обеспечить «равновесие власти». Особо важное значение для достижения такого равновесия имеет принцип разделения власти на три главные равносущные ветви — *законодательную, исполнительную* и *судебную.* Разделение властей отражает конкретные интересы конкретных социальных и политических сил, их борьбу и взаимодействие.

Основные параметры власти

При анализе власти неизбежно возникает вопрос о ее соотношении с политическим влиянием и политическим авторитетом. Авторитет и власть настолько связаны друг с другом, что нередко встречаются довольно существенные трудности при их разграничении. Показательно, что в английском языке слово «authourity» используется для обозначения как власти, так и авторитета. Абстрагируясь от этого момента, можно констатировать, что на различных этапах исторического развития авторитет, по-видимому, служил одним из немаловажных источников власти. Это могли быть та или иная форма харизмы, авторитет полководца, ученого, мага, жреца, священнослужителя, хорошего специалиста в своей области и т.д. Интересны в этом плане наблюдения германского исследователя О. Хеффе. Он, в частности, обратил внимание на тот факт, что современное немецкое слово «Herrschaft» (господство) восходит к древнегерманскому слову «herscaf(t)», которое в свою очередь является производным от другого древнегерманского слова «her» (в современном немецком языке — «hehr»), означающего «благородный», «почтенный». Получается, что «господство» первоначально служило для обозначения превосходства в социальном статусе и авторитета. Позже значение слова «herrschaft» стали выводить из другого слова «herr», которое обозначает превосходство в возрасте и авторитете. «Herr» представляет собой, прежде всего, форму обращения, но постепенно оно приобрело смысл правового и экономического превосходства.

По мнению некоторых авторов, влияние — наиболее всеохватывающее из этих понятий, поскольку объединяет все формы убеждения, давления, принуждения и т.д. Выделяется также принуждение, рассматриваемое как форма влияния, характеризующаяся высокой степенью оказываемого давления, выражающегося в различных формах от экономического, социального, политического или иного запугивания до применения насилия. И действительно, в определенном смысле политическую власть и политическое влияние невозможно отличать друг от друга, поскольку власть представляет собой определенную форму влияния, а влияние, в свою очередь, это просто проявление причинно-следственных отношений. При всем том власть отличается от просто влияния тем, что она опирается на санкции. Как отмечали Г.Лассуэлл и А.Каплан, *«именно угроза применения санкций отграничивает власть от влияния вообще. Власть это особый случай осуществления влияния: она представляет собой процесс воздействия на политику других агентов с помощью (реальной или потенциальной угрозы) применения строгих санкций за неподчинение объявленному политическому курсу».*

Или, иначе говоря, власть может использовать физические санкции или угрозу физических санкций в случае неподчинения повелению или приказу. Влияние же предполагает, что то или иное лицо может модифицировать свое поведение или образ жизни, полагая, что его интересы лучше могут быть реализованы, если следовать образу жизни, поведения или просто совету другого лица. О политическом авторитете мы можем говорить в том случае, если лицо, которому приказывают поступить определенным образом, считает, что тот, кто приказывает, имеет на то моральное или иное право. Можно, например, обладать высоким научным или нравственным авторитетом, не обладая при этом властью. В целом власть нельзя отождествлять ни с авторитетом, ни с влиянием, хотя в идеале эти последние являются важными ее ингредиентами. В данном аспекте власть представляет собой систему отношений господства и подчинения, главная цель которой состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и т.д. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия.

Таким образом, с функциональной точки зрения задача власти состоит в реализации целей управления, здесь власть призвана осуществлять отношения господства и подчинения между правителями и управляемыми. Государство невозможно представить себе без властвования, господства и подчинения. Более того, можно сказать, что феномен власти имманентно присущ обществу. Но вместе с тем следует особо подчеркнуть, что власть имеет множество различных источников и опор и представляет собой многосторонний феномен, различающийся по своим масштабам, весу, объему и стоимости. Выделяются различные формы проявления и функционирования власти: насилие и принуждение, наказание и поощрение, контроль и управление, соперничество и сотрудничество. Она может носить как негативный, так и позитивный характер.

Из этого можно сделать вывод, что государство обладает публичной властью, т.е. прерогативами отдавать приказы и принуждать повиноваться этим приказам, что обеспечивается, в частности, монополией на легитимное насилие. Вместе с тем социальная система власти, будучи некоторой целостностью, включает ряд подсистем — правовую, административно-управленческую, военную, воспитательно-образовательную и другие, в которых как по горизонтальному, так и по вертикальному срезу устанавливаются определенные, характерные для каждой из них отношения. Конституции, кодексы, законы, административные решения и т.п. являются средствами реализации власти. В то же время власть подчиняется праву, призванному четко определить властные прерогативы и функции государства. В данном контексте особенность государства состоит в том, что оно обеспечивает реализацию повелительной силы норм права, которые отличаются от моральных, вероисповедных или иных норм, куда государству нет доступа.

Власть существует не в вакууме. Основные ее параметры определяются в зависимости от ресурсов, которыми она располагает, целей, которые она перед собой ставит и ее способности контролировать положение. Она предполагает прежде всего взаимодействие между различными ее субъектами, в качестве которых в сфере международных отношений выступают различные государства. В этом контексте можно сказать, что власть — это своеобразная система коммуникации между различными ее субъектами, субъектами и объектами, между двумя или более лицами или сторонами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. *«Власть,*— подчеркивал Т. Парсонс,— *занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах».* В этом смысле, по справедливому замечанию К. Дойча, власть представляет одно из «платежных средств» в политике, которое применяется там, где не срабатывает влияние или добровольное согласование действий.

Суверенное национальное государство — главный субъект политики в качестве носителя не только власти в рамках отдельно взятой страны, но и главного субъекта политических отношений на международной арене. Будучи носителем суверенитета и единой воли составляющих его людей, государство вправе использовать свои полномочия не только внутри страны, но и распространять свои действия вовне, вступая во взаимоотношения с другими государствами. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять

внешнюю политику, выступать в качестве субъекта отношений с другими государствами, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир.

В сфере международных отношений власть — это прежде всего способность одного субъекта контролировать поведение другого субъекта или группы субъектов. При таком понимании власти необходимо определить, кто кого или что контролирует. А это предполагает, что актеры (действующие лица) международных отношений взаимодействуют друг с другом. Соответственно, власть в данной сфере предполагает конфликт. С этой точки зрения важно определить, как субъекты международной политики, вступающие в взаимоотношения друг с другом или находящиеся в состоянии конфликта между собой, воспринимают и оценивают друг друга.

Как правило, субъектов мирового сообщества называют сверхдержавами, великими державами, средними и малыми государствами в зависимости от масштабов власти, которой они обладают. Естественно, от масштабов власти зависит вес и влияние конкретного государства на мировой арене. Из этого можно сделать вывод, что в международных отношениях, как и во внутриполитической системе, власть зачастую играет ту же роль, которую деньги играют в экономике, или, как отмечал Дж. Ротгеб, роль «международно-политической валюты», используемой для приобретения определенных результатов или достижения своих внешнеполитических целей.

Власть — величина не постоянная. Как и сумма денег, объем ее может уменьшаться или увеличиваться. Например, энергичный деятель, пользующийся поддержкой населения, способен придать власти дополнительную значимость и силу. Власть сама по себе носит символический характер и является инструментом выявления, определения и реализации коллективных целей. Ее эффективность в данном контексте определяет меру ее ценности. Власть прибегает к силе лишь в тех случаях, когда члены коллектива не подчиняются его общим интересам.

С этой точки зрения власть сильна и дееспособна не тогда, когда она всемогуща и прибегает к силе в качестве не prima ratio (первый аргумент), а ultima ratio (последний аргумент). Она сильна тогда, когда проявляет максимум заботы о членах общества и обеспечивает оптимальные условия для их безопасности и самореализации. Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации. Нельзя забывать, что политика — это не только насилие или угроза применения насилия, наказание и конфликт, но и обещания, вознаграждения, сотрудничество, обмен и др. В методологическом плане власть как отношение между двумя или более партнерами опирается на общепринятые или юридически закрепленные в данном обществе ценности и принципы, определяющие и регулирующие место, роль и функции как отдельного человека, так и социальных групп в системе общественных и политических отношений.

Государство как носитель и субъект власти, обладая специальным профессиональным аппаратом, выполняет основные функции по управлению делами общества и распоряжается его природными, материальными и людскими ресурсами. Среди этих функций важное место занимают управление социальными и экономическими процессами, сферами духовной жизни, регулирование социальных, национальных, международных отношений, обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, гарантирование соблюдения общеобязательных норм и правил поведения в обществе и государстве.

Контрольные вопросы

1. Какое именно содержание вкладывается в понятие «политическая власть»?
2. Когда и почему возникла власть?
3. Что такое монополия на законное насилие?
4. Каково соотношение между властью, авторитетом и влиянием?
5. Можно ли свести власть к одному только насилию? Если нет, то почему?

6. Что имеют в виду, когда говорят, что в сфере политики власть играет ту же роль, что деньги в экономике?

Глава 5. ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Государство и власть являются теми ключевыми элементами, вокруг которых объединяются все остальные составляющие мира политического. Определение сущностных характеристик государства и власти сопряжено с немалыми трудностями. Само понятие «государство» в смысле политически организованного общества сравнительно новое и связано с именем Н.Макиавелли. Древние греки использовали в данном значении слово polis, а римляне — термины res publics, civitas. Выражение status rei publicae и подобные ему, например status rei romanae, которые были в хождении в античности, в конечном счете трансформировались в понятие «государство» (stao, staat, etat, state). С самого начала данное понятие предполагало отношения господства и подчинения. Этот факт нашел наиболее законченное выражение в своем русском эквиваленте — слове «государь».

Общая характеристика

Как правило, само понятие «государство» используется в двух значениях. Так, когда говорят, например, о вмешательстве государства в экономическую жизнь или же за что-то оно подвергается критике, то речь идет об институтах и должностных лицах, составляющих в совокупности систему управления. А когда говорят, что Франция, Великобритания, Россия являются государствами, то имеется в виду, что они составляют человеческие сообщества особого типа, особым образом организованные нации, обладающие суверенитетом. Очевидно, что эти два значения тесно связаны между собой: государство в первом смысле управляет государством во втором смысле.

Государство организует и формализует мир политического. Оно является носителем политической власти, которая приведена в институционализированную форму и в этом качестве играет определяющую роль в реализации отношений власти. Государство представляет собой базисную структуру правления и порядка в обществе. Это — институт, призванный коллективно ограничивать индивидуальные интересы и страсти и тем самым обеспечивать контролируемую и упорядоченную свободу перед лицом возможного злоупотребления силой, хаоса и беспорядков. Оно тесно связано с такими вещами, как механизмы, структуры, учреждения, юрисдикция, власть и властные отношения, права, комплекс систематизированных отношений и т.д.

Государство включает систему, или вернее, машину управления — правительство, состоящее из конкретных органов и лиц, занимающих официальные должности и осуществляющих власть от имени государства. Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными функциональными отношениями. Они принимают решения общенационального значения, обязательные для исполнения как всеми без исключения звеньями государственного аппарата, так и гражданами. Каждый из высших органов государственной власти имеет реальную структурно-функциональную определенность, установленную конституцией, обладает известной самостоятельностью по отношению друг к другу. Это вытекает из самого принципа разделения властей на три самостоятельные ветви — законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждый из них выступает как самостоятельная субсистема в отношении общей управляющей системы.

Ключевыми особенностями современного государства являются: централизация политической власти, единые механизмы административного управления, постоянные профессиональные армии, легитимизация власти через институт представительства и др. На протяжении всего XX столетия происходило неуклонное расширение инструментария

политики государства в экономической и социальной сферах, что вело к дальнейшему увеличению его роли в общественной жизни.

Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть и ставка последней. *Государственная идея* — комплекс формализованных, догматизированных политико-правовых норм, правил, установок. В целом можно согласиться с Г.Алмондом, который характеризовал государство как нормативный центр политической системы, ее предел и оправдание. При таком подходе политику можно было бы определить как государственное осуществление общего блага, хотя при этом допускаются негосударственные и неполитические формы осуществления общего блага. Зачастую государство не без оснований рассматривается как институциональный аспект политического взаимодействия людей, составляющих то или иное общество. Более того, государство есть в некотором роде наиболее высокоорганизованная форма политического сообщества.

Ключевая роль государства в мире политического помимо всего прочего, как выше указывалось, проявляется и в том, что именно вокруг него как выразителя интересов всего общества, группируются все остальные политические институты, борьба между различными социально-политическими силами разворачиваются прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своему существу призвано обеспечить целостность и единство институтов и учреждений, выполняющих разнообразные функции управления. Например, политические партии, избирательная система, система представительства и т.д. немыслимы взятые сами по себе вне их связи с государством. Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство призвано выражать всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета.

Территориальный императив

Государство представляет все общество в совокупности, им и от его имени принимаются все без исключения властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения всеми ими. В основе государства лежит стремление к достижению стабильности внутреннего и внешнего мира, пронизывающее все человеческое бытие. Внутри государства, вокруг государства и между государствами развертывается большая часть политических процессов. Государство представляет собой основную форму политической самоорганизации общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному виду политического господства. С данной точки зрения отличительной особенностью современного государства является то, что оно представляет собой коллективность, жестко привязанную к определенной территории. Или, иначе говоря, важнейшей ее особенностью является так называемый территориальный императив. Вопрос о государстве — это с самого начала и прежде всего вопрос о границах, отделяющих территорию одних государств от других. Территория, важнейшие параметры которой в свою очередь определяются географией и месторасположением, имеет немаловажное значение для исторических судеб и перспектив любого государства или народа. Более того, в древнейший период истории человечества, когда природа в буквальном смысле слова продолжала диктовать людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации, географический фактор играл определяющую роль в жизни людей и государств.

При этом важно учесть, что география и месторасположение имеют множество аспектов, такие как размеры и масштабы территории конкретного государства, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и др. От этих аспектов зависит целый ряд параметров, которые указывают на потенциальные и реальные возможности государства, определяющие его место в мировом сообществе стран. Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы.

Ландшафт, степень плодородия почвы, природные ресурсы и другие факторы непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства, так и на плотности населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития путей сообщения, размещения ресурсов и народнохозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов. Немаловажное значение для безопасности и национальных целей имеет также близкое окружение государства. Все эти и другие связанные с ними факторы имеют решающее значение при реализации государством своих внутри- и внешнеполитических проблем. Поэтому неудивительно, что на протяжении всей истории, вплоть до недавнего времени, государства видели свою цель в защите и, по возможности, расширении территорий. Государства, особенно великие или мировые, во все времена руководствовались императивом расширения своего контроля над соседними странами и народами, а при возможности и над всей международной системой.

Со времени Вестфальского мира 1648 г. территориальные границы государств считаются священными и неприкосновенными (об этом более подробно см. ниже). Политическая организация современного мира базируется прежде всего и главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Причем, как увидим ниже, на данной территории нет какой-либо иной власти, кроме власти суверенного государства, юрисдикция которого распространяется на эту территорию. Государство есть субъект права и в качестве юридического лица его право-законность основывается на коллективности, неделимости единой территории, на которой живет эта коллективность. Как подчеркивал Л. Дюги, *«характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории».* Поэтому неудивительно, что само понятие политической власти с самого начала отождествлялось с отправлением власти на определенной территории и с самой этой территорией. Церковь, например, обладает той или иной формой власти и авторитетом, но она не является государством. Католическая и православная церкви по всем признакам представляют собой организованную коллективность. Церковь обладает верховной властью в делах веры, располагает администрацией, построенной по иерархическому принципу, но в отличие от государства не связана с определенной территорией.

Легитимность

Было бы чистейшей воды лукавством утверждать, что государство в одинаковой мере служит интересам, потребностям, нуждам всех слоев, классов, групп, категорий населения. Никогда нельзя забывать ту банальную истину, что общество не гомогенное образование — оно состоит из разнородных конфликтующих социально-политических сил, обладающих разными весом и влиянием, потребностями и интересами, разными, так сказать, весовыми категориями. Поэтому при любой форме государственного правления, в том числе и демократической, будут члены общества или граждане, более и менее равные. Даже применительно к демократии нельзя в буквальном смысле трактовать тезис, постулирующий, что власть принадлежит народу. Сторонники буквалистского толкования принципа народовластия, отстаивая формулу *«пусть народ решает сам»,* в должной мере не учитывают тот факт, что сначала необходимо установить, из кого именно этот самый народ состоит. Народ, взятый сам по себе, — это абстрактная категория и в качестве такового он ничего не может решать, он не правит и не может сам собой править. Это противоречит самой природе власти. Всякие рассуждения о народной власти, народовластии и прочие представляют собой не более чем политические и идеологические лозунги. Власть имеет иерархическую природу и на протяжении всей истории она часто служила интересам отдельных личностей, групп, классов, кланов, династий. Как полагают, еще в 430 г. до н.э. Перикл утверждал: *«лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все».* В том же духе через более чем две тысячи лет Ш.Л.Монтескье

говорил: *«хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным».*

И действительно, ни один народ не может обойтись без людей, способных управлять и властвовать, он просто нуждается в них. По-видимому, были правы В. Парето, Г. Моска и другие авторы, которые считали, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, при любом политическом режиме занимают представители элиты. Фактом является то, что при любом режиме имеется относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс. Но при этом необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы и особенно сам тип политической системы оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. Правящая или политическая элита по-разному осуществляет властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах. Что касается демократической формы правления, то она отличается от других форм не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом в борьбе за голоса избирателей.

Поэтому любая власть не может не испытывать потребности в системе легитимизации, сущность которой состоит в обосновании и оправдании права властвования существующей в данной стране формы правления. Эта проблема теснейшим образом связана с другим кардинальным вопросом об источниках и пределах власти. Устойчивость и жизнеспособность любой социально-политической системы или формы правления зависят от готовности ее субъектов или составляющих жить в соответствии с определенными законами и правовыми нормами. А это в свою очередь зависит в большей степени от уважения к власти и закону со стороны если не всех, то во всяком случае большинства граждан, признания ими законности или легитимности этой системы, нежели от страха применения к ним тех или иных санкций. Обеспечение легитимности, или легитимизация — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т.д., тем самым придавая смысл всему социальному порядку.

Политическая легитимизация — это признание по меньшей мере большинством общества правомерности господства, действующего в данный конкретный период политического режима. Даже самые тиранические режимы прошлого и наших дней претендуют на легитимность своей власти и считают нужным всячески подчеркивать ее. Как показывает исторический опыт, такую легитимность невозможно обеспечить одними только насильственными средствами. К примеру. Римская империя основывалась не только на силе и страхе применения принудительных санкций, но и на согласии, доброй воле и уважении ее подданных. Раз эти последние потеряны, презумпции законности режима и справедливости его законов бросается вызов.

Симптоматично, что доверию и уважению народа к правителям еще Конфуций придавал огромное значение. Так, отвечая на вопрос одного из своих учеников — Цзы Гуна о сущности истинного управления, он говорил, что в хорошо управляемом государстве должно быть достаточно продовольствия, достаточно вооружения и народ должен верить правителям. Причем, утверждал он, в случае крайней необходимости можно отказаться от вооружения. продовольствия, но не от доверия народа, поскольку *«без доверия [народа] государство не сможет устоять».* Многие могущественные мировые державы, которые казались вечными и незыблемыми, распадались и становились достоянием истории именно вследствие потери большинством граждан веры в его способность обеспечить их безопасность, благополучие и справедливость.

Тем более такая вера необходима для молодых, слабых, не устоявшихся государств. Быстрота и легкость, с которыми рухнула, например. Веймарская республика, объясняется прежде всего тем, что в глазах большинства немцев она не пользовалась легитимностью, поскольку считалось, что она была навязана Германии несправедливым Версальским договором. Особенно показателен в этом отношении пример Советского Союза, который не-

смотря на кажущуюся монолитность, фундаментальность и вечность рухнул в буквальном смысле слова в одночасье именно потому, что большинство народа перестало верить в его легитимность. А почему так произошло, это уже другой вопрос.

Иначе говоря, законная власть — это та, которую весь народ, во всяком случае большинство, признает властью. Некоторые авторы (например, М.Дюверже) даже считают, что принуждение силой, физической, экономической или иной, нельзя называть властью. По их мнению, о власти можно говорить лишь в том случае, когда подчиняющийся верит в то, что, подчиняясь велениям власти, он поступает нормально, справедливо и на законных основаниях. Таким образом, власть предполагает не только физическое принуждение, но и веру в законность такого принуждения.

Система легитимизации власти прошла длительный и сложный путь формирования и эволюции. В течение всей истории человечества вплоть до Нового времени определяющую роль в этом отношении играли мифология и религия. Их роль и функции состояли в обосновании идеи божественного происхождения власти вообще и власти того или иного князя, царя, императора, династии в частности. Нужно учесть, что в той или иной форме эта «божественная идея» прошла через историю почти всех существующих на земле народов, способствуя их консолидации в самые трудные времена. Более того, многие идеи, ценности, установки, связанные с мифологией и религией, составляли саму инфраструктуру общественного сознания различных сообществ людей, племен и народов. Мифы и религия, будучи частью исторической традиции того или иного народа, пронизывают его культурное наследие и не могут не отразиться на характере общественного сознания. Большинство мифов древних народов настойчиво подчеркивали божественный характер власти верховных правителей. Считалось само собой разумеющимся фактом, что цари, фараоны, императоры, короли прошлого получали власть как бы прямо из рук богов или же сами объявляли себя верховными божествами.

В большинстве мифов древних народов божества, от которых правители получают власть, являются, как правило, воплощениями справедливости, правды и добродетели, например шумерский бог Шамаш, древнеегипетская богиня Маат. Божественный характер власти фараонов означал, что она соответствует естественному божественному порядку справедливости — богине Маат. Эти представления отражены почти во всех известных древних законах. Так, изображая предложенные им законы как результат воли богов, древневавилонский царь Хаммурапи (1790 г. до н.э.) подчеркивал: *«По велению Шамаша, великого судии небес и земли, да сияет моя справедливость в стране, по слову Мардука, моего владыки, да не найдут мои предначертания никого, кто бы отменил их».* Согласно Ведам и Упанишадам, все варны должны следовать божественой дхамме — закону, долгу, обычаю, правилу поведения.

В древнекитайском мифе о божественном происхождении власти вся власть сосредоточена в личности императора Поднебесной, который является звеном, связывающим народ с Небом. Так, обосновывая божественную природу власти, Конфуций рассматривал ее в качестве незаменимого инструмента поддержания порядка в обществе и регулирования отношений между господствующими и подвластными. В системе государственного устройства Конфуция роль высшей направляющей силы отводилась Небу, определяющему, по его мнению, судьбу как самой Поднебесной, так и всех ее жителей. Оно помогает людям овладеть этическими нормами. Характерно, что прерогативы интерпретации воли Неба принадлежит исключительно цзюнь-цзы, т.е. тем, кто в совершенстве овладел принципами ли, или, иначе говоря, самим правителям и бюрократии. Поэтому неудивительно, что Небо изображается как страж основных догматов учения самого Конфуция, одно из центральных мест в котором занимает идея о цзюнь-цзы.

Согласно Священному Писанию, законы еврейского народа получены Моисеем прямо от Бога. Бог или боги передали власть людям, но в экстремальных случаях они действуют непосредственно, например через откровения, разного рода чудеса и т.д. Эта идея получила дополнительное подтверждение в концепции естественного права, как она была

сформулирована стоиками и христианскими мыслителями в конце античности. Как считали христианские теологи, *мир* — это творение высших сил, всевышнего и соответственно все его творения, в том числе и люди, связаны его волей, которая проявляется отчасти через откровение, как оно интерпретируется церковью, отчасти с помощью естественного разума. В соответствии с подобными установками в средние века легитимность власти обосновывалась волей божественного провидения и выводимым из него естественным правом.

Показательно, что и в наши дни нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновываются ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее местам, где говорится, что Бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история того или иного богоизбранного народа. История предоставляет нам множество свидетельств того, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Тесно связанный с нравственными нормами обычай представляет собой древнейшую форму хранения и трансляции социокультурного опыта от поколения к поколению и играет немаловажную роль в жизнедеятельности людей. В отличие от предметной стороны социальной культуры — орудий труда, продуктов материального и духовного производства — обычай представляет собой элемент деятельной ее стороны, которая включает общепризнанные нормы и правила общественно-политической жизни, взаимоотношений между людьми, их поведения, легитимизировавшиеся силой привычки, традиции и общественного мнения.

Легитимность власти нередко достигалась — и этот способ отнюдь не стал достоянием истории — путем ее персонификации. Здесь личность носителя власти в глазах подданных становится воплощением власти и даже самой властью, человек отождествляется с властью, он сам по себе как бы приобретает атрибуты власти. Этот феномен проявляется, в частности, в таком признаке, как приверженность харизматическому лидеру,— признак, который Алмонд считал достоянием обществ, где господствуют доиндустриальные и смешанные политико-культурные традиции. Речь идет о том, что то или иное лицо, облеченное властью или домогающееся ее, обосновывает свои притязания собственными достоинствами, такими как мужество, храбрость, героизм в бою, решительность в действиях, мудрость и знания при принятии тех или иных решений, какие-либо физические и духовные качества. Нередко именно личные качества давали возможность их носителям вознестись к вершинам власти и, более того, навсегда прописаться в качестве главных героев в анналах истории. Это первые племенные вожди, воины, «основатели» наций, городов-государств, империй, религий, «спасители отечества», люди, подобные Цезарю, солдатские императоры в поздней Римской империи периода упадка. Наполеон и т.д.

Ярко выраженная персонализация политической жизни и государственной власти характерна для России. Она способствует тому, что установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы скорее на личности конкретных политиков, нежели на политико-идеологические программы. В этом контексте облик и судьбы российской истории на различных ее этапах определяли Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина II, В. Ленин, Б. Ельцин и другие личности. По сравнению с остальной Европой в России отделение власти над людьми и власти над вещами, государственной власти и собственности, государственной или политической сферы и экономической, социальной и иных сфер произошло значительно позже и в весьма несовершенной форме.

Не требуется особых усилий, чтобы продемонстрировать, что харизматичность в различных ее новых формах и модификациях сохраняет актуальность и в современном мире. Более того, харизматические лидеры и харизма как факторы, определяющие симпатии и/или антипатии избирателей и соответственно их выбор, стали важнейшими элементами политической культуры всех типов в эпоху информационной революции и электронных средств массовой информации. Что касается тоталитарного типа политической культуры, то

харизма в крайних формах поклонения вождю — фюреру также является его неотъемлемой составной частью. По-видимому, во многом феноменом персонификации и харизматизации носителей власти объясняется широко наблюдающийся на всем постсоветском пространстве факт массовой поддержки избирателями бывших первых секретарей республик и областей, т.е. тех, кто являлся носителями власти, уже потерявшей свою легитимность. Получается в некотором роде парадоксальная ситуация, когда нелегитимная власть сохраняет легитимность, плавно перетекая в новые структуры, при этом просто переименовываясь или облекаясь в новые формулы, лозунги, программные документы.

Чтобы доказать законность своей власти или подчинить людей своей воле, государи во все времена использовали самые ухищренные средства. Среди них центральное место занимал запрет на информацию, которая каким-то образом способна подорвать господствующую форму правления. Именно этой цели с самого начала служила цензура, призванная скрыть от широкой общественности неугодные правящему режиму факты и сведения, закрыть ей доступ к так называемым подрывным идеям и концепциям. Этим объясняется то, что одни государи, как отмечал известный деятель Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. Ж.П. Марат, *«изгоняют из своих государств литературу, другие запрещают своим, подданным, путешествия, третьи не дозволяют народу размышлять, постоянно развлекая его посредством парадов, зрелищ, празднеств или же передавая его азарту игр... Если же добродетель недовольных не поддается подкупу, государи выдвигают против них наемные перья подлых писак, всегда готовых оправдывать угнетение, клеветать на друзей отечества, чернить со всем присущим им искусством защитников свободы, которых они объявляют нарушителями общественного покоя».*

Верность этого суждения доказывается множеством примеров из истории человечества от античности до наших дней. Целый ряд подобного рода примеров приводились в гл. 1. Самые, казалось бы, светлые головы античности в лице Гераклита, Платона и других призывали запретить, например, Гомера, Гесиода. Как известно, пресловутая практика «изгнания философов» широко применялась в самых что ни на есть демократических Афинах. Именно там институт остракизма стал одним из важнейших средств защиты спокойствия и целомудрия рядовых граждан. Для достижения данной цели не брезговали и цикутой, как это было с Сократом.

Особенно широкие масштабы цензура во всех ее формах и проявлениях приняла с институционализацией христианства в качестве государственной религии Римской империи. Рассматривая величайших мыслителей древности как исчадия ада и на этой основе санкционировав уничтожение большинства их творений, отцы церкви и христианские мыслители, по сути дела, способствовали фактическому обрыву античной традиции и преданию забвению на многие века духовного наследия античного мира. После принятия императором Константином христианства оно стало государственной религией Римской империи и приступило к утверждению своего верховенства в вопросах как веры, так и государственного правления, используя для этого все возможные и невозможные средства — от составления списков запрещенных книг до костров инквизиции.

Харктерно, что в тех случаях, когда не хватает аргументов для обоснования законности режима или формы правления, как правило, прибегают к разного рода лжи и фальсификациям. Так, признавая за государством право внедрять мифы, способствующие сплочению общества, Платон оправдывал обман и ложь, если они служат интересам государства. Однако, говорил он, ложь может быть исключительным правом правительства: должна быть «одна царская ложь». В средние века Игнаций Лойола в «Духовных упражнениях» совершенно серьезно рассуждал: *«Дабы избежать заблуждения, мы должны быть всегда готовы счесть черным то, что нам видится белым, если это предписывается духовными властями».* То, что эти доводы отнюдь не являлись просто упражнениями в словесной казуистике, свидетельствует множество примеров из жизни многих стран и народов.

Классическим примером такой лжи, построенной на фальсификации, являлся так называемый «Константинов дар», грамота, составленная в папской канцелярии примерно в

середине VIII в., с помощью которой римские папы в течение многих столетий обосновывали свои притязания на светскую власть а Западной Европе. В ней, в частности, утверждалось, что еще император Константин, принявший христианство и сделавший его государственной религией Римской империи в IV в., передал собственноручно папе Сильвестру I верховную власть над западной частью империи, в том числе над Италией. Подложность грамоты удалось доказать только Лоренцо Валле в XV в.

При всем том государство, как и любой другой общественный институт, считается легитимным, если оно служит благу всей совокупности его граждан. Главное требование, предъявляемое к властителям,— это гарантия справедливости правления. Принцип справедливости служит оправданию власти независимо от того, как трактуется само это понятие. Здесь как нельзя лучше подходит максима: «salus populi suprema lex», т.е. благо народа — высший закон. Однако остается нерешенным вопрос о том, что есть благо, интерес, воля народа. Именно по критерию справедливости и несправедливости и соответственно легитимности и нелегитимности проводилось разграничение между различными формами правления.

Так, *добродетель,* составной частью которой считалась справедливость, — ключевая категория античной философии. Под ней подразумевалось прежде всего качество, дающее человеку право управлять другими людьми. Поэтому философ, интересующийся проблемами политического правления, ставил прежде всего кардинальный вопрос: «Что есть добродетель?» По этому критерию в соответствии с традицией, заложенной Платоном, Аристотель, например, различал формы правления, в которых правители управляют «в общих интересах», т.е. для достижения «хорошей жизни» не просто лично для себя, а для всех членов государства, от форм правления, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, нежели общий интерес. Правильными Аристотель считал те формы, которые независимо от числа властвующих управляются, «руководствуясь общественной пользой», а те, которые имеют в виду собственную выгоду, *«только благо правящих — все ошибочны, и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей».* К первым он относил монархию, аристократию и политию, а ко вторым — тиранию, олигархию и демократию, выражающие соответственно выгоду одного, немногих и многих неимущих.

Намного более сложную систему легитимизации мы имеем в современном мире. Она сложилась в процессе возникновения и институционализации современного светского национального государства со всеми его атрибутами и сущностными характкристиками, такими как сувененитет, конституционализм, парламентаризм, правовое начало, разделение властей и др.

Большой интерес с данной точки зрения представляют типы легитимизации, предложенные М. Вебером. Вебер полагал, что правители могут претендовать на легитимность своего правления, а управляемые принять его законность на следующих трех основаниях. Первое — это «авторитет вечно вчерашнего», нравов, «традиционное» господство в том виде, «как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа». Здесь легитимность основывается на общепринятом убеждении в святости традиций и необходимости подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако и современные системы в значительной мере черпают свою легитимность из своих традиций. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности.

Второе — исключительные личные качества правителей, например героизм, принципиальность, смелость, решительность и т.д., объединяемых понятием харизмы.

Третье — «господство "легальности", в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил». Здесь законность власти определяется по признакам ее соответствия принципам рациональной

организации, эффективности и права. То, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда Вебер выводил следующие типы власти: *традиционную, харизматическую* и *правовую.*

В современных системах легитимизации в той или иной мере сохраняют актуальность и значимость все названные Вебером типы. Например, одной из опор, на которых держится английская государственно-политическая система, являются традиционные институты монархии и палаты лордов. Еще большее значение для ее сохранения, жизнеспособности и эффективного функционирования имеют принципы рациональной организации, среди которых центральное место занимают принципы правления права и закона, конституционализма и парламентаризма и др. В определенных условиях, хотя и косвенно, в общественном мнении прочность прерогатив того или иного правительства в значительной степени может быть усилена харизмой его руководителя или тех или иных его членов (наглядный пример этого — М.Тэтчер).

Разумеется, помимо названных в зависимости от национально-исторических, политико-культурных и иных факторов могут быть использованы также иные средства, доводы и аргументы. Например, при легитимизации либеральной демократии с этой целью привлекаются все ее важнейшие атрибуты, служащие показателями ее народности и справедливости: принципы представительства, выборности, плюрализма и др.

Суверенитет

В большинстве современных подходов к легитимности центральное место занимает идея суверенитета. Иначе и быть не может, поскольку она затрагивает такие ключевые вопросы, как источник и природа верховной власти. Трудно установить источник суверенитета государства. Но тем не менее это реальный феномен. Проблема суверенитета затрагивает не только иерархию властных структур в рамках государства, но и место самого государства в ряду человеческих сообществ, союзов, коллективов. Когда говорят о суверенитете государства, то подразумевается, что' все другие коллективы — общины, семьи, ассоциации, провинции, товарищества занимают подчиненное в отношении к нему положение.

Теория национального или государственного суверенитета формировалась вместе с идеей национального государства. Еще Ж. Боден совершенно справедливо подчеркивал, что государство без суверенитета немыслимо. И действительно, суверенитет составляет одну из основополагающих сущностных характеристик государства, тем более современного национального государства. Значимость и универсальность суверенитета состоит в том, что государству всецело и исключительно принадлежит верховная власть над всеми другими конкретными формами и проявлениями власти на всей территории, на которую распространяется юрисдикция данного государства. Суверенная власть не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальные власти зависят от нее, берут свою легитимность от нее. Государство может быть только суверенным. *Суверенитет* — основополагающий критерий государства. Если нет суверенитета, то нет и государства. Суверенитет определяет само бытие государства. Он призван обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование властной системы и служит критерием различения государства от догосударственного состояния.

Немаловажный интерес представляет вопрос об источниках суверенитета. Само собой разумеется, что при господстве идей божественного происхождения власти источником верховной власти в государстве считалась божественная воля. Как отмечалось ранее, постепенно сформировалась теория договорного происхождения государства и, соответственно, власти. К ним восходят теории народного суверенитета, согласно которым власть коренится в воле народа. Обращает на себя внимание тот факт, что уже со времен античности все настойчивее пробивала себе дорогу мысль о том, что власть или государство должны служить народу, а не наоборот. Так, еще Аристотель говорил, что семья как общественная структурная единица первична по отношению к государству. Не семья и другие простейшие человеческие реальности должны приспосабливаться к государству, а, наоборот,

государство должно приспосабливаться к ним. Эта мысль получила дальнейшее развитие на рубеже средних веков и Нового времени. В 1574 г., т.е. через два года после Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), когда были уничтожены тысячи гугенотов, Т.Беза опубликовал анонимно свою работу «О правах властителей по отношению к своим подданным», в которой, по сути дела, было сформулировано положение, ставшее одним из основоположений теории общественного договора. В начале работы Беза поставил вопрос: «Следует ли подчиняться властителям так же безоговорочно, как воле Божьей?» Отвечая на этот вопрос отрицательно, Беза обосновывал мысль о том, что, если короли нарушают божественные заповеди и бывают несправедливы, то народ вправе не подчиняться им. *«Не народы существуют для правителей,—* писал Беза,*— а правители для народов, так же как пастух нужен для стада, а не стадо для пастуха».*

Эта постановка вопроса получила дальнейшее развитие в Новое время. Считая, что верховная власть — не продукт естественного права, а некий исторический факт, Г. Гроций, например, утверждал, что она представляет собой результат добровольного договора, заключенного людьми «ради права и общей пользы». Само учение о народном суверенитете предполагает, что поскольку всякая власть исходит от народа, то за ней нельзя признать большей божественности, чем за самим народом, представителем которого эта власть является. Этот тезис стал азбучной истиной почти всех современных либерально-демократических теорий политики и политических систем.

Суверенитет означает, что юрисдикция государства распространяется на всю его территорию и на всех людей, проживающих на этой территории. В силу суверенитета государство обладает правом устанавливать связи с другими государствами, защищать и реализовать свои интересы. Таким образом, *суверенное государство* представляет собой территориальное образование, которое контролирует население, а также организации и группы, ассоциируемые с данной территорией. Государственный суверенитет включает такие основополагающие принципы, как единство и неделимость территории, неприкосновенность территориальных границ и невмешательство во внутренние дела. Если какое бы то ни было иностранное государство или внешняя сила безнаказанно нарушает границы данного государства или заставляет его руководителей принять то или иное решение, не отвечающее национальным интересам его народа, то можно говорить о нарушении его суверенитета. А это явный признак слабости данного государства и его неспособности обеспечить собственный суверенитет и национально-государственные интересы.

Различается суверенитет внутренний и внешний. *Внутренний суверенитет* — это право и полномочия повелевать всеми людьми, обитающими на национальной территории, как гражданами данного государства, так и не гражданами. *Внешний суверенитет* призван обеспечить территориальную целостность и невмешательство во внутренние дела страны со стороны внешних сил.

Национальное государство

Как уже отмечалось, идея суверенитета неразрывно связана с национальным государством. В средние века и большую часть Нового времени власть политического центра не в одинаковой степени покрывала все население и все находящиеся в его подчинении территории. То, что внешне казалось единым политико-государственным образованием или пространством, на самом деле представляло собой конгломераты множества сатрапий, провинций, княжеств, владений и др. Чем дальше они отдалялись от центра, тем слабее оказывалась хватка центра. Так что зачастую на периферии государства обширные территории в политическом отношении пользовались значительной долей самостоятельности. В данном смысле правы те авторы, которые считают, что в период до утверждения национальных государств государства и империи имели владения, но не четко очерченные.

Период феодализма примерно с VIII по XV в. характеризовался системой взаимно пересекающихся связей и обязанностей, в которой весь средневековый мир был фрагментирован на множество мелких, автономных по отношению друг к другу частей. Так, на

Апеннинском полуострове на большую часть территории одновременно претендовали римский папа, император Священной Римской империи и император Византии. Причем на эти же территории претендовали также местные правители и полуавтономные города. Политическая карта Европы с тех пор множество раз перекраивалась. На территории одной только Германии до ее объединения в последней трети XIX в. существовало около трехсот самостоятельных политических образований. По данным же исследователей в 1500 г. в Европе существовало примерно 500 более или менее самостоятельных политических образований, которые нередко имели весьма неопределенные границы.

Сложная сеть королевств, княжеств, герцогств и других центров власти еще больше осложнялась возникновением новых альтернативных центров власти в городах. Города и городские федерации, будучи зависимы от торговли и ремесла, а также накопления капитала, создавали различные социальные и политические структуры и пользовались независимыми системами правления, гарантированными специальными хартиями. Вслед за Венецией и Флоренцией в Европе возникли сотни городских центров. Но нигде одни они не определяли характер политического правления или политической идентичности.

В результате ни одного правителя или ни одно государство нельзя было считать суверенным в смысле обладания верховной властью над данной территорией и конкретным населением. Существовали государственные образования, которые не полностью контролировали свои территории в том смысле, что не обладали монополией на законное насилие на подведомственной ему территории. Например, феодальные государства сквозь пальцы смотрели на вооруженные стычки и конфликты между своими вассалами, но при условии, что последние не забывали о своих обязанностях перед верховным сюзереном.

В течение Нового времени политическая карта Европы радикально перекроилась. И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь около 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в том числе и международных отношений. Германия и Италия, какими мы их знаем в современном виде, вышли на общественно-политическую авансцену лишь в второй половине XIX в. Начало коренной перестройке международно-политической системы в данном направлении в Европе было положено Реформацией и восхождением национальных государств.

Централизованное национальное государство руководствуется скорее национальными или общегосударственными, нежели династическими интересами того или иного правящего дома. По мере формирования крупных национальных государств и поглощения ими множества мелких политических образований и четкой фиксации государственных границ политическая карта Европы приобретала совершенно иной вид. Так, к 1900 г. число государств сократилось примерно до 25.

Процесс формирования национальных государств сопровождался формированием соответствующей международно-политической системы. Условием притязаний каждого государства на верховную власть на своей территории является признание и за другими государствами равных прав на ведение дел по своему усмотрению в пределах своих границ. В результате формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания права юрисдикции в пределах соответствующих территорий, тем самым каждое государство обязывалось не вмешиваться в юрисдикцию другого государства.

Очевидно, что характер и форма современных государств определились на пересечении национальной и международной сфер. Именно на этом пересечении действовали те факторы, которые определили размеры государства, его внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т.д. Центральное значение с данной точки зрения имела способность государств обеспечивать и увеличивать свою мощь и в силу этого контролировать положение дел внутри страны и отношения с внешним миром. Иными словами, речь шла о способности государств организовывать средства принуждения в лице армии, военно-морских сил и других атрибутов военной мощи и использовать их в случае необходимости. Некоторые авторы даже утверждают, что функции государства *«носят преиму-*

щественно военный и преимущественно геополитический, нежели экономический и внутриполитический характер».

При этом каждое государство на практике проводило политику, направленную на защиту национальных интересов. Лучше всего это проявлялось в лихорадочном захвате ведущими европейскими державами в XIX в. колоний. Земля, море и постепенно воздушное пространство стали рассматриваться в качестве ресурсов, подпадающих под законный суверенитет того или иного государства на том единственном основании, что именно оно первым захватило определенную территорию и осуществляет над ней контроль. Захват и раздел ресурсов и территорий удавался тем державам, которые располагали соответствующими вооруженными силами, поскольку большей частью это было результатом силовой политики.

Иначе говоря, постепенно утвердился принцип суверенного равенства всех входящих в международное сообщество государств как друг перед другом, так и перед самим международным сообществом. Согласно этому принципу, мировое сообщество состоит из суверенных государств, каждое из которых самостоятельно определяет свою собственную форму правления, часто силой оружия или с помощью угрозы применения силы, и не признает над собой какой-либо иной верховной власти. Всякие пограничные или иные инциденты, возникающие между двумя соседними государствами, являются делом самих этих государств, которые способны решать их без вмешательства третьих стран, конечно, кроме тех случаев, когда сами заинтересованные стороны не попросят об этом. В качестве высшей ценности рассматривалась максимально возможная свобода каждого отдельно взятого государства в плане реализации своих национальных интересов. Здесь над государствами нет какой-либо иной суверенной власти, способной на законных основаниях навязать им свою волю. Именно государству принадлежит определяющая роль в реализации национального интереса на международной арене. Причем каждое государство ставит свой национальный интерес выше интересов всех других государств.

Международно-политические системы, как и экономические рынки, по своему происхождению носят индивидуалистический, спонтанный, непреднамеренный характер. Поэтому вполне естественно, что эту систему в литературе часто называют анархической. Считается, что в рамках этой системы в отношениях между государствами *естественное состояние — это состояние войны или состояние, при котором господствует гоббсовский закон «войны всех против всех».* Такой подход объясняется тем, что среди государств, как и среди людей, анархия или отсутствие правительства ассоциируется с возможностью применения несанкционированного насилия. Это заставляет все государства при отсутствии какого-либо верховного надгосударственного арбитра проводить силовую политику для защиты своих жизненных интересов. Более того, важнейшим, не всегда последним аргументом при решении спорных проблем между государствами выступала сила. При таком положении взаимное сдерживание государствами друг друга служит своего рода «ограничивающим фактором» по отношению к действиям тех государств, которые стремятся проводить политику, игнорирующую национальные интересы других суверенных государств.

Стержневым элементом международного права является *принцип суверенного равенства.* В этом плане суверенитет представляет собой международную юридически-правовую концепцию, используемую для определения главного субъекта верховной власти в международной системе. Такой верховной властью или суверенитетом обладает только государство, оно является единственным или главным носителем прав и обязанностей в системе международного права, единственным законным агентом применения легитимного насилия. Только государства имеют право формулировать и реализовывать международную политику. Все другие организации, группы или отдельно взятые лица таким правом не обладают.

Концепция суверенного равенства всех государств, независимо от их размеров, веса и влияния, была официально выдвинута на Второй Гаагской мирной конференции в 1907 г. Окончательно она получила санкцию международного права в Преамбуле Хартии Объединенных Наций, где зафиксировано положение о «равных правах... наций, крупных и малых» и в статье 2, в которой утверждается суверенное равенство всех членов Объединенных

Наций. Это положение получило отражение и в порядке голосования в Генеральной Ассамблее ООН — голоса какой-либо малюсенькой страны Карибского бассейна и США имеют равный вес.

Данная концепция касается вопросов обеспечения безопасности и целостности государства перед лицом всех форм внешних угроз. Этот принцип предполагает другой, не менее важный принцип невмешательства одного государства, каким бы могущественным оно ни было, во внутренние дела другого государства. И это независимо от форм правления, их внутренней политики и др. Иначе говоря, речь идет о взаимных обязательствах государств друг перед другом. Г.Моргентау выделил следующие три принципа, определяющие эти обязательства: *независимость, равенство* и *единогласие.* Независимость означает, что каждое государство вправе разрабатывать и осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику самостоятельно, не испрашивая на то разрешения у какой бы то ни было посторонней силы. Равенство предусматривает, что все государства в соответствии с нормами международного права и международных традиций равны между собой. Ни одно государство, независимо от его мощи, веса и влияния не может претендовать на свое превосходство над другими государствами, какими бы малыми они не были. Единогласие означает, что любое государство связано международными нормами и правилами игры лишь в том случае, если оно изъявила свое согласие с этими нормами и правилами. От каждого государства ожидают их соблюдения.

Таким образом, международное право предусматривает координацию поведения государств, а не подчинение воли одних государств воле других государств. Поэтому очевидно, что суверенитет государства отнюдь не означает, что оно вправе и способно делать все, что хочет, и может действовать изолированно от других членов мирового сообщества. Суверенитет и взаимозависимость государств друг от друга отнюдь не являются противоречивыми категориями. Суверенитет государства в рассматриваемом плане означает лишь то, что оно само для себя решает, как справиться с своими внутренними и внешними проблемами, включая и проблемы поиска союзников и помощи извне, тем самым ограничивая собственную свободу. *«Независимость — это не что иное, как умение распорядиться своей зависимостью»,*— справедливо подчеркивал такой решительный сторонник независимости и величия Франции, как Ш. де Голль.

Абстрактность и анонимность власти и государства

Государство — такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, имущественные и гражданские интересы людей. Для его самоорганизации ключевое значение имеет основополагающая цель, ради реализации которой различные компоненты пришли к согласию. Как правило, содержанием такой цели считается прежде всего осуществление общей воли, обеспечение всеобщего блага или интереса. Но сами эти последние также нуждаются в объяснении, поскольку, как и государство, они не имеют сколько-нибудь реальной формы существования, которую можно было бы ощутить или проверить с помощью органов чувств, представить в какой-либо материальной форме.

Если мы говорим, что государство действует, то допускаем, что оно обладает некой общей волей, в соответствии с которой оно действует. Но что такое воля и где, в каком конкретно органе, институте, феномене она сосредоточена? Скажем, в монархической Франции или самодержавной России можно было говорить о воле Франции или России, которая персонифицировалась в личности соответственно французского короля или русского царя. Очевидно, что весьма трудно, если не невозможно, во-первых очертить конкретные контуры этой воли, во-вторых, определить, каким именно образом она выражается в личности конкретного короля и царя. Мало что можно сказать и о воле какого-либо народа или нации, поскольку это также абстрактное понятие.

При всем том речь, разумеется, идет об общей воле всей совокупности граждан государств и об их общем интересе. Кто же эти граждане государства? Попытаемся ответить на этот вопрос. Формирование нации предполагает подчинение родовых, племенных, архаических,

патриархальных и других начал неким универсальным, космополитическим началам, разумеется в пределах определенной территории. Здесь фактически во всех случаях имеет место длительный исторический процесс сведения к единому знаменателю множества исходных элементов, являвшихся достоянием отдельных родоплеменных, этнических и иных образований, и конструирования на их основе некоторой общей для всей нации социокультурной инфраструктуры. На различных этапах исторического процесса в орбиту этого процесса попадал все более широкий круг родоплеменных групп, этносов, народов.

В государственных образованиях, созданных на родоплеменной или этнокультурной основе, отношения между людьми регулируются с помощью обычаев и традиций, в национальном же государстве — с помощью государственно-правовых норм и законов. Государство в современном смысле этого слова возникло, по-видимому, только тогда, когда родоплеменной принцип, принцип кровно-родственных отношений организации жизнеустройства людей и их разграничения дополнился территориальным принципом. По сути дела, государство в современном мире немыслимо без четкого разграничения территории, которую оно занимает, и территорий других государств. Можно привести множество случаев, когда принадлежность к нации не совпадает с этнической и антропологической принадлежностью. Можно сказать, что нация предполагает не только и не столько антропологическое и этническое происхождение индивида, сколько его социокультурную, историко-культурную и государственную принадлежность. Национальное государство пришло на смену сословному, партикуляристскому и административному. Во многих аспектах процессы формирования гражданского общества и национального государства, во всяком случае на Западе, совпадали, взаимно стимулировали друг друга.

В обоих случаях имел место процесс универсализации и космополитизации. В случае с гражданским обществом это был процесс ликвидации сословных или иных привилегий и утверждение гражданского статуса всех членов общества, равных перед законами государства. Государство, в свою очередь, измеряет поведение всех своих граждан общей меркой, независимо от их социальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности. Государство способствует национальному сплочению и институционализации нации, хотя государство не заменяет и не упраздняет ее. Но прав Л.А.Тихомиров, который писал: *«нация есть основа, при слабости которой слабо и государство; государство, ослабляющее нацию,— тем самым доказывает свою несостоятельность».* Однако нельзя не учитывать и то, что национализм (особенно этнонациональное начало) в политике может быть фактором как национального и политического освобождения, так и централизации государства, сопряженной с усилением репрессивного аппарата.

В рассматриваемом плане важный принцип государства — универсализм, или всеобщность. Его в формальном смысле не интересуют специфически национальные стереотипы поведения, культурное своеобразие поведения тех или иных этнических, религиозных или иных групп. Они интересуют его лишь в тех случаях, когда наносят ущерб интересам и правам отдельного гражданина, независимо от его социальной, национальной, религиозной принадлежности. Можно сказать, что государство имеет дело не с конкретным Ивановым, Сидоровым, Карапетяном, Мухаметшиным, Магомедовым и т.д., как представителями конкретных народов или конфессий, а с абстрактным гражданином, оно озабочено обеспечением условий реализации его интересов, прав и свобод.

Как не без оснований отмечал Э. Дюркгейм, назначение государства состоит в том, чтобы, с одной стороны, направлять «неразумную мысль» толпы с помощью «более продуманной мысли», а с другой стороны, освободить индивида, возвратить личности тот «простор», который отняли у нее «местные группы, обладающие властью, и церковь». Государство владеет наиболее совершенной внутренней организацией и в силу этого способно добиваться эффективного подчинения делу реализации своих целей всех подданных или граждан. Государства представляют собой конкретные политические образования в отличие от цивилизации, мирового сообщества, международно-политической системы, которые не имеют собственных границ, пределов юрисдикции, официальных институтов и руководителей,

полномочных принимать решения и реализовать их, не может контролировать ресурсы и т.д. Всеми этими атрибутами располагает национальное государство, которое обладает узаконенными полномочиями и средствами мобилизовывать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и многое, многое другое, что не под силу, во всяком случае в обозримой перспективе, цивилизации или тому или иному культурному кругу.

Государство призвано обеспечить предсказуемость поведения как людей, так и общественных и политических институтов, освободить население от страха за свою жизнь, создать благоприятные условия для его безопасности и взаимодействия как граждан единого государства. Государственная власть носит институпионализированный характер и отделена от личности того или иного конкретного руководителя, главы государства или правительства, от самого правительства, находящегося в данный конкретный период у власти. Эти последние в глазах управляемых предстают как простые агенты государства. С данной точки зрения основополагающими сущностными характеристиками современного государства являются его абстрактность, безличность и анонимность. В истории человечества государство в большинстве случав носило персонифицированный характер, т.е. отождествлялось с личностью определенного правителя или династией, которой принадлежала власть в данном государстве. В древнем Вавилоне, это, например, государство Саргонидов, в Персии — империи Ахеменидов и Сасанидов, в средневековой Европе — королевства Каролингов и Меровингов. Нередко империи или царства, созданные той или иной выдающейся личностью, прекращали свое существовние со смертью своего основателя. Такую участь постигли, например, империи Александра Македонского и Наполеона Бонапарта.

Это положение радикально изменилось с появлением национального правового государства, которое постепенно оттеснило административное государство. В нем абстрактность и безличность достигли совершенной формы и проявляются, в частности, в суверенитете, правовом характере и монополии на законное насилие, которые предполагают единый, обязательный для всех правовой порядок, уничтожение неравенства и разнообразия прав, которые зависели бы от социального, наследственного или иного статуса конкретного члена общества. Утверждаются равносущ-ность всех граждан и принцип равного обеспечения их прав.

В современном национальном государстве само государство и государственный аппарат как бы отделены от работающих в них чиновников и служащих, правительство как таковое от его членов в том смысле, что государство и правительство, государственный аппарат не являются собственностью тех, кто обеспечивает их функционирование. Политики, чиновники должностные лица государства являются наемными работниками, нанятыми этим последним для выполнения определенных ролей и функций. Их мировоззренческие и иные позиции должны быть отодвинуты на второй план, приоритет отдается критериям профессионализма. Религия и идеология, которые, при всех их различиях эпистемологического, сущностного и концептуального характера, в методологическом плане представляют собой однопорядковые явления, отделены от государства. Парламентская демократия с ее этнокультурным, социальным, социокультурным и иными формами плюрализма не приемлет ни государственной религии, ни государственной идеологии. Признав плюрализм интересов и партий, религиозных, этнокультурных, социально-экономических и иных различий, нельзя не признать плюрализм идеологий или идеологических течений в каждой отдельной стране, позиции которых по ряду важнейших вопросов совпадают, особенно что касается системообразующих аспектов. Такое положение и создает основу «единства во многообразии», консенсуса по основополагающим вопросам государственно-политического устройства.

Формирование и утверждение принципов абстрактности и безличности государства можно продемонстрировать на примере бюрократии. Государство представляет собой комплекс институтов, учреждений и органов, каждый из которых выполняет свои специфические функции законодательного, исполнительного и судебного характера. Речь идет прежде всего о парламенте (в демократических государствах), правительстве, правоохранительных органах. В

плане ведения повседневных дел в государстве ключевая роль принадлежит правительству. Важнейшая функция правительства — управление государственным аппаратом, посредством которого осуществляются властные функции. Административный аппарат составляет как бы становой хребет современного государства, органически скрепляющий в единое целое различные его институты по горизонтам и вертикали. Государственно-административный аппарат играет главную роль в реализации государственного регулирования и управления экономическими и социальными процессами. В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством представляет собой мощную разветвленную систему разнообразных органов, министерств и ведомств, служб управления государственными предприятиями, разного рода систем специализированных комитетов и комиссий.

Огромная административная организация, созданная для решения сложных проблем современной жизни, постепенно завоевывая определенную автономию от законодательной и судебной ветвей, нередко оказывается в состоянии самостоятельно формулировать и практически осуществлять политический курс в тех или иных сферах жизни. Хотя юридически правительство считается высшим органом управления, одновременно оно приобрело статус и функции волеформирующего политического института. В соответствии с ныне действующими во многих странах конституционными нормами правительство имеет широкие полномочия для вынесения важнейших политических решений, связывающих и законодателя. У него появился ряд новых функций, относящихся к так называемому политическому планированию, оно вторгается в сферу законодательства, разрабатывая и формулируя многие законопроекты, которые затем проходят через парламент.

Более того, развитие событий в этой области привело к тому, что возникло совершенно новое образование анонимной власти — современное *бюрократическое государство.* Его монополия на средства насилия расширяется с помощью системы сбора налогов, реализации внешней политики, осуществления принятых законов и т.д. При всех негативных коннотациях, ассоциируемых с бюрократией, она превратилась в неотъемлемый элемент современных организаций, а также всех политических систем. М.Вебер рассматривал бюрократию как систему административного управления, характеризующуюся следующими признаками: иерархия соподчиненности и ответственности; безличность, т.е. выполнение функций в соответствии с четко фиксированными правилами; постоянство, в соответствии с которым работа выполняется в течение полного рабочего дня на основе и при гарантии доминантного места и продвижения по службе; профессионализм. Конечно, не все могут согласиться с такой оценкой, но эти и подобные им признаки отражают сущность бюрократии.

Восхождение и институционализация бюрократии были предопределены самими закономерностями становления современного государства. Более того, образование и утверждение современного государства на Западе М.Вебер связывал с формированием бюрократического аппарата. Зависимость государства от бюрократии увеличивается по мере его разрастания. Государство, бюрократия и капитализм развивались в тесной зависимости друг от друга. Именно с помощью бюрократического аппарата, как считал Вебер, были преодолены негативные последствия сословного порядка и передачи феодальной власти по наследству.

Один из атрибутов бюрократического аппарата — *класс чиновников,* оплачиваемый из государственной казны. Содержание огромной армии таких чиновников, идентифицируемых со своими функциями (что снимает вопрос об их социальном происхождении), возможно только в условиях современной «денежной» экономики. Разумеется, любое государство или государственное образование, заслуживающее это название, немыслимо без категории служащих и чиновников, обеспечивающих его повседневное функционирование. Эта категория играла немаловажную роль в Древнем Египте, империи Ахеменидов, Римской империи. Апогеем, своего рода гимном бюрократии стала система обоснования государства и государственной власти, разработанная Конфуцием. Ему принадлежит образ «благородного сановника» — цзюн-цзы, с помощью которого он поднял вес и значение бюрократии в системе управления и в обществе на беспрецедентную высоту. Бюрократии предписывались весьма

широкие и важные функции по соблюдению ритуала, правил (ли), рассматриваемых в качестве основы основ законности и жизнеспособности государства, а также по их реализации. Однако в древнем Китае, равно как и в других государствах древности, не было государственной администрации в собственном смысле слова, поскольку там чиновники получали вознаграждение натурой и почти полностью зависели от местных источников материальных богатств.

Иное дело современный аппарат государственно-административного управления, который невозможно представить без четких рационально разработанных формальных норм и правил, без строгой профессионализации политики, что тесно ассоциируется с бюрократией. Его особенность состоит в том, что он носит постоянный характер. В отличие от высших органов государственной власти, которые находятся в прямой зависимости от результатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламенте, государственный аппарат не зависит от этих колебаний и перестановок на вершине государственной машины. Будучи инструментом осуществления непосредственных властных функций, армия чиновников и служащих государственного аппарата продолжает делать свое дело независимо от правительственных кризисов, роспуска парламента или досрочных выборов. В отличие от глав правительств, министров и администраторов высшего звена, которые, как правило, приходят и уходят, основная масса чиновничества представляет собой стабильный контингент лиц, составляющих костяк системы государственного административного управления. Поэтому неудивительно, что чиновничество стало могучей и влиятельной силой, подчас независимой от подлежащих периодической смене правительства и выборных органов власти.

Чиновник, занимающий тот или иной пост в структуре административного аппарата, является экспертом определенного профиля, в то время как его выборный руководитель, как правило, находится в положении дилетанта. Более того, в процессе выполнения им своих обязанностей чиновник накапливает большой объем конкретной информации, что еще более усиливает его влияние и позиции. Этому же способствуют так называемые «кодексы бюрократии», согласно которым важнейшие сферы ее деятельности изъяты из-под контроля общественности. Формально рядовые граждане вправе оспаривать действия бюрократии. В определенной степени влияние и вес бюрократии можно ограничить и уравновесить с помощью выборных представительных органов. Но под прикрытием конфиденциальности и секретности бюрократия способна противодействовать попыткам выборных органов получить соответствующую информацию. В результате бюрократизм во всевозрастающей степени пронизывает выборные демократические институты, завоевывая у них одну позицию за другой. В современном высокоразвитом индустриальном обществе принципы плюралистической представительной демократии зачастую вступают в противоречие с принципами административной эффективности, с их упором на обеспечение рационального принятия решений и эффективной их реализации. Императивы специализации, профессионализма и компетентности приобретают большую значимость.

К тому же существенные коррективы в функционирование политической системы демократии внесены дополнением политического представительства так называемым *функциональным представительством.* Суть его состоит в том, что представители различных заинтересованных групп вступают в договорные отношения друг с другом и государством для решения тех или иных проблем. Это так называемый корпоративизм или неокорпоративизм. Как правило, этот последний определяется в качестве институционального механизма, в котором публичная политика вырабатывается посредством взаимодействия между государственным аппаратом, с одной стороны, и уполномоченными влиятельных корпоративных союзов,— с другой. Корпоративным организациям предоставляется монополия предоставительства в соответствующих сферах их интересов в обмен на их подчинение определенным ограничениям, налагаемым государством. Другими словами, политическое представительство дополняется функциональным или представительством интересов, что, естественно, вносит существенные изменения в систему функционирования традиционных общественно-политических институтов.

Правовое государство

Власть варьируется от состояния полной анархии до жесточайшей диктатуры. В сущности неразрешимая антиномия между ними делает достижение более или менее приемлемого положения между этими двумя крайностями весьма трудным делом. Как показывает исторический опыт, всякая анархия, беспорядок, революция кончаются установлением самых крайних форм всевластия. Когда перестают действовать внутренние обязательства, в действие вступают внешние формы, призванные обеспечить организационные принципы. Существует своего рода закономерность: чем меньше мы способны обуздывать свои внутренние стихийные побуждения, особенно деструктивные, тем больше вероятность их подавления извне помимо нашей воли и желаний. Если в обществе господствуют нетерпимость, анархия, хаос, война всех против всех, то рано или поздно это кончается установлением той или иной формы диктатуры. А диктатура, в свою очередь, ведет к полному подавлению всех проявлений свободы.

В Новое время более или менее приемлемое решение данной проблемы было найдено на путях создания политической демократии и правового государства. Как уже отмечалось, государство основано на силе, в правовом государстве эта сила узаконена, более того, она строго подчинена нормам права. Отвергая постановку вопроса о том, что первично — право или государство, германский правовед Г.Хенкель не без оснований утверждал, что *«государство есть право как нормирующая деятельность, а право есть государство как нормированное состояние».*

Иными словами, в правовом государстве они взаимно предполагают и дополняют друг друга. Государство становится правовым именно потому, что оно подпадает под власть права. С этой точки зрения можно, по-видимому, говорить, что праву принадлежит приоритет перед государством, и вслед за Л. Дюги утверждать, что *«государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву».* В правовом государстве четко и точно определены как формы, пути и механизмы деятельности государства, так и пределы свободы граждан, гарантируемые правом. Это значит, что государство связано правом; оно вправе разрабатывать и принимать тот или иной закон, но само в свою очередь обязано действовать в рамках этого закона, подчиняться ему. Иначе говоря, государство, издавшее закон, обязано уважать этот закон до тех пор, пока он существует и продолжает действовать, хотя оно и правомочно его пересмотреть или даже отменить. Более того, оно подсудно своим собственным судом и может быть осуждено ими. Именно это в значительной мере обеспечивает правовой характер государства.

Соответственно представление о правовом государстве ассоциируется с двумя основополагающими принципами: *порядок в государстве и защищенность гражданина.* Отцам-основателям либерального мировоззрения принадлежит идея, что в государстве должны властвовать не отдельные личности, а право и законы. Задача государства состоит в том, чтобы регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения законов, которые призваны гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и другие права человека и гражданина. В сугубо юридически-правовом смысле право и закон призваны установить и обеспечить порядок, а не справедливость. Тем не менее нельзя безоговорочно принять позицию тех, кто считает, что право и закон регулируют внешнее поведение, в то время как нравственность — исключительно внутреннее поведение. Ведь существуют тождественные по содержанию нормы права и нормы нравственности, например, такие, как «не убий», «не кради», «не лжесвидетельствуй» и т.д., хотя они по разному реализуются в государственно-правовой и морально-этической сферах. Нормы права призваны прежде всего фиксировать взаимные претензии и обязанности, вытекающие из спонтанно формирующихся в гражданском обществе отношений.

Основное различие норм права от норм обычая и морали состоит в том, что действенность первых обеспечивается силой государства, а вторых — обществом. В правовом государстве только законно избранное правительство правомочно применять силу в качестве инструмента принуждения. Как подчеркивал немецкий правовед XIX в. Р. Еринг, право никогда не может заменить или вытеснить основной стихии государства — силы. Слабость власти есть смертельный грех государства, она зачастую в глазах людей менее простительна, чем

жестокость и произвол со стороны государства. Не случайно, например, в мусульманском мире средневековья был весьма популярен хадис: «имам-деспот лучше смуты». В Европе в период религиозных войн формировалось убеждение, что даже тирания лучше гражданской войны, ввергающей народ в хаос. И действительно, нередко для большинства людей бывает важнее эффективность и дееспособность власти в обеспечении порядка в обществе, нежели ее легитимность и демократичность. Именно из-за слабости власти, ее неспособности защищать интересы как своих граждан, так и национально-государственные интересы Веймарская республика рухнула под натиском национал-социалистического движения, установившего в Германии самую свирепую тираническую диктатуру. Точно так же во многом из анархии периода Гражданской войны в нашей стране родился жесткий большевистский режим.

В данном контексте правовое государство призвано достичь более или менее приемлемую гармонию между властью государства и принципом правовой самостоятельности подвластного. Задача, прямо скажем, весьма трудная, особенно если учесть ан-тиномичность отношений власти и права. *«Власть,*— писал Б.П.Вышеславцев,— *стремится сбросить с себя оковы права и всегда получает известную сферу, непроницаемую для права. Право всегда стремится подчинить себе власть, сделать ее ненужной, ибо право есть, по своей идее, взаимодействие свободных и равных лиц, есть идея безвластной организации».* Если власть в принципе содержит в себе момент бесконтрольности и произвола, то право не признает их. Во власти всегда есть бесправие, а в праве — безвластие. Но это отнюдь не значит, что право и власть несовместимы и исключают друг друга. В действительности они не только взаимоисключают, но и взаимно дополняют друг друга. «В *самом своем зародыше власть уже предполагает элемент права. И, с другой стороны, в самом своем завершении право тоже сохраняет известное отношение к власти. Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти».*

Достижение некоего равновесного состояния между этими двумя началами обеспечивается конституционной юрисдикцией, призванной оспаривать любой акт государственных органов, если он противоречит конституции или ущемляет права и свободы личности. Она служит защите не только частных прав, но и публичных интересов, не только прав индивида, но и конституции. Правовое государство в отличие от деспотического или полицейского само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил. В прежние времена ограничения носили чисто личностный и духовный характер. Правитель считался наместником самого бога и в силу этого как бы добровольно соглашался с моральными императивами традиций, обычного права, веры, учения церкви и т.д. В Новое время с победой правового государства или республиканской формы правления нормы и правила, ограничивающие власть государства, получили законодательное закрепление в конституции. Закон и право были поставлены выше личности короля. Конституция, независимо от формы, включает принципы организации, законы, правила, нормы, регулирующие деятельность государства.

Как уже указывалось, в правовом государстве должны господствовать законы, а не люди, функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Предусматривается неукоснительное соблюдение принципа верховенства права и закона, призванного обеспечить права и свободы всех граждан во всех сферах жизни, а со стороны граждан — уважение к законам и институтам существующей системы. При таком понимании сила государства законна лишь в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом, всецело служит праву. Причем закон, каким бы суровым он ни был, обязывая отдельного гражданина к соблюдению общепринятых правил поведения, в то же время ставит четко очерченные границы прерогативам государства в отношении индивидуальной свободы. Еще И. Кант сформулировал основополагающую идею правового государства: *«Каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину».* Законодатель так же подзаконен, как и отдельный гражданин. Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и

неприкосновенных прав, предшествующих самому государству. Именно при таком подходе свободу можно рассматривать как право каждого индивида делать то, что позволяют законы. В правовом государстве законы имеют одинаковую силу для всех без исключения членов общества, независимо от их социального, политического или иного статуса, защита отдельного человека от власти и произвола соответствует защите всех. Поэтому личное право невозможно без гарантии в политическом праве, уравновешивающем всех друг перед другом. Как писал К.Ясперс, *«даже величайшие заслуги перед государством не являются основанием неприкосновенности власти индивидуума. Человек остается человеком, и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями».*

Прочная власть — это власть плюс законность. Прочность власти зависит как от ее эффективности, так и от ее законности. Сущность правового государства заключается в определении способов, которыми осуществляются цели и содержание государственного правопорядка. Оно призвано обеспечить оптимальные условия для реализации способностей и интересов гражданина как суверенного и самостоятельного существа в рамках установленных в соответствии с принципами всеобщности (категорического императива) и взаимности (золотого правила).

Следует провести различие между законом и правозаконно-стью. Но для понимания этого положения необходимо осознание различий между законом и правом, что не всегда имеет место. Например, Кельзен утверждал, что поскольку *законность* есть формальное соответствие правовым нормам, то всякое государство есть правопорядок и соответственно правовое государство. Верно, что *закон* представляет собой важный инструмент и атрибут любого государства, обеспечивающий его универсальность. Он обладает некоторой формой всеобщности в том смысле, что его правомерность и авторитет должны признать все и соответственно все должны ему подчиняться. Как справедливо подчеркивал В.П.Вышеславцев, *«закон есть первая субстанция власти. Все великие властители и цари были прежде всего законодателями (Соломон, Моисей, Наполеон, Юстиниан). В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится общеобязательной нормой».*

Но тем не менее, если принять позицию Кельзена, то любой закон, принимаемый в любом государстве, по логике вещей надо признать правозаконным. В целом трудно себе представить государство без законов и без определенных правовых норм. В этом плане любое государство есть определенный законом правопорядок. Мы говорим о римском праве, но в то же время исходим из того, что правовое государство — это исторический феномен, возникший на известном этапе исторического развития западного общества, а именно в Новое время, с возникновением буржуазных общественных отношений. Это, по сути дела, означает, что республиканский и императорский Рим имел право, правопорядок, но в то же время не был правовым государством.

В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что выражение «lex Romanae» можно толковать и как римский закон и как римское право. Здесь нет сколько-нибудь четкого разграничения между понятиями права и закона, между правом и государством. В этом плане все древние и средневековые государства имели законы и правопорядок, при этом еще не будучи правовыми государствами. Причем это относится ко всем без исключения формам правления — деспотической, аристократической, олигархической, республиканской и др. То же самое относится и к современным тоталитарным государствам, которые зиждились на беззастенчивом нарушении основополагающих прав человека.

Одновременно правозаконность предполагает равное отношение государства ко всем без исключения гражданам государства. *«Всякий, кто обладает политической властью,*— писал Л.Дюги,— *будет ли это отдельный человек, класс или численное большинство страны, обладает ею фактически, а не по праву, и действия, которые он производит, приказы, которые он формулирует, законны и обязательны, для повиновения только в том случае, если они соответствуют верховной норме права, обязательной для всех управляющих и управляемых».* Правозаконность предусматривает также, что государство может принять,

регулировать, модифицировать и исправлять законы не самочинно, а лишь в известных, установленных правом ограниченных пределах. Т.Гоббс одним из первых сформулировал эту мысль так: *«Никакие решения предыдущих судей, какие когда-либо были, не могут стать законом, если они противоречат естественному праву, и никакие судебные прецеденты не могут делать законным неразумное решение или освободить данного судью от заботы найти то, что справедливо (в подлежащем его решению случае), исходя из принципов собственного естественного разума».*

Но история Нового и Новейшего времени знает немало примеров, когда этот принцип явно или неявно нарушался. Даже в условиях демократии большинство может действовать законно и вместе с тем нарушая принципы правозаконности и справедливости. Поэтому ряд исследователей совершенно справедливо указывали на то, что демократия способна привести к установлению самой жесткой диктатуры. Об этом убедительно свидетельствуют перипетии прихода к власти А. Гитлера в 1933 г.

В тоталитарном государстве действия аппарата насилия, как правило, не ограничиваются какими бы то ни было заранее установленными правовыми и законодательными нормами и правилами. В условиях персонификации политических режимов, отождествления государства с личностями конкретных вождей или фюреров, как в СССР и нацистской Германии, право и закон служили режиму, а не наоборот. Поставленные на обслуживание партийно-политических и идеологических целей руководителей КПСС и НСДАП, они слишком часто приносились в жертву политической, идеологической, революционной или какой-либо иной целесообразности. Следует отметить, что эти моменты могут быть фиксированы в законе, указе или постановлении правительства или какого-либо другого государственного органа, но от этого их действия отнюдь не станут правозаконными. В принципе можно узаконить любой орган, любой режим, но при этом они не будут правозаконными.

Как выше отмечалось, гражданское общество и правовое государство возникли и развивались как реакция против идеала средневековой теократии. Одна из основных их характеристик — это светское начало, которое столь же существенно, как и правовое начало. Здесь упраздняется гомогенное единство политики и религии, политики и идеологии, утверждается раздвоение общественного и частного, общества и государства, права и морали, политической идеологии и науки, религиозного и светского и т.д. Религия, мораль, наука, искусство и другие духовные феномены начинают существовать в полном своем объеме и истинно своем качестве с их отказом от политического характера. Это можно наглядно продемонстрировать на примере религии. Как подчеркивал К. Маркс, *«так называемое христианское государство нуждается в христианской религии, чтобы восполнить себя как государство. Демократическое же государство, действительное государство, не нуждается в религии для своего политического восполнения. Напротив, оно может абстрагироваться от религии, ибо в нем осуществлена мирским способом человеческая основа религии».*

Аналогичную метаморфозу претерпевают также наука, литература, искусство — все, что составляет социокультурную и духовную сферы, весь комплекс институтов и организаций, призванных осуществить социокультурное и духовное воспроизводство общественной жизни, обеспечить социализацию, воспитание и обучение подрастающего поколения. При всей необходимости государственной поддержки и помощи это та сфера, где требуется наивозможно большая степень самостоятельности, инициативы, самовыражения, поскольку именно здесь человеческое начало проявляется в наиболее концентрированном виде. Это та сфера, где недопустимы какой бы то ни было классовый подход, идеологизация, политизация, государственное вмешательство и тем более огосударствление.

При всем том необходимо исходить из признания того факта, что не бывало и не бывает идеальной власти и идеального государства. Человечество еще не придумало некую совершенную форму государственного устройства, которая была бы эффективна, жизнеспособна, справедлива, иными словами, одинаково нравилась бы всем и в одинаковой мере выражала бы интересы и волю всех без исключения групп, слоев, сословий, классов, одновременно соответствовала бы принципам защиты прав человека и свобод личности. В

известном изречении древних римлян *«Gubernatorum vituperatio populo placet»* — народу нравится критиковать правителей — отражена суть вопроса.

Это относится ко всем без исключения формам власти, в том числе и к демократии. Известно, что все сторонники аристократической формы правления, начиная с Гераклита и Платона, не говоря уж о приверженцах различных форм единоличной диктаторской и тиранической власти, всячески порицали ее и предавали анафеме. Другие же ученые и политики, будучи не всегда принципиальными противниками демократии, предупреждали о ее недостатках и таящихся в ней угрозах. Достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту А. де Токвиля, предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более жестокой, чем тирания немногих или одного. При всех достоинствах и преимуществах демократии очевидны относительность и ограниченность таких ее атрибутов, как парламентаризм, система представительства, всеобщего избирательного права и др. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных проблем.

Необходимо затронуть еще один аспект. В последние годы место и роль государства как главного субъекта власти и носителя суверенитета, его перспективы подвергаются переоценке в связи с теми процессами и сдвигами, которые происходят на уровне международно-политической системы. Особенность нынешней ситуации состоит в увеличении числа реальных акторов мировой политики вследствие интенсификации в последние десятилетия процессов интернационализации, универсализации и глобализации. Наиболее зримо эти процессы проявляются в постоянно растущей тенденции к экономической и политической интеграции, регионализации и образовании множества международных, межгосударственных и неправительственных организаций, приобретающих все более возрастающую роль в качестве активных действующих сил мировой политики и субъектов международно-политической системы. Все большее влияние на конфигурацию, характер и функционирование международно-политической системы оказывют транснациональные и многонациональные корпорации. Они созданы в угоду частным интересам, которые формулируют и реализуют свои цели самостоятельно, пересекая национально-государственные границы. В политическом плане они порождают целый ряд проблем, которые, несомненно, оказывают влияние на роль государства в международно-политической системе.

Эти сдвиги и перемены не могут не сказываться на роли и функциях отдельно взятых государств. Их результатом является, в частности, то, что благосостояние простых граждан более не зависит исключительно от действий, предпринимаемых правительствами их стран. Во все более растущей степени они оказываются в зависимости от действий и решений, например, по таким вопросам, как валютная политика, установление процентных ставок, инвестиционная политика, принимаемых далеко за пределами их собственных стран, другими правительствами или международными организациями. Благодаря прогрессирующему размыванию границ между национальными экономиками проблемы, ранее считавшиеся исключительно внутриполитическими, приобретают международно-политический характер. Имеет место беспрецедентное взаимопроникновение внутренней и внешней политики. Растет значимость внутриполитических последствий внешней политики и внешнеполитических последствий внутренней политики. Все меньше остается сфер, в которых правительство отдельного государства могло бы принять чисто внутристрановые решения, не оказав в той или иной степени влияния на внутреннюю политику других стран. Темпы технологических изменений, особенно в сфере информатики и телекоммуникаций, способствуют ускорению этого процесса.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что на протяжении второй половины XX в. международно-политическая система, в которой в качестве осевой составляющей выступало суверенное национальное государство, претерпела существенные изменения. Международные отношения, осуществляемые правительствами отдельно взятых государств, дополняются отношениями между частными лицами, группами, организациями, корпорациями, что не может не иметь далеко идущие последствия для положения вещей в мире. Возникает

сакраментальный вопрос: не стало ли суверенное национальное государство в качестве главного актора международной политики достоянием истории?

И действительно, многими исследователями и наблюдателями ставится под сомнение роль суверенного национального государства как центрального субъекта международных отношений. Приобрела популярность идея о том, что так называемая «державная» концепция международных отношений безнадежно устарела, что взгляд на государства как главные субъекты международных отношений не соответствует реальностям мирового развития. Постепенно утверждается мнение о том, что национальное государство превращается в пережиток прошлого. Как утверждал, например, В.Вайденфельд, в контексте обозначенных сдвигов *«традиционное понятие национального суверенитета во всевозрастающей степени представляется идиллически-наивным, взятым из архива».*

Однако сознавая значимость всех этих реальностей, было бы преждевременно списать национальные суверенные государства в архив истории. Поднимая новые и по-новому ставя традиционные проблемы, весь комплекс обозначенных выше изменений и сдвигов способствует значительному осложнению международной политики, при этом отнюдь не изменяя ее основополагающие принципы. Хотя и происходит определенная модификация параметров национального суверенитета, говорить о какой бы то ни было отмене роли силы ни внутри отдельно взятых стран, ни на международной арене пока нельзя. При этом базовая власть, наделенная монополией на легитимное насилие, остается в руках государства. За редким исключением международные организации не обладают собственными источниками финансирования. Они лишены территориальной основы и поэтому не в состоянии осуществлять самостоятельный контроль над природными и иными ресурсами планеты.

Что особенно важно, международные организации не вправе создавать и содержать собственные вооруженные силы или иные легитимные инструменты насилия. Монополия на легитимное насилие сохраняется за государствами, кроме, естественно, тех случаев, когда государства по взаимному согласию могут делегировать такую власть для выполнения специальных, строго оговоренных операций той или иной международной организации, например ООН. При таком положении единственной инстанцией, к которой может обратиться рядовой гражданин, остается национальное государство. Центральная роль государств в международной политической системе подтверждается хотя бы тем фактом, что в чрезвычайных ситуациях негосударственные акторы часто прибегают к их помощи. Особенно отчетливо это обнаружилось, например, в период энергетического кризиса середины 70-х годов, когда именно действия великих держав сыграли решающую роль в разрешении создавшейся взрывоопасной ситуации. А в 80-х годах в условиях обострения кризиса с внешними долгами многонациональные банки один за другим обращались к своим правительствам за помощью в возвращении странами-должниками кредитов и займов.

Вовлечение государств в международные организации отнюдь не означает, что они отказываются от своего суверенитета в пользу этих организаций. Государства, приспосабливаясь к новым реальностям, ищут новые пути и средства реализации своих национальных интересов. Международные организации создаются суверенными государствами для решения определенного комплекса специфических проблем, которые не под силу решать отдельно взятому государству в одиночку. Это — обеспечение международной безопасности, регулирование международной торговли, помощь развивающимся странам, координация экономической политики индустриально развитых стран и др. Именно с этой целью были созданы и функционируют ООН, Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирная торговая организация (ВТО) и др. Все они построены на государственно-центристском принципе, предусматривающем суверенное равенство всех входящих в нее государств. С этой точки зрения ООН корректнее было бы назвать организацией объединенных государств.

Очевидно, что роль, которую международные организации играют в современном мире, производна от роли входящих в них государств. Они создаются и существуют по воле

государств и способны более или менее эффективно функционировать, поскольку этого хотят сами создавшие их государства. Как правило, в подавляющем большинстве случаев решения международных организаций принимаются на основе принципа единогласия. Принцип равного суверенитета ООН резервирует за каждым государством как равноправным членом международного сообщества право не признавать любые решения, которые они не поддерживают. Нельзя забывать, что ООН создана на инфраструктуре системы государств, и она сколько-нибудь радикально не изменила ключевые характеристики этой системы.

Со всех рассмотренных точек зрения международные организации нельзя считать самостоятельными действующими лицами или субъектами мировой политики, способными автономно без участия или без учета мнения составляющих их государств принимать и осуществлять сколько-нибудь масштабные решения. Фундаментальными составляющими международно-политической системы остаются суверенные национальные государства, каждое из которых ревниво защищает свою независимость в конкурентной борьбе с другими государствами и стремится сохранить свободу действий на международной арене.

Нельзя упускать из виду, что оборотной стороной интернационализации и роста взаимозависимости стран и народов является усиление конкуренции и трений между ними в экономической и иных сферах. Возникла и приобретает все большую значимость регионального и общемирового масштаба проблема обострения противоречия между возрастающей экономической и политической взаимозависимостью стран и народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета и соответственно роли главного субъекта международных отношений — с другой.

Вряд ли следует ожидать, что в обозримой перспективе человечество пойдет по пути создания единой всеохватывающей модели миропорядка. Это потребовало бы преодоления сложившихся в течение многих поколений, а то и веков многообразных национальных стереотипов, предрассудков, предубеждений, морально-этических ценностей и выработки некого транснационального сознания, изменения структуры человеческих потребностей, если угодно, самого типа человеческой личности. Потребовалось бы вместо множества существующих идейно-политических течений, которые зачастую несовместимы и находятся в состоянии резкого противоборства друг с другом, сформулировать новую единую трансгосударственную идеологию, способную преодолеть антагонистические противоречия и конфликты, религиозный или иной фанатизм, национализм, идеологию, которая имела бы всеобщую притягательность. Мировое правительство может быть лишь воплощением единой мировой воли или единой воли всего мирового сообщества, формирующегося в процессе сведения интересов, ценностей, норм всех стран и народов к некому единому знаменателю. Все это, в свою очередь, предполагает не только своего рода идейную и социокультурную реформацию, но и радикальное изменение самой природы человека.

Поэтому, как представляется, нет никаких серьезных оснований утверждать, что народы и государства уступят свою независимость и право самим решать свои проблемы какой-то абстрактной наднациональной, надгосударственной бюрократии. *«Всемирное правительство с единой мировой столицей,*— писал М.Линд,— *чисто технически было, вероятно, возможно со времен Чингисхана — и вне всякого сомнения, со времен Наполеона. Провал всех попыток достижения мирового господства коренится вовсе не в уровне развития технологии — он вытекает из упорного нежелания народов жить под игом каких бы то ни было завоевателей. Это верно и по отношению к новейшим стремлениям к всемирному владычеству».*

Фактом является то, что государство, наряду с семьей, языком, культурой, является одним из неискоренимых фундаментальных институтов, составляющих инфраструктуру жизнедеятельности человека как общественного существа. Не случайно Б.Н. Чичерин считал государство главным двигателем и творцом истории. В этом смысле государство, особенно современное, действительно заслуживающее это название, ни в коей мере не является просто политическим выражением голого экономического интереса. Если бы это было так, то оно могло бы иметь в лучшем случае лишь форму своего рода олигархической республики. Однако на деле экономическое господство собственников уживается с разнообразными политическими

формами — как с диктатурой, так и с демократией. Имущие классы, конечно, стремятся превратить институты власти в орудие своего господства. Однако принципы политической самоорганизации человеческих сообществ, заложенные в основу государственного устройства, обеспечивают значительную степень его независимости от тех или иных экономических и, соответственно, социально-классовых интересов.

Государство не может быть также арифметической суммой отдельно взятых социальных, культурных, языковых и подобных им других аспектов жизнеустройства людей. Государство представляет собой результат органического синтеза всех этих аспектов, пронизанного неким единым этосом, выражающимся в единстве идеала, всеобщей воли и интереса, нерасторжимо объединяющих их независимо от всех неизбежных разногласий, противоречий, конфликтов. Как писал Гегель, *«государственное устройство народа образует единую субстанцию, единый дух с его религией, с его искусством, и философией или, по крайней мере, с его представлениями и мыслями, с его культурою вообще (не говоря о дальнейших внешних факторах, о климате, соседях, положении в мире). Государство есть индивидуальное целое, из которого нельзя взять одну отдельную, хотя и в высшей степени важную сторону, а именно государственное устройст во само по себе».*

Существование государства, права и закона обусловлено самой природой человека. Как справедливо подчеркивал русский правовед С.А.Котляревский, *«если государство не есть земное божество Гегеля, то оно и не холодное чудовище, каким его увидел Ницше; оно — отражение всей человеческой природы — и в ее темных низах, и в обращенных к вечному свету ее вершинах».* Иначе говоря, не следует ни обожествлять, ни инфернализировать государство, ни упразднять его, ни наделять бессмертием.

Как показывает исторический опыт, приверженность государству, стране зачастую оказывается сильнее привержености идеологии и даже религии. Наглядный пример обоснованности этого тезиса дают социал-демократы Германии и Великобритании, которые накануне и во время Первой мировой войны, опрокинув все марксистские догмы о солидарности и братстве пролетариев всего мира, поддержали правительства своих стран в их военных усилиях. По сути дела, марксисты-интернационалисты сломали свои зубы именно о патриотизм пролетариев разных стран, которые в двух всемирных плясках смерти XX в. вступили, неважно как, во взаимное противоборство не на жизнь, а на смерть. Еще один пример — Пакистан, народы которого, несмотря на принадлежность к единой исламской вере, отдали предпочтение идеям национального самоопределения и добились его раздела на два самостоятельных государства — собственно Пакистан и Бангладеш.

Всемирная история стала тем, чем она является, благодаря народам, которые создали свои государства. Более того, история сохранила память прежде всего об этих народах именно потому, что они стали творцами и субъектами государств, создавших те материальные и духовные атрибуты, которые оказались способны донести до нас свидетельства об их жизни и деяниях. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением, согласно которому предметом истории является не прошлое как таковое, а прошлое, о котором мы располагаем историческими свидетельствами. Нет сомнений в том, что залогом бессмертия древнеегипетского мира стали памятники его народа, воплотившего свой дух в величественном государственном строительстве. Гордо возвышающиеся над безмолвной пустыней пирамиды и сфинксы, устремившие свой загадочный взгляд за горизонт, преодолев время, напоминают нам и будут напоминать нашим потомкам о жизни, великих деяниях своих творцов. Не было бы государства фараонов, не было бы и этих памятников, не было бы и изумительной красоты древнеегипетской письменности, а мы вряд ли знали бы что-нибудь о бессмертных Осирисе и Изиде, о неподвластной времени красоте Нефертити.

Контрольные вопросы

1. Почему государство является осевым элементом мира политического?
2. Дайте характеристику государства как формы политической самоорганизации общества.

3. В чем сущность государства как территориального коллектива?
4. В каких формах выступает государство?
5. Что понимается под легитимностью?
6. Что понимается под суверенитетом?
7. Как соотносятся между собой нация и государство?
8. Дайте основные сущностные характеристики правового государства.
9. В чем отличие правового государства от других форм политической самоорганизации общества?

Глава 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Прежде чем приступить к анализу политической системы, необходимо принять во внимание, что одним из важнейших методических инструментов анализа в западной политической науке начиная с 50-х годов стал системный анализ. Однако с легкой руки зачинателей этого подхода — американских политологов Д.Истона, К.Дойча, Г.Алмонда понятия «политическая система» и «системный подход» на Западе фактически стали использовать как синонимы.

К сожалению, многие наши авторы, не разобравшись в сути вопроса, воспроизводят давно отвергнутые схемы, смешивающие два указанных выше понятия. Поэтому следует еще раз отметить, что системный подход представляет собой одно из методологических направлений в политологических исследованиях и его никак нельзя путать с политической системой, представляющей собой реальное институциональное образование.

Системный подход или политическая система?

Большинство западных политологов подразумевает под политической системой совокупность политических взаимодействий, ролей и функций, существующих в каждом сообществе. Как считал, например, Д.Истон, *«мы можем характеризовать политическую систему как... комплекс взаимодействий, с помощью которых достигаются и осуществляются властное размещение ресурсов в обществе».*

Модель политической системы Истона построена по аналогии с кибернетической системой, функционирующей в замкнутой цепи. Для него отправной точкой служит разрыв с традиционным подходом, построенным на изучении прежде всего структуры системы и используемых в ней механизмов принятия решений. Ис-тон рассматривал систему как некий «черный ящик», мало интересуясь при этом происходящим внутри него.

Он анализировал главным образом отношения системы со своей средой, которая в свою очередь состоит из комплекса других систем, входящих в глобальную социальную систему: экономической, культурной, религиозной, экологической, биологической, психологической, международной и др. Отношения между политической системой и ее средой определяются двоякого рода элементами: интересами, требованиями и поддержкой граждан, дающими системе импульс для действия и называемыми *входом,* и решениями, принимаемыми системой в качестве реакции на эти интересы, требования и поддержку, называемыми, *выходом.* Или, говоря иначе, вход идет со стороны среды и дает импульс системе, а выход является реакцией системы на импульс среды. Таким образом осуществляется обратная связь между входом и выходом. Выход вызывает обратную реакцию среды, которая порождает новый вход, на который система реагирует новым выходом и т.д. до бесконечности по принципу действия замкнутой кибернетической цепи. В схематическом виде модель Д.Истона представлена на рис. 2.

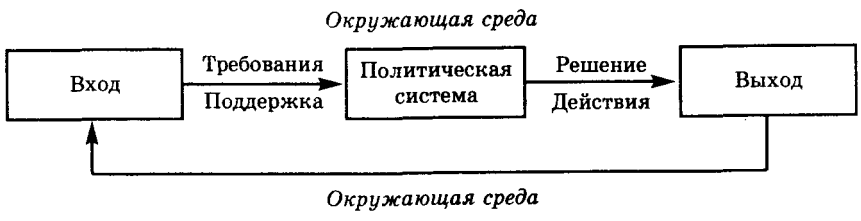

Рис. 2

Справедливости ради следует отметить, что в принципе сторонники системного анализа, например в лице Г.Алмонда, признают необходимость выделения при анализе политической системы структур, выполняющих политические функции. Но при этом Алмонд считал, что единицей политической системы является роль. По его мнению, преимущество концепции роли по сравнению с такими понятиями, как «институты», «организации» или «группы», состоит в том, что она более широкая и более открытая. Она может включить формальные и неформальные учреждения, семьи, электорат, толпу, временные и постоянные группы и т.д., поскольку они имеют касательство к политической системе. Исходя из этого Алмонд определяет политическую систему *«как комплекс взаимодействующих ролей или как структуру ролей, если понимать под структурой систематизацию взаимодействий».*

Очевидно, что при таком подходе вопрос об институциональной структуре, «анатомии» политической системы как бы теряет актуальность. К тому же Истон, Алмонд и другие приверженцы данного подхода исходили из того, что понимаемую так политическую систему можно обнаружить во всех коллективах, осуществляющих функции адаптации и интеграции.

Как считал, например, М.Дюверже, имеется столько вариаций политической системы, сколько существует разновидностей коллективов или человеческих сообществ. Можно конструировать и анализировать политические системы отдельной партии, объединения партий в одной стране, однотипных партий в нескольких странах. Можно говорить также о политических системах профсоюзов, ассоциаций, администраций, общин, регионов, церквей, армий.

Очевидно, что такой подход в значительной мере обесценивает саму идею вычленения политической системы как самостоятельного феномена, обладающего собственными, только ему одному присущими характеристиками. В нем внимание концентрируется на ролях, функциях и взаимодействиях в ущерб изучению самой политической системы с ее институтами, структурами и их взаимоотношениями, которые как бы выносились за скобки. В результате получалось, что сторонники такого подхода, делая ударение на действии, отодвигали на задний план или вовсе игнорировали субъекты этих действий в лице политических институтов. Взаимодействия политической системы со средой, обратные связи входов и выходов, разумеется, важны, но они составляют лишь один из множества аспектов проблемы.

Центральное место в исследовании должны занимать сама политическая система, ее структурные элементы, конфигурация и т.д. Как представляется, в рассматриваемом контексте главная задача исследователя состоит в том, чтобы определить и проанализировать то, что находится и происходит внутри черного ящика.

Политическая система предполагает наличие не только системы отношений, но и в первую очередь структур, институциональной инфраструктуры, на основе которых могут развертываться эти отношения. Как подчеркивал Т.Парсонс, структура составляет «анатомию» социальной системы, а функции — ее «физиологию». Этот постулат не в меньшей мере верен и применительно к политической системе. Говоря о политической системе, мы подразумеваем политическое устройство, политическую самоорганизацию общества, которые невозможно представить себе без институциональной структуры. При анализе политических отношений и взаимодействий прежде всего необходимо определить их субъекты. Возьмем, например, нормы и правила политической игры. Можно ли изучать их, взятые сами по себе, без того основополагающего документа — конституции, в которой эти нормы и правила законодательно зафиксированы. В этом случае вопрос, кем и с помощью каких механизмов и инструментов управляется та или иная страна, не менее важен, чем вопрос, как управляется страна. Если поставить эти вопросы или один из них перед россиянином, то, по-видимому, получим ответ: «Президентом в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Государственной Думой и Советом Федерации, а также судебной властью, в соответствии с федеральной конституцией». Если задать эти вопросы американцу, то ответ, очевидно, будет аналогичным: «Президентом страны в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Конгрессом и Верховным судом». Другой возможный ответ, вытекающий из системного подхода: «В процессе взаимодействия ролей в сфере политики» — не отражал бы во всей полноте реальное положение вещей.

Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т.д. Политические режимы составляют устойчивые и хорошо скоординированные комплексы институтов, элементы которых трудно отделить друг от друга. Существует также тесная взаимозависимость между политическим режимом и экономическими структурами, идеологиями, системами ценностей и господствующим в обществе мировоззрением.

Основные характеристики политической системы

Не вызывает сомнений тот факт, что системные или организационные характеристики приобретает все то, что подпадает под понятие политического. Основные его компоненты, тяготея к центру. формируются в систему. Этот факт определяется уже в силу существования между различными компонентами политического более или менее тесных взаимоотношений. В зарубежной и отечественной литературе все еще не затихают дискуссии относительно содержания и сущности политической системы. На мой взгляд, любая система или организация предполагает прежде всего структуры, институциональную инфраструктуру, на основе которых могут развертываться взаимодействие и взаимоотношения различных составляющих. Политическое устройство, политическую самоорганизацию общества невозможно представить себе без институциональной инфраструктуры. Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т.д.

Система состоит из структуры и взаимодействующих друг с другом частей. Структура представляет собой основополагающий элемент, который и позволяет говорить о системе как неком едином целом. Она служит в качестве объединяющего все компоненты системы элемента. Более того, структуру условно можно определить как постоянную величину, а составляющих систему акторов как переменные величины.

Можно говорить о политической системе двух уровней — странового и международного, т.е. политической системе как государственной самоорганизации того или иного общества и международно-политической системе, охватывающей все мировое сообщество. В первом случае она представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это прежде всего институты и органы управления, руководства и координации политической жизни страны. Выделение понятия «политическая система» на этом уровне диктуется тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих значений, ассоциируемых с понятием «государство». Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые с собственно государством. Но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно, будучи концентрированным воплощением идеи политического, выступает в качестве центрального, осевого элемента политической системы, вокруг которого группируются остальные институты.

Немаловажное место в политической системе занимают партии и связанные с ними организации, объединения, союзы, комитеты политического действия, институты и механизмы реализации политического процесса, принятия политических решений. Они во многом определяют жизнеспособность и функционирование политической системы. Более того, современные политические системы немыслимы без партий и связанных с ними институтов.

Особо важное значение имеют партии. Как будет показано ниже, их главная функция состоит в том, чтобы множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, групп превратить в совокупный политический интерес.

Подводя итог изложенному выше, можно сказать, что политическая система охватывает институционально-организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами и функциями. Она характеризуется интегрированностью, что, в свою очередь, предполагает вертикальную и горизонтальную согласованность ее структурных элементов.

Жизнеспособность политической системы определяется тем, насколько в ней преобладают согласие и сотрудничество между отдельными элементами. Политическая система самодостаточна в том смысле, что в силу своей внутренней организации и ресурсов, а также ее доступности к необходимым ресурсам в окружающей среде она обладает способностью функционировать автономно, реализуя свои ценности, нормы и коллективные цели, приспосабливаясь к условиям среды. Политическая система любой страны открыта влиянию окружающей среды, с которой она вовлечена в процессы взаимообмена и из которой получает важнейшие стимулы для своей деятельности. Открытость уже сама по себе предполагает, что политическая система является частью или подсистемой другой, более всеохватывающей системы, а именно, мирового сообщества, воплощенного в свою очередь в международно-политической системе.

В рамках политических систем конструируются политические режимы, которые строятся в соответствии с принципами организации ветвей и конкретных институтов власти, формами и методами осуществления власти. Именно в политических режимах национально-страновая специфика политической самоорганизации общества проявляется в наиболее очерченном виде.

Мировое сообщество представляет собой совокупность элементов, между которыми существуют устойчивые связи, зависимости, отношения. Это единая система со своими особыми системообра-зующими характеристиками, структурными составляющими и функциями. Но здесь неизбежно возникает вопрос об институциональной инфраструктуре или просто структуре. Если на уровне внутриполитической системы структура группируется вокруг государства, выступающего в качестве ее осевого элемента, то в международно-политичесой системе данная проблема оказывается, на первый взгляд, неразрешимой в силу отсутствия единого осевого элемента. Структура предполагает организацию, упорядочение, систематизацию, стуктурирование составных элементов. В международно-политической системе эти начала обеспечиваются в силу утверждения ифраструктуры взаимодействия главных субъектов международной политики в лице независимых, самоопределяющихся акторов конкретной исторической эпохи: городов-государств, империй или национальных государств.

Необходимо учесть, что структура — это абстракция, которая основана на некоей ранжировке институтов и отношений. Но остается вопрос о принципах и формах самой ранжировки. Во внутриполитической системе она устанавливается в соответствии с действующими писаными или неписаными конституциями. Ее составные элементы располагаются в порядке иерархического соподчинения низших уровней высшим. Одни — вышестоящие уровни — призваны командовать или управлять, а другие — нижестоящие — подчиняться. Национальное правительство не только вправе принимать законы, обязательные для всех граждан государства, но, как правило, также обладает достаточными ресурсами и средствами контролировать действия всех граждан, находящихся под его юрисдикцией.

Поэтому внутриполитическая система характеризуется как иерархическая, вертикальная, централизованная, гомогенная, управляемая. Интернациональная сфера — горизонтальная, децентрализованная, гетерогенная, неуправляемая, ее составные элементы взаимно адаптируются друг к другу. В централизованной системе решения принимаются на самом верху, а в сфере международной политики — на самом низу, т.е. на уровне конкретных государств. Формально все они равны между собой. Ни одно из них не вправе командовать другими и не обязано подчиняться другим. Здесь нет единого правительства, полномочного контролировать или регулировать политическую деятельность всех акторов. Поэтому современную международно-политическую систему называют децентрализованной, анархической.

На национально-государственном уровне сила государства осуществляется именем права и справедливости. Противники существующего режима бросают вызов его претензиям на власть, они ставят под сомнение его право на правление. На международном уровне сила государства используется во имя собственной защиты и пользы. Конфликты и войны между государствами не могут — во всяком случае не всегда могут — решать вопросы власти и права, они могут лишь фиксировать масштабы потерь и приобретений вовлеченных сторон. На национальном уровне устанавливаются иерархические отношения власти, на международном

уровне — отношения сравнительной мощи. На национальном уровне частная сила, использованная против правительства, представляет угрозу политической системе. На международном уровне сила, использованная конкретным государством против другого государства, не представляет угрозу системе международной политики, хотя она и составляет угрозу отдельным членам мирового сообщества.

Дело в том, что организационные принципы внутриполитической и международно-политической систем существенно отличаются друг от друга. Внутриполитические структуры имеют правительственные институты и учреждения, наделенные полномочиями управлять и командовать. Международно-политические структуры такими институтами не располагает. В данном случае формально все государства равны по отношению друг к другу и ни одно государство не вправе командовать другими. Отсутствуют отношения иерархии и соподчиненности, а также какой-либо наднациональный орган, правомочный принять решения, обязательные для всех членов международного сообщества. Конечно, существуют международные организации. Но они не правомочны принять решения или законы, обязательные для всех членов международного сообщества.

Очевидно, что без соответствующего выяснения вопроса об анатомии и институциональных субъектах политической системы не может быть и серьезного разговора о ее целях и функциях, об условиях и принципах распределения и реализации политической власти и о многих других ключевых проблемах политологии. С этой точки зрения политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это прежде всего институты и органы управления, руководства и координации политической жизни. Нередко имеет место фактическое отождествление политической системы и государства, что со строго научной точки зрения не совсем правомерно. Выделение понятия «политическая система» диктуется прежде всего тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих значений, ассоциируемых с понятием «государство». Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые с собственно государством, но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно должно стоять в центре внимания политологического исследования. Борьба между различными социально-политическими силами разворачивается прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своему существу призвано обеспечить целостность и единство разнообразных институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления.

Например, политические партии, избирательная система, система представительства, немыслимы вне их связи с государством. Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство выражает всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета. Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному виду политического господства.

В самом государстве центральное место занимают парламент, правительство и **все** исполнительные органы власти, административный аппарат, институты, занимающиеся отправлением правосудия. Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными функциональными отношениями. Каждый из высших органов государственной власти обладает реальной структурно-функциональной определенностью, установленной конституцией, известной самостоятельностью по отношению друг к другу. Это вытекает из самого принципа разделения властей на три самостоятельных ветви: законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждая из них выступает как самостоятельная субсистема по отношению к общей управляющей системе.

Как уже отмечалось, немаловажное место в политической системе занимают партии и связанные с ними организации, объединения, союзы, иные механизмы реализации политического процесса. Подчеркивая значимость партий, германский политолог К. фон Байме называл современные западноевропейские политические системы «партийными демократиями». Нередко партии, партийные и избирательные системы рассматриваются как самостоятельная сфера, существующая отдельно от политической системы. Более обоснованной в этом вопросе представляется позиция Г.Алмонда. Он, в частности, проводил различие между двумя уровнями политических структур: институциональным и ассоциативным. При этом государство и его институты составляют первый, а партии — второй уровень. Однако партии играют существенную роль как в определении структуры политической системы, так и в ее функционировании.

Показательно, что ряд исследователей оценивают партии в качестве структурообразующих элементов политических режимов в рамках той или иной политической системы. Они во многом определяют жизнеспособность и функционирование политической системы. Более того, в тоталитарной системе единственная господствующая партия органически и неразрывно сливается с государством, так что выделить институциональный и ассоциативный уровни здесь невозможно.

Современные политические системы немыслимы без партий и связанных с ними институтов. Не случайно, например, в конституции ФРГ зафиксирован юридический и политический статус партий, они признаются главными политическими организациями государства.

Помимо названных базовых структурных элементов политическая система включает различные общественно-политические организации, комитеты политического действия, институты и механизмы принятия решений, такие, например, как институты корпоративизма (об этом см. в последующих главах). В целом политическая система охватывает институционально-организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами, функциями.

Опыт типологизации политических систем

Функционирование политической системы, как уже отмечалось, предполагает определенные правила игры. Различаются правила, призванные регулировать пути, способы и методы воздействия членов общества на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые — управления и регулирования. Поэтому естественно, что важная структурно-функциональная составляющая мира политического — это политические отношения. Если речь идет об отношениях, то предполагается существование и субъектов этих отношений. К.Маркс считал субъектами политики и политических отношений классы, А.Парето и Г.Моска — элиты, А.Бентли, Д.Трумен и др.— заинтересованные группы. Однако очевидно, что политические отношения могут реализоваться как между различными политическими институтами, так и различными социально-политическими силами — классами, этносами, массами, электоратом в целом, мафией, партией, университетом, церковью, военно-промышленным комплексом и т.д. Иначе говоря, и те и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений.

С рассматриваемой точки зрения одним из основных для всех теорий политического является вопрос, поставленный некогда Платоном: кто должен господствовать? или, другими словами, чья воля может и должна доминировать в обществе? На этот вопрос существует множество разных ответов: воля всевышнего, воля истории, воля государства, воля народа, воля большинства, воля класса, партии, вождя и т.д. Вопрос может быть поставлен и несколько иначе: кому следует править? почему? как? в чьих интересах? и т.д. В зависимости от ответов на эти и подобные им вопросы формулируются и конструируются основополагающие

параметры политической системы. Поэтому естественно, что классификация или типологизация политических систем составляет одну из важнейших задач политологии.

Значительный интерес представляют существующие типоло-гизации, истоки которых можно обнаружить в античной общественно-политической мысли. Еще Платон разделил древнегреческие города-государства на следующие типы: 1) монархия — правление одного хорошего человека и ее искаженная форма — тирания; 2) аристократия — правление нескольких хороших людей и ее искаженная форма — олигархия; 3) демократия — правление многих или всего народа. Показательно, что Платон не приводит искаженную форму демократии, считая, что сама демократия — наихудшая форма правления. Продолжая традицию Платона, Аристотель выделял два основных критерия для различения государства или «конституции»: «природа цели, ради которой государство существует, и различные формы власти, которой люди и их ассоциации подчиняются». В соответствии с первым критерием Аристотель проводил различие между системами, в которых правители управляют «в общих интересах», т.е. для достижения «хорошей жизни» не просто лично для себя, а для всех членов системы, и системами, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, нежели общий.

Правильными Аристотель считал те формы власти, которые независимо от числа властвующих управляются, «руководствуясь общественной пользой», а те которые имеют в виду собственную выгоду, только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей. В соответствии же со вторым критерием Аристотель различал формы правления по количеству властвующих. *«Государственное устройство,*— писал он,— *означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства».* По Аристотелю правление одного — это монархия, или царская власть, правление немногих — аристократия и большинства — полития. Их отклонения составляют соответственно, тиранию, имеющую в виду выгоды одного правителя, олигархию — выгоды состоятельных граждан, и демократию — выгоды неимущих. Схематически типологизация Аристотеля выглядит следующим образом:

Сколько властвует	**Чьи интересы выражает**	
	Всех	**Свои**
Один	Монархия	Тирания
Немногие	Аристократия	Олигархия
Многие	Полития	Демократия

В Новое время наиболее известные типологизации систем правления принадлежит Т.Гоббсу и Ш.Л.Монтескье. Т.Гоббс различал три формы государства в зависимости от числа людей, в руках которых сосредоточена власть: правление одного — монархия, части граждан — аристократия, всего народа или большинства народа — демократия. Что касается тирании и олигархии, говорил Гоббс, то это лишь «различные названия монархии и аристократии». А те, «кому причинено огорчение при демократии называют ее анархией». Сам Гоббс отдавал предпочтение безоговорочно монархической форме правления.

Ш.Л.Монтескье, продолжая традицию Аристотеля, в первых 13 книгах своего главного труда «О духе законов» (1748) разработал типологизацию, в которой различаются три главные формы правления — республика, монархия, деспотия. «Республиканское правление,— писал он,— это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем, как в деспотическом все вне законов и правил движется волей и произволом одного человека».

В принципе, характеризуя так же, как Аристотель, эти две системы по количеству властителей, Монтескье вместе с тем внес в их трактовку существенные корректировки. Например, рассматривая монархию и деспотию как системы, в которых властвует один, Мон-

тескье делал важную оговорку: монархия — это система, в которой властвует один, однако строго придерживаясь установленных законов, а деспотия — система, при которой правит один, не признавая каких бы то ни было фиксированных законов, на основе произвола. Если для Аристотеля демократия и аристократия составляли совершенно разные типы правления, то Монтескье рассматривал их как две формы одного и того же — республиканского правления. При первой правит весь народ, при второй — часть его. Причем, по его мнению, каждая форма правления базируется на неком этосе или принципе, без которого невозможны ее стабильность и жизнеспособность. Это — добродетель при республике, честь при монархии и страх при деспотизме.

Далее Монтескье подверг сомнению универсальность аристотелевской типологизации, ее пригодность для всех исторических эпох и обществ. Она основывалась на греческом полисе, который Аристотель считал универсальной формой самоорганизации общества. Монтескье, наоборот, исходил из того, что каждый из выделенных им типов правления появляется в конкретных общественно-исторических условиях. Например, если республиканская форма правления была характерна для античных полисов, то монархия — для современной ему Европы, а деспотия — для азиатских империй. Как считал Монтескье, каждый из трех типов правления соответствует определенным размерам территории, занимаемой данным политическим сообществом: республика — небольшой территории; монархия — территории средней величины, а деспотизм — обширным размерам империи.

Большой популярностью пользуется типологизация систем легитимизации и правления, предложенная М.Вебером (см. гл. 5). Напомним, что Вебер выделял три власти: традиционную, «ха-ризматическую» и правовую.

Существует целый ряд других типологизаций. Они в целом развивают и конкретизируют только что приведенные и в то же время повторяют, дополняют и перекрывают друг друга. Назовем некоторые из них. Так, Г.Алмонд различал следующие типы политической системы: англо-американский; континентально-европейский, исключая страны Скандинавии и Бенилюкса, которые в свою очередь включают признаки обоих названных типов; доиндустриальный или полуиндустриальный тип, распространенный за пределами евроамериканского региона, и тоталитарный. М.Дюверже выделил следующие типы: либерально-демократический, социалистический, консервативно-диктаторский, традиционную монархию и др. Д.Эптер писал о диктаторской, олигархической, косвенно-представительной и прямой представительной системах.

Интерес представляет классификация С.Н.Айзенштадта, включающая примитивные (или первобытные) системы, патримониальные империи, кочевые или завоевательные империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы, которые в свою очередь подразделяются на демократические, автократические, тоталитарные и слаборазвитые категории.

Каждая из перечисленных типологизаций имеет свои достоинства и недостатки. С учетом всех достижений мировой и отечественной политической науки ниже автором предлагается собственная типологизация политических систем. В античной Греции типологизацию строили на одной и той же модели политической организации — полисе. В наши дни в большинстве случаев используется однолинейная схема типологизаций: либо по вертикали — разграничение и сравнение «низших» и «высших» форм правления (рабовладельческие — феодальные — капиталистические; патриархальные — традиционалистские — рационалистические), либо по горизонтали (коллективистские — индивидуалистические; диктаторские — либеральные; тоталитарные — демократические и т.д.). Поэтому часто вне поля зрения исследователей оставалась проблема соотношения разных уровней типологизаций, например соотношение между собой демократии — унитаризма; тоталитаризма — федерализма; демократии — федерализма и т.д.

Предлагаемая здесь типологизация строится на основе выделения системообразующих характеристик, наличия или отсутствия тех или иных институтов, их конфигурации и взаимоотношений как друг с другом, так и с гражданским обществом, принципов функционирования,

приверженности нормам права и основным ценностям прав и свобод человека. В соответствии с этими признаками различаются либерально-демократический и диктаторский типы политической системы, в рамках которых, в свою очередь, обнаруживаются довольно существенные национальные и типологические различия. С политическими системами теснейшим образом связаны политические режимы, которые отличаются друг от друга по принципам и характеру организации и функционирования властных институтов. Здесь также нельзя обойтись без выявления и анализа форм территориально-административного устройства государства. С этой точки зрения выделяются такие типы государства, как унитарное, федерация и конфедерация, каждый из которых в конкретных национально-страновых условиях имеет свою специфику. Контуры политической системы в самой общей форме уже были очерчены. Сущностные характеристики конкретных блоков и типов политических систем будут рассмотрены в гл. 7 и 11. Здесь внимание будет сконцентрировано на третьем аспекте типологизаций, но прежде вкратце рассмотрим, что понимается под политическим режимом.

Политические режимы

Наряду с термином «политическая система» часто используется понятие «политический режим». Как же соотносятся эти два понятия? Пожалуй, это еще один запутаннейший вопрос в современной политической науке. Не случайно между ними нередко вообще не делается каких бы то ни было различий. Например, американский политолог М.Хагопян использует понятия «полития», «политическая система» и «режим» как синонимы. По его словам, эти термины в широком смысле обозначают «фундаментальную организацию политической жизни». Они выражают общие структурные характеристики политического порядка. М.Дюверже, приложивший немало усилий для раскрытия этой проблемы, использовал понятия «политическая система» и «политический режим» как синонимы. В нашей литературе нередко с одинаковым значением также используются понятия «президентский режим» — «президентская система», «парламентская система» — «парламентский режим», «демократический режим» — «демократическая система», «тоталитарный режим» — «тоталитарная система» и др.

Существуют ли различия между этими парами понятий и, если существуют, то в чем они состоят? Главные отличия политического режима намечаются в рамках самих политических систем по принципам организации ветвей и конкретных институтов власти, формам и методам осуществления политической власти. Некоторые политологи рассматривают партии и партийные системы в качестве стрежневых элементов политических режимов.

По словам, например, М.Дюверже, «базой для фундаментальной классификации современных режимов становится разница между однопартийными, двухпартийными и многопартийными системами». В принципе такой подход не противоречит только что высказанному тезису, поскольку, как будет показано в гл. 6, конфигурация партийных систем в значительной мере зависит от характера соответствующего режима. В либерально-демократической системе определяющее значение для классификации политических режимов имеет характер разделения властей, которое оказывает существенное влияние на конфигурацию, соотношение, прерогативы и функции основных властных институтов. Здесь прежде всего необходимо различать режимы по роли, которую играют глава государства и глава правительства. С этой точки зрения различаются режимы: конституционная монархия, парламентская республика, президентская республика и смешанная президентско-парламентская республика. При этом необходимо отметить, что конституционная монархия, за исключением процедуры избрания главы государства, по базовым параметрам совпадает с парламентским режимом. Схематически эту типологизацию можно изобразить в следующем виде (рис. 3).

Рис. 3

В диктатуре или политической системе диктаторского типа разделение властей отсутствует. Поэтому в качестве главного критерия можно принять формы организации и функционирования унитарной иерархической власти. По этому критерию в современной диктаторской политической системе различаются авторитарные и тоталитарные режимы. Внутри этих последних существует целая гамма особенностей, нюансов, модификаций. Так, в рамках тоталитаризма различаются большевистский, нацистский и фашистский режимы. В рамках авторитаризма также выделяется несколько типов режимов — традиционно-монархический, гражданский, военный, авторитаризм модернизации. Поэтому схематически типологизация режимов политической системы диктаторского типа приобретает более сложную конфигурацию (рис. 4).

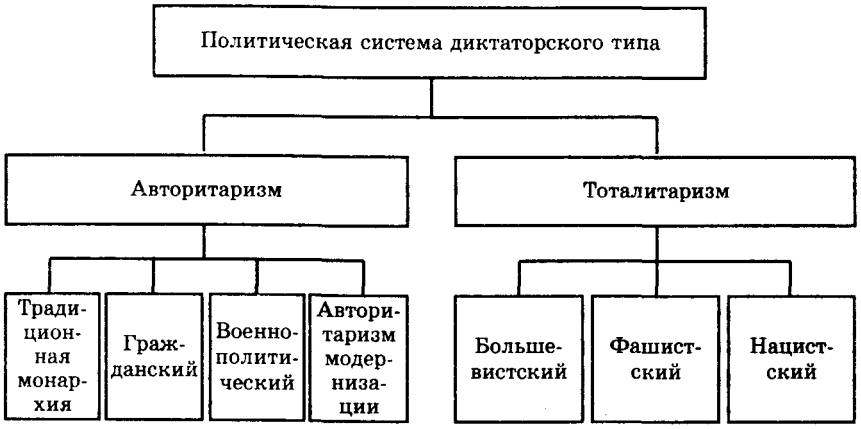

Рис. 4

Необходимо учесть, что как в авторитаризме, так и в тоталитаризме (об этом будет сказано ниже) существуют смешанные типы, сочетающие в себе разные элементы.

Территориально-политическая организация государственно-политической системы

Политическая организация современного мира базируется прежде всего и главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Само государство теснейшим образом связано территориальным интересом. Политическая власть, как правило, всюду ограничена определенной территорией. Хорошо охраняемые национальные границы указывают на пределы распространения территориального контроля и принудительной системы. В рамках самого национального государства внутригосударственные территориальные границы определяют пределы административного контроля, которым наделены те или иные субнациональные уровни или органы управления. Масштабы территориальной и функциональной дисперсии центральной власти и автономии территориальных или функциональных подразделений варьируются от страны к стране, а нередко и в рамках одной и той же страны.

Как писал А.Дучесик, люди оказываются рационально и подсознательно привержены территории своего проживания, образу жизни, ее институтам, культуре в ходе сложного процесса, который можно назвать территориальной социализацией. В данном случае имеют в виду географический аспект общего процесса политической социализации. С малых лет люди узнают о ценностях и целях, политической власти и политической культуре, народной культуре, существовании системы наград и наказаний, так же как и о существовании географических границ между их собственной территорией и внешним миром. Школьные

карты, на которых мир разделен на разноцветные фрагменты, наглядно демонстрирует то, что именуют политической социализацией.

Существует множество территориальных символов — флаги, цветы, деревья, птицы, эмблемы, лозунги, гимны и т.д., способные воспитывать гордость и чувство принадлежности к данной территории, будь то государство, провинция, город. Особую значимость этой проблеме придает тот факт, что во всяком государстве существует распределение властных функций и полномочий между различными органами власти как по горизонтали, так и по вертикали. Выделяются функциональное и территориальное распределения этих полномочий. Под первым имеется в виду наделение специализированными ролями конкретных лиц и институтов в соответствии с их профессиональными или иными качествами.

Примерами таких специализированных агентств или агентов в самом широком смысле являются администраторы, менеджеры, законодатели, судьи и т.д. Функциональные институты раздробляются на все более узко специализирующиеся подразделения. Такое функциональное раздробление существует во всех ветвях власти: законодательной, судебной и исполнительной.

Когда говорят о территориальном или территориально-административном разделении, то имеют в виду принципы и механизмы взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти. В реальной жизни эти принципы и механизмы выражаются в унитаризме, федерализме и конфедерализме. Как же эти последние соотносятся с различными типами политических систем и режимов? Анализ реального положения не дает оснований для установления каких бы то ни было устоявшихся однозначных корреляций между тремя уровнями типологизации. Так, для США и ФРГ, где господствует либерально-демократическая система, характерен федеративный принцип государственного устройства, но такой же принцип был характерен для тоталитарного Советского Союза и Бразилии, когда там господствовала авторитарная система.

В то же время унитарное устройство было реализовано в нацистской Германии и фашистской Италии, унитарными являются большинство современных либерально-демократических государств. Либерально-демократическая Швейцария считается конфедерацией кантонов, но рабовладельческие штаты, отделившиеся от северных штатов США во время Гражданской войны, также отдали предпочтение конфедеративному устройству государства. Федерализм встречается как в многонациональных странах (Индия, Россия), где сочетаются территориально-политический и территориально-национальный принципы, так и в преимущественно однонациональных странах (ФРГ) с их территориально-политическим принципом государственного устройства.

Предельно упрощенно различия между тремя типами политической системы или государства в рассматриваемом контексте изобразил Д.Найс (рис. 5).

Рис. 5

Унитарный тип является одной из самых распространенных форм территориально-политической организации как в современном мире, так и в прежние периоды истории человечества. Большинство национальных государств сформировались как унитарные. Таковыми были все абсолютистские монархии Европы, все восточные деспотии. В отличие от федерального государства, в котором три уровня управления — федеральный, субъектов федерации и местный, в унитарном существуют лишь два уровня — общенациональный и местный. В унитарном государстве полномочия делегируются центральными властями территориальным органам самоуправления, а в федеральном государстве унитаризм существует в рамках субнациональных единиц: штатов, земель, провинций, областей. Унитарное государство, независимо от того, централизованное оно или децентрализованное,

демократическое или авторитарное, характеризуется господством единой системы органов власти и правосудия, руководствующихся едиными правовыми и конституционными нормами.

Здесь все управленческие образования сверху донизу подчинены правительству и являются административными подразделениями. Руководители местных органов власти избираются на выборах, но их прерогативы существенно ограничены, а деятельность контролируется центральным правительством. Разумеется, масштабы централизованное™ и такого контроля варьируются в разных странах. Но вместе с тем необходимо отметить, что унитарное устройство не обязательно предполагает жесткую административную централизацию. Такая централизация, как правило, характерна для авторитарных и тоталитарных государств, независимо от их территориально-государственного устройства. Например, хотя СССР формально считался федеративным государством, на деле для него были характерны жесткий унитаризм, централизация и регламентация.

В современных высокоразвитых индустриальных обществах централизация, сыгравшая положительную роль на определенном этапе исторического развития (например, в периоды образования национальных государств, индустриализации, восстановления народного хозяйства после Первой и Второй мировых войн и т.д.), утрачивает характерные для нее преимущества.

В последние десятилетия во многих унитарных государствах, таких как Италия, Франция, Великобритания, более четко проявляется тенденция к децентрализации, передаче местным органам большего круга властных прерогатив и функций. Например, в Италии имеются различия между областями с обычным статусом и теми, которые сохраняют особый статус на основе специфических культурных, этнических или исторических особенностей. Это — Сицилия, Сардиния, Валле-д'Аоста, Трентино-Альто Адидже. Большей самостоятельности в решении местных проблем добиваются Шотландия, Уэльс и другие области Великобритании. Это даст им возможность оперативно реагировать на изменяющиеся условия жизни на местах, гибко и эффективно руководить социальными и политическими процессами. Но при этом в силе остается основополагающий принцип, по которому всю конституитивную структуру сверху донизу определяют центральные органы государства. Децентрализованные образования не вправе производить какие бы то ни было изменения по собственному усмотрению без согласия на то центральных властей.

С этой точки зрения в ряде стран в самое последнее время происходят существенные изменения. Так, с принятием конституции 1978 г. в Испании, по сути дела, наметилась тенденция к федерализации. Сначала Страна Басков и Каталония, а затем Галисия и Андалусия получили автономию при сохранении сильного центра. Другие провинции Испании также имеют собственные правительства, обладающие гарантированными конституцией властными полномочиями. В результате эта страна заняла как бы промежуточное положение между унитаризмом и федерацией.

В процессе реформирования государственно-административной системы в течение трех десятилетий (1962—1993 гг.) Бельгия из унитарного государства превратилась в федерацию: две этнолингвистические общности, из которой состоит эта страна, — франкоязычная Валлония и фламандскоязычная Фландрия — стали равноправными субъектами федерации.

Во многих странах современного мира утвердился *федеративный тип* государственно-территориального устройства. К их числу относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Индия, Канада, Малайзия, Мексика, Нигерия, США, ФРГ. Федеративный путь государственного обустройства избрала и новая Россия.

Те или иные элементы федерализма существовали еще в условиях античной Греции, в современном смысле он связан с возникновением буржуазного общества и капиталистического государства. Одной из первых федераций была Нидерландская республика, состоящая из семи соединенных провинций и основанная в 1579 г. по Утрехтской унии. В силу целого ряда причин она вскоре распалась. Наиболее старой из всех существующих федераций являются США, основанные конституцией 1787 г. Зачинателем теории федерализма считается Иоханнес Альтузиус (1562-1638), который разработал так называемую федеральную теорию народного

суверенитета. Согласно этой теории государство характеризовалось как союз общностей, иерархически возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особым соглашением. Особенно большую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX—XX в., когда интенсифицировались процессы образования современных национальных государств. Прудон даже предсказывал, что XX век откроет эру федераций. Как бы подтверждая правоту Прудона, известный французский социолог Р.Арон рассматривал федерализм как единственное пригодное для наших дней средство, способное вывести из тупика и наладить порядок. Федерализм, утверждал Арон, «для середины XX века играет ту же роль, какую играл либерализм в XVIII веке, марксизм в середине XIX века, т.е. он соответствует идеям нашего времени, позволяя использовать их в теории и на практике».

Федерация представляет собой союзное государство, состоящее из множества (как в случае с Россией и США) или нескольких (Канада) государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни. Федеративное устройство призвано обеспечить хозяйственное и политическое единство страны с большой территорией и разобщенными районами. Оно успешно сочетает в себе преимущества государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью членов в том, что называется «общая воля». Последняя служит некой невидимой осью государства и вырабатывается как бы из двойного источника — волеизъявления всех его граждан, с одной стороны, и субъектов федерации — с другой. Федеративное устройство государства существенным образом отражается на структуре высшего законодательного органа, который состоит из двух в принципе равноправных палат, например сената и палаты представителей конгресса США. Существование двух палат позволяет сочетать представительство населения страны в целом с территориальным представительством от земель, штатов или иных административно-территориальных образований. Две палаты отличаются друг от друга по своим функциям, властным прерогативам, а во многих случаях и по способу избрания депутатов. Если нижние палаты, как правило, формируются посредством прямых выборов, то верхние палаты в разных странах комплектуются по-разному.

При всей разработанности федеративное устройство остается одной из дискуссионных проблем со множеством неясностей, двусмысленностей и недоразумений. Американский политолог Д.Элазар считает, что причины этого заключается в том, что: 1) федерализм относится одновременно и к структуре и к функционированию государственной власти; 2) обеспечивает синтез единства и разнообразия; 3) выступает одновременно как политическое и социальное явление; 4) предусматривает определенные цели и средства их достижения, причем эти цели могут быть по своему характеру ограниченными и глобальными; 5) допускает существование нескольких моделей политической организации федералистского характера.

Пожалуй, самая сложная и запутанная из всех проблем, связанных с федерализмом, — это *проблема суверенитета.* Выше уже затрагивался вопрос о суверенитете как одном из важнейших сущностных признаков государства. В данной связи говорилось и о некоторой модификации в сторону смягчения чрезмерно жесткой трактовки суверенитета, характерной для многих исследователей XIX в. В значительной мере такая модификация была вызвана необходимостью соотнесения суверенитета с принципами федеративного устройства государства.

Споры о государственном суверенитете при федерации развернулись еще в XIX в. между сторонниками трех конфликтующих позиций. Так, Г.Еллинек, П.Лабанд, В.Уиллоуби считали, что суверенитетом обладает лишь федеративное государство в целом. Диаметрально противоположную точку зрения высказывали М.Зейдель и Дж.Кэлхун, по мнению которых суверенитет принадлежит составным частям федерации, обладающим правом свободного выхода из нее. Компромиссный подход выдвинули А. де Токвиль и Г.Вайду, утверждавшие, что суверенитет делится между федерацией и субъектами федерации в соответствии с закрепленной в конституции долей разделения властных полномочий по вертикали. Эти споры

и дискуссии не затихают и в наши дни. Они получили новый мощный стимул в результате развала коммунистических систем в Восточной Европе и СССР, образования новой российской государственности на принципах федерализма.

В нашей литературе по данному вопросу высказываются две полярно противоположные, по сути дела, исключающие друг друга точки зрения. Одни считают, что в федеративном государстве субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, поскольку не может быть государства в государстве, суверенитета в суверенитете. По мнению других, в федеративном государстве каждый субъект федерации сохраняет политико-правовое качество суверенной государственности, хотя его суверенитет и ограничивается рамками переданных федеративным органам компетенции.

В то же время суверенитет федерации также ограничен компетенциями ее субъектов. Эти споры и дискуссии убедительно показывают всю сложность соотнесения принципа государственного суверенитета с принципами федерализма. Л.Дюги не без оснований подчеркивал, что с точки зрения понятия суверенитета «нельзя создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства». И действительно, федерация предполагает государственность на двух уровнях.

В принципе федерация как единое неделимое государство немыслима без его безусловного суверенитета на всей занимаемой им территории. Вместе с тем федерация — это объединение государств или государственных образований. Поскольку о государстве можно говорить тогда и только тогда, когда оно обладает той или иной долей суверенитета, то можно сказать, что федерация делит суверенитет со своими субъектами. Но здесь возникает вопрос о качестве и объеме суверенитета на двух государственно-властных уровнях. Иначе говоря, речь идет о делимости суверенитета между федеральным уровнем и субъектами федерации. Здесь два источника и уровня власти: центральное или федеративное правительство и правительства отдельных штатов (как в США) или земель (как в ФРГ). Последние часть своих властных полномочий делегируют федеральному правительству. В принципе в ведение последнего передаются основополагающие для любого государства проблемы обороны, внешней политики, денежного обращения и финансового регулирования, политика в области труда и трудовых отношений, социальной защиты населения и др. Полномочия по всем вопросам, не переданным федеральному правительству, остаются за субъектами федерации. При разграничении прерогатив и компетенции между двумя уровнями обеспечивается верховенство федеральной конституции и законов, соответствие им конституций и законов субъектов федерации.

Одним из важнейших принципов федерализма можно считать *субсидиарностъ*. Его суть состоит в распределении полномочий между различными уровнями власти таким образом, что в ведении верхних эшелонов власти остаются только те функции, которые они могут выполнять лучше, чем нижние эшелоны. Соединяя политические и экономические идеи федерализма, субсидиарность является практическим воплощением принципов децентрализации и плюрализма в территориальных терминах. Проиллюстрируем, как это осуществляется в ФРГ. Согласно Основному закону этой страны в исключительное ведение федерального центра входят следующие сферы: внешняя политика и оборона; координация деятельности по защите конституции и основ конституционного строя, внешнеполитических и внешнеэкономических интересов страны; гражданство; денежная система; таможня и охрана границ; почта и электросвязь; железные дороги и авиация; авторское и издательское право; координация взаимодействия земель в борьбе с уголовной преступностью.

Что касается прерогатив земель, то каталог так называемого конкурирующего законодательства, т.е. законов, которые могут принимать и земли и федерация, включает около 25 сфер регулирования. В ведении земель культурная, полицейская и коммунальная сферы, вопросы гражданского и уголовного права, судоустройства и судопроизводства, хозяйственного права, национализации, судоходства и др. Федерация и земли самостоятельно решают бюджетные проблемы, хотя при этом должны учитывать требования национальной экономической стратегии и долгосрочного финансового планирования.

Из принципа субсидиарности вытекает принцип автономности, самоуправляемости субъектов федерации. Субъекты федерации, а именно земли в Австрии и Германии, штаты в США, провинции в Канаде имеют право принимать собственные конституции и законы, обладают значительной степенью самостоятельности в решении достаточно широкого круга проблем. Они регулируют свои отношения с центральным правительством на договорной основе при соблюдении равноправия всех субъектов федерации. Проблемы, как правило, решаются на том уровне, на котором они возникают. Иначе говоря, власть осуществляется множеством правительственных органов, каждый из которых обладает своими властными прерогативами и компетенциями. Имеет место определенное разделение властей по вертикали, призванное сдерживать и уравновешивать вес и влияние различных органов управления. Федерализм подразумевает многообразие реализации властных функций в рамках упорядоченной структуры связей. Здесь мы имеем не слияние, а единство в многообразии.

Различаются *договорные* и *конституционно-договорные* федерации. В первом случае федерация — это объединение государств, которые на основе договора делегировали ряд своих прав и прерогатив общему для всех центральному правительству. При этом каждый член федерации сохраняет за собой суверенитет в принадлежащей ему юрисдикции. Центральное правительство не может внести каких-либо изменений в конституционный договор, а каждый член может при желании расторгнуть этот договор. Во втором случае, т.е. в конституционно-договорной федерации, не предусмотрено право какого-либо из субъектов выйти из союза.

В истории было несколько случаев разделения федерации — в 1965 г. из федеративного государства Малайзия, образованного в 1963 г., вышел один из штатов — Сингапур, определившийся как самостоятельное суверенное государство. В 1992 г. Чехословацкая федерация распалась на два самостоятельных государства — Чехию и Словакию. Попытки же силового решения проблем выхода из федерации, как правило, чреваты непредсказуемыми кровавыми последствиями. Это воочию продемонстрировали события и перипетии, связанные с выходом из состава США одиннадцати южных штатов в начале 1860-х годов, развалом СССР и Югославии в наши дни.

Исторический опыт, особенно нашей страны, Югославии и Чехословакии, показал бесперспективность попыток разрешения национального вопроса в рамках федерации путем ее национально-политической организации. С этой точки зрения для нас несомненный интерес представляет то, что перед таким классически федеративными государствами как США и Германия, продемонстрировавшими свою жизнеспособность, не стояла проблема решения национального вопроса. Там политико-территориальное деление не привязано к национально-территориальному делению, определение национальности привязано к гражданству страны.

Конфедерация представляет собой внутренне противоречивую форму политической организации. Для нее прежде всего характерны юрисдикционные споры, немыслимые для федеративного и унитарного государств. Здесь каждое входящее в конфедерацию государственное образование почти в полном объеме сохраняет свои конституитивные прерогативы и власть. Поэтому центральное правительство и спрашивает у правительств отдельных государственных образований полномочия для выполнения тех или иных проблем. Последние сами решают, какие именно полномочия предоставить центральному правительству.

Поскольку слабое центральное правительство получает средства на свою деятельность за счет более или менее добровольных взносов от нижестоящих правительств, индивидуальный гражданин испытывает на себе влияние центрального правительства лишь косвенно и отдаленно. В целом можно утверждать, что федерация предполагает наличие центра, который вправе принимать властные решения, затрагивающие всех субъектов федерации, конфедерация же, будучи союзом независимых государств, таким центром не располагает.

В качестве примеров конфедерации можно привести США со времени завоевания независимости 1776 г. до принятия конституции континентальным конгрессом в 1787 г. (точнее до ее введения в действие в 1789 г.). Германский союз в 1815—1867 гг. Здесь особняком стоит Швейцария. Швейцарская конфедерация возникла в 1291 г. как союз трех кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден) для защиты от Габсбургов. По-видимому, ее можно относить к

конфедерациям только до середины XIX в. С тех пор в ней все более отчетливо преобладала тенденция к дрейфу в сторону федерализма. Как показал исторический опыт, конфедерация является одной из самых нежизнеспособных форм государственного устройства.

По-видимому, прав один из отцов-основателей Общего рынка Ж.Моне, который говорил, что существуют два типа конфедераций: те, которые трансформируются в федерации, и те, которые терпят неудачу. США, которые из слабо структурированной конфедерации превратились в мощное федеральное государство, и Швейцария, которая, формально сохранив название конфедерации, на деле приобрела качество федерации, подтверждают обоснованность этого тезиса. Это необходимо учесть при анализе перспектив развития новой государственности в России, перед которой стоит проблема создания действительно федерального государства, где приоритет отдается федеральным конституции и законам.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая система?
2. Чем она отличается от системного подхода?
3. Какие существуют типологизации политических систем?
4. Назовите основные типы политических систем.
5. Чем они отличаются друг от друга?
6. Что такое политический режим?
7. Каково соотношение между политической системой и политическим режимом?
8. Что понимается под территориальным разделением властей?
9. Дайте общую характеристику унитарного, федеративного и конфедеративного типов государства.

Глава 7. ДЕМОКРАТИЯ: ПРИНЦИПЫ, УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ

В политической литературе, да и в публицистике, а также средствах массовой информации редко можно встретить какой-либо другой термин, который использовался бы столь часто, как термин «демократия». Трудно назвать также проблему, которая бы привлекала столь пристальное внимание исследователей, как проблема демократии. Эта проблема необъятна по своим масштабам, поэтому естественно, что ее освещение в учебном курсе политологии сопряжено с прямо-таки непреодолимыми трудностями. В предлагаемой главе основное внимание уделяется анализу основополагающих принципов демократии и ее конкретного институционального воплощения в лице правового государства.

Понятие «демократия»: истоки и содержание

Основные факторы и этапы формирования и эволюции либерально-демократической системы правления и идей демократии в целом совпадают с важнейшими вехами формирования и эволюции гражданского общества и правового государства. Более того, все этих три компонента в совокупности составляют основу либерально-демократической общественно-политической системы. Она связана с утверждением и легитимизацией в процессе капиталистического развития новой, по сравнению с средневековьем, системы миропонимания, где свободный индивид признается в качестве самостоятельной единицы социального действия. В этом контексте либерализм, особенно на начальном этапе, внес наибольший вклад в формирование и утверждение демократической формы правления и правового государство, поэтому-то и принято говорить о *либеральной демократии.* Однако современная демократия отнюдь не сводится к либерализму, в ее формирование значительный вклад — особенно в XX в.— внесли и другие идейно-политические течения.

Демократия имеет длительную и древнюю историю, и ее можно рассматривать как результат развития западной цивилизации, особенно греческого и римского наследия, с одной стороны, и иудео-христианской традиции — с другой. Термин происходит от греческого слова

«demokratia», состоящего в свою очередь из двух слов «demos» — народ и «kratos» — власть, правление. Обращает на себя внимание многозначность и неопределенность самого понятия «демократия». Еще Х.Кельзен утверждал, что в XIX и XX столетиях, став всюду господствующим лозунгом, слово «демократия» утратило четко очерченное и твердое содержание. В этом не расходился с Кельзеном П.И.Новгородцев, который в 1923 г. подчеркивал, что понятие демократии «принадлежит к числу наиболее многозначных и неясных понятий современной политической теории».

Нельзя сказать, что этот вопрос окончательно решен в наши дни, когда демократия стала как бы велением времени и весь мир как будто стал на рельсы демократизации. В настоящее время термин «демократия» используется в нескольких значениях. Во-первых, в своем первоначальном смысле он означает форму правления, при которой право принятия политических решений осуществляется прямо всеми без исключения гражданами, действующими в соответствии с правилами правления большинства. Эта форма известна под названием *прямой демократии,* или *демократии участия.* Во-вторых, это форма правления, где граждане осуществляют свое право не лично, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними. Ее, как правило, называют *представительной,* или *плюралистической.* В-третьих, это форма правления, где власть большинства реализуется в рамках конституционных ограничений, имеющих своей целью гарантировать меньшинству условия для осуществления определенных индивидуальных или коллективных прав, таких, например, как свобода слова, вероисповедания и др. Это *либеральная,* или *конституционная демократия.* В-четвертых, термин «демократический» часто используется для характеристики любой политической или социальной системы, которая независимо от того, является ли она действительно демократической или нет, ставит своей целью свести к минимуму социальные и экономические различия, в особенности те, которые вызваны неравным распределением частной собственности. Данную форму называют *социальной демократией,* крайним выражением которой является *социалистическая демократия.*

Можно привести еще множество других значений понятия «демократия». Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в неправомерности какого бы то ни было однозначного его толкования. Прямая демократия представляет собой одну из самых очевидных форм организации политического сообщества. Ее можно обнаружить в примитивных обществах периода родового строя. В западной политической традиции возникновение идеи демократии ассоциируется с городами-государствами Древней Греции. Платон и Аристотель в своих изысканиях по созданию систематической теории политики характеризовали демократию как один из пяти или шести главных типов правления. Греческую историю в период ее расцвета можно рассматривать как историю борьбы между демократическими и олигархическими или аристократическими государствами, наиболее ярко выраженными представителями которых выступали Афины и Спарта.

Древнегреческая демократия во многих своих аспектах существенно отличалась от демократии наших дней. Прежде всего это была система прямого правления, при которой весь народ (точнее, совокупность свободных граждан) являлся как бы коллективным законодателем и в которой не была известна система представительства. Такое положение стало возможным в результате ограниченных размеров древнегреческого государства, которое охватывало, как правило, город и прилегающую к нему сельскую территорию, население которых крайне редко превышало 10 тыс. граждан. В древних демократических городах-государствах каждый гражданин был наделен правом участвовать в принятии решений, касающихся их жизни и деятельности. Значительная часть граждан в течение своей жизни хотя бы раз занимали один из множества существовавших в городе-государстве выборных постов. Не было разделения между законодательной и исполнительной властями: обе эти ветви были сосредоточены в руках граждан. Политическая жизнь характеризовалась значительной активностью граждан, которые живо интересовались всеми сторонами и аспектами процесса управления.

Прямая демократия такого рода рассматривалась в качестве идеальной формы многими мыслителями Нового времени. Референдум и гражданская инициатива, сохранившиеся в

конституциях ряда стран (например, Швейцарии), могут рассматриваться как элементы прямой демократии, унаследованные от прошлого представительной демократией.

Другое важное отличие античной демократии в сравнении с современной состояло в трактовке равенства. Античная демократия не только была совместима с рабством, но и предполагала его в качестве условия освобождения от физической работы свободных граждан, которые посвящали себя разработке и решению общественных проблем. Современные же демократии, как правило, не признают в политической сфере какие бы то ни было различия и привилегии, основанные на социальном происхождении, классе, расе и поле.

Различаются демократическая теория и демократические институты. И в том и в другом качестве демократия, начиная с античности, претерпела существенные изменения. В средние века отчасти в результате открытия как бы заново Аристотеля возрос интерес к вопросам, касающимся разработки принципов наиболее совершенных, по представлениям того периода, форм правления. Высказывались доводы относительно того, что совершенной может быть лишь та форма правления, которая служит общему благу и основана на согласии всех членов сообщества.

Но вместе с тем в средние века большинство мыслителей, озабоченных проблемой достижения единства общества, рассматривали монархию, т.е. правление одного, как наилучшую форму, наиболее пригодную для обеспечения этого единства. Однако в Новое время в контексте формирования идей свободы личности, гражданского общества, народного суверенитета, национального государства взамен феодальных хартий вольностей возникают законодательные механизмы ограничения единоличной власти монархов. Так, в XVII в. в Великобритании в ходе борьбы между парламентом и короной были приняты «Петиция о правах» (1628), «Хабеас корпус акт» (1679), «Билль о правах» (1689), в которых были зафиксированы писанные юридически-правовые гарантии, устанавливающие более или менее точно пределы власти. Эта тенденция получила дальнейшее мощное развитие в Декларации независимости и Конституции США, в Декларации прав человека и гражданина и Конституции Великой французской революции конца XVIII в.

Основополагающее значение для формирования и утверждения демократии имела возникшая в Новое время идея прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Неразрывная взаимосвязь этой триады выражается в убеждении, что частная собственность — основа индивидуальной свободы, которая, в свою очередь, рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида, выполнения главного предназначения его жизни (эта проблема более или менее подробно изложена в гл. 3). Теории демократии интегрировали в себя основной комплекс идей, относящихся к этим двум феноменам. Здесь отметим лишь то, что XX век внес свои коррективы в теорию и практику демократии. Несомненно, необходимым условием демократии в любых ее формах является политическая свобода. Но она не может быть соответствующим образом реализована там, где нет реального выбора в социальной и экономической сферах, где велико социальное неравенство.

Свобода как идеал в условиях демократии всегда соотносится с принципом справедливости. При этом надо помнить, что там, где социальное неравенство способствует подрыву принципа справедливости, необходима та или иная система перераспределения материальных благ. Рыночная система и свободная конкуренция, как показывает мировой опыт, обеспечивают наилучшие условия и возможности для роста производительности и стимулирования индивидуальной инициативы. Но в то же время рыночные силы постоянно порождают социальную несправедливость, выталкивая часть граждан на обочину общественной жизни. С этой точки зрения противоречие между требованиями социальной справедливости и императивами экономической эффективности остается постоянно воспроизводящим себя противоречием современного индустриального общества.

Одной из попыток решения этого противоречия стала система кейнсианства, сыгравшая большую роль в преодолении Великой депрессии 30-х годов и построенная на постулате идеологической, политической и социально-экономической недостаточности индивидуализма,

свободной конкуренции и свободного рынка. Эта система обосновала и необходимость усиления роли государства в. важнейших сферах жизни общества. За государством была признана функция регулятора экономических и социальных процессов. В противовес концепции государства — «ночного сторожа» была выдвинута концепция государства благосостояния. Она основана на идее необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов путем обеспечения с помощью государственного вмешательства удовлетворительных условий жизни всем слоям населения.

Сторонники государства благосостояния исходят из того, что рынок сам по себе не способен обеспечить такое распределение материальных благ, которое гарантировало бы малообеспеченным слоям населения необходимый минимум благ и услуг. Более того, они рассматривают политическую власть в качестве важного элемента корректировки социальных издержек рынка. Они постулируют равную значимость экономической и социальной сфер и необходимость органического соединения свободно-рыночных отношений с социальной политикой государства, сочетания рыночных принципов с социальными принципами, гуманизации рынка посредством разработки и реализации государством системы социальной политики, направленной на гарантирование минимального жизненного уровня всем слоям населения.

Главную цель государства благосостояния его сторонники усматривали и продолжают усматривать в том, чтобы добиться синтеза экономической свободы, социальной защищенности и справедливости. Другими словами, в государстве благосостояния политические права дополняются социальными правами, предусматривающими предоставление всем членам общества принятого в данном обществе минимума материальных благ.

Вводится принцип социальной ответственности как частных корпораций, так и государства. Социальные программы становятся неотъемлемой частью правового государства. Более того, правовое государство приобретает форму государства благосостояния. На этой основе происходит расширение функций государства, во многом дополняющих, а в ряде случаев и заменяющих функции институтов гражданского общества. Изменяющиеся границы и трактовки государства благосостояния определяются не просто решениями политических руководителей, а фундаментальными структурными изменениями современного общества. Поэтому его следует рассматривать как центральный структурный элемент современной демократии.

Основные принципы и установки демократии

Демократия — это одна из основных форм политической самоорганизации общества. Комплекс институтов и организаций, структура и функционирование которых основываются на либерально-демократических мировоззренческих и ценностных постулатах, нормах, установках, составляет политическую систему демократии. В настоящее время существует несколько теорий демократии, основными из которых являются *плюралистическая, партиципаторная* (или *демократия участия), рыночная, плебисцитарная, консоциативная, представительная, народная, социалистическая.* Наиболее распространенной из них является плюралистическая. Следует отметить, что во всех этих теориях, за исключением социалистической, присутствуют основные элементы плюрализма. Например, консоциативная, или согласительная модель демократии, в наиболее законченной форме реализованная в Швейцарии, предусматривает систему правления, основанную не на принципе власти большинства, а пропорционального распределения власти между политическими, религиозными и этническими группами. Приход к власти элиты (что дает основание говорить об элитарной модели демократии) не обязательно устраняет различия между демократией и авторитаризмом и тоталитарными режимами. Еще Ш.Л.Монтескье говорил о том, что хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным.

По-видимому, были правы В.Парето, Г.Моска и другие ученые, которые считали, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, при любом политическом режиме занимают представители элиты. И действительно, при каждом режиме

имеются относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс. Но при этом необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы (и особенно сам тип политической системы) оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. Правящая или политическая элита по-разному осуществляет властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах.

В целом демократическая форма правления характеризуется не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом за голоса избирателей. Учитывая все это, при анализе основных принципов и установок демократии в качестве исходной берется плюралистическая модель. Хотя институты и формы демократии в разных странах могут варьироваться, существует некоторый комплекс принципов, норм и ценностей, составляющих условия sine qua non, без которых любой режим нельзя расценивать как демократический в собственном смысле слова. В этом контексте интерес представляет «индекс демократии», составленный К.Болленом на основе шести показателей. Первые три из них характеризуют уровень народовластия: честные и свободные выборы; система избрания законодательной власти; система избрания исполнительной власти. Три других показателя относятся к политическим свободам: свобода печати; свобода деятельности оппозиционных групп и организаций; правительственные санкции.

Основными институтами современной либеральной демократии являются: народное представительство, осуществляемое с помощью свободных выборов; система разделения властей, обеспечивающая контроль исполнительной власти (президента, правительства) властью законодательной (парламентом); иерархия юридически-правовых норм, основанная на принципе законности, и др. Один из важнейших принципов, на которых покоится современная демократия,— система разделения властей, которая обеспечивает сдержки и противовесы. Следует отметить, что в любой политической системе, в любом государстве в той или иной форме существует разделение труда или разделение функций между различными органами и уровнями власти. Но разделение властей в собственном смысле слова предполагает самостоятельность и независимость разделенных ветвей. Сама эта теория в более или менее четко сформулированной форме возникла в конце XVII — первой половине XVIII в. Симптоматично, что Т.Гоббс в середине XVII в. категорически отвергал саму мысль о возможности разделения единой суверенной власти на том основании, что разобщенные ветви власти просто сожрут друг друга.

Существенный вклад в разработку этой проблемы внес Дж. Локк, ставший в некотором роде идеологом «славной революции» 1688 г., когда решался вопрос об ограничении властных полномочий монарха в пользу парламента. Обосновав необходимость четкого разграничения законодательной и исполнительной ветвей власти, Локк вместе с тем не выделял судебную власть как самостоятельную ветвь и рассматривал судопроизводство как прерогативу исполнительной власти.

Обосновывая мысль о необходимости учреждения судебной власти в качестве самостоятельной ветви, Ш.Л.Монтескье писал: *«Если власть законодательная и исполнительная будут соединены. в одном лице или учреждении, то свободы, не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы, для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы, и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной... Все погибло бы, если бы. в одном и том же лице или учреждении... были соединены эти три власти».* При этом важно подчеркнуть, что Монтескье подчеркивал не только независимость ветвей власти друг от друга, но и необходимость их взаимного дополнения и уравновешивания. У него разделенные власти выступают как подсистемы единой системы, как три ветви единого ствола.

Таким образом, именно Монтескье принадлежит приоритет в окончательном формулировании теории разделения верховной власти на три самостоятельные ветви — законодательную, исполнительную и судебную. В этой теории в той форме, какую она приняла

к настоящему времени, независимость различных ветвей власти обосновывается тем, что в любом государстве существуют некие фундаментальные функции, которые в силу коренных различий в самой их природе можно реализовать раздельно. Поэтому государственную власть следует разделить на несколько сфер или ветвей, каждая из которых обладает собственными специфическими функциями.

Глава государства, парламент, правительство, судебная власть имеют строго очерченные права и полномочия. Условием обеспечения политической свободы является установление оптимальных взаимоотношений между различными ветвями и органами власти. При этом ни одна из властей не должна быть неограниченной или преобладать над другими ветвями. Как отмечал Ш.Л.Монтескье, *«чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга»*. Судебная власть выступает главным гарантом соблюдения конституции и законности двумя другими ветвями власти, арбитром при возникновении трений и споров между ними. Она обеспечивает бесперебойное функционирование системы сдержек и противовесов. Для этого создается специальный судебный орган. Во Франции — это Конституционный совет, в функции которого входят определение правомочности действий президента и парламента, соответствие принимаемых ими указов, постановлений и законов конституции, а также международным соглашениям и договорам. В ФРГ аналогичные функции выполняет Федеральный конституционный суд, обладающий довольно широкими полномочиями. Среди них наиболее важными являются разрешение споров, касающихся прав и обязанностей федерального правительства и земель, толкование основного закона применительно к тем или иным политическим коллизиям, регулирование принципиальных вопросов политической жизни и др. В США конституционный надзор осуществляет Верховный суд, а в России — Конституционный Суд.

Мерилом демократичности и правового характера современного государства во второй половине XX века становится его приверженность принципам и положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и дополненной 19 декабря 1966 г. двумя пактами — один об экономических, социальных и культурных правах, другой — о гражданских и политических правах. Без принципа неприкосновенности личности, без свободы слова и прессы, а также доступа к информации, касающейся общественных дел, право голоса теряет смысл. Без свободы от произвольных арестов партия, находящаяся у власти, может терроризировать своих противников и серьезно ослаблять оппозицию. Для обеспечения гражданских, политических и других прав основополагающее значение имеет система политически независимых судов.

Одним из ключевых характеристик демократии является политическое равенство всех без исключения граждан перед законом с его принципом «один человек, один голос». Эта характеристика, чтобы не оставаться просто декларацией, предполагает целый ряд других элементов, которые интегрально входят в само определение демократии. Речь идет прежде всего об идее, согласно которой правительство должно действовать в соответствии с четко фиксированными и общепринятыми процедурами, позволяющими без каких-либо препятствий выражать и обнародывать позиции, интересы, устремления всех заинтересованных лиц и групп. Демократия предполагает, что все лица, контролирующие политические властные структуры, должны периодически через строго установленные периоды переизбираться и нести ответственность перед своими избирателями. Избирателям должна быть предоставлена возможность организовываться в партии для реализации своих целей.

Основополагающее значение для теории демократии имеют формирование и утверждение современной идеи народного представительства, в соответствии с которой представительные органы власти избираются не пожизненно, а на определенный строго фиксированный конституцией срок. Периодическая подотчетность выборного представителя перед избирателями стала сущностным элементом демократической теории. И это естественно, поскольку если демократия действительно означает самоуправление народа, то недостаточно, чтобы на государственные посты должностные лица только избирались народом (даже

всеобщим голосованием), они еще должны периодически отчитываться перед народом за свои действия. Сущность принципа представительства состоит в том, что в политической сфере избиратели определяют цель, а избранный ими представитель — наиболее подходящее средство ее достижения.

В плюралистической модели сфера политики рассматривается как хорошо отлаженный механизм, в котором участвует множество заинтересованных групп, взаимно сдерживающих и уравновешивающих друг друга в процессе реализации своих интересов. Она предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в конфликты, соглашения, компромиссы, в ходе которых принимаются взаимоприемлемые решения. Такой плюрализм гарантирует условия для борьбы различных социально-политических сил в случае возникновения между ними конфликтов, достижения равновесия и компромисса в обществе. Поскольку общество разделено по многим параметрам, суть демократии заключается в признании законности различных социально-политических сил, каждая из которых преследует собственные интересы.

Исключая монополию на власть со стороны какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т.д., либерально-демократическая модель постулирует идею самого широкого выбора во всех сферах общественной жизни. Основополагающее значение с данной точки зрения имеет свобода экономического выбора и соответственно наличие альтернативных источников получения средств существования. Здесь в качестве само собой разумеющихся, самоочевидных постулатов принимаются идеи частной собственности, свободного рынка, свободного предпринимательства. Наиболее рьяные приверженцы этих идей рассматривают индивидуализм и свободную конкуренцию в условиях свободного рынка в качестве естественных законов, не подвластных действиям отдельных людей и общественных институтов, политических партий и государства. Считается, что свобода, равенство, конкуренция и индивидуализм в условиях саморегулирующегося рынка в рамках гражданского общества могут обеспечить социальную справедливость, а демократия призвана способствовать беспрепятственной конкуренции различных социально-политических сил за свою долю власти.

Именно в силу той значимости, которая придается данному принципу, на Западе большую популярность получила так называемая рыночная теория демократии. Основные положения этой теории впервые сформулировал Й.Шумпетер в книге «Капитализм, коммунизм, демократия», опубликованной в 1942 г. В ней откровенно и однозначно использовалась рыночная терминология для анализа и трактовки демократии и демократического процесса. *«Демократический метод,—* писал Шумпетер,— *представляет собой институциональный инструмент для достижения политических решений, на основе которого отдельные индивидуумы получают власть: принимать решения путем соревнования, объектом которого являются голоса избирателей».* Продолжая эту линию, Э.Доунс, Э.Шатшнайдер, А.Вильдавски и другие отождествляли политический процесс с обменом в условиях конкуренции на рынке.

Целью каждого участника в данном случае является «максимизация прибыли при минимизации издержек». При этом сам «торг» ведется по определенным общепринятым правилам игры. Например, голосование рассматривалось как обмен голосов за определенный политический курс, а деятельность политиков — как деятельность предпринимателей, занятых на рынке завоеванием и укреплением позиций путем торгов и наращиванием поддержки в поисках коалиций. Если в тоталитарных и авторитарных системах государство доминирует над обществом, то при демократии, наоборот, общество доминирует над государством или, во всяком случае, общество пользуется значительной автономией в отношении государства. Важной ее особенностью является определенное дистанцирование государства от общества.

Показательно, что в индустриально развитых демократических странах средний гражданин в повседневной жизни при нормальных условиях лишь спорадически соприкасается с государством, зачастую имея весьма смутное представление о политических событиях, происходящих в «коридорах власти» и «столицах», за пределами своей общины, деревни, городка. Более того, для него государство нечто отдаленное, чуждое, вмешательство которого в частные дела нежелательно. Например, значительной части американцев присущи недоверие и

даже неприязненное отношение к государству, государственным институтам и отождествляемой с ними политике вообще. Общеизвестен и тот факт, что американцы отдают предпочтение правительствам штатов перед федеральным правительством, органам местного правительства перед правительствами штатов, семье, общине и индивиду перед обществом в целом.

Либерально-демократическая система включает принцип «согласия не соглашаться» с мнениями и позициями других членов или групп общества. *«Недостаточно иметь охрану только от правительственной тирании,*— писал Дж.С.Милль,— но *необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства, от свойственного обществу тяготения, хотя и не уголовными мерами, насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидам, которые с ним расходятся в своих понятиях... Есть граница, дальше которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранять ее от нарушений — это также необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма». «Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм»,*— утверждал Милль. И, действительно, где нет свободы несогласия или господствует принцип единогласия, там нет и не может быть демократии, независимо от того, как она называется — «народной», «либеральной», «буржуазной», «социалистической».

В этом смысле демократии близки принципы критического рационализма, особенно готовность выслушивать критические аргументы и учиться на опыте, руководствуясь принципом: *«Я могу заблуждаться, прав можешь быть ты, и вместе мы, возможно, нападем на след истины».* При таком подходе при решении сколько-нибудь значимых проблем в идеале отвергается волевое навязывание позиций одной части общества другой его части. С данной точки зрения существенным признаком демократии как формы правления большинства является соблюдение интересов и прав меньшинств. Это, в частности, выражается в наличии лояльной и конструктивной оппозиции в качестве законного партнера в демократическом процессе. Терпимость в отношении элементов, которые отвергают фундаментальные принципы демократии и ее право на существование, не может быть приемлема, поскольку они представляют угрозу самому существованию демократии. Само собой предполагается соблюдение и правительством и оппозицией «правил игры», суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти от одной (побежденной) партии другой (победившей) в ходе избирательного процесса, ротацию власти на всех уровнях и т.д. Различным независимым как от государства, так и друг от друга организациям, ассоциациям, иным заинтересованным группам на законных основаниях предоставляются конституционные гарантии мирной конкуренции за доступ к власти.

Особо важное значение имеет то, что в отличие от тоталитарной и авторитарной моделей, где сила занимает статус prima ratio, т.е. первого, или главного аргумента, призванного решать возникающие в обществе конфликты путем нанесения противной стороне поражения, в демократической модели сила отодвинута на задний план и оставлена про запас в качестве ultima ratio, т.е. последнего аргумента, используемого только в случае необходимости, а конфликты разрешаются путем соглашений, компромиссов, судебных разбирательств.

Недостатки и достоинства демократии

Демократия в значительной мере представляет собой механизм или средства решения возникающих в обществе проблем. В этом смысле главное ее предназначение состоит в создании приемлемых для большинства людей рамок и механизмов разрешения конфликтов. Поэтому в процедурах демократии важное место занимает определение источников конфликта и его субъектов. Поскольку демократия — это процесс, в котором участвуют разнообразные силы, ее ни в коем случае нельзя свести к какому бы то ни было одному цвету, одному «изму». Самое главное состоит в том, чтобы при любых путях и средствах реализации основополагающих принципов демократии последние были соблюдены.

Здесь уместно привести весьма удачную аналогию П.И.Новгородцева. Дав одной из своих статей название «Демократия на распутье» (заимствовано у английского исследователя Дж.

Гирн-шоу — автора одноименной книги), он объяснял суть данного понятия так: *«Поскольку демократия есть система свободы, есть система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который все готов допустить, всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы,— она и есть всегда распутье: ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено. Над всей жизнью, над всей мыслью господствует принцип относительности, терпимости, широчайших допущений и признаний».* В этом сила, жизнеспособность и одновременно слабость демократии. В стремлении же избавиться от заложенных в ней слабостей, исправить, заменить формальную демократию «сущностной», «социальной» или иными формами «истинной» демократии имманентно присутствует опасность тотализации путем слияния общества и государства и соответственно уничтожения самой демократии.

Не случайно Ж.Ж.Руссо, который говорил об освобождении человека, обеспечении его безграничной свободы путем стирания границ между управляющими и управляемыми, некоторые авторы не без определенных оснований причисляют к духовным предтечам тоталитаризма. *«Каждый из нас,—* провозглашал Руссо,— *отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство обществами, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого».* При такой постановке вопроса не существует места каким бы то ни было оппозициям правящему большинству, равно как и места подчинения управляемым управляющим. Властвует абстрактная общая воля, которой должны подчиняться и те, и другие. *«Если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле,—* утверждал Руссо,— *то он будет принужден к повиновению всем политическим организмам; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным».* Однако, как справедливо отмечал германский политолог И.Изен-зее, принуждение к «истинной свободе приведет к тому, что в радикальной демократии тюрьма будет называться «Libertas».

Многие мыслители прошлого, будучи не всегда противниками демократии, предупреждали о ее недостатках и таящихся в ней угрозах. Примечательно, что Платон считал демократию самой коррумпированной после тирании формой правления. Аристотель называл демократию самой низшей из всех законных форм правления, в наибольшей степени склонной перерождаться в тиранию. Продолжая эту тенденцию, И.В.Гете писал: *«Ничто так не отталкивает, как большинство, ибо оно состоит из кучки сильных лидеров, из плутов, которые приспосабливаются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая движется за ними, не имея ни малейшего представления о том, чего она хочет».*

Подобных не совсем лестных оценок деятельности демократии выдающимися мыслителями прошлого множество. Но достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту А. де Токвиля, предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более жестокой, чем тирания немногих или одного. Здесь уместно отметить, что А. де Токвиль был одним из тех, кто рассматривал развитие государственно-политических систем по пути демократии как неизбежную закономерность. Комментируя эту мысль, П.И.Новгородцев писал в 1923 г.: *«В странах, испытавших эту форму* (демократию.— *К.Г.) на практике, она давно уже перестала быть предметом страха, но она перестала быть и предметом поклонения. Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить».* Разумеется, нет и не может быть совершенной демократии, но несмотря на все недостатки она самая лучшая и самая гуманная форма правления из всех до сих пор известных. У.Черчилль как-то говорил, что *«демократия — ужасная форма правления, если не считать всех остальных».*

Демократическая форма правления действительно характеризуется многими недостатками и связана с целым рядом издержек. Но при всем том человечество еще не придумало более эффективную и вместе с тем более соответствующую воле большинства членов общества и одновременно духу свободы личности форму правления. Достоинства демократии могут быть сомнительны, но пороки диктатуры самоочевидным. Очевидны относительность, временная и

пространственная ограниченность парламентаризма, системы представительства, всеобщего избирательного права и других атрибутов демократии. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных, но это не может служить достаточным основанием для потери веры в саму демократию. Демократия есть прежде всего фундаментальная установка, своего рода шкала ценностей, определенная концепция человека и его места в обществе.

В некотором смысле демократия представляет собой также образ жизни, базирующийся на фундаментальном постулате о равенстве всех людей перед законом и праве каждого члена общества на жизнь, свободу и частную собственность. Очевидно, что демократия предполагает определенные условия для своего утверждения и нормального функционирования. Важно, чтобы каждый человек сознавал не только пределы своих интересов и прав, но также пределы своей ответственности и обязанности к самоограничению. А это вещи, приобретаемые в результате длительного исторического опыта. *«Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе,*— писал П.И.Новгородцев,— *то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни».*

Несмотря на большую по сравнению с другими моделями политической системы сложность демократии, ее выживаемость во многом зависит от того, насколько ее принципы и механизмы доступны пониманию среднего человека, от того, что избиратели подразумевают под подлинной демократией. Сущность демократии в политических, социальных и экономических проявлениях определяется ее возможностями как морального и духовного фактора, детерминирующего общественное сознание. Демократическая форма правления сохраняет жизнеспособность и эффективно функционирует в силу активного участия граждан в делах общества, обеспечения высокого уровня информации о состоянии общественных дел и широко распространенного чувства гражданской ответственности. Что касается современных условий парламентской демократии,— всеобщего голосования, плюрализма партий и политических организаций, представляющих разного рода заинтересованные группы, то очевидно, что ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства избирателей. Здесь немаловажное значение имеют состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение. В этой связи показательно, что, несмотря на различия — порой существенные — по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения стран Запада разделяет идеи конституционализма, индивидуализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати.

Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования разнообразных конфликтующих друг с другом интересов, группировок, партий. В этом контексте важно подчеркнуть, что стабильность в обществе и обеспечение такой законности имеют мало шансов, когда политические противоречия совпадают с мнениями социального, религиозного, культурного, расового, этнонационального или иного разделения в обществе. Стабильность демократии особенно эффективно обеспечивается в том случае, если главные политические партии имеют сторонников среди различных слоев и групп населения.

Конституционные основания демократии

Демократический характер политической системы определяется тем или иным основополагающим документом, прежде всего в форме конституции, которая фиксирует гражданские свободы и права человека, плюрализм, договорную систему и принцип представительства. Важное значение для развития демократической теории имели формирование и утверждение идеи о необходимости ограничений на политическую власть, ограничений, требуемых для того, чтобы правительство реализовало свои основные функции

обеспечения общего блага. Первоначально эти ограничения носили чисто личностный и духовный характер. Правитель считался наместником самого бога и в силу этого не имел права делать нечто такого, что противоречило бы воле всевышнего. Этот внутренний запрет составлял могущественный стимул до тех пор, пока правители добровольно принимали моральные императивы традиций, обычного права, веры, учения церкви и др. Однако постепенно стала очевидна необходимость также более или менее четко очерченных внешних ограничений. Средневековая идея договора между народом и правителем действовала довольно эффективно. В случае нарушения этого договора правитель в теории переставал быть королем и превращался в тирана и тем самым народ оказывался вправе не подчиняться его власти.

Некоторые политические мыслители (например, Исидор Севильский) считали, что правитель должен быть ограничен собственными законами. Принцип римского права в тот период интерпретировался как средство, с помощью которого народ утверждает своего правителя и устанавливает четко очерченные рамки, в которых правитель вправе действовать. Здесь можно обнаружить первые зародыши идеи конституционного правления, впоследствии ставшей одной из несущих конструкций демократической теории.

Принцип конституционного правления, который прошел сложный и длительный путь формирования и эволюции, стал в некотором роде материальным воплощением идеи ограничения действий верховной власти в рамках народного согласия. Но что же такое конституционное правление и конституция? Говоря о «конституции государства», Аристотель имел в виду его сущностное содержание, или структуру. В аналогичном духе говорилось о «конституции человека». В таком широком смысле любое государство имеет свою «конституцию». У древних греков конституция (Politea) означала форму правления, следовательно, считалось, что все шесть форм правления, которые выделял Аристотель, имели конституции.

История все же отдала предпочтение иному пониманию конституции и конституционализма. Здесь уместно отметить и следующий момент. Великая хартия вольностей, принятая еще в 1215 г. и входящая в число действующих конституционных актов Великобритании, является писаным документом. Такие парламентские акты, как законы о реформах 1832, 1867 и 1884 гг., которые расширили право голоса граждан Великобритании, представляют собой писаные статусы и равнозначны по своей значимости конституционным положениям.

Конституция, независимо от формы, включает принципы организации, законы, правила, нормы, регулирующие деятельность государства. В узком смысле, когда говорят, например, о конституционном режиме, то имют в виду, что этот режим или правительство подлежит определенным ограничениям и действует в соответствии с установленными правилами и нормами, а не произвольно, по своему усмотрению. Под «конституционализмом» понимается также комплекс теорий или идей, характеризующих и обосновывающих конституционные принципы.

С самого начала конституция была призвана поставить закон выше личности властителя. Именно в силу того, что суверен во всех странах ставился выше закона, стала неизбежна революция, призванная подчинить его закону и создать законодательные собрания, в той или иной форме и степени представляющие волю народа. Отсюда появление в ходе французской революции 1789 г. и особенно революций 1848 г. «писаных» конституций на европейском континенте.

Главная идея конституции — это разделение и ограничение власти для оптимального обеспечения свободы. Заслугу отцов-основателей американской конституции лорд Дж. Эктон видел в том, что им удалось решить проблему, которая веками волновала многих политических философов и мыслителей. Суть этой проблемы состояла в следующем: как наделить государство достаточными властными полномочиями, чтобы оно было способно обеспечить общественный порядок и эффективность управления, и в то же время ограничить эти полномочия, для того чтобы исключить незаконное ущемление гражданских свобод.

Конституция определяет горизонтальное и вертикальное распределение прерогатив между различными ветвями и уровнями власти, фиксируя, какие органы или ветви осуществляют соответственно законодательные, исполнительные и судебные функции, как они формируются, как взаимодействуют друг с другом, какими правилами, нормами и процедурами в своих действиях руководствуются. Тем самым конституция четко очерчивает рамки и формы коллективной политической борьбы, смены правительства, взаимодействия правительства и оппозиции, принятия политических решений и др.

В этом пункте вопрос о конституционализме соприкасается со сферой демократии и демократических институтов. И это естественно, поскольку в наши дни конституционное правительство — это по своей сути демократическое правительство. Почти все писаные конституции содержат декларацию относительно основных органов и ветвей власти, возлагаемых на них властных прерогатив, а также относительно того, как они связаны друг с другом и как они сдерживают и ограничивают друг друга. В случае, когда та или иная страна не имеет писаной конституции, важнейшие институты правления устанавливаются исторически, а традицией и обычаем утверждаются их прерогативы и рамки. Знаменитое выражение Наполеона о том, что конституция должна быть «краткой и туманной», отражает реальности эпохи, в которой конституции являются сводами правил с широкими потенциальными возможностями для злоупотреблений.

В современных условиях жизнеспособность конституции измеряется пределами, в которых она обеспечивает эффективное функционирование таких фундаментальных институтов власти, как суды, законодательные собрания, исполнительные органы, политические партии и др. Конституция обеспечивает необходимый уровень и основу легитимизации государственного правового порядка.

Любая конституция, заслуживающая это название, включает в себя следующие основополагающие положения: верховенство закона, конституционные права, реализация которых обеспечивается механизмом разделения властей, сдержек и противовесов. Конституция должна четко очертить формы и рамки политической борьбы. Демократическая конституция выполняет три основополагающие функции: выражение согласия народа, в силу которого устанавливается само государство; фиксацию определенной формы правления; предоставление и одновременно ограничение властных полномочий правительства.

Например, английская конституция (большей частью неписаная) представляет собой по сути общую сумму властных полномочий, которыми, как считает палата общин, выступающая в качестве представителя народа, она владеет в рамках доктрины о полновластии парламента. Эта «сумма» меняется в зависимости от конкретного периода. Конституция же *федеральной республики* (например, США) включает сумму определенных властных прерогатив, от которых составляющие республику штаты отказались и передали центральному правительству. Штаты также приняли собственные конституции, в соответствии с которыми они пользуются суверенитетом и всей полнотой власти во всех вопросах, кроме тех, решение которых они делегировали центральному правительству. *Унитарные государства* имеют конституции, представляющие собой не просто перечень властных полномочий, а свод общих политических принципов, что оставляет широкое поле для маневра законодательной и исполнительной ветвям власти.

Конституция фиксирует фундаментальные принципы политического устройства, а не постоянно меняющиеся законы. Этим принципам подчиняются все законы государства и действия правительства, которые должны согласовываться с конституционными нормами. В этом смысле конституцию можно рассматривать как своеобразную узду на политическую власть, призванную не допустить неограниченного господства последней над обществом и людьми. В таком контексте конституция дополняет существующие в обществе противовесы власти, такие как общепринятые морально-этические правила и нормы, системы ценностей, промежуточные институты (семья, община, церковь, заинтересованные группы и др.).

Иначе говоря, ограничения составляют краеугольный камень конституционализма, и поэтому та или иначе система ограничений занимает центральное место в любой конституции,

заслуживающей это название. Утверждение тех или иных специфических путей и средств реализации правительственных действий уже по самому своему факту запрещает другие пути и средства. Но конституции, как правило, идут дальше и ограничивают власть, устанавливая пределы прерогатив высших органов власти и фиксированные процедуры, по которым оно действует.

Либерально-демократические режимы

Разобрав основные параметры и принципы либерально-демократической политической системы, перейдем теперь к анализу основных режимов этой системы. Выше уже говорилось о том, что классификация либерально-демократических режимов производится исходя из характера разделения властей, конфигурации государственных институтов, их функций и др. Как отмечалось ранее, по данному признаку различаются парламентский, президентский, смешанный президентско-парламентский режимы. С этой точки зрения особенно бросается в глаза роль, которую играют глава государства и глава правительства.

В *парламентском режиме* глава государства — это, по сути дела, титулярный церемониальный руководитель страны, который символизирует суверенитет и величие государства. Он занимает первое место в иерархии церемониальных, почетных рангов и выполняет ряд особых задач в области внешней и внутренней политики. Он может носить официальный титул короля или королевы в конституционных монархиях, как в Швеции, Норвегии, Великобритании, Бельгии, Дании, Голландии, Испании и др., или президента в президентской или парламентской республике, как в США, Франции, Германии, Италии и т.д. Ограниченность и слабость реальных прерогатив главы государства при парламентской форме правления проявляется, в частности, в том, что он избирается в большинстве случаев не в ходе всеобщего прямого голосования, а специально уполномоченными органами, например парламентом. Так, президент ФРГ избирается особым собранием, одна половина которого формируется из депутатов бундестага, а другая — из представителей земельных парламентов. Что касается конституционных монархий, то там глава государства — монарх — получает власть по наследству.

Центральную роль в парламентском режиме играет парламент. Он занимает привилегированное положение по отношению к другим органам государственной власти. Прототип парламента как органа сословного представительства возник еще в XIII в. в Англии. Но реальное значение парламент как самостоятельная ветвь государственной власти (законодательной и представительной) приобрел после социально-политических революций XVII—XIX вв. Ныне парламент и парламентаризм стали неотъемлемыми структурными и функциональными элементами политической системы либерально-демократического типа.

В разных странах для обозначения законодательного и представительного органа власти применяются разные названия. «Парламент» как собственное наименование высшего представительного органа власти применяется в Великобритании, Италии, Японии, Канаде, Бельгии, Индии и других странах. В США и странах Латинской Америки он называется конгрессом, в Швеции — риксдагом, Финляндии сеймом, в России — Федеральным Собранием и др.

В государствах с федеративной формой государственного устройства парламенты, как правило, строятся по двухпалатной системе (США, Канада, ФРГ, Австралия, Россия и др.). Причем нижние палаты в двухпалатных парламентах и однопалатные парламенты образуются путем прямых выборов. Верхние же палаты в разных странах образуются по-разному: в США, Италии и некоторых других странах на основе прямых выборов, в ФРГ, Индии,— путем непрямых, многоступенчатых выборов, причем в ряде стран (Великобритания, Канада) часть их членов занимает места в порядке наследования или назначения.

Важное значение имеет независимость членов парламента. Первоначально парламент был создан в качестве не только противовеса правительству, но и в роли инструмента представительства граждан. Сам факт, что депутаты парламента избираются, наделяет их значительной долей независимости в отношении правительства. Он не зависит от последнего

как в плане выдвижения кандидатов на выборах, так и в плане отзыва или увольнения, за исключением тех случаев, когда правительство вправе распустить парламент и назначить новые выборы. Чтобы стать депутатом и сохранить за собой эту должность, члену парламента достаточно обеспечить себе доверие и поддержку избирателей своего избирательного округа. В этом контексте особо важное значение имеет то, что депутаты парламента избираются прямым всеобщим голосованием и выступают в качестве выразителей народного суверенитета. Их независимость проявляется, в частности, в том, что на них распространяется парламентский иммунитет, согласно которому в пределах своей деятельности они пользуются принципом неприкосновенности. В случае совершения тем или иным депутатом уголовно наказуемых преступлений для его привлечения к уголовной ответственности требуется специальное решение парламента, лишающие его иммунитета и статуса неприкосновенности.

Для организации своей деятельности парламент создает ряд органов и выбирает должностных лиц (председателя, спикера, их заместителей, секретарей и т.д.). Среди них важное место занимают различные комитеты и комиссии, которые, как правило, составляются из членов всех представленных в парламенте партий пропорционально их численности. В функции парламента входят разработка и принятие законов, принятие государственного бюджета, ратификация международных договоров, избрание органов конституционного надзора и др. В странах, где предусмотрена ответственность правительства перед парламентом, последний формирует правительство и контролирует его деятельность. Если глава государства всего лишь церемониальный руководитель, то глава правительства — главный активный политический руководитель страны. В разных странах он называется по разному: премьер-министр, премьер, председатель совета министров. Ему принадлежит главная роль в формировании политики и руководстве правительством. Что касается самого правительства, то его формирует та партия, которая обладает большинством в парламенте и несет перед ним ответственность.

Самого главу правительства тоже назначает, по крайней мере формально, парламент. Главная задача парламента — формирование правительства. Именно в ходе парламентских выборов выясняется, какая партия или коалиция партий будет формировать правительство. Типичный образец парламентского режима дает ФРГ. Здесь вся полнота законодательной власти передана законодательному собранию, или парламенту в лице бундестага. Права президента как главы государства существенно урезаны и сведены фактически к представительским функциям. Бундестаг не только формирует правительство, но и выбирает главу правительства — канцлера. Причем фракция партии большинства играет активную роль в работе правительства, в принятии им ответственных решений. Само правительство формируется из числа депутатов парламента, представляющих партийные фракции парламентского большинства. В состав кабинетов министров, как правило, не приглашаются беспартийные специалисты.

Сильными позициями обладает исполнительная власть в парламентской форме правления в Великобритании. Здесь партия, победившая на парламентских выборах, становится правящей и формирует правительство, а вторая образует «официальную оппозицию ее величества», ожидая своей очереди для победы на следующих выборах. Премьер-министр, избираемый партией большинства в парламенте, обладает довольно широкими полномочиями. Причем правительство вправе осуществлять далеко идущие изменения в обществе, такие, например, как национализация ряда ведущих отраслей экономики (при правительстве лейбористов) или денационализация и реприватизация тех или иных отраслей (при консервативном правительстве М.Тэтчер).

Нередко в парламентских республиках высший законодательный орган по тем или иным причинам может быть распущен досрочно. При этом назначаются внеочередные выборы. Здесь важно отметить и то, что при парламентском режиме правительство не всегда формируется партией, завоевавшей наибольшее число голосов. Так, в ФРГ, Австрии, Ирландии, Норвегии, Швеции не раз правительство возглавляла партия, занявшая по числу завоеванных на выборах голосов второе место и вступившая при этом в коалицию с какой-либо небольшой партией.

Ценой такого положения может стать нестабильность правительства, его зависимость от колебаний позиций входящих в коалицию мелких партий. Так, переход в 1972 г. из социал-либеральной правительственной коалиции восьми депутатов в оппозиционный лагерь создал в бундестаге ФРГ своеобразную патовую ситуацию и привел к необходимости его роспуска и проведения досрочных парламентских выборов. В 1982 г. выход из правительственной коалиции небольшой фракции свободно-демократической партии обеспечил возможность создания правоцентристского блока во главе с ХДС/ХСС и привел к досрочным парламентским выборам 1983 г.

При *президентском режиме,* типичным примером которого является форма правления США, президент является одновременно главой и государства и правительства. Эта форма предусматривает прямое избрание всеми гражданами на всеобщих выборах главы исполнительной власти. После победы на выборах президент по своему усмотрению формирует правительство или кабинет министров. Правда, кандидаты на ряд ключевых постов должны быть утверждены законодательным собранием. Здесь правительство выполняет роль своего рода «личного штаба» президента.

При американской президентской форме правления некоторыми особенностями характеризуются и выборы в конгресс. Согласно конституции США, конгресс состоит из двух палат: верхней — сената и нижней — палаты представителей. Сенаторы избираются на шесть лет от штатов в целом, а члены палаты представителей — на два года, главным образом от так называемых конгрессистских дистриктов, а в ряде случаев и от штатов в целом. От каждого штата независимо от численности населения избираются по два сенатора, которые рассматриваются в качестве представителей штатов как территориально-административных единиц. Палата представителей состоит из конгрессменов, избираемых жителями штатов, их число определяется в зависимости от численности населения этих штатов. С 1912 г. общее число членов палаты представителей составляет 435 человек.

Для президентского режима, особенно американского, характерен так называемый феномен раздельного голосования и «раздельного правления». Суть первого состоит в том, что значительные контингенты избирателей, голосуя за кандидата «своей» партии на пост президента страны, по списку кандидатов в законодательное собрание могут поддержать представителей конкурирующей партии. В США кандидаты на пост президента от республиканской партии часто побеждали за счет привлечения на свою сторону сторонников демократической партии и наоборот. Именно этим обстоятельством объясняется феномен «раздельного правления». В США — это такое положение, когда Белый дом в Вашингтоне возглавляет представитель одной партии, в то время как в одной или обеих палатах конгресса большинство принадлежит соперничающей партии. К примеру, с 1945 по 1976 г. в течение 14 из 30 лет контроль над исполнительным и законодательным органами власти был поделен между двумя партиями. Это, естественно, создает определенные проблемы для президента при решении тех или иных ключевых проблем внутренней и внешней политики.

О характере различий в процедурах формирования правительств победившими партиями наглядное представление можно составить, сравнив эти процедуры в классически президентской системе США и классически парламентской системе Великобритании. При парламентской системе каждая партийная фракция в парламенте выступает как единая команда, в которой все члены придерживаются более или менее строгой дисциплины. Поскольку на выборах избиратели голосуют большей частью за партийный список, а не за конкретного кандидата, депутат, выступивший против линии партии, рискует быть исключенным из партии. Здесь партия большинства контролирует и законодательную, и исполнительную власть.

Показателен пример Великобритании, где все послевоенные правительства, за исключением одного, опирались на однопартийное большинство в парламенте. В США правительство формируется главой государства — президентом внепарламентским путем. Характер отношений президента как главы государства и одновременно главы правительства с его партией иной, чем в странах с парламентарной системой.

В американской политической системе отсутствуют такие институты европейского парламентаризма, как роспуск парламента главой государства и ответственность правительства перед парламентом. В Великобритании, например, премьер-министр, получив мандат от электората и сосредоточив в своих руках функции руководства партией и кабинетом, правит через парламент. Он, равно и как возглавляемый им кабинет, ответственен перед парламентом. В случае вотума недоверия или каких-либо других чрезвычайных обстоятельств премьер-министр вправе распустить парламент и назначить новые выборы. В США же президент осуществляет реальный контроль над федеральной администрацией. Он не является лидером партии в европейском смысле слова. Фактически властные функции распределены между президентом и конгрессом, внутри конгресса,— между палатами, а внутри палат — между десятками постоянных комитетов, располагающих значительной самостоятельностью.

В отличие от британского премьер-министра американский президент правит не через конгресс, а вместе с конгрессом. Хотя президент лишь формально считается главой партии, он не является таковым юридически. Активисты партии и поддержавшие ее кандидата избиратели ожидают от президента реализации программы, с которой он пришел к власти. Для этого президент должен создать кабинет министров, которые принимают его программу и способны провести ее в жизнь. Он должен также укомплектовать штат Белого дома, призванный содействовать достижению этой цели. Ключевую роль в реализации программы, с которой он пришел к власти, естественно, играет сам президент. Он может придать одним ее положениям больший, а другим — меньший приоритет. Он может также наложить свой долговременный отпечаток на процесс принятия решений с помощью назначений в разные комиссии по регулированию и другие учреждения исходя из тех или иных социальных и экономических проблем.

Принято считать, что президент США должен быть выше партий и межпартийных конфликтов. В своей первой инаугурационной речи Т.Джефферсон произнес ставшую знаменитой фразу: *«Любое расхождение в мнениях не есть расхождение в принципах. Различаясь по названию, мы являемся приверженцами одного и того же принципа. Все мы — республиканцы, все мы — федералисты».* Но поскольку выдвижение кандидатуры на пост президента всецело зависит от партий, то кандидат той или иной партии, выдвигающий себя на пост президента, должен иметь и сохранять хорошие отношения с партийными руководителями, давать им обещания и апеллировать к членам партии, чтобы заручиться их голосами. После же избрания у многих президентов ослабевают интерес и внимание к партии, и они начинают адресоваться прямо к электорату в целом.

Некоторые авторы выделяют также *ультрапрезидентскую* форму правления, где достигнута наибольшая независимость президента от высшего законодательного собрания. Следует отметить, что такой оборот событий, в сущности, коренится в самом способе избрания президента всеобщим прямым голосованием, что ставит его в независимое от парламента положение, поскольку парламент в принципе лишен возможности оказывать какое бы то ни было влияние на исход выборов. Более того, в ряде стран, обладая правом вето, президент располагает возможностями контролировать его деятельность. Следует к этому добавить и то, что согласно конституции некоторых стран, например Франции, ряда африканских и латиноамериканских стран, президент вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам, затрагивающим важнейшие сферы общественной жизни. Показательно, что в 70—80-х годах, в условиях неуклонного усиления реальных прерогатив в руках исполнительной власти многие аналитики не без оснований забили тревогу относительно наметившихся авторитарных тенденций в ряде индустриально развитых стран. Так, известный американский историк и политолог А.М.Шлезингер мл. написал объемный труд под красноречивым названием — «Имперское президентство». В нем речь шла о том, что президент США по объему сосредоточившихся в его руках реальных властных полномочий далеко превзошел многих монархов и императоров прошлого. М.Дюверже, используя подобные же аргументы, характеризовал режим, установленный Ш. де Голлем во Франции, как республиканскую монархию.

При *парламентски-президентском* или *президентски-парламентском* режиме исполнительной власти присущ своего рода дуализм, состоящий в том, что руководящие исполнительные функции являются прерогативой и президента и кабинета министров, ответственного перед парламентом. Следовательно, глава государства — президент и глава правительства — премьер-министр выступают в двух лицах. Как президент, так и парламент избираются путем прямого всеобщего голосования. Президент оказывает существенное влияние на формирование правительства и назначение на ключевые посты. Правительство зависит от президента, но в то же время оно ответственно перед парламентом, который вправе его сменить. Типичным примером этого типа является режим во Франции. Здесь президент, от которого зависит правительство разрабатывает стратегию социально-экономического и политического развития страны. Возможен конфликт между главой государства и главой правительства. Так было, например, во Франции в середине 80 — начале 90-х годов, когда Елисейский дворец занимал представитель социалистической партии, а пост премьер-министра — представитель правоцентристских сил.

Что касается России, то установленный у нас режим можно назвать смешанным президентско-парламентским. Здесь, как и во Франции, глава государства — президент и глава правительства — премьер-министр выступают в двух лицах. Президент выступает гарантом сохранения единства государства. Он определяет стратегические направления развития страны и наделен широкими полномочиями в реализации этих направлений. В то же время, хотя правительство ответственно перед президентом, парламент имеет определенное влияние на его формирование. В частности, требуется согласие парламента на назначение председателя правительства. Парламент решает вопрос о доверии правительству. Но оперативная деятельность последнего выведена из-под контроля Федерального Собрания.

Следует отметить, что вопрос о том, какой из трех основных режимов в наибольшей степени подходит России, отнюдь не простой и остается предметом острых споров и дискуссий. И президентский, и парламентский режимы имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Верно, что в странах, переживших тоталитаризм или близкие к нему режимы,— Германии, Италии, Испании, Японии — утвердились парламентские режимы (хотя в последних двух в форме конституционной монархии). Здесь именно парламентские институты во многом дали возможность изжить, преодолеть основные атрибуты, ценности и установки антидемократизма. Но в условиях России без сильного центра, скрепляющего все регионы страны в единое целое, парламентаризм, так сказать, в чистом виде чреват определенными непредсказуемыми последствиями.

Казалось бы, с учетом вековечных традиций России, тяготеющих к авторитаризму, державности, персонификации политики, наилучшая альтернатива для нашей страны — это президентский режим. Тем более, как представляется, в свете происшедших в стране за последние годы трансформаций перспективы сползания к диктатуре в какой бы то ни было форме не столь существенны, как это изображается отдельными публицистами. Для этого уже нет достаточных механизмов, структур, социально-психологических, идейно-политических и иных предпосылок. Но тем не менее, учитывая опять же российские традиции, мы должны весьма осторожно оценивать пригодность этого режима для России. Другими словами, парламентский режим в условиях переходного периода способен поощрять неустойчивость и тормозить стабилизационные процессы, а чисто президентский режим при определенном стечении обстоятельств чреват скатыванием к той или иной форме авторитаризма. Смешанный режим, сочетая в себе институты парламентаризма и президентского проявления, способен обеспечить стабилизацию и консолидацию огромной страны вокруг центра, естественно, при учете интересов различных социально-политических сил, народов, регионов и республик.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятие «демократия»?
2. Каковы сущностные, системообразующие признаки демократии?
3. Назовите основные определения и модели демократии.

4. Назовите важнейшие конституционные принципы демократии.

5. Что такое конституция, каковы ее место, роль и функции в политической демократии?

6. Каковы конституционные принципы политического устройства?

7. Какие существуют либерально-демократические режимы? Дайте общую характеристику каждого из них.

Глава 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Важнейшими субъектами политических отношений в либеральной демократии являются партии и избирательные системы. Именно в них конкретно выражаются основополагающие принципы демократии — политический плюрализм, представительство, выборность должностных лиц. Партии и избирательная система, переводя различные формы плюрализма в гражданском обществе в подсистему политического, сферу властных отношений, составляют единый механизм завоевания власти. Они являются главными субъектами политических отношений и в этом качестве без них невозможно представить себе современную демократию. Основные партии в их взаимодействии, взаимоотношении, взаимных конфликтах и взаимной ротации у власти рассматриваются как единая партийная система, во многом определяющая жизнеспособность и функционирование всей политической системы в целом. Говорить о партиях, значит поднимать вопросы об их месте и роли в политической системе, их функциях, социальном составе электората, их организационной структуре, типах и формах.

Основные вехи формирования партий

Партии не всегда играли ту роль, которую они в настоящее время играют в политической системе индустриально развитых стран. Они прошли длительный путь формирования и эволюции, являются продуктом социально-экономического и общественно-исторического развития каждой конкретной страны. Серьезный отпечаток на их характер накладывают исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и др.

В тех или иных формах разного рода группировки, фракции, клики всегда составляли интегральную часть политической жизни. Существовали олигархические и демократические «партии» в древнегреческих городах-государствах; популяры, выражавшие интересы плебса, и оптиматы, стоявшие на стороне нобилитета в Древнем Риме; гвельфы, защищавшие интересы пополанов или торгово-ремесленного люда городов, и гиббелины, выступавшие выразителями интересов нобилей или феодалов в средневековой Италии. В качестве подобных сообществ выступали также арминиане и гомаристы в Нидерландах в начале XVII в., просвитериане и индепенденты в период английской буржуазной революции середины XVII в. и другие религиозно-политические группировки. Однако это были, по сути дела, небольшие группы сподвижников, объединившихся вокруг отдельных влиятельных политических лидеров, государственных деятелей. Разумеется, у них не могло быть и речи о сколько-нибудь четко структурированной организации, аппарате, членстве и других атрибутах партии в ее современном понимании.

Показательно, что вплоть до XIX в. термины «партия», «фракция», «интерес» и т.д. использовались как взаимозаменяемые. Осознание же необходимости партий в современном понимании как инструментов реализации политического процесса появилось лишь в процессе формирования капиталистических институтов и буржуазной политической системы, в процессе вычленения политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума. Этот процесс занял много поколений и в разных странах протекал по-разному. Первоначально партии стали важным элементом политической системы ряда стран Запада, а затем и всех тех стран, которые впоследствии встали на путь либеральной демократии. Первыми из этих стран стали Великобритания и США. Наиболее показателен с рассматриваемой точки зрения американский опыт. В Декларации независимости и Конституции США, заложивших основы государственной и политической системы молодой буржуазной республики, партии вовсе не

упоминаются, а в «Федералисте», в котором обосновывались основные параметры формировавшейся американской государственности, о них говорится в негативном смысле.

Многие отцы-основатели считали партии в лучшем случае необходимым злом. Они видели в партиях источник конфликтов, раздоров и смуты, рассматривали их как инструменты в руках неразборчивых в средствах политиков. Как пишет Н.Каннигем, «одним из парадоксов политического развития Америки было то, что создание политических партий проходило в атмосфере недоверия к политическим партиям». Сама идея о двух или нескольких соперничающих друг с другом партиях как средствах представительства отдельных социальных групп и интересов в рамках определенной общественно-политической системы не принималась участниками политического процесса того времени, хотя и нельзя сказать, что отцы-основатели не осознавали факта наличия в обществе разнородных социальных группировок и противоречивых интересов, вступающих в постоянные конфликты друг с другом. Так, Б.Франклин предупреждал против опасности фракций и «бесконечных взаимных злоупотреблений партий, разрывающих на куски наилучшие из характеров».

Дж. Вашингтон был избран президентом на непартийной основе и рассматривал себя стоящим над партиями и политикой. В своем «Прощальном послании» он говорил об опасных последствиях «партийного духа» и существования партий как «готового оружия» для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. В целом большинство политических деятелей периода утверждения США как самостоятельного современного государства были убеждены, что партии совершенно не пригодны в рамках республиканской формы правления. По мере формирования каждая политическая партия лишь одну себя считала законной и ставила цель ликвидировать противную сторону. Симптоматично, что фактически вплоть до 1844 г. ни одна политическая партия, которая потеряла президентский пост, не завоевала его обратно.

«Антипартийный подход» отцов-основателей и их современников во многом определялся их убеждением в том, что утверждение республиканских принципов создает условия для предотвращения конфликтов, подрывающих единство и гармонию в новом государстве. Исходя из этого постулата, авторы «Федералиста» концентрировали внимание на обосновании необходимости создания прочного и дееспособного государства, способного противостоять как внешней, так и внутренней опасности. Поэтому большое внимание в нем уделяется проблеме «сдерживания и контролирования насилия фракции». Здесь фракция рассматривалась как самая большая опасность для республиканской формы правления.

Дж.Мэдисон особо подчеркивал экономическую борьбу между богатыми и бедными, превратившую античные демократии в «зрелище бурных страстей и склок». По его словам, главная задача республиканской формы правления состоит в том, чтобы избежать «внутренних конвульсий», которые возникают, когда богатые и бедные, большинство и меньшинство вступают в непримиримый конфликт друг с другом.

Позиции отцов-основателей и их современников характеризовались очевидным противоречием: с одной стороны, они принимали политические различия и идею политической свободы, а с другой стороны, отвергали политические партии. В Великобритании начало межпартийной борьбы в современных ее формах восходит к периоду так называемой славной революции 1688 г. В центре этой борьбы стоял вопрос о расширении прерогатив парламента за счет сокращения прерогатив королевской власти. Постепенно противоборствующие политические силы оформились в более или менее спаянные партийные группировки, получившие название вигов и тори (а в XX в. — либералов и консерваторов).

Особенно болезненно и трудно процесс формирования партий шел в континентально-европейских странах. Но тем не менее в XIX в., охватив большинство стран Запада, этот процесс заметно ускорился. Хотя на всем протяжении столетия дискуссии о правомерности и значимости партий не прекращались, к концу столетия партии стали важнейшими составляющими современных политических систем. К примеру, если в 1861 г. в Великобритании в парламентских выборах партии вообще не участвовали, то в 1951 г. в высшие властные структуры не был избран ни один не зависимый от партии претендент.

Наблюдается определенная хронологическая последовательность в возникновении партий в зависимости от идейной ориентации. Либерализм и либеральные партии возникли в борьбе против феодальных режимов. В Европе в середине XIX в. либералы первыми создали свои организации с собственной идеологией и фракциями в парламенте. Такими организациями стали Прогрессивная партия в Германии, Бельгийская либеральная партия и др. По их примеру подобные организации создали и консерваторы, например «Клуб консерваторов» в Англии. И те и другие довольно долго считали себя не партиями, а объединениями единомышленников. Дальнейшее расширение избирательного права подтолкнуло их организационно укрепить свои партии.

Французская революция, которая стала переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, дала сильнейший толчок образованию на европейском континенте разнородных консервативных группировок, именовавших себя «аристократами», «роялистами», «придворными партиями», а во второй половине XIX—начале XX в. сформировавшихся в консервативные партии. Они, по сути дела, возникли в качестве реакции и противовеса либеральным партиям.

Рабочие партии возникли в борьбе с капиталистической системой, аграрные партии — как реакция против индустриального развития, христианские партии — в борьбе против секулярных, антиклерикальных движений, коммунистические — против капитализма и социал-демократии, а фашистские — против демократии во всех ее формах и коммунизма и т.д. Следует различать партии, возникшие в качестве парламентских в рамках самого парламента, и внепарламентские партии. Первые возникли сравнительно рано и рассматривались как часть парламентского механизма. Затем формировавшиеся в обществе группы стали принимать эти партии в качестве выразителей своих интересов. Сами партии предпринимали усилия по привлечению в свои ряды членов, а также искали массовую поддержку среди этих групп. Такой именно путь проделала, например, консервативная партия Великобритании, которая сформировалась в структурах парламента. Наоборот, лейбористская партия Великобритании первоначально сложилась как внепарламентская организация в недрах английского рабочего движения и лишь позже стала парламентской партией.

В континентально-европейских странах, где традиция конституционной оппозиции привилась позже, большинство партий возникли вне парламента — первоначально из разного рода клубов, студенческих организаций, профсоюзов, крестьянских кооперативов и др.

Некоторыми специфическими особенностями отличался процесс формирования политических партий в России. В первую очередь следует назвать сохранение большого веса и влияния сословно-феодальных институтов, господство самодержавия, запоздалое развитие капитализма, отставание процессов становления гражданского общества и институтов парламентаризма и правового государства и многое другое.

В конце XIX—начале XX в. современники отмечали «неутвержденность общественного состава», имея в виду недифференцированность и неопределенность интересов различных групп населения. Не случайно В.О.Ключевский как-то заявил, что не сочувствует «партийно-политическому делению общества при организации народного представительства». Такой подход во многом объяснялся неразвитостью инфраструктуры гражданского общества, что действительно могло способствовать искажению реального представительства общественных интересов партиями в политической сфере. Тем не менее в конце XIX—начале XX в. партии стали фактором политической жизни России — особенно сильный толчок к их формированию и консолидации дала буржуазная революция 1905 г. Либеральные организации и партии формировались на основе сил, группировавшихся вокруг Вольного экономического общества. Юридического общества при Московском университете. Союза взаимопомощи русских писателей, комитетов грамотности в Москве, земских организаций. К концу 1905 г. оформились такие партии, как «Союз 17 октября» (октябристы), конституционно-демократическая (кадеты), мирного обновления, торгово-промышленная, правового порядка и др.

Сразу после манифеста 17 октября 1905 г. оппозиционные организации и партии заняли заметное место на политической арене, что, в частности, проявилось в их активности на первых

свободных выборах в I Государственную Думу. Показательно, что в 1906 г. П.А.Столыпин предложил лидерам кадетов и октябристов войти в правительство, на что последние ответили отказом. В тот же период на авансцену вышла и та политическая партия, которая, совершив в 1917 г. государственный переворот и разогнав в начале 1918 г. учредительное собрание, стала могильщицей всех остальных партий и организаций, самого нарождавшегося парламентаризма и демократических институтов. Речь, разумеется, идет о Российской социал-демократической рабочей партии.

Идея и принцип представительства

Политические партии возникли и развивались одновременно с системой выборов и идеей представительства. Более того, идея представительства, как уже указывалось, имела ключевое значение для формирования современной теории демократии и соответственно ее важнейших принципов — политического плюрализма, партий, избирательной системы. Понятие «представитель» используется во многих значениях. Например, говорят о конкретном человеке как «типичном представителе» своей нации, профессии, социальной группы, о представителе такой-то страны, представителе главы государства, торговом представителе той или иной компании. В политическом лексиконе же под терминами «представитель», «представительство» подразумевается принцип делегирования полномочий определенной группой лиц или партий конкретному человеку, организации, органу для отстаивания своих интересов в структурах власти.

Следует отметить, что в античности сам принцип представительства был неизвестен. В тот период происходило непосредственное участие всех граждан в принятии решении по управлению делами полиса. Теория представительства начала формироваться в XVII-XVIII вв. Главная заслуга в ее разработке принадлежит таким известным политическим мыслителям XVII—XIX вв., как Дж.Локк, А. де Токвиль, Дж.С.Милль, Б.Н.Чичерин и др. В ней в органическом синтезе переплелись две важнейшие идеи представительной демократии: с одной стороны, идеи, согласно которой ни один человек не вправе править другим человеком без согласия последнего, и, с другой стороны, мысль о том, что поскольку каждый отдельно взятый индивид не в состоянии непосредственно участвовать в управлении государством, интересы различных категорий населения могут быть представлены в системе власти особыми уполномоченными, которым делегированы соответствующие прерогативы и права.

Просветительская идея равенства всех людей по своей природе предполагала, что ни один человек не вправе править другим человеком без согласия последнего. Как отмечал Б.Н.Чичерин, *«представительное начало в своей полноте является как бы юридическим, вымыслом, но это вымысел, вытекающий из самого существа дела, из государственного начала, из отношения власти к гражданам, из господства общего блага над частными целями».* Предполагалось, что избранные представители смогут защищать и реализовывать интересы народа лучше, чем сам народ. О том, насколько большее значение придавалось принципу представительства, свидетельствует, например, тот факт, что Дж.Мэдисон отождествлял республиканизм с представительством.

С самого начала развернулись поиски оптимальных путей и механизмов реализации представительства. Как считал Ш.Л.Монтескье, люди, как правило, знают интересы и проблемы своего населенного пункта, города, региона лучше, чем интересы и проблемы других регионов страны. Поэтому представителей во властные органы целесообразнее избирать не от всей страны в целом, а от отдельных городов или местностей, организованных в избирательные округа. В Англии утвердилась так называемая теория «фактического представительства», суть которой состояла в том, что члены парламента представляют не просто отдельные слои и группы населения, а всю совокупность нации в целом. Поэтому не имеет значения как, из числа кого и где они избираются. Причем для вигов, которые сформулировали эту теорию, было характерно убеждение в том, что члены парламента, будучи избраны, не должны зависеть от своих избирателей. Обосновывая такой тезис, Э.Берк в своей известной речи перед избирателями в Бристоле в 1774 г. настаивал на том, что парламент должен быть не неким

«конгрессом послов от различных и враждебных интересов», а форумом представителей всего английского народа, руководствующихся стремлением реализовать «общее благо».

В дополнение к теории фактического представительства политические деятели Америки выдвинули концепцию географического представительства, в соответствии с которой члены законодательного собрания избирались бы в качестве представителей определенных территорий и определенных групп населения, а не всего населения государства. Касаясь, например, палаты представителей, автор «Федералиста» № 52 (Дж.Мэдисон или А.Гамильтон) придавал особую важность тому, что избранные представители «непосредственно зависели от народа». Причем он считал, что главная функция этих представителей должна состоять в обеспечении секционных интересов.

Так, Дж.Мэдисон был убежден в том, что конфликты различных интересов в обществе неизбежны и они ведут к возникновению фракционных споров по социально-политическим проблемам. По его мнению, избранные представители будут действовать как делегаты особых интересов. С этими двумя формами тесно связаны теории фракционного и национального представительства, возникшие первоначально во Франции.

Первая восходит к Ж.-Ж.Руссо, который считал, что суверенитет народа представляет собой сумму суверенитетов составных его частей, являющихся в свою очередь достоянием каждого отдельно взятого индивида. Допустим, говорил Руссо, государство состоит из 10 тыс. граждан. В таком случае каждый член государства обладает одной десятитысячной частью суверенной власти. Этот подход получил название теории фракционного суверенитета. Согласно ей каждый гражданин имеет свою часть в том мандате, который избиратели предоставили своему депутату. Она предусматривает также императивный характер мандата или, иначе говоря, положение, по которому депутат связан в своих действиях волей избирателей.

В наши дни эта теория составляет важный аспект демократии. Ей в полной мере отвечает принцип «один человек, один голос». Немаловажное место занимает также теория национального представительства. В период Великой французской революции

Конституционная ассамблея сформировала идею о том, что суверенитет принадлежит не отдельно взятым гражданам, а «нации» в целом, т.е. всей совокупности граждан, рассматриваемой как особое единство, отличное от составляющих ее индивидов. При данном подходе каждый отдельно взятый депутат не есть представитель своих избирателей. Наоборот, совокупность всех вместе взятых депутатов представляют всю нацию в целом. Депутаты, выражая волю нации, осуществляют мандат, предоставленный им нацией. Если так, то они не связаны своим мандатом с избирателями. Соответственно мандат теряет императивный характер, присущий ему в рамках теории фракционного представительства.

Значимость теории представительства помимо всего прочего состояла в том, что она дала возможность расширить пространственные рамки демократической и республиканской форм правления. Как выше говорилось, так называемая прямая демократия, которая предусматривает участие всех взрослых граждан в принятии сколько-нибудь важных решений, была возможна в сравнительно небольших сообществах, таких как древнегреческие полисы, где численность полноправных граждан редко превышала 10 тыс. человек. Очевидно, что современному национальному государству, в котором численность населения достигает десятков и сотен миллионов, такая модель решительно противопоказана.

Именно институт представительства сделал возможным формирование республиканской или демократической формы правления в масштабах национального государства. Более того, утвердилось мнение, согласно которому такая форма правления тесно увязывалась с национальным государством. *«Чем меньше общество,*— писал Дж.Мэдисон,— *тем меньше возможностей для появления четко очерченных партий и интересов и тем чаще большинство окажется в одной и той же партии».* При расширении площади и увеличении населения получается «большое число партий и более значительное разнообразие интересов».

Другими словами, в большом обществе общий интерес большинства фрагментируется на большее число более ограниченных интересов, масса раздробляется на относительно более

мелкие группы, преследующие более мелкие интересы. Именно это обстоятельство, утверждал Мэдисон, «делает фракционную борьбу менее опасной при республике, чем при демократии». Как полагали отцы-основатели, такому пониманию республиканской формы правления как нельзя лучше соответствовала федералистская структура государственно-политической системы, признающая законность существования в стране наряду с центральной государственной властью территориальных единиц — правительств штатов и органов местного управления, облеченных более или менее широкими прерогативами публичной власти.

Принципы представительности и выборности представителей различных социальных групп в законодательные или иные органы власти по самой логике вещей поставили вопрос об инструментах и средствах политической реализации этих принципов. В качестве таких инструментов постепенно во всех ныне индустриально развитых странах утвердились политические партии. Важно учесть формирование не только идеи партии как инструмента реализации политического процесса, но и идеи партии как законной оппозиции. Другими словами, признание законности разнообразных интересов в обществе обусловливало признание законности политических инструментов в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти. Связанный с институтом представительства принцип выборности должностных лиц в ведущих органах власти обеспечивал избирателям возможность выбора между альтернативными политическими курсами и лидерами, призванными представлять избирателей, выступающих в поддержку той или иной альтернативы. Именно здесь партии и партийная конкуренция стали играть ключевую роль. Постепенно получила признание мысль, что в политической борьбе партия приобретает дополнительную силу в результате критики со стороны другой партии и что партия только теряет, когда оппозиция слишком слаба.

Важным фактором, способствовавшим возникновению партий, были организационные потребности функционирования больших политических систем, формирования определенных государственно-политических структур, призванных отразить разнообразие интересов. Этот процесс приобрел необратимый характер вследствие осознания растущим числом людей неизбежности и закономерности разделения формировавшегося гражданского общества на разнородные, конфликтующие между собой социальные силы, группы, классы со своими особыми интересами. Уже Э.Берк, оценивая тенденции общественного развития, в одном из своих памфлетов (1769) писал, что «партийное разделение, независимо от того, действуют ли партии в целом в интересах добра или зла, вещь неотделимая от свободной системы правления».

Примерно в таком же духе рассуждал несколько десятилетий спустя один из отцов-основателей США Дж.Мэдисон, который писал: *«У всех цивилизованных народов неизбежно появляются группы землевладельцев, промышленников, торговцев, финансистов и многих других с меньшим значением. В результате происходит разделение общества на классы., движимые различными умонастроениями. Регулирование многообразных и конфликтующих друг с другом интересов составляет главную задачу современного законодательства и вносит партийно-фракционный дух в необходимые обычные действия государства».*

Как показывает исторический опыт, разнообразие интересов, ориентации, установок, ценностей, являющееся основополагающей характеристикой любого сложного и жизнеспособного общества, неизбежно обусловливает разное понимание роли государства, взаимоотношений государства и отдельного индивида и соответственно разные социально-философские и идейно-политические установки. Люди с одинаковыми интересами и воззрениями в конечном итоге объединяются между собой для достижения общих целей совокупными силами. Причем признание законности существования соперничающих между собой интересов и фракций неизбежно приводило к признанию законности политических инструментов, призванных представлять эти интересы и фракции в государственно-политической системе, системе власти. Такими инструментами и оказались партии, формировавшиеся путем приведения к общему знаменателю разнородных интересов и позиций основных социально-политических сил формировавшегося буржуазного общества. Большое значение имела также постепенная законодательная легализация таких демократических

ценностей и принципов, как свобода слова, печати, собрания, вероисповедания, что создавало правовые возможности для оформления политической оппозиции.

При утверждении и институционализации современных политических, в том числе и партийных, систем важное значение имело то, что большинство (во всяком случае конституционных и парламентских) партий, предлагая свои политические курсы, не подвергали сомнению определенный комплекс политических, государственных и правовых принципов, легших в основу формировавшейся политической системы. Несмотря на различия по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения разделяло идеи конституционализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Принцип представительства приобретал особенно большую актуальность вследствие того, что по мере того, как наращивали обороты процессы социально-экономического и политического развития, неуклонно расширялось вовлечение в политический процесс широких слоев населения, которые раньше как бы оставались в стороне от политических споров и конфликтов. О возросшей роли народных масс в общественно-политической жизни свидетельствует хотя бы тот факт, что постепенно в большинстве стран мобилизация массовой поддержки тех или иных политических программ или же отдельных политических лидеров постепенно приобретала решающее значение. Более того, политические партии первоначально сформировались как средство организации такой поддержки.

Роль и функции партий в политической системе

Что же такое политическая партия и каковы ее роль и функции? Существует множество определений политической партии. Одно из первых таких определений дал известный английский политический деятель и философ XVIII в. Э.Берк. *«Партия,*— писал он,— *представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса и руководствующихся некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию».*

Современное понимание партий с соответствующими типологическими признаками начало формироваться в XIX—начале XX в. Интерес представляет позиция немецкого исследователя В.Хасбаха, который рассматривал партию как *«союз людей с одинаковыми политическими взглядами и целями, стремящихся к завоеванию политической власти с целью использования ее для реализации собственных интересов».* Наиболее приемлемое определение дал М.Вебер, который считал партии *«общественными организациями, опирающимися на добровольный прием членов, ставящих себе целью завоевание власти для своего руководства и обеспечение активным членам соответствующих условий (духовных и материальных) для получения определенных материальных выгод или личных привилегий, либо для того и другого одновременно».* Очевидно, что во всех этих случаях партия рассматривается как группа людей, объединившихся для участия в политической жизни и преследующих цель завоевания политической власти.

В этом качестве в большинстве случаев партии выражают интересы определенных социальных сил и призваны представлять эти силы в структурах власти. В данном контексте, как уже отмечалось, партии играют ключевую роль несущей конструкции как гражданского общества, так и политической системы. В большинстве стран статус и деятельность партий регулируются специальными законами или конституционными нормами. К ним относится, например, закон о партиях, принятый в ФРГ в 1967 г. Он призван регулировать конституционно-правовой статус партий, их цели и задачи, принципы внутренней организации, механизмы и процедуры участия в выборах и т.д. В Великобритании, Швейцарии, Австралии, Канаде и других странах нет специальных законов о партиях, на них распространяются общие положения конституции или законов о союзах, в соответствии с которыми любая группа граждан вправе создавать свои партии, если их цели и задачи не противоречат конституционным основам государства. Часто эти законы представляют собой довольно объемистые

кодексы, детально предписывающие функции партий на общенациональном и местном уровнях. Эти предписания, в частности, включают: процедуры и правила избрания делегатов на партийные съезды или конференции; сроки и порядок их проведения, процедуры избрания должностных лиц партийной организации; порядок внесения кандидатов партии в избирательные бюллетени и избрания делегатов на общенациональный съезд; правила расходования денег партийными кандидатами на политические кампании; порядок и сроки проведения избирательных кампаний и выборов и др.

В структурном отношении в партии можно выделить три уровня. Самый неопределенный и размытый уровень — это тот блок избирателей, которые идентифицируют себя с данной партией и систематически голосуют за нее на выборах. Они составляют массовую базу, которая обеспечивает кандидатов партии поддержкой у избирательных урн. Принадлежность к такой группе весьма трудно определить, поскольку она больше основывается на декларируемой приверженности, нежели на официальной вовлеченности в партийную организацию.

Второй уровень — это сама официальная партийная организация. Естественно, организационная структура партии берет начало там, где находятся избиратели. Поэтому, как правило, она начинается на уровне самой низшей первичной ячейки избирательного округа. В США, например, демократическая партия имеет 2,5 тыс., а республиканская — 2 тыс. окружных организаций. Главная их задача состоит в мобилизации на местном уровне избирателей в поддержку кандидатов своей партии. Их совокупность составляет организации на районном, областном, земельном, штатном и т.д. (в зависимости от страны) уровне, а совокупность партийных организаций этих последних — общенациональную партию. Почти все современные политические партии имеют партийный аппарат, представляющий собой особую группу людей, профессионально занимающихся организационными вопросами политической деятельности партии. Так, в США как демократическая, так и республиканская партии возглавляются национальными комитетами, сформировавшимися еще в середине XIX в. Они занимаются административными вопросами, организуют предвыборные кампании кандидатов партий, устанавливают сроки, место и порядок проведения партийных съездов, обеспечивают соблюдение правил избрания делегатов на съезды.

Третий уровень — это партия в системе правления, состоящая из должностных лиц в государственном аппарате, которые получили свои посты в силу принадлежности к соответствующей партии. К ним относятся: президенты, губернаторы, члены парламента, законодательных собраний областей, штатов, земель, местных органов и др. Естественно, такая иерархия во многом носит условный характер и в разных странах имеет свою национальную специфику.

Например, в консервативной партии Великобритании парламентская фракция в организационном отношении составляет самостоятельный структурный элемент — парламентскую консервативную партию. Лидер парламентской фракции является одновременно лидером партии в общенациональном масштабе, а также связующим звеном между всеми структурными подразделениями партии. В его руках сосредоточены значительные властные полномочия во внутрипартийных делах. По сути дела, центральные органы партии — Исполнительный совет, Исполнительный комитет и Центральное бюро — представляют собой совещательные органы при лидере. Главная задача политических партий состоит в том, чтобы превратить множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, заинтересованных групп в совокупный политический интерес путем сведения этих интересов к единому знаменателю.

В современных либерально-демократических системах партии, как правило, выступают в качестве носителей конкурирующих друг с другом политических курсов, не ставя под сомнение законность существующего конституционного строя, основополагающих прав и свобод граждан, утвердившиеся и общепринятые в данной стране правила политической игры и т.д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Поэтому

естественно, что в сознании широких слоев населения утвердилось отношение к партиям как важнейшим структурным и функциональным элементам политической организации общества.

Это относится как к правящим партиям, так и к большинству партий, остающихся в оппозиции. Партии же, принципиально не приемлющие существующую систему, либо постепенно отодвигаются на периферию политической жизни, либо вовсе исчезают с политической арены. Живучесть и успех многих левых партий в индустриально развитых странах, которые первоначально не принимали существующую систему, не в последнюю очередь определяются тем, что они в конечном итоге в той или иной форме интегрировались в эту систему. Итальянский политолог Х.Портелли выделяет три фазы процесса интеграции: сплочение сил и обращение к конкретным проблемам; признание существующих институтов; трансформация самих партий. Становясь частью системы, партия вынуждена сдерживать свою радикальность и усваивать реальности борьбы за голоса избирателей и за политическую власть, выдвигать более умеренные платформы.

В идеале цель партии состоит в реализации представительства в политической системе тех слоев населения, интересы которых она выражает. Осуществляя представительство различных социальных групп, слоев, сословий, интересов, партии соединяют общество и государство в неразрывное единое целое. Важное значение имеет то, что в современном сложном и высокоразвитом индустриальном обществе люди со своими особыми интересами, устремлениями, ориентациями, установками могут участвовать в политической жизни в качестве членов различных союзов, объединений, партий.

Необходимо отметить и то, что в такой большой организационной системе, как государство, которое призвано реализовывать общее благо, слагаемое в свою очередь из множества разнородных, часто конфликтующих и противоборствующих интересов и имеющее принудительную юрисдикцию, контроль со стороны народа или общества практически невозможен без этих союзов, объединений, партий. Партии не только выражают интересы тех или иных социальных групп, но и активно участвуют в формировании этих интересов. Они выполняют функции объединения интересов различных социальных групп и слоев путем сведения их к единому знаменателю. Они помогают кристаллизовать и четко очерчивать конфликтующие интересы, скрытые различия и противоречия в обществе. Они подталкивают граждан группироваться, пересекая линии, разграничивающие их по многим параметрам, и определять те приоритеты, которые делают их политическими единомышленниками и союзниками. Партии разрабатывают аргументы для перевода различий в экономической, социальной и культурной структуре в требования и конкретные действия. В то же время они выполняют не только представительные, но и инструментальные функции.

Партии исторически выдвинулись как институт, способный координировать и контролировать процесс принятия решений на уровне государства. Они подталкивают представителей противостоящих интересов и взглядов заключать соглашения, приводить в соответствие различные требования, согласовывать действия и т.д. Партии, соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентно присущих отношениям между ними. Именно благодаря партиям обеспечивается функционирование законодательных собраний и исполнительной власти. Можно утверждать, что именно сильные партии не ослабляют, а наоборот укрепляют государство, обеспечивая каналы обратной связи последнего с обществом, его контроль над политическим процессом. Соответственно слабость партий неизбежно оборачивается слабостью государства.

В целом партии призваны преобразовывать разнообразные интересы в альтернативные политические курсы и реализовывать их на государственном уровне. Как отмечает Ж.Бурдо, от других массовых организаций партию отличает то, что она охватывает «организационными щупальцами» по вертикали и горизонтали как можно больше секторов общества, разворачивает там информационную и организационно-пропагандистскую деятельность, выполняет воспитательные функции, превращающие ее в основной «инкубатор» политического персонала.

Пронизывая все политические институты, партии обеспечивают взимосвязь между различными уровнями и различными ветвями государственной власти, вырабатывают

компромиссные политические решения, выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу. В то же время партии проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими проблем, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти. Раз сложившись, они развивают собственные внутренние структуры и формируют долговременные приверженности своих сторонников. При этом, выступая одновременно и как агенты конфликта между различными интересами, и как инструмент достижения согласия между ними, партии приобретают функции своего рода интегрирующих нервов и кровеносных сосудов между обществом и миром политического, объединяя их в единое неразрывное целое.

С этой точки зрения в либерально-демократической системе, с одной стороны, и авторитарной и тоталитарной системах — с другой, партии выполняют свои функции по-разному. Если при тоталитаризме одна единственная партия почти полностью слита с государственными структурами, то господствующие в либерально-демократической системе конкурентные партии действуют на двух уровнях. Во-первых, каждая партия создает сеть каналов, пронизывающих все или большинство региональных общностей и местных общин и тем самым усиливающих в них общенациональное начало. Во-вторых, сама направленность партии на конкуренцию с другими партиями способствует тому, что общенациональная политическая система ставится над всеми конкретными группировками должностных лиц независимо от их ранга и положения. Тем самым проводится четкое различие между самой политической системой и конкретными должностными лицами. В однопартийной системе нет различий между этими двумя началами. Граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой конкретных руководителей, а последние, как правило, пользуются утвердившейся национальной лояльностью, чтобы обеспечить себе как можно более широкую поддержку. В таких обществах любые нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую партию могут рассматриваться как нападки на саму политическую систему. Споры относительно какого-либо конкретного политического курса того или иного руководителя могут поднять фундаментальные вопросы о выживании системы. В конкурентной партийной системе оппоненты правящей в данный момент партии могут обвинить последнюю в ослаблении государства или предательстве традиций нации, но существование самой политической системы не подвергается опасности. Конкурентная партийная система защищает страну от недовольства ее граждан: жалобы и нападки отвлекаются от системы в целом и направляются на лиц, находящихся в данный момент у власти.

Учреждение постоянных каналов для выражения конфликтующих интересов способствовало стабилизации структуры национальных государств. Уравнивание статусов различных деноминации содействовало смягчению прежних конфликтов по религиозным вопросам. Расширение права голоса и свободы политического самовыражения также помогло утверждению легитимности национального государства. С идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Характерно не только и не столько возможно более полное участие масс в принятии политических решений, сколько открытая конкуренция с целью завоевания тех или иных правительственных постов и контроль над деятельностью тех, кто находится у власти. С самого начала одна из главных функций политических партий и избирательной системы состояла в формализации и институционализации политического участия граждан, замене спонтанных, стихийных, неорганизованных и зачастую «незаконных» (бунт, восстание и т.д.) форм политических действий «узаконенными», институционализированными формами участия через партии и избирательную систему. Ввод принципа смены политической власти в процессе конкуренции между двумя или несколькими партиями как бы отделял конкретных людей, сменявшихся у власти, от самой избирательной системы и партии.

В большинстве стран партийные организации в значительной степени или полностью контролируют механизм выдвижения своих кандидатов на выборах и сам процесс проведения выборов. Например, в Италии выдвигать кандидатов в Палату депутатов вправе только политические партии или организованные политические группы. При этом показательно, что список кандидатов, выдвигаемых той или иной партией, не имевшей представительство в предшествующей легислатуре, должны подписать не менее 350 избирателей соответственно округа. Подобного рода требования — часто значительно более жесткие — предъявляются во многих странах. Поэтому любое лицо, стремящееся сделать политическую карьеру, должно принять существующую партийную систему и найти общий язык с руководством партий, партийными функционерами на соответствующих уровнях.

Как правило, свою карьеру будущий политик начинает, совмещая учебу в колледже или университете, работу по найму и т.д. с работой в молодежной организации той партии, взгляды которой он разделяет. Постепенно способный молодой политик поднимается по карьерной лестнице и в случае победы своей партии на выборах вправе рассчитывать на ту или иную должность в составе возглавляемого ею правительства. Именно участвуя в предвыборной кампании, в политических дискуссиях и баталиях, работая в тех или иных парламентских комиссиях и комитетах, политик набирается практического опыта, вырабатывает качества, необходимые для профессиональной политической и государственной деятельности. Так, в США начинающий политик сначала вступает в местный политический клуб и работает помощником «капитана» присинкта или избирательного дисткрикта. Потом он может дорасти до капитана и, возможно, руководителя дисткрикта или председателя избирательного округа и дальше до капитана графства или даже председателя партийной организации штата, а затем и члена национального комитета партии.

Раньше практически невозможно было действовать помимо этой структуры. Можно было просто купить партийную машину, но это стоило много денег. Можно было «побить» машину, создав свою собственную, но чем выше политический уровень, тем труднее было создать такую машину. Некоторые коррективы в эту систему были внесены расширением в 70-х годах так называемых первичных выборов, открывших возможности для независимых претендентов.

Партии и заинтересованные группы

Анализ важнейших характеристик партий будет неполным, если не затронуть вопрос о разного рода группах и объединениях — тех базовых структурах, на которых основываются как сами партии, так и политические феномены в целом. В классической демократической теории почти ничего не говорится о группах. В центре ее внимания находятся отдельный индивид и государство. Реальное же положение таково, что государство имеет дело скорее с группами, нежели с отдельно взятыми индивидами. Например, член парламента, решая как ему голосовать, думает не столько об Иване, Петре, Сидоре, сколько о потребностях и интересах фермеров, рабочих, учителей. С точки зрения политической значимости группы выполняют такие функции, как формулирование и оценка политических проблем, наблюдение за действиями правительства, реализация действия по проталкиванию тех или иных интересов. Разумеется, не все группы имеют касательство к политике. Но вместе с тем очевидно, что политика осуществляется преимущественно на групповой основе.

Здесь прежде всего речь идет о так называемых *заинтересованных группах,* под которыми, как правило, понимаются разного рода организации, объединения, союзы предпринимателей, рабочих, фермеров, учителей, адвокатов, производителей той или иной продукции и др. Эти группы являются средством политического действия, направленного на достижение специфических, сравнительно ограниченных целей. Для этого они используют организованное давление на власть и политических деятелей. Поэтому их часто называют *группами давления.* Если главная цель партий — завоевание власти для реализации определенного политического курса, то заинтересованные группы, или группы давления, как указывает само их название, преследуют цель оказать влияние на политику. Партия, как правило, включает людей с разнообразными интересами и разными установками и

ориентациями, в то время как заинтересованные группы состоят из тех, кто преследует специфические для всех ее членов интересы и концентрирует свое внимание, главным образом, на одной или нескольких проблемах. Партия формулирует такие политические позиции, которые носят общий характер, и не делает ударение на какой-либо специфической проблеме. Поскольку кандидаты партии апеллируют к широкому спектру социальных сил, они должны стремиться избегать четких позиций по спорным вопросам. Если мнения избирателей резко расходятся, большинство кандидатов пытаются занять среднюю позицию, чтобы не оттолкнуть ту или иную значительную группу избирателей. В отличие от партий, которые, как правило, вынуждены сглаживать различия по важнейшим проблемам с целью создания базы для объединения разнородных социальных слоев в широкую коалицию, способную обеспечить победу на выборах, заинтересованные группы могут занимать четко очерченные позиции по специфическому и ограниченному кругу вопросов, объединяющих всех членов этих групп.

Например, американская «Нейшнел райфл ассоушиэйшн» состоит только из лиц, заинтересованных в неприятии закона о контроле за продажей и ношением огнестрельного оружия. Заинтересованные группы обеспечивают каналы как для эффективной конкуренции, так и для массового участия в политическом процессе. Они обладают значительными ресурсами для уравновешивания тех или иных действий государства, задевающих их интересы. Они также предоставляют отдельному индивиду возможность оказывать давление на политических лидеров и тем самым принимать участие в политике. С этой точки зрения организованные группы, которые вмешиваются в отношения между отдельным гражданином и государством, составляют предпосылку для демократической политики. Испытанным средством воздействия заинтересованных групп на курс государственно-политических институтов и политических партий является так называемое *лоббирование.* Это прием, с помощью которого заинтересованные группы добиваются реализации своих целей. Лоббисты — люди высокой квалификации, во многих случаях хорошо знающие свое дело, способные доходчиво объяснить сложные и трудные вопросы — естественно, в свою пользу. В коридорах власти они добиваются финансовых выгод или налоговых и иных льгот для своих клиентов, устанавливая связи с нужными людьми в разного рода парламентских комитетах и учреждениях исполнительной власти. Нередко лоббисты выполняют роль посредников в разного рода сделках между заинтересованными группами и политическими деятелями, выступают в качестве связующего звена между заинтересованными группами и законодателями, оказывая существенное влияние на формирование политического курса правительства. Особенно большим влиянием они пользуются в США. Некоторые авторы даже называют лоббизм «третьей палатой» законодательных учреждений и «интегральным элементом системы управления Америки».

В настоящее время в США существует множество ассоциаций, выступающих в качестве объединений заинтересованных групп, представляющих предпринимательские круги. Среди них наиболее крупными являются Торговая палата США (объединяет 27 тыс. штатных и местных палат, 200 тыс. компаний-членов и 13 тыс. предпринимательских ассоциаций) и Национальная ассоциация промышленников (в нее входят 75% всех промышленных компаний США). Национальная ассоциация малого бизнеса (500 тыс. компаний) и Национальная федерация независимого бизнеса (400 тыс. компаний). К наиболее крупным лоббистским организациям, пользующимся большим влиянием в Вашингтоне, относятся «Нэйшнел райфл ассоушиэйшн», «Нэйшнел эдьюкейшн ассоушиэйшн», «Американская федерация фермерских бюро», «Американская ассоциация адвокатов», Американский нефтяной институт, «Шоссейное лобби», «Военно-промышленное лобби», «Еврейское лобби» и т.д. Как признавал журнал «Форчун», финансово-промышленные круги Америки превратились в «самое эффективное лобби страны, отстаивающее своекорыстные интересы».

О характере и разнообразии подобных объединений в ФРГ дает представление перечень их названий: Объединение немецких профсоюзов, Федеральное объединение союзов немецких работодателей. Федеральное объединение германской промышленности, Союз налогоплательщиков, Союз демократических ученых. Немецкий спортивный союз и т.д. На

региональном и федеральном уровнях существует множество объединений и организаций ремесленников, студентов, врачей, деятелей культуры, потребителей товаров широкого спроса и т.д. По некоторым данным в ФРГ насчитывается от 4 до 5 тыс. таких объединений. Аналогичное положение можно констатировать и в других индустриально развитых странах.

Наиболее активно к тактике лоббирования прибегают бизнес (как крупный, так средний и мелкий), их предпринимательские ассоциации и организации. Важная задача, стоящая перед ними, — всемерное воздействие на формирование политической стратегии правительства. Особую настойчивость в этом направлении проявляют руководители корпораций, которые проникают в политические круги, используя личные дружеские и партийно-политические связи, участие в предпринимательских и профессиональных ассоциациях, а также в различных подкомиссиях. Для реализации своего влияния в политической жизни страны бизнес создал широкую сеть различных организаций. В США это так называемые совещательные комитеты бизнеса при правительстве, вроде совещательного комитета по частному предпринимательству во внешней торговле или совещательного комитета промышленников при Министерстве обороны США. В настоящее время их насчитывается около 2 тыс.: политические организации бизнеса, как, например, Комитет бизнеса за сокращение налогов, Круглый стол бизнеса. Чрезвычайный комитет за развитие американской торговли и др. Эти и подобные им организации призваны отстаивать интересы бизнеса в различных государственно-политических институтах и учреждениях, содействовать формированию угодного бизнесу политического курса в тех или иных сферах общественно-политической жизни.

В отличие от США большинство групп давления в европейских странах тесно связаны с правительством. Нередко отдельные функции правительства делегируются им: например, установление цен, реорганизация тех или иных отраслей промышленности в соответствии с определенным планом, введение квот и т.д. Часто имеет место прямая правительственная поддержка, например, в таких начинаниях, как совместное владение акциями правительства и частных лиц или организаций, поощрение правительством картелей и др. Правительство и политические партии часто совместными усилиями способствуют деятельности заинтересованных групп. Нередко случается, что профсоюзы и кооперативы первоначально либо организуются партиями, либо при необходимости партии оказывают им помощь. Такая практика ассоциации заинтересованных групп с правительством или партиями способствует укреплению как партийной лояльности, так и партийной дисциплины. Часто именно связь с заинтересованными группами позволяет укрепить партийную дисциплину, поскольку руководители тех или иных заинтересованных групп одновременно занимают влиятельные позиции в партийной иерархии. Так, правительство христианских демократов в Италии успешно держало в узде католические профсоюзы, а компартия — коммунистические профсоюзы.

В последние полтора-два десятилетия сдвиги в общественно-политической жизни способствовали определенным изменениям в отношениях между заинтересованными группами и политическими партиями. Так, ослабление партийной приверженности сопровождается тенденцией к повороту людей в сторону заинтересованных групп. Рост заинтересованных групп ускорился в такой степени, что некоторые политические наблюдатели высказывают серьезные опасения, как бы они не взяли на себя отдельные важные функции партий, в недалеком будущем не пришли бы на смену партиям. Подтверждая этот тезис, наиболее влиятельные заинтересованные группы создали собственные комитеты политического действия, роль которых в политической жизни все больше возрастает. В настоящее время число таких комитетов только в США перевалило за 4 тыс.

Опыт типологизации политических партий

Политические партии отличаются друг от друга по нескольким параметрам. Важнейшими из них являются организационные структуры и членство. В соответствии с ними различаются партии массовые и кадровые.

Массовые партии большей частью сформировались вне парламента. Рекрутируя свою социальную базу в основном из низших слоев населения, массовые партии приняли характер социальных движений, ориентированных на рабочих, крестьян и разнородные религиозные группы. Их организационная структура в значительной мере сложилась раньше завоевания ими побед на выборах и проведения кандидатов в парламенты. Считается, что массовая партия, как правило, отличается программностью политических установок. В большинстве своем, особенно на первоначальном этапе, партии этого типа характеризовались левой ориентацией. В дальнейшем, следуя их примеру, многие крестьянские и религиозные партии стремились к тому, чтобы приобрести контуры массовых партий. Массовые партии отличаются также высокой степенью идеологизированности. Здесь идеология используется для массовой политической мобилизации. Их «базовая субстанция» — это масса членов. Они существуют главным образом благодаря членским взносам. Причем члены партии не только платят взносы, но и активно участвуют в делах партии. Это, как правило, левые партии коммунистической, социалистической и социал-демократической ориентации.

Задача *кадровых партий* состоит в том, чтобы мобилизовать в конкретном избирательном округе так называемых *нотаблей,* или влиятельных лиц, способных привлечь поддержку максимально возможного числа избирателей из различных социальных слоев независимо от их идеологических ориентации. То, что массовыми партиями достигается количеством, у этих партий обеспечивается подбором соответствующих кадров, способных эффективно организовать избирательную кампанию. Этому признаку соответствуют многие европейские партии консервативной ориентации.

Республиканская и демократическая партии США во многом сочетают в себе массовое и кадровое начала, и с этой точки зрения их можно назвать гибридными. Отдельные партии могут существовать в форме некого объединения нескольких партий. Типичным пример подобного —правоцентристский Союз за французскую демократию (СФД) во главе с бывшим президентом Франции В.Жискар-д'Эстеном, представляющий собой коалицию пяти партий и группировок. Не случайно во Франции некоторые партии предпочитают называть себя не партиями, а объединениями, союзами, движениями, секциями и т.д.

Важное значение для классификации партий имеет членство. Необходимо отметить, что членство в течение длительного времени оставалось неясным и аморфным. Многие партии практически не делали особых различий между своими членами и теми, кто их просто поддерживает на выборах. И сейчас многие партии либеральной и консервативной ориентации не могут сколько-нибудь точно назвать количество своих членов.

Определенно можно сказать одно: число лиц, считающих себя членами партий, составляет лишь малую часть населения той или иной страны. В США, например, политикой всерьез интересуется весьма узкая прослойка граждан — менее 10% всего взрослого населения страны. Как правило, это преимущественно представители высшего и высшего среднего слоев, хорошо информированные и образованные, иногда имеющие определенный опыт практической политической работы. По существующим данным только 2—3% населения ФРГ обнаруживают желание вступить в какую-либо политическую партию, а члены многих общественных организаций лишь номинально принадлежат к ним, не принимая участия в формировании этих организаций.

Различаются партии, *организационно оформленные,* члены которых получают партийные билеты и платят членские взносы, и партии, *организационно неоформленные,* которые характеризуются отсутствием официального членства. Во втором случае, чтобы примкнуть к той или иной партии, достаточно публичного заявления избирателя о своей приверженности этой партии. Наиболее типичными примерами первых являются коммунистические партии, а вторых — республиканская и демократическая партии США, консервативная партия Великобритании.

Кроме того, различаются партии с *прямым* и *косвенным членством.* В первом случае в партию принимаются в индивидуальном порядке, а во втором — человек становится членом определенной партии просто в силу того, что входит в какую-либо связанную с ней

организацию. Так, в лейбористскую партию Великобритании, а также социал-демократические партии Швеции, Норвегии и Ирландии на коллективных началах входят профсоюзы, поэтому здесь члены профсоюзов являются коллективными членами этих партий. Для коммунистических партий характерно исключительно прямое членство.

Типологизация партийных систем проводится также по числу существующих в стране партий. По этому принципу различают *одно-, двух-* и *многопартийные системы*. При многопартийной системе каждая партия представляет более или менее четко очерченные идейно-политические или идеологические позиции. Спектр этих позиций простирается от крайне правых до крайне левых. Остальные партии занимают промежуточное положение между этими двумя крайними полюсами. Как правило, в многопартийных парламентах места располагаются в форме некоторого полукруга, где, следуя традиции французской революции, представители консервативных и правых партий рассаживаются с правой стороны от председательствующего, левее — близкие им по духу партии, в центре — умеренные и дальше в самом конце — представители леворадикальных партий. Такая группировка по линии правые—левые, основанная на позициях и установках по социально-экономическим и политическим проблемам, сопряжена с значительной долей упрощения реального положения в обществе. Например, в такую схему не всегда можно втиснуть религиозные, этнонациональные, региональные, местнические, профессиональные и иные интересы. Это, в частности, выражается в том, что с середины 70-х годов в политической жизни стран Европы значительное развитие получили националистические и регионалистские движения и партии, которые представлены всеми оттенками идеологического спектра: от крайне правого фламандского блока и реваншистской южнотирольской партии до ультралевой баскской «Эрри батасуна». Часто же их невозможно классифицировать по линии «правые—левые», «консерваторы—либералы».

Например, центристские партии Франции, разделяя общие позиции по целому ряду социально-экономических проблем, в то же время расходятся по некоторым проблемам, касающимся религии, государства, революционных традиций, социально-классовых различий и т.д. Как правило, в многопартийных системах ни одна партия не способна завоевать поддержку большинства избирателей. Страны с многопартийной системой, типичной для парламентской формы правления, как правило, имеют коалиционные правительства или кабинеты министров. Здесь ни одна партия не способна выступить в качестве представителя всей или почти всей нации и поэтому не может формировать правительство без привлечения поддержки или представителей других партий. Нередко такая фрагментарность обрекает парламентские коалиции на неустойчивость, а правительства, основанные на них,— на постоянную нестабильность.

Двухпартийная система предполагает наличие двух крупных партий, каждая из которых имеет шанс завоевать на выборах большинство мест в законодательном собрании или голосов избирателей на выборах исполнительной ветви власти. Двухпартийная система отнюдь не означает отсутствие других партий. Например, в течение XX века в Великобритании в качестве одной из двух главных партий лейбористы пришли на смену либералам. В то же время в послевоенные десятилетия либералы сохраняли статус парламентской партии, а социал-либеральный альянс, образовавшийся в начале 80-х годов, иногда завоевывал до 25% голосов избирателей. Особенно показательно с этой точки зрения положение дел в США, где господствует классическая двухпартийная система в лице демократической и республиканской партий. За всю историю существования двухпартийной системы США более 200 кандидатов третьих партий попытались добиться избрания на пост президента страны. Однако лишь восемь из них сумели завоевать более миллиона голосов избирателей. После Гражданской войны третьи партии пять раз на президентских выборах завоевывали голоса выборщиков, хотя и незначительное число. В ряде случаев, особенно на уровне штатов, третьи партии становились влиятельной политической силой. Но при всем том важной особенностью двухпартийной системы в США стало неприятие большинством избирателей на общенациональном уровне

третьих партий. Америка — одна из немногих стран Запада, где нет социалистической или другой рабочей партии с парламентским представительством.

В типологизацию по шкале двухпартийности и многопартийности следует внести определенные коррективы. Здесь, как правило, выделяют «совершенную» двухпартийную систему (как, например, в США и Великобритании), при которой две основные партии вместе собирают до 90% голосов, и систему двух с половиной партий (как, например, в ФРГ), при которой какая-либо третья партия обладает достаточной электоральной базой, чтобы внести коррективы, порой существенные, в привычную игру двух основных партий, собирающих голоса 75—80% избирателей. Что касается многопартийной системы, то в данном случае также можно выделить, условно говоря, «совершенную» многопартийность (как в большинстве индустриально развитых стран) и многопартийность с одной доминирующей партией (как в Японии), которую не следует путать с однопартийной системой.

Систему, которая господствовала в Италии до 1994 г., иногда называли несовершенной двухпартийной системой в силу того, что в ней в течение почти всего послевоенного периода основные позиции занимали две крупные партии — христианские демократы и коммунисты. При этом первые всегда находились у власти, а вторые — в оппозиции. Но после введения здесь мажоритарной избирательной системы положение радикально изменилось — образовались два блока: левых и правых партий. Примерно такое положение (разумеется, с соответствующими оговорками) наблюдается в Японии, где власть в послевоенный период монополизировала либерально-демократическая партия, а социалисты и коммунисты ни разу не были допущены к власти. Эта традиция нарушилась только в середине 1993 г., когда либерально-демократическую партию у власти сменила коалиция из восьми партий.

Особенности межпартийной конкуренции

Необходимость социальной базы партий, наличие в них групп и слоев с разными, порой конфликтующими интересами способствуют возникновению в них различных фракций и течений. Так, например, в лейбористской партии Великобритании существует несколько фракций, стоящих на левых, центристских и правых позициях. Несколько фракций существует в ХДС Италии, а либерально-демократическая партия Японии представляет собой конгломерат фракций. Создавая проблемы для руководства партий, фракции и течения вместе с тем позволяют привлечь на свою сторону избирателей из среды различных социальных слоев, учитывать многообразие социокультурных, экономических, конфессиональных, этнонациональных и иных ориентации и установок в обществе. Борьба этих фракций и течений накладывает существенный отпечаток на политику соответствующей партии. Более того, ее политика формируется в ходе этой борьбы. Зачастую руководящие органы партии составляются на основе представительства от различных фракций и течений, что позволяет сохранить как внутреннее равновесие в партии, так и ее поддержку среди избирательного корпуса.

Такое положение дает преимущество центристским партиям. Это такие партии, которые придерживаются умеренных позиций по основному блоку проблем, стоящих перед страной, и своими действиями и поведением способны склонить чашу весов в пользу одной правительственной комбинации в противовес другой. Германский исследователь Г.Даалдер выделяет несколько вариантов, в которых центристские партии выполняют разные функции и занимают разный статус. При классической двухпартийной системе, каковая представлена в Великобритании, для партии центра нет необходимого поля деятельности. Здесь в лучшем случае можно говорить о центре как о точке, к которой тяготеют обе конкурирующие партии. Более предпочтительно положение центристской партии в двухсполовинной партийной системе. Типичный пример такой системы — ФРГ, где Свободная демократическая партия (СвДП) прочно заняла место третьей партии и добивается вхождения в коалиционное правительство попеременно с двумя главными конкурирующими партиями — СДПГ и ХДС/ХСС. Пример системы, в которой доминирующее положение занимает одна крупная партия, дает Италия, где христианские демократы (ХДП) для создания правительственной коа-

лиции периодически меняют своих союзников из числа более мелких партий. При двухблоковой системе, при которой основная борьба за власть ведется соперничающими группировками, как это имеет место в Франции и Дании, передвижение какой-либо одной партии из одного блока в другой может привести к изменению соотношения сил на политической арене. В данном случае открываются возможности для маневрирования сил, которые условно можно определить как левый и правый центры. Встречаются и другие менее значимые вариации. В утверждении той или иной партийной системы большую роль играют исторические, национально-культурные и иные факторы.

Немаловажное значение имеет и тип утвердившегося в данной стране политического режима. Например, в США и ряде других стран, последовавших их модели, власть и влияние института президентства настолько значимы, что ни одна партия не способна достичь своих стратегических целей, не добившись контроля над президентской властью. Такой контроль, разумеется, требует привлечения поддержки большинства избирателей. Не существует такого понятия, как коалиционный президент. На выборах партия получает либо все, либо ничего. Большей частью именно из соображений завоевания президентского поста республиканцы и демократы объединяются в единые партии.

Этот момент во многом верен и для Великобритании. Речь идет о сильной и устойчивой традиции солидарности кабинета министров, которая служит важным стимулом партийной спаянности. Для двух- и многопартийной систем характерно прежде всего существование политической конкуренции. Именно отсутствие такой конкуренции при однопартийном режиме дало З.Найману основание утверждать, что одну единственную партию, господствующую в обществе, нельзя считать партией в истинном смысле этого слова. И действительно, поскольку партия есть «часть» политического сообщества, то ее можно понять лишь в соотнесенности с другими частями или партиями, которые вступают в конкурентную борьбу за свою долю власти и влияния в стране. Различают два типа межпартийного соперничества. Германский исследователь Ф.Ленер называет их *гомогенной* и *гетерогенной* конкуренциями. При втором типе конкуренции соперничающие партии оспаривают друг у друга поддержку одних и тех же групп избирателей, а при первой — каждая партия опирается на свой электорат и выступает на выборах с программой, в которой в максимальной степени отражены его интересы.

Гомогенный тип в большей степени характерен для многопартийных систем, господствующих в большинстве индустриально развитых стран. В США же утвердился гетерогенный тип межпартийного соперничества. Две главные партии страны — республиканская и демократическая — отличаются неоднородностью и разношерстностью социальной базы. Обе партии по своему социальному составу являются конгломератами разнородных и зачастую противоборствующих группировок бизнесменов, фермеров, учителей, юристов, студентов, врачей и т.д. Другими словами, в США партии — это политические организации, построенные на сочетании интересов различных, часто конфликтующих социальных слоев и групп независимо от их классовой принадлежности. Если в европейских странах разного рода коалиции образуются между более или менее близким по своим позициям партиями, то в США они создаются в рамках двух главных партий. В Европе коалиции различных групп избирателей образуются большей частью после выборов между двумя или несколькими партиями для формирования правительства, в Америке же — до и в период избирательных кампаний.

Нужно отметить, что феномен коалиционных правительств во многих европейских странах объясняется отсутствием каких-либо жестких линий, разграничивающих программы и электорат различных партий друг от друга. Это особенно верно, когда речь идет о «народных» партиях или партиях «для всех». Показательно, что предвыборные платформы большинства этих партий обычно не содержат каких-либо развернутых теоретических разработок и характеризуются прагматизмом и приверженностью всевозможным компромиссам, направленностью на решение большей частью повседневных, конъюнктурных проблем, стоящих перед обществом. Это во многом обусловлено тем, что в индустриально развитых

странах, как правило, выборы выигрывают не экстремисты правого или левого толка, а умеренные деятели, выказывающие тяготение к центру идейно-политического спектра. Это в свою очередь способствует сглаживанию различий в программах и платформах партий, в их идейно-политических ориентациях. Поэтому в их предвыборных программах почти нет различий по важнейшим проблемам внутренней и особенно внешней политики.

Фракционность является одной из основных характеристик современного политического процесса. Поскольку в общенациональные партии входят разнообразные социальные и региональные группы, преследующие часто весьма противоречивые интересы, важнейшие политические решения как на местном, так и на общенациональном уровне достигаются путем разного рода компромиссов, соглашений и сделок. Поэтому политическим партиям крайне трудно сформулировать конкретные и последовательно связанные программы. Любая программа, претендующая на жизнеспособность, должна быть сбалансированной, т.е. учитывать интересы и требования основных блоков избирателей, на которых ориентируются кандидаты той или иной партии. На общенациональном уровне сбалансированность охватывает региональные, социально-экономические, религиозные, социально-психологические и другие сферы.

Значение имеет и то, что большие группы избирателей на местном или региональном, областном, земельном уровне могут голосовать за консервативного кандидата, а на национальном уровне — за либерального или социал-демократического кандидата. Общенациональное правительство, как правило, принимает решения по широким и сложнейшим проблемам внешней и внутренней политики. Средний избиратель бессилен оказать какое-либо влияние на принятие этих решений. Он в принципе может высказаться против них, но уже после их принятия, поскольку концепция сильного национального правительства предусматривает сохранение процесса принятия большинства решений в секрете. В такой ситуации избиратель из большого города, который ведет борьбу за улучшение своего экономического положения, склонен поддерживать на региональном, штатном, земельном и общенациональном уровне кандидатов, выступающих за увеличение правительственных расходов на реализацию программ социального планирования. Но тот же избиратель может занять иную позицию, если он посмотрит на ту часть правительственных расходов, которая идет его собственному городу. Соответственно, выбирая кандидатов в городское управление, он будет ставить своей целью возможность контроля за расходованием средств, выделяемых городу.

Государственно-административное устройство оказывает немаловажное влияние на организационные структуры, содержание и формы функционирования партий и партийных систем. Если в унитарных государствах для них, как правило, характерна значительная степень централизации, то в федеральных государствах преобладают партии с более децентрализованными организационными структурами. Так, федеративный союз США состоит из 50 штатов и федерального округа Колумбия, имеющих свои региональные, этнические, расовые, религиозные и социально-классовые различия. Соответственно две главные общенациональные партии США — республиканская и демократическая — представляют собой федерации партий штатов, которые собираются вместе каждые четыре года для выдвижения кандидатов на посты президента и вице-президента страны. Показательно, что некоторые авторы даже говорят о наличии в США 51 демократической и 51 республиканской партии. Дело в том, что во многих отношениях, например, алабамская демократическая партия по тем или иным вопросам может иметь больше общих черт с ала-бамской республиканской партией, чем, скажем, с демократической партией Массачусетса.

Партийные структуры в традиционном европейском понимании служат для более или менее спаянной организации сторонников определенного комплекса социально-философских, идейно-политических концепций, идей, убеждений и принципов, их дисциплинирования. Однако, несмотря на существующие правила партийной солидарности и дисциплины, депутаты не всегда строго придерживаются предписаний своих партий и их парламентских фракций. Например, в Англии большинство депутатов от консервативной партии по крайней мере один

раз за время своего депутатского срока голосуют против правительства своей партии. Но тем не менее лейбористская и консервативная партии, как правило, предписывают своим членам в палате общин голосовать в соответствии с общей линией партии.

В США члены конгресса также могут голосовать в оппозиции к собственной партии, отвергать политику президента — представителя своей партии, но в то же время переизбираться на выборах в своем избирательном округе, в отличие от членов палаты общин в Англии, которые имели бы мало надежд на переизбрание, поскольку английские партии располагают различными санкциями для дисциплинирования своих членов в случае отказа поддержать линию партии. Отход от этой линии рассматривается как игнорирование предоставленного им мандата. В Америке же все обстоит иначе. Национальные комитеты партий, находящиеся в Вашингтоне, имеют мало возможности управлять более или менее автономными штатными и местными партийными организациями, которые контролируют большинство выдвижений кандидатов в конгресс США, а также на штатные и местные должности.

Существует и ряд других различий в конфигурации и деятельности партий и партийных систем в индустриально развитых странах. Естественно, всякий, кто стремится разобраться в политических процессах этих стран, не может и не вправе игнорировать эти различия.

Новейшие тенденции в эволюции партии

В настоящий момент в развитых капиталистических странах Запада социальные и политические конфликты концентрируются вокруг более или менее четко очерченных основных полюсов, которые в сфере идеологии условно можно обозначить как консерватизм, либерализм, социал-демократизм. Условно, потому что каждый из этих полюсов, примыкающих в центре друг к другу, имеет свой левый, правый и умеренный сегменты. В то же время существуют социально-политические силы, ориентирующиеся на правый и левый варианты радикализма или, иначе говоря, выступающие в пользу выхода за пределы господствующей политической системы. Но все же было бы ошибочно представлять дело таким образом, будто здесь существуют четко разграниченные, фронтально противостоящие друг другу социально-политические силы и отражающие их интересы идеологические течения, между которыми имеется непреодолимая стена.

Дело в том, что во всех главных партиях индустриально развитых стран присутствует некое сочетание социал-демократических, либеральных и консервативных элементов. С этой точки зрения прав теоретик западногерманского консерватизма К.Биденкопф, утверждая, что в настоящее время политическую реальность ФРГ (добавим от себя — и большинства других стран Запада) «отличает своего рода непросматриваемость, нетранспарентность — отсутствие четкой картины, когда для каждого явления находится своя ниша в общественно-политической структуре». В чем суть феномена? В течение всей истории индустриально развитых стран существовала более или менее тесная корреляция между характером голосования различных групп избирателей и их социально-классовым положением. Как правило, неимущие и имеющие низкий доход слои населения голосовали за партии левой ориентации, а население с более высокими доходами — за консервативные и правые партии. В США это были соответственно реформистская демократическая партия и республиканская партия консервативной ориентации. В Западной Европе дело обстояло несколько сложнее, но все же рабочий класс и неимущие слои населения склонялись к социал-демократическим и другим левым партиям, а представители состоятельных слоев — к либеральным и консервативным партиям. Причем вплоть до конца 60-х годов слои населения с низкими доходами более положительно оценивали государственное вмешательство в экономику и программы социальной помощи.

В последние полтора-два десятилетия заметные изменения наблюдаются и в США, и в странах Западной Европы. Нарушается корреляция между голосованием избирателей за ту или иную партию и их принадлежностью к определенной социальной группе. Снижается доля рабочих в социал-демократических партиях. Растущее число слоев населения с низкими доходами голосует за партии либеральной и консервативной ориентации, а представители

средних слоев — за социал-демократические и другие левые партии. Это со всей очевидностью показали результаты выборов последних лет в ряде стран Западной Европы и США, где значительную часть электората консервативных партий составили представители профсоюзов, включая и «синие воротнички». У большинства партий наблюдается тенденция ориентирования не просто на традиционно «свои», четко очерченные группы избирателей, а на гетерогенный по своему составу электорат, на который претендуют и другие партии.

В результате большинство крупных политических партий, в том числе и социал-демократических, по сути дела перестали быть сугубо классовыми и превратились, по их собственному определению, в так называемые «народные партии» или «партии для всех», претендующие на представительство всех слоев населения. В этой связи Р.Дарендорф не без оснований отмечал, что применительно к таким партиям, как СДПГ, СДП, ХДС/ХСС, понятия «левая» и «правая» стали относительными. Первыми с претензией на статус «народной» выступили христианско-демократические партии. Первоначально эти партии возникли как реакция против секуляризации важнейших сторон общественной жизни и отделения церкви от государства. Но после Второй мировой войны в их программах не акцентируется вопрос о вероисповедании. Так, в программе Австрийской народной партии, принятой в 1972 г., говорится, что она не связывает себя с каким бы то ни было вероисповеданием или церковным институтом. Об этом же говорят руководители ХДС в Германии. Как отмечал, например, канцлер от этой партии Г.Коль, народный характер ХДС подтверждается тем фактом, что в ней органически объединились христианско-социальные, консервативные и либеральные силы страны.

«Народными» провозгласили себя многие социалистические и социал-демократические партии. Одной из первых это сделала социал-демократическая партия Германии. После принятия Годесбергской программы в 1959 г., в которой был зафиксирован отказ от марксизма и идеи классовой борьбы, СДПГ превратилась из организации преимущественно рабочего класса в партию рабочих и средних слоев. В настоящее время в ней особенно велика доля технической интеллигенции, представителей предпринимательских кругов, молодежи. По-видимому, республиканская и демократическая партии США, в отличие от многих европейских партий, с самого начала действовали как партии «для всех». По своему социальному составу обе они являются конгломератами разнородных, зачастую противоборствующих друг с другом социально-политических группировок. Причем состав, соотношение различных компонентов в социальной базе двух партий в каждый конкретный исторический период существенно менялся в зависимости от социально-экономических и общественно-политических факторов.

Концепция «народной партии» вынуждает все партии, как левой, так и правой ориентации, формулировать свои позиции по множеству разнообразных вопросов, чтобы привлекать на свою сторону новые группы избирателей путем включения в программу соответствующих требований. Это вносит дополнительный элемент в наметившуюся неопределенность и неустойчивость социальной базы и итогов выборов.

Имеет место тенденция к увеличению фрагментации партийных систем, расширению спектра партийно-политических альтернатив, возрастанию влияния новых социальных движений и экологических партий, которые в совокупности создают трудные проблемы для «укоренившихся» партий. Наблюдается тенденция к возрастанию колебаний идейно-политических позиций и партийно-политических предпочтений значительных контингентов избирателей. Для них стали характерны довольно резкие переходы от одних партий к другим, с либеральных на правоконсервативные позиции и наоборот. Это свидетельствует об увеличении «автономии» избирателей по отношению к партиям.

Одним из признаков такой автономии стал неуклонный рост числа избирателей, называющих себя независимыми либо голосующих за кандидата не своей, а конкурирующей партии. По словам А.М.Шлезингера мл., в США в XIX в. «принадлежность к той или иной партии передавалась по наследству, как религия». Со второй половины 60—70-х годов это положение стало меняться, что проявилось, например, в ослаблении партийной самоидентификации значительных контингентов избирателей. Это выражается, в частности, в увеличении числа избирателей, голосующих не за «свою», а за конкурирующую партию.

По данным многочисленных опросов общественного мнения, в США на протяжении всего послевоенного периода в количественном отношении демократы значительно преобладали над республиканцами. Но тем не менее в течение трех последних десятилетий кандидаты на пост президента от демократической партии оказались неспособны выиграть большинство президентских избирательных кампаний. Это особенно примечательно, если учесть тот факт, что с 1932 г., за исключением двух коротких периодов, демократам удавалось удержать контроль над конгрессом в своих руках.

В других индустриально развитых странах подобные тенденции проявляются в оттоке избирателей, например, от социал-демократов к консервативным или альтернативным партиям и движениям и наоборот. По данным ряда исследований, и здесь ослабевает приверженность избирателей крупным традиционным партиям.

Сомнения в способности партий решать стоящие перед обществом проблемы порождает феномен так называемого «негативного голосования», т.е. голосования не за того, кому надо оказать поддержку, а против того, кто отвергается. Так, по мнению многих наблюдателей, важную роль с точки зрения результатов президентских выборов в США в 1980 г. сыграл «негативный фактор», т.е. желание избавиться от Дж.Картера. Согласно опросу общественного мнения, проведенному службой Янкеловича незадолго до выборов, 43% избирателей заявили, что, отдавая свои голоса за Рейгана, они фактически голосуют не за Рейгана, а против Картера. В 80-х годах этот феномен особенно отчетливо проявился в европейских странах, где правящие партии вынуждены были уступить место у власти оппозиционным партиям зачастую не в силу изменения партийно-политических предпочтений избирателей, а в результате негативного отношения к партиям, стоящим у кормила власти. При всем том значение этих тенденций не следует преувеличивать. Анализ реального положения показывает, что политические партии пока сохраняют важное значение в качестве главных инструментов реализации политических функций, особенно в роли центрального элемента избирательного процесса. Хотя их власть и влияние уменьшились, было бы преждевременно делать вывод о драматическом развале партий, поскольку отток от них избирателей выступает пока как наметившаяся тенденция.

Следует учесть, что во второй половине 70—начале 80-х годов в Греции, Испании и Португалии в процессе перехода от авторитарных к буржуазно-парламентским режимам именно партии стали одними из наиболее активных институтов, способствовавших утверждению новых политических систем.

В России же многие трудности постсоветского периода порождены как раз отсутствием более или менее институционализированных дееспособных партий.

О перспективах развития партийной системы в России

Россия переживает переходный этап, главное содержание которого состоит в преобразовании существовавшей в советский период политической системы со всеми институтами, структурами и отношениями в абсолютно новую политическую систему. Очевидно, что и партийная система, которая на наших глазах формируется, не может не носить переходный характер. В рассматриваемом здесь контексте проблема осложняется тем, что речь идет не просто о трансформации существовавшей многие десятилетия монопартийной системы в многопартийную. Дело в том, что в условиях тоталитарного советского строя коммунистическая партия ни в коем случае не была нормальной политической партией в общепринятом смысле этого слова. Она в сущности не просто слилась с государственными структурами, она полностью поглотила и государство, и общество; государственные структуры оказались лишь бледными отражениями партийных структур. В результате образовался своеобразный гибрид «партия-государство». Естественно, крах тоталитарной системы имел своим следствием исчезновение этого гибрида, и перед страной встала проблема создания новой государственности и соответствующей ей партийной системы.

Политические партии в истинном смысле этого слова возникают лить тогда, когда общество достигает соответствующего уровня социально-политической дифференциации, когда социальные слои и группы более или менее четко осознают свои интересы. Для этого

необходимы кристаллизация и институционализация интересов заинтересованных групп, объединений, блоков, других составляющих гражданского общества. Однако наше общество, переживающее переходный период, лишено некого скрепляющего его воедино стержня или организационного начала, оно находится в аморфном, предельно атомизированном, жидком состоянии. Сейчас преждевременно говорить о сколько-нибудь обозначившемся структурировании интересов различных общественных сил. О реальном представительстве социальных сил и интересов в политической системе можно говорить лишь тогда, когда, по крайней мере вчерне, оформятся и утвердятся более или менее прочные основания их жизнеустройства. Гарантом стабильности общества и политической системы является существование широкой институционализированной прослойки средних слоев, или среднего класса, который в свою очередь служит социальной опорой умеренного центристского политического курса, равноудаленного от крайних полюсов политического курса.

Центризм в политике обеспечивает возможный в данных конкретных условиях оптимальный баланс общественных интересов, проведение такого курса, который в идеале призван реализовать некую среднюю линию между экономической эффективностью и социальной справедливостью, экономической свободой и социальным равенством. Что касается ситуации в нашей стране, то было бы напрасным трудом заняться разграничением политических сил на правых, левых и центр, либералов, консерваторов и умеренных. Такое деление возможно лишь при сформировавшейся демократии и высокой культуре гражданственности в обществе. В настоящее время в стране, по сути дела, отсутствует единая система политической коммуникации, сам политический процесс протекает как бы при отсутствии интеграции и взаимопонимания между его участниками. Нет необходимого консенсуса относительно общих целей и средств их достижения, общепринятых правил политической игры и т.д. Ожесточенные политические дискуссии соответствующим образом не связаны с процессом принятия политических решений. В России в лучшем случае только начинается формирование инфраструктуры гражданского общества, которое одно и способно обеспечить условия для формирования и институционализации реально заинтересованных групп, а также организаций, клубов, объединений, партий, способных представлять их интересы в структурах власти.

Весь мировой опыт показывает, что уровень развития демократии самым непосредственным образом зависит от того, несколько институционализировался политический плюрализм, который проявляется и выражается прежде всего в политических партиях. Но зрелость и жизнеспособность политического плюрализма, включая партийную систему, определяется тем, в какой степени в обществе сформировались, институционализировались и заявили о себе разнообразные центры и источники власти и влияния. Как раз с этой точки зрения определяющее значение имеет соответствующая инфраструктура, призванная обеспечить условия для кристаллизации групповых интересов и оформления соответствующих негосударственных организаций, объединений, союзов. Переход от тоталитаризма к демократии, развитие рыночных отношений, трансформируя социальную структуру общества, усиливая процессы социальной дифференциации, создают основу для воплощения в жизнь ценностей и принципов политического плюрализма. Это находит отражение в возникновении широкого спектра самых разнообразных новых общественно-политических движений, организаций и объединений.

В 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях», в котором законодательно закреплены порядок их образования, права и принципы деятельности. В марте 1991 г. началась регистрация партий, а к концу 1991 г. уже было зарегистрировано 26 партий и 16 общественно-политических движений. В настоящее время многие из них уже исчезли с политической арены и на смену им пришло множество новых партий, объединений, союзов. Им еще предстоит доказать свою легитимность, получив поддержку у избирателей, подтвердить, что они действительно являются реальными политическими партиями, за которыми стоят социальные силы. Сейчас невозможно определить, кого именно, какие слои, группы, категории населения они представляют. Для них характерны малочисленность, слабость организационной

структуры, неопределенность и аморфность социальной базы, отсутствие сколько-нибудь внятно сформулированных позитивных программ и идейно-политических платформ. По этим показателям почти все они являются лишь прототипами партий, а не партиями в собственном смысле этого понятия.

Опыт перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии целой группы стран (сначала в ФРГ и Италии, а затем во второй половине 70 — начале 80-х годов в Греции, Испании и Португалии) показывает, что для формирования и институционализации полноценных и дееспособных политических партий требуется достаточно много времени. Так, в первые послевоенные годы в ФРГ на местном, земельном и общенациональном уровнях возникли десятки политических партий, хотя оккупационные войска США, Великобритании и Франции всячески препятствовали появлению мелких партий и содействовали концентрации политических сил Западной Германии в немногие крупные партии.

Процесс формирования устойчивых, жизнеспособных крупных партий занял несколько лет. Мелкие партии в качестве самостоятельных сколько-нибудь значимых политических сил отошли на задний план, а главными составляющими партийной системы ФРГ стали блок ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП. Аналогичная ситуация наблюдалась также в Италии. Что касается Греции и особенно Испании и Португалии, то первоначально в этих странах на политической авансцене появилось множество десятков партий (в одной Португалии их насчитывалось около 300) и сохранившимся до настоящего времени партиям, чтобы показать свою жизнеспособность, пришлось много раз выдержать испытание выборами. Именно такой путь предстоит и России. О вычленении и институционализации политических партий, представляющих реальные политические силы страны, можно будет, по-видимому, говорить после проведения всеобщих выборов как минимум два-три раза.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные исторические этапы формирования политических партий.
2. Что понимается под политической партией?
3. В чем отличие партии от заинтересованных групп?
4. Назовите основные функции партии.
5. В чем состоят отличия между правящими и оппозиционными партиями?
6. Каково основное предназначение института представительства?
7. Перечислите и характеризуйте основные типы партийной системы.
8. Каковы перспективы формирования политических партий в России?

Глава 9. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: МЕХАНИЗМЫ И ПРОЦЕДУРЫ

С принципом представительства и идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Выборы, по сути дела, являются одним из ведущих институтов легитимизации существующей политической системы и политического режима. Учитывая этот факт, в индустриально развитых странах значительное внимание уделяется подготовке подрастающего поколения к участию в политическом и особенно избирательном процессах.

Большая роль в этом плане отводится системе образования, а также различным механизмам — от официальных празднований национальных дат до мероприятий патриотических и политических организаций. Избирательные кампании уже сами по себе обеспечивают возможности для пропаганды достоинств участия в голосовании. Мероприятия, проводимые с целью стимулирования участия в выборах, не только усиливают политический интерес, но и оказывают значительное влияние на установки граждан в отношении правительственного процесса. Акт участия в выборах уже сам по себе увеличивает веру граждан в законность и ответственность правительства.

Избирательная кампания

Оценивая роль института всеобщих выборов, необходимо различать влияние на состав конкретного избранного правительства и контроль над правительством как государственно-политическим институтом. Например, правила избрания членов парламента делают индивидуальных депутатов уязвимыми со стороны электората, в то же время сам парламент как государственный институт изолирован от влияния изменений в поведении избирателей. Относительная легкость, с которой может быть заменено конкретное действующее правительство, снижает остроту возможных требований об изменении самого режима и его институтов. Этим обусловливается то, что институт всеобщих выборов является одним из важных элементов современной политической системы. Именно роль института выборов как инструмента легитимизации и стабилизации существующей системы и обусловила то, что в настоящее время в подавляющем большинстве стран действует всеобщее избирательное право. Но для его утверждения понадобилась длительная борьба демократических сил на протяжении более чем двух веков. В Нидерландах, например, в 1800 г. электорат включал всего 12% взрослого населения, к 1890 г. эта цифра поднялась до 27%, в 1900 г.— до 63%. Здесь всеобщее право голоса было введено для мужчин в 1917 г., а для женщин — в 1919 г. В США вплоть до окончания Гражданской войны цветные американцы (за исключением незначительных групп в новоанглийских штатах) не участвовали в избирательном процессе. В 1870 г., т.е. через семь лет после обнародования президентской прокламации об освобождении рабов (1863), была принята XV поправка к конституции, предоставляющая право голоса чернокожим. Однако после отзыва федеральных войск с Юга в 1877 г. негры практически были лишены возможности участвовать в голосовании. Лишь начиная с 20-х годов они стали добиваться некоторых успехов в расширении своего участия в выборах. Важное значение имели законы 50— 70-х годов, снявшие ограничения на участие чернокожих американцев в избирательном процессе.

В 1971 г. конгресс США одобрил XXVI поправку к конституции о снижении возрастного ценза на участие в голосовании с 21 года до 18 лет. Подобные законы в конце 60-х—70-е годы были приняты и в большинстве других индустриально развитых стран. Женщины получили право голоса в США в 1918 г. (но впервые приняли участие в голосовании на выборах 1920 г.), в Нидерландах в 1919 г., во Франции — в 1944 г., в Италии — в 1945 г., в Греции — в 1956 г., в Швейцарии — лишь в 1971 г. Центральная проблема, которой занимаются партии,— это избирательный процесс. Лишь выиграв на выборах и завоевав выборные должности, партия и ее руководство в состоянии утвердить собственные позиции и добиться власти для достижения своих целей.

Успех на выборах является непременным условием выживания партии и мерой ее эффективности и жизнеспособности. Поэтому естественно, что конкурентную политическую партию отличает от всех других форм политической организации то, что в центре ее внимания стоит вопрос о выборах. Она не всегда может принимать решения тактического характера, а в самой тактике нередко возможны ошибки. Но в долговременной перспективе, если она стремится остаться дееспособным конкурентом, завоевание выборных постов должно быть ключевым фактором в партийных решениях. В глазах избирателей мерилом положительной или отрицательной оценки деятельности партий опять же является успех последних на выборах. В современных условиях для большинства населения основной, а зачастую и единственной формой участия в политике является избирательный процесс. Всеобщие выборы позволяют выявить расстановку политических сил в стране в целом, в отдельной области, штате, земле, на муниципальном уровне, избирательном округе, определить степень доверия избирателей к той или иной партии, конкретным ее лидерам, кандидатам, программным установкам и т.д. Они позволяют избирателям делать продуманный, осознанный выбор в пользу той партии и программы, которые, на их взгляд, в наибольшей степени соответствуют их позициям и интересам.

В свою очередь партия, претендующая на успех во время предвыборной кампании, должна убедить как можно более широкий круг избирателей в том, что именно она лучше всех

других партий способна решить стоящие перед обществом проблемы, защитить интересы большинства населения.

Успех на выборах обеспечивает приток финансовых средств в партийную кассу и фонд избирательной кампании. Это является необходимым условием эффективного функционирования и выживания партий. Перечень разного рода должностей, постов, замещаемых с помощью выборов, довольно велик.

Выборы как механизм замещения широкого круга должностей охватывают все уровни государственности от центрального до местного, от президента или главы правительства страны до руководителей местного управления. В США, например, раз в 4 года проводятся общенациональные выборы, на которых избираются президент и вице-президент страны, члены палаты представителей и сената конгресса США, и выборы на штатном уровне, на котором избираются губернаторы, члены законодательных собраний, генеральные прокуроры и другие должности местных властей. Некоторые должности на всех уровнях, кроме президентского, заменяются на так называемых промежуточных выборах, которые проводятся через каждые 2 года.

В большинстве стран процесс и порядок проведения избирательных кампаний регламентируется установленными законодательными нормами. Например, отличающееся большой строгостью избирательное право Японии запрещает делать подарки избирателям, привлекать их обещанием продвижения по службе, обходить дома избирателей с целью предвыборной агитации. В ФРГ запрещено публиковать результаты опросов общественного мнения за две недели до выборов, а в Англии — в день выборов. Достаточно регламентировано использование средств массовой информации, особенно телевидения и радио. Так, законодательно устанавливаются общий период времени, отводимого на СМИ для ведения избирательных кампаний, принципы его распределения между партиями и кандидатами, составляется расписание, в соответствии с которым общее время разбивается по дням избирательной кампании.

В основе регламентации избирательных кампаний лежат три важнейших принципа. Первый — это прежде всего обеспечение равенства возможностей для всех участвующих в выборах партий и кандидатов. Суть состоит в том, что всем предоставляется равный максимальный лимит расходов на проведение выборов. С одной стороны, ограничиваются суммы пожертвований частных лиц и организаций в фонды избирательных кампаний, с другой стороны, во многих странах государство берет на себя финансирование предвыборной кампании. В то же время всем партиям и кандидатам предоставляется равное время на радио и телевидении. Второй принцип — это так называемый принцип лояльности, в соответствии с которым кандидаты обязаны вести себя лояльно по отношению к своим противникам, не допускать какие бы то ни было фальсификации, оскорбления противника. Третий принцип — нейтралитет государственного аппарата, его невмешательство в ход предвыборной борьбы.

Важное место в избирательной системе занимает институт регистрации, который регулируется соответствующими законами. Как правило, в списки избирателей заносятся все граждане, имеющие право голоса. В большинстве индустриально развитых стран списки избирателей составляются местными органами власти. Они автоматически обновляют регистрацию избирателей и, когда эти последние меняют место жительства, регистрация также автоматически следует за ними. По-иному обстоит дело в США. Там регистрация для участия в выборах является сугубо личным делом самого голосующего. Она осуществляется специальными уполномоченными для этой цели чиновниками городских округов и графств, а также местными избирательными комиссиями и бюро.

Одна из главных целей института личной регистрации избирателей состоит в том, чтобы дать руководителям избирательных участков возможность установить личность голосующего и определить, является ли он жителем данного избирательного округа и обладает ли правом голосовать на предстоящих выборах. В известной мере этим объясняется введение ценза оседлости в качестве одного из условий допуска граждан к избирательным урнам. От лиц,

желающих участвовать в голосовании, требуется предоставить удостоверение личности, подтверждающее место жительства и гражданство.

Система личной регистрации предусматривает периодическое обновление избирательных списков. Причем сами кандидаты должны также периодически возобновлять свою регистрацию. Чтобы добиться права внесения в избирательные бюллетени, кандидаты должны соответствовать требованиям, предъявляемым законом к претендентам на ту или иную должность. Такие требования могут включить минимальный возрастной ценз, ценз оседлости, профессиональную пригодность для искомой должности и т.д. Например, согласно Конституции США президентом страны может стать американский гражданин по рождению в возрасте не менее 35 лет и проживающий в пределах США не менее 14 лет. Претенденты в члены палаты представителей должны быть жителями штата, но необязательно конгрессистского дистрикта, от которого они избираются. В ряде штатов кандидатами на такие должности, как судьи, генеральные прокуроры, прокуроры могут быть только практикующие юристы с определенным стажем по данной профессии. Подобные требования могут предъявляться к претендентам и на другие выборные должности. Для участия в выборах установлен возрастной ценз. До конца 60-х годов нынешнего века во многих странах избирательное право предоставлялось с 21—23 лет. Но в ходе широких молодежных и студенческих движений конца 60 — начала 70-х годов этот ценз во многих странах был снижен до 18 лет: в США — в 1971 г., ФРГ и Франции — в 1974 г., Италии — в 1975 г. Для кандидатов, претендующих на выборные должности, в зависимости от властного уровня установлен более высокий возрастной ценз, скажем, 23—25 лет в нижнюю и 30—40 лет — в верхнюю палаты парламента.

Для проведения выборов в зависимости от их характера (всеобщие, региональные, местные) вся территория страны области, провинции, района разбивается на избирательные округа, от которых избирается соответствующее число депутатов. Размер округа зависит от уровня выборов. Если для проведения местных выборов создаются небольшие округа на базе городского района, поселка, деревни, то для проведения выборов областного регионального или федерального уровня несколько таких округов объединяются в один. Как правило, избирательные округа создаются так, чтобы каждый депутат (в зависимости от властного уровня) избирался от равного числа жителей или избирателей.

Под избирательной кампанией в формальном значении понимается установленный законом период, в течение которого политические партии и организации, а также государственные органы, ответственные за проведение выборов, осуществляют организационную, пропагандистскую и идеолого-информапионную подготовку в соответствии с установленными правилами. Сюда же относится комплекс организационных, пропагандистских и иных мероприятий, проводимых отдельными партиями и кандидатами. В таких случаях говорят об «избирательной кампании» той или иной партии, того или иного кандидата.

Организация и проведение избирательных кампаний в различных странах осуществляются по-разному. В зависимости от сложившихся в стране традиций глава государства или правительства, или же парламент назначают официальную дату выборов. С этого дня начинается избирательная кампания, в ходе которой каждая партия выдвигает своих кандидатов или список кандидатов, которые должны пройти соответствующую регистрацию. Для проведения избирательной кампании создается специальный штаб, в который входят профессионалы: распорядитель, финансовый агент, пресс-секретарь, политический организатор, составитель ежедневных планов, технический секретарь, специальный помощник. Помимо них нанимаются консультанты со стороны: специалисты по опросам общественного мнения, генеральный консультант, консультант по средствам массовой информации, специалисты по сбору средств по почте. После официального выдвижения кандидатов их имена вносятся в специальные избирательные бюллетени.

В этом плане большое значение для развития избирательной системы имело введение в конце XIX в. так называемого «австралийского» бюллетеня, призванного обеспечить секретность голосования и уменьшить возможность для фальсификации результатов выборов.

Примечательно, что до этого ставшего теперь общепринятым новшества каждая партия отпечатывала свои собственные бюллетени, вносила в него лишь собственных кандидатов на каждую должность и привлекала партийных функционеров к распространению своих бюллетеней в избирательных участках. Это, во-первых, затрудняло секретность голосования, поскольку бюллетени партий различались по цвету и партийные функционеры могли легко определить, кто как голосует, а значит, облегчало запугивание, подкуп избирателей. Во-вторых, поскольку в бюллетень вписывались имена кандидатов одной только партии, для избирателя весьма трудно было подать свой голос за кандидатов разных партий на разные должности.

Официальный австралийский бюллетень внес существенные изменения в процедуру голосования: бюллетени имеют одинаковый цвет и включают имена всех кандидатов на выборные должности. Эта реформа способствовала обеспечению секретности голосования и уменьшила возможности запугивания и подкупа избирателей. В то же время австралийский бюллетень давал избирателям возможность делать выбор на основе индивидуальных, а не коллективных достоинств кандидатов, отдавать свой голос тому или иному кандидату, не голосуя за остальных кандидатов той же партии. Поскольку все кандидаты на одну и ту же должность вписаны в один бюллетень, избиратели более не были вынуждены выбирать сугубо партийный список.

Именно введение австралийского бюллетеня способствовало появлению феномена раздельного голосования в Америке, при котором избиратель может голосовать за кандидата республиканской партии на пост президента и за кандидата демократов на пост члена палаты представителей или сената и наоборот. К настоящему времени в США специальные машины, которые начали вводить в 90-х годах, почти полностью вытеснили бумажные бюллетени. Избирательные машины, на панели которых список кандидатов расположен в том же порядке, что и в астралийском бюллетене, устанавливаются в специальных зашторенных помещениях, что обеспечивает тайну голосования. Избиратель, удостоверив свою личность, входит в это помещение и нажимает на соответствующий рычаг, указывающий на список кандидатов той или иной партии, либо на рычажки, указывающие на предпочитамых им кандидатов из той и другой партии.

Избирательные машины значительно упрощают технику голосования, облегчают и сокращают время на подсчет голосов, так что в момент закрытия избирательных участков они выдают результаты голосования.

Существуют различные формы и пути выдвижения кандидатов. Например, в Великобритании любой претендент на выборную должность формально вправе участвовать в выборах в качестве кандидата, предварительно подав в соответствующий орган от своего имени заявление, подписанное кроме него самого еще несколькими избирателями. Но все же реально кандидаты почти исключительно выдвигаются партиями. Премьер-министр назначает дату выборов за два месяца до самих выборов. Как правило, руководители всех партий знают о дате выборов задолго до официального заявления премьер-министра и соответственно заранее готовятся к решающей пробе сил. Примерно такая же процедура существует в большинстве стран с парламентским режимом.

Несколько иная технология организации и проведения президентской избирательной кампании в Соединенных Штатах. Официально она начинается в феврале года выборов с праймериз в штате Нью-Гэмпшир и завершается в первый вторник после первого понедельника в ноябре избранием президента и других выборных должностей. При этом избирательная кампания проходит два этапа.

На первом этапе — этапе первичных выборов — борьба разворачивается между претендентами на номинацию внутри партий. Этот этап завершается общенациональными съездами партий, которые, как правило, созываются в июле-августе года всеобщих выборов. В настоящее время съезды выдвигают и утверждают официальных кандидатов партий на посты президента и вице-президента страны, а также формулируют и принимают их предвыборные платформы. После съезда предвыборная кампания вступает в новую фазу (второй этап) и

завершается избранием президента, вице-президента и других выборных должностных лиц в первый понедельник после первого вторника в ноябре месяце.

Следует отметить также специфику процедуры избирания президента США, которая отличается от процедуры избрания высших должностных лиц в других странах. Здесь избиратели формально как бы прямо не участвуют в избрании претендента на пост президента. Дело в том, что партийные организации 50 штатов и федерального округа Колумбия предоставляют имена кандидатов соответствующему должностному лицу вместе со списком так называемых выборщиков президента, которые в случае их избрания отдадут свои голоса кандидату партии.

Институт коллегии выборщиков и двухэтапное голосование были установлены отцами-основателями, что явилось результатом компромисса между сторонниками большей автономии штатов и теми, кто выступал за большую централизацию государства и всенародные прямые выборы. Избирательная система построена по принципу: один голос от одного избирателя, но на уровне штатов. При этом победу одерживает тот, кто получает наибольшее число голосов. Тем самым учитывается федеральный принцип государственно-политического устройства. Каждому выборщику предписывалось взвесить все за и против и проголосовать за тех кандидатов на пост президента и вице-президента, которых он считает наиболее подходящими. Конституция не связывала выборщиков обязательством проголосовать за конкретного кандидата. Но постепенно по мере развития партийной системы соображения квалификации были оттеснены на второй план партийной приверженностью выборщиков. Установилось правило, по которому избранные выборщики обязаны были голосовать за определенного кандидата. В конечном итоге они превратились в партийных агентов, обязанных морально и политически поддерживать кандидата своей партии.

Как правило, в большинстве стран предвыборная агитация прекращается за сутки до открытия избирательных участков. Это делается для того, чтобы предоставить избирателям время и возможность самостоятельно обдумать и всесторонне взвесить свой выбор. Срок полномочий выборных должностных лиц ограничивается определенным, строго фиксированным в конституции периодом, как правило, от 2 до 6 лет в зависимости от страны и должности. Считается, что определенные конституцией срок и порядок избрания должностных лиц достаточны для того, чтобы избранное лицо могло реализовать свою программу, обеспечить стабильность и преемственность политического руководства. Учитывается и то, что этот срок не настолько велик, чтобы политик мог забыть о предстоящих выборах и не помнить о своей ответственности перед избирателями.

Основные типы избирательной системы

Результаты выборов, определяющие победителей и побежденных, во многом зависят от типа избирательной системы. Существуют два ее основных типа: мажоритарная и пропорциональная.

При *мажоритарной* системе от каждого избирательного округа избирается один депутат. Победителем на выборах считается кандидат, набравший наибольшее число голосов. Если по одному и тому же округу баллотируются не два, а несколько кандидатов, победу может одержать тот, кто набрал менее 50% голосов. Показательно, что не раз консервативная партия Великобритании одерживала победу, получив лишь около 40% голосов избирателей, поскольку остальной электорат делился между лейбористской партией и либерал-социал-демократическим альянсом. Почти во всех англоязычных странах в соответствии с господствовавшей там мажоритарной системой депутаты в законодательные собрания избирались от округов — по одному от каждого. Чтобы одержать победу, партия должна завоевать в округе большинство голосов. Меньшинство оказывается непредставленным в законодательном собрании.

При мажоритарной системе большинство, полученное победившей стороной, может быть двух видов — абсолютное и относительное. В первом случае победителем считается кандидат, завоевавший 50% + 1 голос всех участвовавших в голосовании избирателей. В том случае,

когда ни один из кандидатов не получает требуемого числа голосов, назначается второй тур выборов, в котором принимают участие два кандидата, завоевавшие наибольшее число голосов в первом туре. Во втором туре победителем выходит уже кандидат, набравший относительное большинство голосов, т.е., получавший больше голосов, чем все остальные кандидаты каждый в отдельности.

Мажоритарная система утвердилась в Англии, США, Франции, Японии.

Многие континентально-европейские страны практикуют *пропорциональную* систему, в соответствии с которой от каждого округа избирается несколько кандидатов, число которых распределяется пропорционально количеству завоеванных партиями голосов. Здесь создаются достаточно крупные избирательные округа, чтобы включить, скажем, пять представителей и разделить их между партиями пропорционально завоеванным ими голосам. Если, например, одна партия получает около 40% всех голосов, она соответственно получает 40% из 5 мест, т.е. 2. Если три другие партии получают от 16 до 24% голосов каждая, им предоставляется по одному месту. Однако если бы такой большой дистрикт был бы расчленен на 5 маленьких дистриктов, имеющих по одному месту, все пять мест получила бы партия, завоевавшая 40% голосов всех избирателей, т.е. большинство (при условии, что если бы ее сила распределялась примерно равномерно по первоначальному большому дистрикту). Другими словами, пропорциональная система представительства склонна предоставлять сравнительно мелким партиям место в законодательном собрании.

Перспектива завоевания своей доли участия во власти, хотя и малой, поощряет партии меньшинств и способствует сохранению многопартийной системы. В Америке, если кандидат не завоевывает большинство, то он не получает ничего. Американская система выборщиков построена так, что кандидат получает или все, или ничего. В каждом штате кандидат, набравший 51% голосов избирателей, получает все 100% голосов выборщиков. Господство мажоритарной системы предполагает, что для получения голосов выборщиков третьи партии должны завоевать не просто определенное количество голосов по всей стране, а географически концентрированную в каком-либо округе поддержку большинства избирателей. А это означает, что если третья партия и одержит победу в том или ином округе, или даже штате, она все же останется местным явлением.

В ряде стран существует смешанная *мажоритарно-пропорциональная* система. Так, в ФРГ одна половина состава бундестага избирается на основ мажоритарной системы в один тур, а другая — на основе пропорциональной системы. В Австралии палата представителей формируется по мажоритарной системе абсолютного большинства, а сенат — на системе пропорционального представительства. При этом отмечено, что мажоритарная система в один тур способствует установлению двухпартийности, пропорциональная система, наоборот, многопартийности, а мажоритарная в два тура — объединению партий в коалиции.

Контрольные вопросы

1. Какова роль института всеобщих выборов?
2. В чем суть избирательного процесса?
3. Что понимается под избирательной кампанией?
4. Порядок проведения избирательных кампаний.
5. В чем состоят роль и функции избирательной системы?
6. Какие существуют типы избирательной системы?
7. Перечислите основные механизмы и процедуры избирательного процесса.

Глава 10. ДЕМОКРАТИЯ В НЕЗАПАДНОМ МИРЕ

С середины 70-х годов с развертыванием революционных движений в странах Южной Европы — Греции, Испании и Португалии — против господствующих там диктаторских режимов возникла своего рода волна демократического движения, прокатившаяся как будто через всю планету, включая и черную Африку. В 80-х годах наметилась тенденция к отступлению авторитарных и диктаторских режимов в различных регионах земного шара.

Период конца 80-х—начала 90-х годов, совпавший с окончанием холодной войны и биполярного миропорядка, ознаменовался дальнейшей экспансией демократической политической системы, демократических институтов, ценностей, установок и норм. Впечатляющие изменения произошли в странах Латинской Америки. Поистине гигантским прорывом в этом направлении стал крах советского блока и реализация антитолитарных революций в Восточной Европе и на пространстве бывшего Советского Союза.

Феномен экспансии демократии

Обращение бывших коммунистических стран к Западу убедило многих в том, что на смену тоталитарным и авторитарным режимам повсюду приходит демократия, расширение и консолидация демократии стали господствующей и долговременной тенденцией мирового развития. Для обозначения вновь появившихся режимов даже был изобретен специальный термин: новые демократии.

На африканском континенте буквально за несколько лет после 1989 г. господствовавшие там авторитарные или однопартийные режимы вступили в полосу глубокого кризиса и, казалось, демократия добилась внушительных успехов. В течение 1991-1992 гг. во многих африканских странах (Бенине, Буркина-Фасо, Камеруне, Капо-Верде, Конго, Кот-д'Ивуаре, Джибути, Мадагаскаре, Мавритании, Намибии, Нигере, Замбии, Гамбии, Гвинее, Кении, Сенегале) были проведены выборы на многопартийной основе. Хотя, надо признать, что в ряде стран, например в Мадагаскаре, Анголе и Кении, законность и честность выборов были поставлены под сомнение, а в некоторых странах господствовавшие ранее партии сумели сохранить власть и политический контроль. На Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Пакистане и Бангладеш на смену авторитарным режимам пришли демократически избранные органы власти. Аналогичные сдвиги произошли в арабских странах — Йемене и Иордании, а также в Албании, Монголии и Непале. Подытоживая эти факты, организация «Фридом Хаус», публикующая результаты ежегодного анализа состояния свободы в мире, зафиксировала, что если в 1972 г. в мире насчитывалось 42 свободные страны, то в 1991 г. их число возросло до 75.

В свете подобных фактов уже в 1989 г. появилась нашумевшая в тот момент статья Ф.Фукуямы, который провозгласил окончательную победу западной либеральной демократии во всемирном масштабе и объявил о «конце истории».

Так ли это? Поиск ответа не этот вопрос поднимает массу кардинальных проблем современного мирового развития, каждая из которых требует самостоятельного исследования. В их числе затронем лишь одну: сводятся ли процессы, происходящие в экономических, социальных, политических и иных структурах различных регионов и стран современного мира, к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов? Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно свидетельством «конца истории»? Или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другими?

Из изложенного выше можно убедиться в том, что в центре дискуссий и споров по данной проблематике стоит вопрос об экспансии демократии и перспективах ее утверждения во всемирном масштабе. Именно на этой теме концентрируется внимание в предлагаемых ниже рассуждениях.

Соотношение рыночной экономики и демократии

В этом аспекте вновь и вновь возникает вопрос о совместимости друг с другом западных и восточных культур и традиций, об их способности идти навстречу друг другу, дополнять друг друга. При любом угле зрения в фокусе внимания оказывается вопрос о совместимости принципов либерализма, демократии и рыночных отношений с основополагающими ценностями, нормами и установками восточных народов и культур. Особую актуальность этой проблеме в наших глазах придает то, что одним из существенных факторов, препятствующих

демократическому переустройству политической системы страны, является отсутствие инфраструктуры рыночной экономики.

Поэтому неудивительно, что, рассматривая рыночную экономику как необходимое условие утверждения и институционализации демократии, у нас не без определенных оснований зачастую проводят прямую аналогию между ними. И действительно, демократическое государство является гарантом существования и эффективного функционирования рыночных отношений и свободной конкуренции, самого капитализма как социально-экономической системы. Освобождая людей от внеэкономических форм принуждения, ликвидируя всякого рода сословные и номенклатурные привилегии, демократия создает наилучшие условия для реализации экономической свободы индивидуального члена общества. Заключая рынок в рамки закона и порядка, делая его объектом правового регулирования, демократия призвана обеспечить легитимность свободно-рыночных отношений. В этом смысле свобода есть функция нормально работающих институтов собственности и законности.

Во второй половине 50—60-х годов ряд исследователей на основе сравнительного изучения процессов социально-политического развития в разных странах пришли к выводу, что уровень индустриализации и модернизации, совокупного общественного продукта на душу населения, грамотности населения и т.д. неразрывно связан с политической демократизацией. Суть этого тезиса предельно четко сформулировал С.М.Липсет: «Чем больше нация преуспевает экономически, тем больше шансов для того, чтобы эта нация стала демократической». И действительно, экономический рост и повышение совокупного национального дохода на душу населения способствуют расширению круга состоятельных лиц и особенно среднего класса, росту образовательного уровня, появлению новых центров власти и влияния, расширению возможностей для экономического выбора, возникновению более сложных взаимоотношений между гражданами страны и т.д. Показательно, что к началу 70-х годов Испания являлась единственной из 19 индустриально развитых стран с рыночной экономикой, в которой господствовал авторитарный режим.

Однако в 60—70-х годах ряд стран Латинской Америки и Восточной Азии с авторитарными режимами добились внушительных успехов в сфере экономики, но не претерпели каких-либо значительных сдвигов в сторону политической демократии. Более того, имело место возрождение авторитаризма в ряде стран третьего мира, особенно в Латинской Америке. Это, естественно, поколебало тезис С.Липсета. Так, Т.Л.Карл и Ф.Шмиттер обосновывали мысль о том, что экономический рост и более справедливое распределение благ следует рассматривать не как предпосылку, а, наоборот, как результат демократических преобразований в политической сфере. Ряд авторов отстаивали мнение, согласно которому экономический рост лучше обеспечивается авторитарной властью, нежели демократической.

Но положение дел в этом плане заметно изменилось с середины 70-х годов, когда, как говорилось выше, обозначился сдвиг в сторону демократизации целой группы стран в различных регионах земного шара. Анализ опыта этих стран убедительно показывает, что более или менее жизнеспособные демократические режимы утвердились именно в благополучных с социально-экономической точки зрения странах.

При всех возможных здесь оговорках очевидно, что эффективно функционирующая демократия так или иначе связана с более или менее высоким уровнем экономического развития, определяющим такие важные параметры жизненных стандартов, как уровень урбанизации, потребление энергии, процент ВНП, идущий на здравоохранение, образование и науку, отсутствие резких социальных контрастов. Все это, как показывает опыт XX века, зависит от степени развития рыночных отношений. При этом необходимо учесть, что взятые сами по себе свободно-рыночные отношения при определенных условиях могут создать препятствия для эффективной реализации принципов плюралистической демократии, к подрыву или, по крайней мере, ослаблению демократических норм и правил игры. Об этом не следовало бы забывать нашим политикам и представителям гуманитарных и социальных наук,

особенно тем, которые полагают, что установление рыночных отношений автоматически приведет к утверждению демократических принципов в политической сфере.

Весь мировой опыт XX столетия убедительно свидетельствует, что нередко капитализм, хотя, возможно, и деформированный, вполне совмещался с подлинно тираническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском — в Италии, франкистском — в Испании диктаторские политические машины были созданы на капиталистической в своей основе инфраструктуре, хотя она и была подчинена всемогущему государству.

Наиболее свежий пример такой амальгамы дает пиночетовский режим в Чили. Как известно, в сентябре 1973 г. генерал А.Пиночет пришел к власти на штыках мятежной армии, недовольной социальными преобразованиями социалиста С.Альенде, которые в определенной степени шли вразрез с интересами деловых кругов страны. Пиночет и возглавляемая им военная хунта в полном объеме (насколько это было возможно в чилийских условиях) восстановили привилегии имущих слоев населения. Более того, привлекли в качестве архитектора экономики страны одного из решительных сторонников рыночных отношений и жестких форм монетаризма М.Фридмана. Пиночетовский режим — наиболее наглядный пример, свидетельствующий о том, что капитализм и рыночные отношения необходимые, но недостаточные условия для утверждения политической демократии. А мало ли было и сейчас еще существует режимов, в которых авторитаризм в политике органически сочетается с рыночной экономикой?

Признание неудачи плановой экономики и предпочтение рынку и демократии не должны привести к забвению, что значение этих категорий варьируется от страны к стране. Неудача реформ Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, особенно в Китае, воочию свидетельствуют о необоснованности тезиса, согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. На первый взгляд, парадокс состоит в том, что в последние годы наиболее успешным переход к рыночной экономике был при авторитарных режимах. Можно со всей ответственностью утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами.

Иначе говоря, безоговорочно отождествляя понятия «рынок» и «демократия», забывают о том, что рынок и демократия не всегда и не обязательно идут рука об руку. Либерализм, в том числе и экономический с его апологией свободной конкуренции, самым тесным образом связан с демократией. Но все же демократия не сводится к либерализму. Если либерализм, взятый сам по себе, базируется на идеях приоритета и самоценности отдельно взятой личности, ее основополагающих правах и свободах, то демократия предполагает суверенитет или верховенство народа, политическое равенство всех граждан, приоритет воли большинства. С определенной долей упрощения можно сказать, что либерализм отдает предпочтение свободе перед равенством, а демократия — равенству перед свободой. В последние десятилетия XIX—XX вв. произошло органическое слияние этих двух начал — либерализм, равно как и другие течения общественно-политической мысли, интегрировал в себя идеи, принципы и ценности демократии. Более того, в современных условиях либерализм в значительной мере пронизан социальным началом и его ни в коем случае нельзя отождествлять ни с классическим либерализмом, ни с сегодняшним экономическим либерализмом чикагской школы. Тем более нельзя отождествлять с этими последними демократию. Так что же понимается под демократией?

Демократия как народовластие

Необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин «демократия» в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие», или «власть народа». В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия.

Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Почему мы должны исключить разное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни? Чтобы положительно ответить на этот вопрос достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки, где базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Почему же нельзя допустить, что народовластие у народов и стран других регионов, в том числе и России, может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, чем, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но при этом особо хочется подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых форм, принципов и институтов западной демократии. Существуют нормы, ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта.

Напомню в этой связи, что формирование и институционализация рыночной экономики и особенно политической демократии на самом Западе заняли несколько веков. Основными поворотными пунктами этого длительного процесса стали Английская буржуазная революция середины XVII в., так называемая славная революция 1688 г., война за независимость США 1776—1783 гг.. Великая французская революция конца XVIII в. и серия буржуазных революций середины XIX в. Если в США республиканский строй с либерально-демократическими институтами сформировался в конце XVIII в., то во Франции он окончательно сформировался только в конце XIX в. Что касается Италии и Германии, то здесь демократия окончательно утвердилась только после второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах — Греции, Португалии и Испании — с середины 70-х годов. В Восточной же Европе дорогу демократизации открыли антитоталитарные революции конца 80-х годов и развал Советского Союза в 1991 г.

Демократия может утвердиться и институционализировать-ся на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Но чтобы стать действительным демократом в собственном смысле слова, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с чем-то таким, что вызывает в нем гордость за собственный язык, собственную символику. Западные образцы государственности базируются на гражданском обществе, в основе которого лежит принцип приватности и раздельности между разнообразными, зачастую конфликтующими частными интересами. Идея демократии в ее евроцентристском понимании зиждется на постулате, согласно которому индивид важнее группы. Иное дело на Востоке. Если на Западе более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах, то в большинстве восточных стран приоритет отдается групповым правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоказан этим странам?

Правильный ответ на этот вопрос предполагает поиски ответов на целый ряд других вопросов. Прежде всего важно определить, что мы конкретно понимаем под демократией и

совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком, а с определенными оговорками и с Россией.

Совместима ли демократия с незападными культурами?

Здесь следует подчеркнуть, что в принципе некорректно рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные — как исключительно индивидуалистские, при этом ассоциируя первое начало исключительно с пассивностью и застоем, а второе — преимущественно со способностью к развитию. Как представляется, коллективистское и индивидуалистическое начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются они с разной интенсивностью. В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или об отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала.

Но дело не только и в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них в принципе отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте немаловажный интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии и можно ли назвать институционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле данного слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Более того, констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании «демократии японского типа», которая представляет собой некий гибрид, возможно, превосходящий оригинал, т.е. западную модель, по своей жизнестойкости и продуктивности.

Анализ сущностных характеристик национального сознания народов Японии и других стран АТР свидетельствует о том, что в самой базовой ткани их менталитета присутствуют те элементы, которые при соответствующих условиях готовы к восприятию и воспроизводству ценностей и отношений рынка и политической демократии.

Остановимся на некоторых из них. Как показывают многие исследования, в отличие от иудео-христианской и исламской традиций, которые основываются на вере в единого трансцендентного бога, ценностные системы в японской и китайской традициях характеризуются преимущественной ориентацией на посюсторонние проблемы. К тому же как конфуцианству, так и буддизму чужд монотеизм, что делало их в сущности открытыми вероисповедными системами, хотя буддизму не чужда вера в трансцендентную божественность.

Обращает на себя внимание тот факт, что японцы всегда проявляли большую гибкость и готовность принять иноземные новшества, если эти последние рассматривались как полезные для развития страны или усиления позиций правящего класса. Как писал Т.Ишида, уже в VI в. Япония заимствовала отдельные элементы из китайской, индийской (буддизм через Китай и Корею) и других культур. По мнению специалистов, превращение иностранных заимствований в нечто по сути японское уже само по себе является японской традицией. В силу этой традиции различные европейские «измы» были органически интегрированы в структуру японского менталитета. Это, по-видимому, облегчалось прежде всего отмеченным выше отсутствием здесь идеи трансцендентного бога и монотеизма, что служило фактором, в определенной степени амортизирующим возможный конфликт с автохтонной японской культурой. Христианство с его единобожием создало определенные проблемы культурной совместимости с японской традицией. Показательно, что даже в наше время численность христиан в Японии составляет лишь 1% всех верующих.

В культурной матрице многих восточных народов несколько начал, вступающих в диалог друг с другом. Характерно, что, например, в Китае один из минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лао-цзы и Будда объявлялись покровителями Поднебесной. Показательно также то, что в Индии и Китае не было религиозных войн,

наподобие тех, которые время от времени возникали в Европе. Поэтому невозможно себе представить китайский, индийский или японский аналог инквизиции.

Что касается Японии, то для нее характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осакского университета Я.Масакадзу, «западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнивать с легированием металлов или химическим соединением. В отличие от этого в Японии элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи». В западном культурном плюрализме гомогенные единицы или группы базируются на едином основании, например христианстве (хотя в этом последнем и выделяются различные направления). В Японии же, напротив, обнаруживается плюрализм гетерогенных единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях. Наряду с буддизмом и синтоизмом здесь видную роль играет христианство. Причем их сосуществование не приводило к каким-либо формам противостояния. Сущность японского плюрализма выражается в сочетании и сосуществовании различных вкусов, форм ментальности, обычаев, стилей жизни в одной и той же личности. Показательно, например, что многие японцы отправляют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят покойников согласно буддийским обрядам, в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль, в то время как во многих японских семьях пустила корни христианская этика.

В целом в японский вариант человеческого фактора экономического развития вошли такие компоненты нравственного кредо конфуцианства, как человеколюбие (жэнь), чувства долга (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун), соблюдение норм общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Хрестоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры приверженности японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям.

В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть «японским духом». По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить каждого японского работника в «самурая XX века», действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез японского духа с западным техническим гением по формуле «японский дух — западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике.

Симптоматично, что, учитывая эти и множество других особенностей, ряд авторов называет японскую экономическую систему «некапиталистической рыночной экономикой Японии». Один из важнейших принципов этой системы состоит в том, что все члены фирмы связаны между собой узами взаимных обязательств в своего рода «семью». Как пишет профессор Техасского университета Дж.Элстон, «быть членом "семьи" — значит руководствоваться принципом, согласно которому "семья" предполагает взаимную ответственность всех за благополучие каждого». Эта ответственность распространяется не только на рабочего, но и на менеджера, который как «старший брат» должен заботиться о своих подчиненных. Более того, здесь группа важнее, чем отдельно взятый индивид. Считая, что все члены «семьи» в неоплатном долгу перед ней, как сыновья перед матерью, японцы стремятся укреплять гармонию внутри группы, для чего широко практикуют систему продвижения по служб.е и оплату труда по старшинству.

В японской политике на общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы согласования интересов и принятия решений, которые весьма напоминают корпоративистские. Это способствует усилению позиций тех сил, которые способны действовать скрыто, обходя выборные органы и представителей, используя неофициальные закулисные обсуждения и согласования, что, в свою очередь, придает японской демократии определенные параметры корпоративной демократии. Более того, некоторые исследователи не без оснований говорят о

существовании некоей «Джапан инкорпорейтед», основанной на необычной для западных стран системе тесных связей между корпорациями и государственной бюрократией.

Как показывают многочисленные исследования, подобного рода национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Востока — как АТР, так и других регионов. Так, по существующим данным, корейцам несвойственно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Они, как правило, соотносят свое поведение с интересами и целями «своего» коллектива. Например, семья, в которой отношения более или менее жестко регулируются нормами конфуцианской этики, представляет собой важнейшую доминанту, определяющую поведение корейца в важнейших сферах жизни. Наряду с семьей в качестве регулятора поведения корейца важную роль играют землячества, родственные, клановые, школьные, институтские и иные связи. Зачастую обнаруживается, что споры между различными группировками в Южной Корее основываются на противоречиях между различными регионами страны, в частности разногласиях между элитарными группировками столицы и провинций.

Очевидно, что важной особенностью политической культуры этих стран является приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защите индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент «на самоограничении личности», стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов.

Все это имеет мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. В целом в Японии и некоторых других странах АТР достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сферах. В частности, сохраняется важное значение таких ценностей как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархии.

Все сказанное позволяет сделать вывод о неправомерности отождествления демократии преимущественно или даже исключительно с индивидуальной свободой. Тем более не правомерны построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые, по сути дела, говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации сюда западных ценностей, норм, установок, прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции.

В данной связи представляет интерес следующий факт. В 60-х годах был популярен тезис, согласно которому конфунцианская этика была объявлена главной помехой модернизации и экономического развития стран Восточной Азии. В 80-х годах именно ее стали рассматривать в качестве чуть ли не главного фактора бурного экономического взлета новых индустриальных стран этого региона. Точно так же в наши дни стереотипным остается утверждение, что исламская культурная традиция составляет главное препятствие на пути установления демократических режимов в мусульманских странах. И это несмотря на позитивный пример Турции, Египта, Марокко, Малайзии. Здесь нельзя не отметить тот факт, что в исламе наряду со страхом перед фитной — подрывом единства и подчеркиванием роли ум-мы — общины, важное место занимает постулат о бидаате — обновлении. Но в каком смысле трактовать это обновление» — дело самого трактующего.

Культуры и цивилизации, продемонстрировавшие свою пригодность к истории, в самих себе черпают жизненные силы; в борьбе за самоидентичность и выживание любая культура или цивилизация конкурирует с другими — как с параллельными, так и с теми, которым они

приходят на смену. Внутри нее также происходит острая конкуренция между различными компонентами, ценностями, нормами и т.д.

Необходимо, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитета присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка. Как показал опыт Японии и новых индустриальных стран, такие ценности, нормы и установки не обязательно предполагают идеи и принципы индивидуализма и личной свободы в сугубо западном их понимании. Модернизация в этих странах начиналась и осуществлялась не в условиях минимизации роли государства, как это было (во всяком случае в теории) на Западе, а в условиях авторитарного режима или сохранения его элементов. Обнаружилось, что в ряде случаев не слабое государство (или государство — «ночной сторож»), а именно сильное централизованное государство является важнейшим эффективным фактором экономической модернизации. Государство действовало в качестве катализатора и направляющей силы необратимых процессов утверждения рыночных ценностей и отношений в экономике.

С точки зрения экономической эффективности преимущество рынка и экономического либерализма общепризнано. Но сами по себе они не могут справиться с конкретными специфическими социальными, демографическими, экономическими и иными проблемами, стоящими перед развивающимся миром. Экономический либерализм и рыночный механизм в качестве универсальных средств обнаруживают существенный изъян, когда речь идет о стимулировании экономики стран этого региона. Обоснованность этого тезиса подтверждается опытом так называемых новых индустриальных стран, где государственное вмешательство сыграло немаловажную роль в экономическом восхождении. Их успех во многом определился тем, что был найден необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством. Многие новые индустриальные страны добились экономического прогресса в значительной мере благодаря протекционистской политике государства. Я.Накасонэ и его соавторы не без оснований отмечали, что *«если бы Япония, например, не предприняла протекционистских мер, то американские компьютерные промышленники правили бы миром, не допуская фирмы других стран на монополизированный рынок».*

Для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и трудов определенной части ученых, отождествления демократии с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Его заслуга состоит в том, что он внес первоначальный главный вклад в формулирование и реализацию основных идей, ценностей и институтов современной западной политической системы, отождествляемой с демократией: права и свободы человека и гражданина, разделение властей, подчинение государственной власти праву, парламентаризм и др. Если бы демократия не основывалась на этих последних, то она не была бы демократией в собственном смысле слова. В этом контексте либерализм представляет собой необходимое условие демократии. Поэтому и говорят о «либеральной демократии», противопоставляя ее различным формам псевдодемократии — социалистической, народной, тоталитарной и т.д.

Однако вместе с тем нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации принципов, установок ценностей какого-либо одного «изма», в том числе и либерализма, каким бы важным этот «изм» ни был. В противном случае это была бы опять же не демократия, т.е. не власть народа или во всяком случае не большинства его, а лишь части, придерживающейся либеральных принципов. Жизнеспособность и эффективность либеральной демократии в решающей степени обусловливались тем, что, интегрируя в себя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы, принципы, она была открыта во всех направлениях — вправо, влево, в центр, в прошлое и настоящее. С этой точки зрения важный собственный вклад в формирование теории и политической системы демократии внесли и другие «измы»: консерватизм, социал-демократизм, марксизм и др. В данном контексте, возможно, правомерно

говорить об индивидуальных правах против прав коллектива или группы, индивидуализма против солидаризма применительно к каждому из этих «измов», но не к демократии в целом.

Проблема, как представляется, состоит не в том, соответствуют ли положения того или иного «изма», в том числе и либерализма, принципам того или иного типа политического устройства, а в том, соответствуют ли эти положения основополагающим постулатам и критериям демократии. Поскольку народ есть не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то без них демократию как власть большинства народа невозможно представить. Это совершенно очевидно, если учесть, что подавляющее большинство людей, как бы они не отрекались от этого, идентифицируют себя с определенной группой, коллективом, сообществом.

Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства свободы личности над всеми остальными ценностями, свободы личности в качестве наиболее значимой моральной и политической ценности. Но при этом в работах большинства авторов практически без ответа остаются вопросы, касающиеся сущности свободы и условий ее обеспечения. Очевидно, что в рамках правового государства свобода без законопослушания и без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Золотое правило правового государства: «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». При таком понимании группа не всегда и не обязательно может служить фактором, препятствующим реализации личных прав и свобод человека.

В рамках концепции прав человека представляются весьма трудными постановка и решение специфических проблем национального самоопределения или обеспечения прав тех или иных национальных меньшинств или так называемых нетитульных народов, проблем их автономии или равного представительства в органах власти. Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Более того, некоторые другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно большей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отношений, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть.

На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах, по сути дела, действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентации и норм, единую модель политической культуры, имеющей, естественно, свои особые субкультуры. В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых «Япония — это открытое общество весьма закрытых групп». Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских, солидаристских начал.

О выживаемости и управляемости демократии в незападном мире

Изложенное со всей очевидностью показывает, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и другие традиции и формы менгальности. В то же время эти последние не могут служить непреодолимым препятствием на

пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка и политической демократии. Поэтому в свете происходящих там процессов можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный субъект экономических, социокультурных и политических процессов всемирного масштаба. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации. Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентации позволило Японии, Южной Корее и другим странам АТР освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, сохранив многие черты своей традиционной культуры, идти не просто по пути вестернизации, а модернизироваться, сохраняя свою идентичность.

И нет никаких данных, говорящих о том, что множество других незападных стран и народов не могут пойти и не пойдут примерно по такому же пути. Но вместе с тем при оценке перспективы демократии нельзя не учитывать следующее обстоятельство.

По справедливому замечанию бразильского политолога Ф.Веффорта, «новые демократии» представляют собой смешанные режимы, хотя смещение или совмещение институтов и норм вполне обычное явление, поскольку многие режимы, в том числе и традиционно демократические, носят смешанный характер. Так, некоторые современные представительные демократии включают элементы прямой демократии и корпоративизма, представляя собой некий институциональный гибрид. «Новые демократии» же — это в сущности особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании в переходный период демократических институтов, норм и ценностей с элементами авторитаризма. Но при всех возможных здесь оговорках нельзя не согласиться с тем же Веффортом, который считает, что «гибридные режимы можно считать победой демократии в сравнении с той тоталитарной диктатурой, которую они сменили».

Все это в свою очередь дает основание для вывода, что процесс демократизации в странах третьего мира нельзя воспринимать как сам собой разумеющийся и однозначно обреченный на успех. Переходный характер «новых демократий» обусловливает их нестабильность, порождающую непредвиденные обстоятельства и непредсказуемые результаты. Парадоксом «новых демократий» является то, что демократические преобразования осуществляются под руководством лиц, не являющихся, по выражению Ф.Веффорта, демократами «по рождению». Подавляющее большинство тех, кто возглавил преобразования переходного периода, были «инсайдерами» в прежних режимах и обращены в демократическую веру самим переходным периодом. Это — Р.Альфонсин и К.Менем в Аргентине, П.Эйлвин и Р.Лагос в Чили, Х.Сарней и Ф.Комор в Бразилии, Б.Ельцин и В.Черномырдин в России и др.

Поэтому очевидно, что многие из «новых демократий» не застрахованы от опасности того, что первоначальные восторги по поводу обретенной свободы могут обернуться разочарованием и неприятием демократии широкими слоями населения. Немаловажен с данной точки зрения вопрос о выживаемости и управляемости демократии, ее способности укорениться в том или ином обществе. По-видимому, правы те исследователи, которые предупреждают о возможности возникновения в переходные периоды тупиковых ситуаций и опасности возврата к прошлому. Так, например, в Турции, после проведения первых свободных выборов в 1946 г. демократический процесс три раза (в 1960-1961, 1970-1973 и 1980-1983 гг.) был прерван периодами правления авторитарных режимов. Что касается большинства латиноамериканских стран, то для них такое положение стало почти правилом.

Целый ряд стран и народов продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Об этом свидетельствует опыт некоторых стран третьего мира, где механическое заимствование западных образцов государственности оборачивалось неудачей и приводило к непредсказуемым негативным последствиям. Зримым проявлением негативных последствий попыток ускоренной модернизации на западный лад является дуга нестабильности, протягивающаяся на огромные

пространства мусульманского мира от Инда до Средиземноморья и стран Магриба. Объясняется это прежде всего тем, что заимствование и насаждение элементарных административных и управленческих механизмов проводилось без их органической интегрирации в национальные традиционные структуры. Первый такой опыт, который проводился в Иране, где шахский режим под патронажем Соединенных Штатов пытался постепенно пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения, провалился.

Очевидно, что на поставленный в начале этой статьи вопрос о том, двигается ли весь мир в сторону демократии, ответ будет неоднозначным: «да», если речь идет об определенной группе стран, каждая из которых исходит из собственного понимания демократии, но с учетом западного опыта; «нет», если имеется в виду однозначная вестернизация или модернизация на западный лад всех незападных стран и народов. Крах и поражение чего-либо одного не всегда приводит к победе и утверждению чего-либо другого.

Вопреки наивным ожиданиям, возникшим после окончания холодной войны, крах тоталитарных и авторитарных режимов не всегда приводил к утверждению демократии. Целый ряд стран — Эфиопия, Сомали, Таджикистан, Грузия и др.— очутились в пучине глубочайшего кризиса, хаоса и дезинтеграции. Многие страны стали ареной реполитизации и ренационализации этнических групп, что сопровождается оспариванием существовавших до того государственных границ. Начало 90-х годов ознаменовалось резким изменением ситуации после почти двадцатилетнего периода прогресса демократии в Латинской Америке: пала хрупкая демократия в Гаити в результате военного переворота и смещения законно избранного президента Аристида; демократия в Венесуэле, считавшаяся традиционной и крепкой, в результате двух попыток государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г. оказалась в кризисе; в том же году нечто вроде переворота совершил президент Перу Фудзимора; в результате острой внутриполитической борьбы со своих постов были смещены президенты Бразилии и Венесуэлы.

Не лучше обстоит дело в исламском мире. Об этом свидетельствует развитие событий в Алжире, где были объявлены не имеющими силы результаты всеобщих выборов и введено чрезвычайное положение. В итоге активизировалась деятельность исламских фундаменталистов и резко дестабилизировалась обстановка в стране. Из-за роста фундаментализма к репрессивным мерам вынуждены были прибегнуть власти Туниса и Египта. В Африке весьма хрупкие демократии, установленные в 1991—1992 гг. не выдержали груза экономических и политических неурядиц. В то же время во многих африканских странах вопросы, связанные с переходом к демократии, отходят на второй план под давлением более радикальных вопросов, связанных с искусственным характером государственных границ и трудностями совместного существования различных этнических групп. Взрывы насилия в Сомали, Эфиопии, Анголе, Руанде, Либерии и т.д. свидетельствуют о том, с какими острыми проблемами сталкиваются африканские народы.

При оценке перспектив демократий нельзя забывать тот немаловажный факт, что бедность и социально-экономическое отставание стран Африки и Латинской Америки определяются комплексом факторов социокультурного и политико-культурного характера, в том числе неспособностью их населения воспринимать перемены, идущие извне, конкурировать или играть по правилам, диктуемым мировым сообществом. Демократия и рынок дают шанс, но не готовые рецепты решения стоящих перед той или иной страной проблем и не гарантии такого решения.

При оценке перспектив демократий в ряде регионов нельзя забывать то, что в некоторых странах Африки и Латинской Америки сравнительно легкой победе так называемых демократических оппозиций над авторитарными или однопартийными режимами способствовало изменение внешних условий. С исчезновением социалистического лагеря и распадом Советского Союза левые авторитарные режимы лишились мощной материальной, идеологической и моральной поддержки. Это в свою очередь освободило Запад от необходимости однозначной поддержки правых авторитарных режимов, которые раньше использовались в качестве заслона на пути проникновения советского влияния. Более того,

можно сказать, что некоторые страны встали на путь перехода к демократии, по сути дела, под давлением западных стран-доноров экономической помощи. Сразу после окончания холодной войны правительства этих стран начали открыто обусловливать предоставление помощи принятием развивающимися странами демократических политических режимов и неолиберальной политики экономического развития.

К тому же с исчезновением Советского Союза исчез и альтернативный источник получения помощи. Нужно учитывать и то, что в глазах политиков развивающихся стран развал Советского Союза стал отождествляться с поражением самой системы социализма, а Запад выглядел победителем в холодной войне.

Важно также отказаться от соблазна оценивать демократию в развивающихся странах по западным меркам. Даже в тех из этих стран, где более или менее устойчивые демократические режимы формировались одновременно с завоеванием независимости (Индия, Малайзия, Шри-Ланка и др.), демократические структуры обладают большой спецификой по сравнению с классическими евроамериканскими образцами. Для них характерны политическкая нестабильность, этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установки на авторитаризм и клиентелизм, значительная роль традиционных ценностей в политической культуре. Нужно учесть и то, что во многих этих странах демократические режимы, как правило, основываются на доминантной партии, которая неизменно находится у власти, постоянно обеспечивая себе превосходство на выборах.

Все это свидетельствует, во-первых, о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главной формой самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов или всего земного шара. Дело в том, каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и т.д.

Какова бы ни была судьба процесса демократизации, оказывается, что несравнимо легче импортировать институциональные формы либеральной демократии, чем импортировать культурные и эпистомологические значения либерализма и демократии. По-видимому, ряд стран, в том числе обладающих большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохранят полудемократические или даже откровенно авторитарные формы политического устройства. Этот момент нельзя не учитывать, если иметь в виду перспективу ужесточения правовых и репрессивных мер перед лицом роста терроризма, наркобизнеса, других форм преступности. Поэтому интернационализация и глобализация важнейших сфер общественной жизни, при всех возможных здесь оговорках, не может означать политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества на основе рыночной экономики и политической демократии.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под экспансией демократии?
2. Как соотносится демократия с капитализмом и рыночной экономикой?
3. Дайте характеристику демократии как форме народовластия.
4. Существуют ли в незападных культурах элементы, совместимые с демократией?
5. Можно ли считать распространение демократии на Востоке простым перенесением западных институтов в чистом виде?
6. Каковы, на ваш взгляд, перспективы выживаемости демократии в незападном мире?

Глава 11. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ДИКТАТОРСКОГО ТИПА

Суть политической системы диктаторского типа выражается уже самим термином «диктатура», который происходит от латинского слова «dictatur», означающего «неограниченная власть». Под ней понимается форма правления, при которой власть сконцентрирована в руках одного человека, группы лиц, клики или партии, монополизирующих ее, и отсутствует всякий контроль со стороны управляемых. Диктатура — это монократия, которая в важнейших аспектах политической самоорганизации общества является антиподом демократии. Диктаторские режимы при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии. Не допуская или существенно ограничивая оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с одним безальтернативным кандидатом, где результаты заранее известны. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал.

Типологизация диктаторские систем

Диктатура, равно как и демократия, воплощается в жизнь в различных формах, ее можно обнаружить во всех цивилизациях и исторических эпохах. Уже в древнейшие периоды истории как на Востоке, так и на Западе существовало множество форм тирании, деспотии, олигархии, которые являлись различными формами диктатуры.

В наши дни политические системы диктаторского типа существуют в двух формах: авторитаризма и тоталитаризма. Под последним, как правило, подразумеваются те политические режимы, которые существовали до конца Второй мировой войны в гитлеровской Германии и Италии, а также вплоть до последнего времени в СССР и странах Восточной Европы, Китае и ряде других стран третьего мира. Что касается авторитарных режимов, то диапазон их распространения весьма широк, а число их в настоящее время, особенно в третьем мире, весьма велико.

Обладая важнейшими характеристиками диктатуры, авторитаризм и тоталитаризм в ряде аспектов существенно отличаются друг от друга. Так, для тоталитаризма, как будет показано ниже, характерны полное слияние в единое целое общества и государства; общества, государства и партии; их вместе и единой идеологии; экономики, политики и идеологии и т.д.

Авторитаризму также присущи доминирование государства над обществом; примат исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями. Но здесь такое доминирование не приобретает ту жесткость и всеохватность, которые характерны для тоталитаризма. Авторитаризм использует слабость и неразвитость гражданского общества, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. Экономика сохраняет значительную степень самостоятельности. Сохраняется плюрализм социальных сил. Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. Допускается разграничение между светской и религиозной, личной и публичной сферами жизни. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Допускается «дозированное инакомыслие». Сохраняются классовые, сословные, клановые, племенные различия. Если средоточием власти при тоталитаризме является партия, поглощающая государство, то в авторита-ризме таким средоточием является государство. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нередко означает смену политического режима без радикального переустройства экономического строя. Переход же от тоталитаризма на рельсы демократизации предполагает коренное изменение всей общественной системы.

Существует множество типов авторитарных режимов. В основном эти режимы распространены в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америке и реже в капиталистических странах (Испания, Португалия, Греция до антидиктаторских революций середины 70-х годов), но отстающих в своем развитии от главных индустриальных стран.

Здесь, как правило, выделяют традиционные авторитарные режимы олигархического типа и гегемонистский авторитаризм новой олигархии. В первом случае власть сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств, которые контролируют экономическую и политическую жизнь страны. Смена лидеров обычно происходит в результате переворотов, закулисных договоренностей или манипуляций с выборами. Такие режимы характерны прежде всего для Латинской Америки, где господствующая олигархия тесно связана с католической церковью и военной верхушкой. Авторитаризм новой олигархии вырастает в результате выдвижения на господствующие позиции национальной компрадорской буржуазии, которая устанавливает тесные связи с военными. Типичными примерами этого типа являются режимы Камеруна, Туниса. Алжира и др. В развивающихся странах большое распространение получил режим военной диктатуры, который, как правило, захватывает власть путем военных переворотов. В большинстве случаев армия служит главной опорой государства. Этот тип представлен военной диктатурой А.Пиночета в Чили, установленной в сентябре 1971 г., и режимом «черных полковников» в Греции в середине 60-х годов, существовавшим до 70-х годов.

В современном мире существуют также режимы, которые являются монархическими по форме, но авторитарными по содержанию. Они основаны на принципе наследования власти. Но в отличие от европейских монархий, которые, по сути дела, превратились в демократические парламентские режимы, восточные монархии в большинстве своем придерживаются основных принципов авторитаризма. Различаются монархии теократические, такие как Саудовская Аравия, где король является одновременно светским и религиозным главой государства, и светские монархии типа хашимитского королевства Иордания, где формально глава государства не ведает вопросами веры.

В авторитаризме можно отличать также режимы с большей или меньшей жесткостью или «либеральностью» в организации властной вертикали. Например, военно-политическая диктатура А.Пиночета в Чили отличалась от авторитарного режима Чон ду Хвана в Южной Корее более откровенной опорой на репрессивный аппарат, большей интенсивностью террора и подавления и др.

Следует отметить также то, что во многих странах развивающегося мира политическая организация не достигла системной целостности и поэтому не имеет четко выраженной дифференциации между различными режимами. Преобладают смешанные или промежуточные режимы, вроде тех, которые В.Г.Хорос и М.А.Чешков называют демократическим авторитаризмом или авторитарной демократией.

В данном случае речь идет прежде всего о так называемом «авторитаризме развития» в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где процесс разграничения гражданского общества и подсистемы политического отнюдь нельзя считать завершенным. Политическая модернизация с уклоном на профессионализацию. демократизацию, разделение властей и т.д. идет очень медленно и с большими трудностями. Здесь «авторитаризм развития», который проявляется как закономерное национальное и региональное явление, постепенно эволюционирует в сторону демократии. Для него характерны тенденция к диктатуре и использование силовых методов и другие особенности политического авторитаризма. Вместе с тем, как отмечают В.Г.Хорос и М.А.Чешков, *«он поддерживает институт частной собственности, опирается на определенные слои, нуждается в их поддержке и поэтому в известной степени готов их "выслушивать"».* Таким образом, «авторитаризм развития» совместим с элементами либерализма: политическими партиями, правовыми нормами и даже относительно «вольной прессой». В то же время *«экономическая политика, ориентированная на развитие, создает предпосылки для расширения этих тенденций: развиваются рыночные отношения, предпринимательские структуры, элементы гражданского общества и др.».* Иначе говоря, «авторитаризм развития» содержит в себе потенции демократии, которые получают все более заметный импульс по мере экономической модернизации.

Выделяются также некие гибридные режимы, в которых органически сочетаются элементы как тоталитаризма, так и авторитаризма. К ним, как правило, относят франкистский

режим в Испании и салазаровский в Португалии, просуществовавшие с 30-х годов до демократических революций середины 70-х годов.

Португальский режим, хотя не принимал парламентаризма, но тем не менее претендовал на обеспечение независимости различных групп общества, их представительство иными, нежели парламенскими, методами. Провозглашалось, что, не допуская соперничества партий за власть, правительство вместе с тем действует в рамках закона, нравственности и религии. Более того, этот режим стремился (во всяком случае на словах) избежать отождествления общества с государством. Здесь отсутствовала государственная партия. Признавались различия на уровне семей, профессиональных групп, регионов и т.д. Единство обеспечивалось сильным, но не безграничным в своих прерогативах государством.

Франкистский режим занимает промежуточное положение между португальским и чисто фашистским режимом в Германии и Италии. Подобно первому он опирался на традиционалистскую философию и поддержку церкви. В то же время ему присущи некоторые элементы фашизма, такие, например, как фалангистское движение, сходное с фашистским движением в Италии. Помимо фаланги режим Франко подчинил себе такие организационные группы, как церковь, армию, профсоюзы. Но ни одна из них не рассматривалась в качестве исключительной опоры государства. Поэтому М.Дюверже совершенно справедливо называл португальский и испанский режимы псевдофашистскими.

Все это убедительно свидетельствует о том, что в XX в. важнейшие признаки политической системы диктаторского типа проявились в чисто тоталитарных режимах. Учитывая это, ниже анализируются важнейшие компоненты и сущностные характеристики политической системы тоталитаризма.

Тоталитарные режимы

Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинского слова «totalitas», означающего «цельность», «полнота». Он возник и получил распространение в 20—30-е годы и использовался для обозначения политических систем в фашистской Италии, нацистской Германии и большевистском СССР. Одним из первых этот термин использовал итальянский автор левой ориентации Дж.Амендола, который в своей речи 20 марта 1924 г. заявил, что фашизм, как и коммунизм, представляет собой «тоталитарную реакцию на либерализм и демократию». А в либеральном журнале «Ринашита либерале» от 5 января 1925 г. выборы, состоявшиеся в Италии в апреле 1924 г., были охарактеризованы как «totalitare e liberticide» (тоталитарные и губительные для свободы). Чуть позже в том же году официальный фашистский теоретик Дж.Джентиле говорил о фашизме как о «тотальной концепции жизни». Часто использовал этот термин Б.Муссолини, который называл свой режим не иначе как «lo stato totalitario» (тоталитарное государство). Что касается А.Гитлера и его приспешников, то они, во всяком случае первоначально, при характеристике своего режима предпочитали использовать термин «авторитарный».

Тем не менее в «Энциклопедии социальных наук» (1933) этого термина нет. Дополнительный том «Оксфордского словаря английского языка» (1933) впервые использует слово «тоталитарный» из апрельского номера журнала «Контемпорари ревью» (1928), где, в частности, говорилось: «фашизм отрицает, что он выполняет свои функции как тоталитарный режим и вступает в избирательную сферу на равных со своими противниками». Постепенно в демократических странах Запада этот термин получает все более широкое применение для обозначения сначала фашистских режимов в Италии и Германии, а затем и большевистского режима в Советском Союзе.

Впервые этот термин был применен в отношении к СССР, по-видимому, в ноябре 1929 г. английской газетой «Тайме», которая в одной из своих передовых статей писала о «реакции против парламентаризма в пользу "тоталитарного" или унитарного государства как фашистского, так и коммунистического». Нападение же гитлеровской Германии на СССР и вступление последнего во Вторую мировую войну заставили западных авторов несколько смягчить свои оценки советского режима и направить острие своей критики главным образом

против фашизма и нацизма. Во время войны «тоталитаризм» служил для них в качестве обобщающего понятия для характеристики фашистского и национал-социалистического режимов и их разграничения от советского социализма. После войны, особенно с началом холодной войны на Западе коммунизм снова стали рассматривать как разновидность тотальной идеологии, а советское государство — как тоталитарный режим.

Ныне в серьезной научной литературе большинство авторов придерживается тезиса, согласно которому в политической системе тоталитарного типа выделяются фашистский и национал-социалистический режимы в Италии и Германии на правом фланге идейно-политического спектра и большевистский в СССР — на его левом фланге. При этом необходимо отметить, что тоталитаризм отнюдь не является неким монолитом, между его отдельными режимами имелись существенные различия.

Такие различия прослеживаются как между большевизмом и фашизмом, так и внутри последнего. Так, фашистский режим в Италии руководствовался теорией верховенства государства, а национал-социалистический — теорией верховенства нации или нации-государства. Итальянский режим отличался стремлением сохранить традиционные структуры, показателем чего служат, например, так называемые Латеранские соглашения (1929), заключенные между Б.Муссолини и Ватиканом и регулировавшие отношения между католической церковью и фашистским режимом. Для режима Муссолини были характерны меньшая концентрация и абсолютизация власти. Наряду с фашистской партией значительным влиянием в стране продолжали пользоваться военные, аристократия, церковь, государственная бюрократия. Продолжал функционировать, правда, чисто формально сенат. Парадокс состоит в том, что Италия оставалась монархией. Муссолини время от времени направлял отчеты королю Виктору Эммануилу III. Итальянский фашизм отличался также меньшей, чем в Германии, интенсивностью террора и репрессий.

Учитывая эти факторы, можно утверждать, что сущностные характеристики правой разновидности тоталитаризма в наиболее завершенной форме воплотились в германском национал-социализме. Для нас, россиян, более актуален и в то же время болезнен вопрос о соотношении большевизма и национал-социализма. Но тем не менее этот вопрос существует, и его нельзя игнорировать, ибо историю своей родины со всеми ее достижениями, неудачами и зигзагами нужно знать, чтобы извлечь из нее соответствующие уроки.

Многие авторы уже в 20—30-е годы отмечали определенные черты сходства в методах политической борьбы, захвата и реализации власти фашистов и большевиков. При всей сложности и спорности этой проблемы приходится констатировать, что фашизм и большевизм имеют точки как соприкосновения концептуального и типологического характера, так и расхождения.

При традиционной типологизации фашизм и марксизм-ленинизм располагаются по двум крайним полюсам идейно-политического спектра. Не случайно они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. В этом контексте бросается в глаза изначальная несовместимость их идеологий. И здесь достаточно упомянуть такие дихотомические пары, как интернационализм-национализм, теория классовой борьбы — национально-расовая идея, материализм-идеализм, с помощью которых определяется противостояние марксизма-ленинизма и фашизма. Если в марксизме-ленинизме в качестве главного теоретического и аналитического инструмента трактовки мировой истории брался класс, то в фашизме в качестве такового служила нация. Первый отдавал моральный и теоретический приоритет концепции класса, а второй — концепции нации и даже расы. В результате место марксистских понятий «прибавочная стоимость» и «классовая борьба» в национал-социализме заняли понятия «кровь» и «раса». Если марксизм-ленинизм придерживался материалистической (а зачастую экономико-детерминистской) интерпретации истории, то для фашизма с этой точки зрения характерны антиматериализм, иррационализм, мистицизм и убеждение в том, что духовные начала, честь, слава и престиж составляют могущественные цели и мотивы человеческого поведения.

Фашисты и национал-социалисты, как в теории, так и на практике, придавая решающую роль политике и идеологии, сохранили частную собственность на средства производства и

рыночные механизмы функционирования экономики. Большевики же, которые в теории определяющую роль отводили базису или экономике, пошли по пути полного обобществления средств производства. Если большевики уничтожили рынок, то национал-социалисты его оседлали, приручили. Если Гитлер считал более важным социализировать прежде всего человека, то большевики пошли по пути социализации сначала экономики, а потом уже человека.

Если национал-социализм начисто отвергал саму идею демократии и либерализма, советский режим декларировал намерение воплотить в жизнь истинно демократические принципы (разумеется, по-своему понимаемые), устранив партийное соперничество. Не случайно, его руководители и приверженцы оперировали понятиями «демократический централизм», «социалистическая демократия», «народная демократия», «демократические принципы» и т.д.

Марксизм-ленинизм в теории руководствовался благороднейшими из устремлений человечества — коммунистическим идеалом построения совершенного и справедливого общественного строя. С этой точки зрения советский режим вдохновлялся возвышенной гуманистической целью, составляющей вековую мечту многих поколений людей. Нельзя забывать и то, что в течение определенного, хотя по историческим меркам краткого периода коммунистический идеал стал руководством к жизни для почти 40% современного человечества. Однако немаловажная проблема состоит в том, что для реализации поставленной цели на вооружение были взяты безжалостные, антигуманные средства. В этом контексте смертный грех большевиков состоит в том, что они дискредитировали великий коммунистический идеал.

При всем том неоспорим факт близости и определенного родства фашизма и большевизма по целому ряду параметров. Прежде всего не может не обратить на себя внимание почти полная синхронность их появления на исторической арене. Своими истоками они восходят к самому началу нынешнего столетия, а в полный голос заявили о себе во втором и начале третьего десятилетия, т.е. в период так называемой великой трансформации капитализма из свободно-предпринимательского в корпоративный (или, как его у нас до недавнего времени именовали, государственно-монополистический) капитализм. Не вдаваясь в подробности, отметим, что большевизм и фашизм выступили в качестве соответственно левой и правой альтернатив центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере. Причем за короткий период из незначительных групп они превратились во влиятельные общественно-политические движения, которые сумели подчинить своему господству сотни миллионов людей многих стран и народов.

Важным объединяющим эти альтернативы началом было то, что они постулировали цель реализации социалистических принципов, разумеется, в собственном понимании: интернационального и националистического. Особенно в начальный период представители фашизма и большевизма склонны были открыто признавать эту близость. Так, Н.Бухарин на XII съезде РКП(б) в 1923 г. отмечал: *«...характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было другая партия, усвоили и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской практики и специального русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия определенной системы бросания своих сил, "учраспредов", мобилизации и т.д. и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами».*

А. Гитлер же в беседах с Г.Раушнингом настойчиво подчеркивал, что он научился методам политической борьбы у марксизма и марксистов. Более того, он утверждал: *«национал-социализм — это то, чем мог бы стать марксизм, если бы освободился от своей абсурдной искусственной связи с демократическим устройством».*

И действительно, фашизм и большевизм имели ряд близких друг другу или общих по своему функциональному системооб-разующему, методологическому назначению элементов.

Это, в частности, единая всеохватывающая цель (хотя у каждого из них она существенно различается по своему содержанию); господство одной единственной революционной партии нового типа; моноидеология, отвергающая другие идеологии; сходные средства и методы достижения идеальных целей; слияние в единое целое партии, государства и общества; политизация всех без исключения сфер жизни; физический и моральный террор и т.д. Именно эти характеристики, которые более или менее подробно будут проанализированы ниже, позволяют оценивать фашизм в разных его вариантах и марксизм-ленинизм в его большевистской интерпретации как два противоположных проявления или два альтернативных (правый и левый) варианта особого общественно-исторического феномена — тоталитаризма.

При этом необходимо подчеркнуть, что выделяемые ниже признаки и характеристики тоталитаризма надо понимать в идеально-типическом смысле, а не как точное отражение реальной ситуации в обществе, поскольку в общем и целом как в гитлеровской Германии, так и в сталинском Советском Союзе даже в самом апогее тоталитаризма вряд ли можно говорить о всеобщей тотализации сознания. В реальной жизни все было значительно сложнее.

Естественно, если люди поставлены перед выбором — свобода или хлеб, что по сути зачастую означает выбор между свободой и голодной смертью, то большинство из них выберут хлеб. Но это при жестком, императивном выборе. Однако все же, как сказано в Святом Писании, «не хлебом единым жив человек». Если бы это было не так, то человек до сих пор не вышел бы из пещер каменного века или же царство самого Великого инквизитора было бы вечным. Спору нет, хлеб нужен человеку как воздух, и он приговорен к тому, чтобы в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный. Но тем не менее опыт нашей страны убедительно показывает, что зло само по себе, в каких бы обличиях оно не выступало, неспособно окончательно ликвидировать божественного образа в человеке, возвратить его в тварное состояние, что неистребимо его стремление к свободе и утверждению истинно человеческого начала. Поэтому неудивительно, что в самые мрачные времена тоталитаризма при всех искажениях сознания, приоритетов, миропонимания и т.д. были миллионы и десятки миллионов людей, которые честно и зачастую самоотверженно тянули свою лямку, служили своей родине, людей, значимость которых всегда остается величиной постоянной, инвариантной. Поэтому было бы неправильно и непредусмотрительно вынести огульный приговор всей семидесятилетней истории страны и всем тем, кому выпала незавидная доля быть героями, персонажами и просто участниками этой истории.

К тому же нельзя забывать, что сами тоталитарные режимы были подвержены определенным изменениям. В Советском Союзе о более или менее чисто тоталитарном режиме, по-видимому, корректно говорить применительно к сталинскому периоду, охватывающему конец 20-х—первую половину 50-х годов. В последующие же годы имела место постепенная «либерализация» режима в плане отказа от наиболее одиозных форм контроля над умами людей и террора.

Перейдем теперь к анализу важнейших элементов и характеристик тоталитаризма.

Аннигиляция традиции

Существует популярное мнение, согласно которому большевистский режим в СССР и нацистский рейх в Германии коренились в национально-исторических традициях двух стран и в сущности представляли собой продолжение их истории в новых условиях. Такое мнение, верное в принципе, нуждается в существенных оговорках. Разумеется, объективно ни один народ не может убежать от своей истории, и в этом смысле на обоих режимах лежала родовая печать национально-исторических традиций немецкого и российского народов, их культуры, самосознания, религии и т.д. К тому же у руководителей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма не было недостатка в заверениях о своей приверженности историческому началу. Более того, именно себя они выдавали за истинных наследников и продолжателей дела наиболее достойных, на их взгляд, предков и радетелей национальной культуры, величия и традиций. Гитлер и его приспешники любили выставлять свои идеи и планы как возврат к истории, как восстановление прерванной цепи времен. Так, рассматривая в качестве исходного

рубежа период, когда германцы оттеснили славян к Востоку, Гитлер утверждал: *«Таким образом, мы, национал-социалисты... начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановили бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратили наш взор на земли, расположенные на востоке».* Что касается руководителей большевизма, то они претендовали на реализацию всего лучшего и прогрессивного в историческом наследии не только народов России, но и всего человечества.

При всем том общеизвестно, что оба варианта тоталитаризма, во всяком случае в идеологии и пропаганде, отстаивали претензии на разрушение старого мира «до основания» и построение на его обломках нового мира в соответствии со своими, по сути искусственно сконструированными моделями.

Сущностной характеристикой тоталитарной системы является ориентация на слитность, тотальное единство всех без исключения сфер жизни в обществе. Это, в частности, проявилось в отрицании тоталитаризмом важнейшего, можно сказать, центрального элемента современной западной цивилизации — гражданского общества и его институтов, составляющих фундаментальные аспекты человеческого бытия. Как выше говорилось, гражданское общество является средоточением множества разнообразных конкурирующих друг с другом центров и источников власти и влияния, обеспечивающих свободу реализации возможностей каждого отдельно взятого индивида, прежде всего свободу экономического выбора. Как показал исторический опыт демократических и тоталитарных систем, не может быть личной свободы там, где нет разнообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора.

Очевидно, что контроль над важнейшими ресурсами общества, как материальными, так и нематериальными, будет находиться у тех, в чьих руках сосретоточен контроль над экономической властью. Как подчеркивал Ф. фон Хайек, *«идея централизованного планирования заключается в том, что не человек, но общество решает экономические проблемы, и, следовательно, общество (точнее, его представители) судит об относительной ценности тех или иных целей».* Там, где нет свободы экономического выбора, а единственный работодатель — государство (или в случае с национал-социализмом — всецело преданные режиму или полностью контролируемые им частные предприятия), не может быть и речи о свободном политическом, интеллектуальном я каком-либо ином волеизъявлении людей. Собственность, принадлежащая государству или жестко им контролируемая, неизбежно политизирустся, поскольку она порождает монополию власти, подчиняющей себе все рычаги политики и экономики, сливающихся в единое целое. Что касается самой собственности, то она становится обезличенной, надындивидуальной, отчужденной. Более того, и собственность, и экономика оказываются не просто политизированными, а политизированными при существенной милитаризации их важнейших компонентов и характеристик.

Человек — это абстракция, некая умственная конструкция, если пренебречь такими характеристиками, как раса, полу возраст, нация, культура, вера и т.д. Не случайно идеологи и вожди тоталитаризма поставили своей целью трансформацию экономических, социальных, социокультурных, духовных отношений, убеждений, ценностей, установок людей. Больше того, ставилась задача сознательной и целенаправленной переделки самого человеческого бытия. С этой точки зрения тоталитаризм в отличие от всех форм традиционного деспотизма, абсолютизма и авторитаризма является феноменом XX столетия. Для последних при всех их различиях было характерно господство традиции, обычая, предания и т.д., власть занимала подчиненное по отношению к ним положение, она основывалась на традиции. Единство в традиционном обществе зиждилось на укорененности в общественных структурах — семье, общине, родственных связях, племени, этнонациональном сообществе, церкви и т.д. Люди, порой занимая чуть ли не рабское положение по отношению к власть имущим, все же находили опору в этих структурах.

Традиция представляет собой механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Поэтому не приходится удивляться тому, что тоталитаризм ставит аннигиляцию традиций в качестве одной из своих главных целей. Эта установка выражалась в

переименовании древних названий городов, улиц, проспектов, музеев и т.д., в ограничении доступа к определенным видам исторической и критической литературы, в отказе от некоторых «устаревших» традиций в области архитектуры, живописи, скульптуры, театра, от отдельных празднеств, обычаев народной жизни, которые будто бы противоречили новым культурным традициям, мешали им нормально складываться и развиваться. С этой точки зрения тоталитаризм отличает своеобразная амнезия исторической памяти, своеобразный манкуртизм.

Одной из важнейших предпосылок и условий тоталитарной системы является размывание, а то и элиминация традиционной социальной стратификации, достижение культурной, социальной, нравственной даже этнонациональной (в теории) однородности путем уничтожения всех объединений, организаций, которые могли служить для человека референтными группами, таких как нация, соседская родственная община, церковь, реальные, а не официальные организации, союзы, ассоциации, сословия, классы и др. Такая однородность строится на подрубании всех органических корней, связывающих отдельного человека с обществом, на предельной унификации всех связей человека, выставлении на всеобщее обозрение самых неприкосновенных сторон и аспектов частной жизни. Единственной референтной группой для отдельного человека остается государство. Здесь, пожалуй, в наиболее наглядной форме и во вселенском масштабе был реализован принцип «разделяй и властвуй». *«Религия и национализм,*— писал Э.Фромм,— кок *и любые обычаи, любые предрассудки — даже самые нелепые и унизительные, — спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного — изоляции».* Идеологи и вожди тоталитаризма, сознавая это, сделали все для того, чтобы фрагментировать и атомизировать общество, лишить человека унаследованных от прошлого социальных и иных связей и тем самым изолировать людей друг от друга. В результате каждый отдельно взятый индивид остается один на один с огромным всесильным аппаратом принуждения.

Тоталитарные перевоплощения интернационализма и национализма

Как известно, одной из важнейших традиционных опор, на которых базируется личность, тем зеркалом, через которое индивид сознает себя членом общества и приобретает чувство самости, является нация. Симптоматично, что правый и левый варианты тоталитаризма, подойдя к этой проблеме, казалось бы, с прямо противоположных позиций, сумели использовать ее каждый по-своему для утверждения тотального господства государства.

С определенными оговорками можно сказать, что марксизм является ровесником национальной идеи и понимаемого широко (а не только сугубо негативно) национализма. В этом контексте он представляет собой не только вызов классической политической экономии и критику капиталистических производственных отношений, но и критику национализма и религии. Будучи программой освобождения людей от промежуточных образований, мешающих превращению отдельного индивида во «всемирную историческую личность», марксизм постулировал образование пролетариата в качестве силы, трансцендирующей национальные приверженности и действующей на наднациональном уровне. Чтобы подчинить людей выполнению этой цели, ставилась задача подорвать национально-культурные традиции и ценности, оторвать их от национальных корней. Поэтому естественно, что с самого начала марксизм рассматривал национализм, равно как и религию, в качестве противника и врага, с которыми необходимо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

Оценивая национальный вопрос всецело с точки зрения целей классовой борьбы пролетариата, основоположники марксизма исходили из постулата, согласно которому любое общество строится на горизонтальных классовых различиях, пересекающих национальные границы и приверженности, и поэтому классовые различия играют более фундаментальную роль по сравнению со всеми другими различиями, в том числе и национально-этическими. Была сформулирована идея, согласно которой национализм представляет собой продукт капиталистического развития и ему суждено исчезнуть с исчезновением капитализма. К.Маркс и Ф.Энгельс утверждали, что освобождение пролетариата от капиталистического ига приведет к ускоренному исчезновению национальных различий и антагонизмов. Предполагалось, что с

установлением господства пролетариата и по мере утверждения принципов социализма разделение людей по национальному принципу потеряет всякий смысл и оно будет полностью заменено классовым разделением. При этом особо подчеркивалась мысль о том, что только пролетариат способен стать той силой, которая может выполнить историческую задачу объединения народов в единое целое.

Следует отметить, что марксисты, в том числе и русские, вели ожесточенные споры о будущем нации и национальных отношений в условиях перехода к социализму и в ходе социалистического строительства. Но при всех спорах о федерализме, автономизации, реализации права наций на самоопределение вплоть до полного отделения В.И.Лении и его сподвижники в целом сохраняли убежденность в том, что в процессе социалистического строительства социально-экономические и национально-культурные различия между регионами, национально-государственными образованиями постепенно будут сглажены и в конечном счете преодолены, что создаст условия для победы интернационального начала над национальным началом.

Марксизм-ленинизм по самой своей сути не мог принять национальную идею, национальное начало, тем более национализм, поскольку они рассматривались (собственно и были таковыми) как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы. Поэтому неудивительно, что предложенная коммунистами программа имела своей целью, по сути дела, сознательную, принудительную систематическую переделку самой природы этноса, этнонационального. Такая цель вытекала, собственно говоря, из самой установки на большевизм и советизацию всех аспектов жизни огромной многоликой империи, ее государственно-административной системы, культуры, социальной сферы, даже реалий быта. Как известно, правители Российской империи довольно терпимо относились (либо смотрели на это сквозь пальцы) к сохранению во многих этнонациональных образованиях традиционных форм и органов управления, вероисповедания. Большевизация и советизация предполагали уничтожение всего этого и жесткую унификацию и стандартизацию всего и вся по меркам, составленным в центре.

С этой точки зрения все нации и народности оказались действительно равны. Как бы игнорируя законы общественно-исторического развития, предписывающие каждому народу свой собственный путь и собственное место в обществе, называемом человеческим, была поставлена задача осчастливить многие народы, оставшиеся при феодализме, путем перенесения их в социализм, минуя капитализм, а те народы, которые «застряли» в родоплеменных отношениях, приобщить к благам социализма, минуя и феодализм, и капитализм. Широкомасштабные репрессии и выселение наиболее трудолюбивой прослойки населения из деревни под лозунгом ликвидации кулачества как класса, вынужденное переселение людей из деревни в город или отдаленные регионы страны вели к подрыву питательных корней, вековых устоев национального образа жизни, ослаблению приверженности к труду, родному очагу, национальной истории. В итоге советские люди были объявлены членами совершенно невероятного и парадоксального образования — интернационального народа, безнапиональной нации — «новой исторической общности» в лице советского народа.

Еще более пародоксальным представлялось то, что идеология интернационализма приобрела уже в своеобразно перевернутой форме функции идеологии национализма. Этому в значительной степени способствовали интересы и потребности сохранения России как единого государства в условиях возрождения сепаратистских устремлений отдельных национальных регионов внутри страны и постоянной угрозы внешней интервенции, создавшей атмосферу осажденной крепости. Идеология интернационализма, по сути дела, оказалась поставленной на службу государственных интересов и стала выполнять функции, аналогичные тем, которые национализм играл в идеологии германского нацизма. Не случайно, понятия «антикоммунизм» и «антисоветизм» стали в некотором роде синонимами, а ключевым элементом пролетарского национализма считалась поддержка политики Советского Союза.

В идеологии фашизма произошло органическое слияние социализма и национализма, что в итоге и дало основание Гитлеру и его сподвижникам говорить о национал-социализме. С этой точки зрения интерес представляет определение социалиста, которое Гитлер дал в одном из выступлений в 1922 г.: *«Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн "Германия превыше всего" в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».*

Очевидно, что в рассматриваемом аспекте марксизм-ленинизм и фашизм придерживались диаметрально противоположных позиций. Воинствующий расизм и национализм последнего общеизвестны. Здесь укажем лишь, что в методическом плане утверждения тоталитарных структур и ментальности они сыграли роль, аналогичную той, которую сыграли теория классовой борьбы и идея интернационализма в марксизме-ленинизме. Подобным же образом расизм и национализм были превращены в универсальные системообразующие установки, определяющие весь строй действий и мыслей всех членов общества. С самого начала фашизм рассматривал нацию как некий синтез всех без исключения материальных и духовных ценностей, приоритет перед отдельным индивидом, группами, слоями, классами. Как утверждал Гитлер в своем выступлении перед промышленниками в 1932 г., определяющее значение имеет «осуществление волеизъявления нации, ибо только это волеизъявление может быть исходной точкой для политических выступлений». Еще более определенно и недвусмысленно он говорил об этом на Нюренбергском конгрессе НСДАП в 1938 г. По его утверждению, чтобы закрепить «чудо германского воскресения», начатое в 20-х годах, партия должна объявить безжалостную войну классовым и сословным предрассудкам. Она должна позаботиться о том, чтобы независимо от рождения и происхождения сильный волей и талантливый немец мог бы найти доступ к высшим степеням социальной лестницы.

Стало быть, важное место в фашистской идеологии отводилось уничтожению всех классов, но в отличие от марксизма-ленинизма, предполагавшего осуществить это на путях пролетарского интернационализма, приверженцы фашизма предусматривали достичь эту цель путем подчинения всего и вся сугубо национальному началу. В отличие от «буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения», откровенничал Гитлер, идея национал-социалистического «народного государства» оценивает «значение человечества в его базовых расовых терминах». Поэтому, по мнению Гитлера, эта идея отвергает равноправие рас и, признавая существование высших и низших рас, считает необходимым содействовать торжеству первых. Она не может признать право на существование каких-либо этических идей, если эти идеи представляют угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Поэтому естественно, что краеугольным камнем тысячелетнего Третьего рейха была провозглашена идея сохранения чистоты арийской расы, а «нового порядка» для остального мира — идея господства арийской расы. Деятельность основополагающих общественных институтов всецело подчинялась этой универсальной задаче.

Как считал Гитлер, *«семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача».* О каком «человеческом роде» и о какой «расе» шла речь, здесь вряд ли есть смысл напоминать.

Важной характеристикой фашистской идейно-политической конструкции стало отожествление, органическое слияние понятий нации и национального государства, в силу которого государство рассматривалось как юридическое воплощение нации, наделенное ответственностью за определение природы, целей и интересов нации в каждый конкретный исторический период. Государство, утверждал Гитлер, не имеет ничего общего с экономикой, поскольку оно есть не экономическая, а расовая организация. В результате, по справедливому замечанию Р.Фарначчи, фашизм *«отожествлял общество с нацией, нацию с государством, экономическую деятельность — с политической деятельностью».*

Таким образом, отправившись, казалось бы, с прямо противоположных позиций, Гитлер и его сподвижники, по сути дела, пришли к выводу, по своему функциональному значению близ-

кому позиции большевиков. Только если у последних в качестве субъектов смертельной схватки выступали классы, то у нацистов демаркационная линия проходила между немцами и немецким народом, с одной стороны, и остальным миром, с другой. Как верно подметил В.Н.Ильин, «языческий национализм, красный интернационализм», при всех необходимых здесь оговорках, оказались поставленными на службу идентичных друг другу целей — обоснованию и идеологическому обслуживанию фашистского и большевистского режимов.

Политический и идеологический монизм

Как отмечалось выше, в тоталитарной политической системе практически исчезает разделение между государством и гражданским обществом. Государство доминирует над обществом. Более того, имеет место поглощение и общества и государства единственной господствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших органов власти партии и высших органов государственной власти. Логическим завершением этого процесса является превращение партии в осевой институт государственной структуры. И здесь фашизм и большевизм, отправившись с противоположных полюсов идейно-политического спектра, пришли к одному и тому же результату. Так, если первые с самого начала высшей ценностью считали государство, то приверженцы второго отстаивали неизбежность исчезновения (во всяком случае в теории) государства.

Фашистские теоретики исходили из того, что любая форма организованной, автономно ассоциированной жизни воодушевляется государством. Формальным элементом в нем является его суверенная политическая и юридическая власть. Фашистские теоретики, такие, например, как С.Нунцио, признавали, что организованные ассоциации в рамках государства могут формулировать правила регулирования взаимоотношений между своими членами, но эти правила будут эффективны лишь в том случае, если они санкционированы государством. Все ассоциации и организации в государстве пользуются автономией, поскольку они способны управлять своими внутренними делами. Но тем не менее государство является единственным и конечным источником власти, так как оно обладает исключительным правом использования насилия. Тем самым фашисты, по сути дела, отвергали какие бы то ни было ограничения на политический и юридический суверенитет государства. Государство по своей сущности интегрально и тотально, в его рамках нет места частному в отрыве от публичного. Эта идея нашла доктринальное выражение в следующем афоризме Муссолини: «Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства».

С этой точки зрения интерес представляют меры, предпринятые Гитлером уже в первом году своего пребывания у власти. Так, 4 апреля 1933 г. введен запрет на свободный выезд граждан из страны, а также выездные визы; 11 апреля — день 1 мая объявлен «праздником национального труда»; 14 апреля — изгнаны 15% профессоров из университетов и других учебных заведений; 7 мая — проведена «чистка» среди писателей и художников и опубликованы «черные» списки «не (истинно) немецких писателей»; 22 сентября — издан закон об имперских культурных гильдиях писателей, художников, музыкантов, который предусматривал фактический запрет на издание, исполнение, выставки всех тех, кто не является членом гильдии; 1 декабря — издан закон об обеспечении единства партии и государства и т.д.

Нечто подобное было целенаправленно осуществлено и у нас в стране с приходом к власти в 1917 г. большевистской партии. Уже в начале 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Этот акт положил начало уничтожению или подчинению большевиками всех независимых институтов и небольшевистских партий. Годы «военного коммунизма» стали периодом установления политической диктатуры. Постепенно сворачивалась издательская деятельность, запрещались все небольшевистские издания, подвергались аресту руководители оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона. Все большую власть приобретал репрессивный аппарат в лице ВЧК и ее преемниц, под полный контроль большевистской партии были поставлены профсоюзы. Процесс закрепления и ужесточения диктатуры принял особенно широкий размах с приходом к власти И.В.Сталина.

В итоге для обоих вариантов тоталитаризма стали характерны полное доминирование государства над обществом, элиминация различий между государством и обществом. Более того, и общество, и государство были фактически поглощены одной господствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших органов партии и высших органов государственной власти. Логическим завершением этой тенденции является превращение партии фактически в решающий стержневой элемент государственной структуры. Показательно, что, отвергая саму возможность примирения с существованием каких бы то ни было «марксистско-демократических центровых» или иных партий, Гитлер и другие руководители Третьего рейха исходили из того, что именно партии со своими особыми, конфликтующими друг с другом программами и стратегиями повинны в развале Германии и, естественно, не могут стать фактором ее возрождения. Отсюда Гитлер делал вывод: *«пока будет существовать национал-социалистическое государство, будет существовать национал-социалистическая партия. Пока будет существовать национал-социалистическая партия, не может быть ничего иного в Германии, кроме национал-социалистического государства».* Симптоматично, что провозгласив «вечность» своей партии, Гитлер декларировал в 1935 г.: *«Партия есть моя частица, а я — часть партии».*

«Мы. говорим Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим партия, подразумеваем — Ленин». Всем нам знакомы эти слова. Но вслед за известным поэтом мы могли бы с равным основанием сказать: *«мы. говорим партия, подразумеваем — государство, мы говорим государство, подразумеваем — партия».* Не случайно ведь в шестой статье конституции СССР было зафиксировано положение, согласно которому КПСС является ядром политической системы СССР. Нельзя не отметить, что как фашизм (предельно откровенно), так и большевизм (в более завуалированной форме) в дополнение и осуществление партийно-государственной диктатуры проповедали и широко практиковали авторитарную власть фюрера — вождя. Этот принцип в качестве руководства для себя недвусмысленно сформулировал Гитлер в «Майн кампф»: *«...власть начальника над подчиненным и подчинение нижестоящих вышестоящим».*

На X съезде ВКП(б) В.И.Ленин проводил мысль о том, что диктатура пролетариата слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату. Он часто говорил, что «диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию большевиков». Более того, Ленин шел значительно дальше этой констатации, обронив как-то фразу, в предельно сжатой форме отражающую суть большевистской системы власти: «Советский социалистический демократизм осуществляется единолично и диктатуре нисколько не противоречит... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим». З.Бзежинский и К.Фриндрих называют тоталитарную диктатуру «автократией, основанной на современной технологии и массовой легитимизации».

Партийному монизму соответствует монизм идеологический, который пронизывает всю иерархию властных отношений сверху до низу — от главы государства и партии вплоть до самых низших звеньев власти и ячеек общества. Так, в сталинском варианте тоталитаризма марксизм-ленинизм стал идеологической основой партийно-государственного режима. Обосновывался тезис, согласно которому большевистская партия, возглавившая классовую борьбу трудящихся и угнетенных, начала и совершила пролетарскую революцию и встала на рельсы социалистического строительства, тем самым проложив путь к светлому будущему — коммунизму. Следовательно, именно ей должна принадлежать вся полнота государственной власти. В данном вопросе мало чем отличалась позиция руководителей и идеологов фашизма, которые считали, что только исключительно НСДАП вправе быть единственным носителем власти и вершителем судеб Германии.

В этих двух главных разновидностях тоталитаризма все без исключения ресурсы, будь то материальные, человеческие или интеллектуальные, были направлены на достижение одной универсальной цели: тысячелетнего рейха в одном случае и светлого коммунистического царства всеобщего счастья — в другом. Единая универсальная цель обусловливает единую моноидеологию в лице государственной идеологии и сконструированные на ее основе политические ориентации, установки, принципы, которые с помощью разветвленной сети

средств массовой информации и пропаганды, семьи, школы, церкви и т.д. должны были настойчиво внедряться в сознание широких масс, обосновывать и объяснять действительность в терминах этой цели, преодолевать препятствия, стоящие на пути достижения этой цели. Все, что не согласуется с единомыслием в отношении данной цели, предается анафеме и ликвидируется. В результате все разногласия в обществе расцениваются как зло, которое следует вырывать с корнями.

В силу своей органической связи с политической борьбой споры марксизма-ленинизма и национал-социализма с другими философскими школами, идейными течениями и обществоведческими направлениями неизменно приобретали политическое содержание. Это определяло нетерпимость приверженцев тоталитаризма к позициям и аргументам оппонентов — представителей других течений и направлений, фанатичность в отстаивании собственных позиций и принципов. Отсюда принцип: *«Кто не с нами — тот против нас»* или *«если враг не сдается, его уничтожают».* В подобном же духе в одном из своих выступлений в 1925 г. Гитлер говорил: «В *нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его».*

Тоталитарное государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Она была превращена, по сути дела, в своего рода государственную религию со своими догматами, со священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т.д.), литургией и т.д. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н.Бердяева, «обратная теократия».

Поэтому не случайно, что марксизм, рассматриваемый как завершение всей мировой философии, был выведен из-под критики, а его положения сделаны критериями оценки всех остальных философских систем. Уже Ф.Энгельс и тем более наиболее преданные последователи основоположников марксизма заложили прочный фундамент позиции, ставящей К.Маркса вне критики и тем самым превращающей его в неприкосновенного пророка нового учения. *«Маркс,*— писал, например, Ф.Энгельс,— *настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, он только обжегся бы при этом. Это возможно будет только для людей более развитой эпохи».* Таким образом, произведения Маркса приобретали статус священного писания, не подпадающего под общепринятые правила и нормы рационального критического анализа. Что касается марксизма-ленинизма советского периода, то он приобрел атрибуты фунда-ментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом.

Статус религиозной веры с существенными элементами мистицизма и даже спиритуализма приобрела фашистская идеология, особенно в ее нацистской ипостаси. Ее священными книгами стали работа Х.С.Чемберлена «Основы девятнадцатого века», которую гитлеровская газета «Фелькишер беобахтер» в 1925 г. назвала «евангелием нацистского движения», «Миф двадцатого века» А.Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стояла «Майн кампф» А.Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы тысячелетнего рейха. Показательно, что почти во всех немецких семьях она выставлялась на почетное место в доме, считалось почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и школьнику после окончания учебы. Касаясь отношения широких масс к самому Гитлеру, газета «Франкфуртер цайтунг» писала в 1934 г.: *«Из масс поднимается почти не воспринимаемый, но весьма влиятельный коллективный флюид. Это есть тот поток, который производит "германское чудо". Этот поток встречается с невидимыми волнами, которые исходят от самого Гитлера. Эта игра обмена душевными силами заменила в Германии партийный парламент... Не в голосованиях, а в живых, определяемых чувством связях между вождями и последователями, укрепляемых такими встречами с народом, находится политический центр тяжести нового государства».*

Тоталитарные варианты политической философии постулируют идентичность индивидуальных и коллективных целей, обещая, что нормальные цели индивидуальных людей будут выполнены по мере реализации целей народа, нации, страны, государства и т.д. *«Совершенному обществу,—* писал Н.Новгород-цев,*— приписывается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку и полноту бытия и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозные стремления, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний».*

Отсюда следует, что совершенствование людей непрерывно связано с совершенствованием общества. Поскольку как индивидуальные, так и коллективные цели носят телеологический характер, моральность состоит в выполнении целей, которые коренятся в природе самого субъекта, определенной соответствующей идеологией.

Террор как сущностная характеристика тоталитаризма

Неизменным атрибутом тоталитаризма является тесная взаимосвязь между истиной и силой: здесь сила определяет истину. *«Учение Маркса всесильно потому, что оно верно»,—* говорил В.И.Ленин. В аналогичном духе рассуждали о своем учении и идеологи нацизма. В действительности же идеологии и марксизма-ленинизма, и нацизма были верны, потому что они всесильны, поскольку они опирались на фундамент карательной террористической машины, мощного пропагандистского аппарата и все аксессуары тоталитарно-диктаторского государства. Нацистские лагеря смерти и советский ГУЛАГ составляют сущностную характеристику тоталитаризма. В качестве особых политических конструкций они уникальны в своей способности комбинировать жестокость с рационализмом, ненормальное с нормальным, злое начало с банальным.

Отличительная особенность тоталитарного режима состоит в том, что террор и страх при этом режиме используются не только как инструменты уничтожения и запугивания действительных или воображаемых врагов и противников, но и как нормальные повседневные инструменты управления массами. С этой целью постоянно культивируется и воспроизводится атмосфера гражданской войны. Террор развязывается без какой-либо видимой причины и предварительной провокации. Так обстояло дело в нацистской Германии, где террор был развязан против евреев, т.е. людей, объединенных определенными общими расово-этническими характеристиками, независимо от их поведения. В Советском Союзе же, в отличие от нацистской Германии, руководство никогда не признавало, что оно может использовать террор против безвинных людей. Но тем не менее и здесь террор служил инструментом уничтожения так называемых классовых врагов или врагов народа.

Тоталитарность данного режима, так сказать, в чистом виде состоит не только в том, что партия, какая-либо клика или фюрер-вождь устанавливают всеохватывающий контроль над всеми сферами общественной жизни и государством, как бы полностью поглощая их, но и в том, что подавляющая масса населения чуть ли не свято верит в основные цели, установки, ориентации, постулируемые партийным руководством или фюрером-вождем: обе стороны по сути слиты в единое целое для достижения универсальной цели. С этой точки зрения чисто тоталитарными можно считать сталинский режим в нашей стране и национал-социалистический в Германии.

В тотальной системе нередко логика абсурда одерживает верх над логикой здравого смысла. Фиктивная, иллюзорная, искусственно сконструированная действительность ставится на место реальной действительности. Это достигается либо произвольной трактовкой фактов в угоду политической и идеологической конъюнктуре, либо их игнорированием. Тоталитарное государство и его руководство нуждается в постоянном обосновании своей легитимности и даже непогрешимости. Отсюда — потребность в постоянном перекраивании как прошлого, так и настоящего в зависимости от поворотов политического курса руководителей партии и государства.

Важнейшим показателем проникновения этих начал во все сферы повседневной жизни является так называемый новояз, который, как говорил Дж.Оруэлл, представляет собой

«лингвистический эквивалент основной идеи официальной идеологии». Хотя новояз — литературное изобретение Дж.Оруэлла, он является реальностью. Суть этого феномена состоит в почти полной замене реального мира неким подобием сюрреалистического, абсурдного видения мира, в котором все перевернуто с ног на голову, где поистине дважды два равно пяти. В повседневной жизни нужно приспосабливаться к иррационализму языка, который скорее скрывает, чем объясняет реальное положение вещей.

Это порождает своеобразный двойной стандарт в жизнедеятельности и поведении тоталитарного человека. Он как бы раздваивается, приобретает двойное дно. В отношении разного рода политических и иных решений и постановлений, принимаемых высшими государственными и партийными инстанциями, у людей вырабатывается нечто вроде устойчивого иммунитета: выражая «горячее» и «единодушное» одобрение на словах, они проявляют в отношении этих решений и постановлений холодное безразличие или даже резкое их неприятие на деле. Появляется, становится массовидным феномен, названный Дж.Оруэллом «двоемыслием» и «мыслепреступлением». Это в сущности означает уже начало конца тоталитаризма в его «чистом» классическом виде.

Тоталитарный человек и государство

Антропологический компонент тоталитаризма состоит в стремлении к полной переделке и трансформации человека в соответствии со своими идеологическими установками. Важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой онтологии, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром. *«Тоталитаризм,*— писал Дж.Оруэлл в 1941 г.,— *посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить».* Причем *«контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать, создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывают ей образ мысли и поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуться в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений».* Более того, ставится задача полной трансформации человека, конструирования нового типа личности — некого homo totalitaricus с особым политическим складом, особой мен-тальностью, мыслительными и поведенческими характеристиками — путем стандартизации, унификации индивидуального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некому среднестатистическому знаменателю, стерилизации или во всяком случае подавлению индивидуального, личностного начала в человеке.

Пожалуй, предельно ясно позицию марксизма-ленинизма по этому вопросу сформулировал В.Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин»: *«Единица, кому она нужна? Голос единицы тоньше писка. Кто ее. услышит? Разве жена... Единица — вздор, единица ноль».* На смену индивидуальности, предполагающей разнообразие, оригинальность отдельной личности, приходит тип, предполагающий однообразие, однозначность, стирание индивидуальных особенностей.

Следует особо подчеркнуть, что тоталитаризм как особый общественно-политический феномен невозможен без массовой базы, массовости как таковой, растворении отдельного индивида в массе, толпе. Он никогда не мирится с управлением только с помощью внешних средств, а именно государства и механизма физического насилия. В отличие от всех остальных движений и общественных феноменов тоталитаризм предполагает полную и безусловную лояльность индивидуального человека общества режиму, партии или вождю. Тоталитаризм открыл для себя средства господства и терроризирования людей изнутри. Здесь вождь-фюрер и массы слиты в неразрывном единстве: вождь-фюрер зависит от масс в такой же степени, в какой они зависят от него, без него они останутся аморфной толпой, лишенной внешнего представительства, в свою очередь сам вождь-фюрер без масс — ничто.

Масса — это особое образование. Она не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки

зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции человек может принадлежать к толпе, массе, не выходя из собственной квартиры. Далее, масса, как отмечал Х.Ортега-и-Гассет, не то же самое, что, скажем, рабочие, пролетариат. Сущностная ее константа — это средний и заурядный человек. В этом смысле масса как скопление множества людей приобретает качественные параметры социально типического. Заурядность, среднестатистичность становятся общими социальными признаками человека без индивидуальности. Важнейшая характеристика этого типа человека — его убеждение, уверенность в своем совершенстве. Личность, человек как индивидуальность или, скажем иначе, элитарный человек («элитарный» в смысле высокого интеллектуального полета или глубины проникновения в сущность вещей, что возможно и на обыденном, рассудочном уровне, уровне простого человека) не убежден ни в своем совершенстве, ни в совершенстве мира. Этот тип человека не мыслит себе жизнь без служения чему-то высшему — обществу, людям вообще, благородному в его понимании делу и т.д. Его жизнь подчинена самодисциплине, что предполагает требовательность прежде всего к самому себе, ответственность за свои действия.

Совершенно иное дело «человек массы». Назвав синдикализм и фашизм «странным явлением», Х.Ортега-и-Гассет усматривал их «странность» не в том, что они новы, а в тех формах, какие они принимают, в стиле поведения и действия их приверженцев. Под их маркой, писал Ортега-и-Гассет, *«в Европе впервые появился тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни даже перед самим собой».* Добиваясь во что бы то ни стало, любой ценой своих целей, он присваивает себе «право действовать безо всяких на то прав». В таком поведении раскрывается природа нового человека массы, неспособного к идейному творчеству, но желающего иметь собственные «идеи» и «мнения».

Названные характеристики человека массы поощряют тенденцию к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности и уверенности людей и общества в целом в своей непогрешимости. Они буквально перестают видеть в реальном воплощении окружающий себя мир и смотрят на него через черно-белые очки. Более того, для обозрения внешнего мира они, вместо того чтобы смотреть в окно, предпочитают смотреть в зеркало. Человек склонен к самообману, нежеланию знать всю правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного бытия. Зачастую убегая от правды, люди могут предаваться всякого рода иллюзиям, внешней мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья.

Следует отметить, что ареал распространения такого типа вовсе не ограничивается низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Более того, тоталитарная система создает оптимальные условия для восхождения торжествующей посредственности до самых вершин власти и авторитета. Господство посредственности, человека массы не только не ослабляет, а наоборот, до гипертрофированных масштабов поощряет и стимулирует стремление людей к постам, чинам, должностям, продвижению вверх по служебной лестнице. Чинопочитание и вожделение чинов и наград стали, по сути дела, интегральной доминантой тоталитарного сознания.

Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одномерного взгляда на вещи облегчается, как правило, у лиц, не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры. Отожествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность. Оторванность от корней, глубины, отсутствие или нехватка ощущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей. Когда человек чувствует себя неуверенно в своей профессии, им можно управлять, помыкать, заставлять его смотреть в рот своему начальству, проявлять ретивость и прыткость в исполнении его указаний, особенно не утруждать себя щепетильностью в отношении морально-этических норм и т.д. В то же время он обладает «среднеобразовательным» уровнем, что позволяет использовать его на любых участках работы.

В целом тоталитарный тип — это государственный человек, преданный государству и всецело зависящий от него. Если большевистскими идеологами этот тезис на словах отрицался, то фашистские идеологи его разрабатывали и отстаивали с особой тщательностью. Так, министр юстиции в фашистском правительстве Италии в 1925 г. Г.А.Рокко характеризовал социальное и политическое мировоззрение фашизма как «интегральную доктрину социальности». Рокко, в частности, утверждал, что фашизм ставит на место *«старой атомистической и механической теории, которая лежала в основе либеральных и демократических доктрин, органическую и историческую концепцию»*. При этом, подчеркивал он, общество вовсе не рассматривается как организм в смысле традиционных «органических теорий государства». По предлагаемой им модели остальные группы получают жизнь и пространство, трансцендирующие жизнь и пространство отдельно взятых индивидов. Поэтому здесь вместо либерально-демократической формулы «общество для индивида» предлагается формула «индивид для общества».

Главный просчет тоталитаристов, вознамерившихся создать нового человека, состоял в том, что их проект был основан на отрицании тайны и таинства жизни, включающих в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличностного, божественного также мистерию греха, греховного начала, отрицания того, что мироздание, а соответственно и жизнь как интегральная часть полны роковых противоречий, что падшая жизнь, горечь и тленность мира такие же законные характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа.

Игнорируя эти реальности, тоталитаризм ставит своей целью добиться единства человека и общества, государства, партии, слитности всех структур общественного бытия. Поскольку не государство существует для людей, а, наоборот, люди существуют для государства, то отдельный человек приносится в жертву гражданину, а гражданин в свою очередь — в жертву подданному. Каждый отдельный индивид остается один на один с огромным всесильным аппаратом принуждения. Это, естественно, препятствует свободному проявлению общественных сил. Побеждает конформизм, народ превращается в массу, население приобретает атрибуты толпы. Это своеобразное, как говорил Ратенау, «вертикальное вторжение варваров». Чрезмерная опека своих граждан со стороны государства наносит непоправимый вред энергии, деятельности и моральному характеру людей. Тот, кем постоянно и настоятельно руководят, в конечном счете отказывается от той доли самостоятельности и ответственности, которой он обладает. В условиях тотального запретительства и опыта тотального поражения людей в лучших своих устремлениях сформировалась личность, страдающая социальной апатией, характеризующаяся иронически-скептическим отношением к миру, чувством отчуждения и т.д. Тоталитарность существенно снижает или же вовсе устраняет способность к критическому анализу реалий современного мира, места своей страны в мире, своей социальной или референтной группы, самого себя в реальном социальном окружении.

Редукционизм и апофеоз конфронтационности

Для тоталитарного сознания вполне естественны крайние схематизм и редукционизм, сводящие все и вся к одной единственной идее — истине. Ее можно назвать политическим мессианством, внушающим предопределенный гармонический и совершенный порядок вещей, основанный на единственной идее — истине, где наука и искусство, экономика и политика, философия и промышленность, мораль и отношения между полами и многое другое направляется одной ключевой идеей. Здесь достигается некая слитность различных структур — экономических, политических, научных и т.д. Цементирующим началом выступает идеология. Биология и генетика, к примеру, перестают быть самостоятельными научно-исследовательскими дисциплинами. Наоборот, они объявляются средствами в руках буржуазии для порабощения пролетариата и подрыва исторического материализма (у большевиков) или же орудием мирового еврейства и коммунизма для подрыва Третьего рейха (у нацистов). Поэтому не удивительно, что в тоталитарном государстве речь идет не просто о науке, а о «немецкой», «арийской», «социалистической», «марксистско-ленинской» и иных разновидностях

идеологической «науки». Наиболее наглядным проявлением такого подхода к науке стал в Советском Союзе «лысенкоизм». Идеологию, основанную на постулате о существовании истинного ключа к прошлому, настоящему и будущему, Т.Лысенко и его сторонники использовали для установления своей монополии в биологии и уничтожения не только неугодных научных теорий, но и многих ботаников, морфологов, приверженцев принципов эволюционной теории и т.д.

В соответствии с такой установкой тоталитаризм оставляет одну-единственную дверь в будущее. Возникает некая завороженность тоталитаризмом, заставляющая превратно толковать и объяснять все общественные феномены и процессы. Вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира по формуле «абсолютно верное против абсолютно ложного», «добро против зла», «свет против тьмы». Середина отсутствует. Называя такой подход почему-то «революционным фарисейством» и считая основным его свойством «оптимизм и отрицание первородного греха», В.Н.Ильин писал: *«Вина за все преступления и за все зло переносится на какого-либо "козла отпущения" — "вредителя". Этот "козел" торжественно изгоняется сначала в мечтах, теоретически, а потом, в случае осуществления мечты, и на деле».*

Обращает на себя внимание такая характерная как для правого, так и левого варианта тоталитаризма деталь — тщательно разработанный образ врага, чужака как какого-то недочеловека, ущербного по своей сущности, некого ненастоящего, которого не жалко оскорблять, унижать и даже физически уничтожать. По-видимому, определенное пленение сознания людей подобными образами как бы снимало с них моральную ответственность за свои позиции и деяния.

Связывая воедино все без исключения политические и иные проблемы, такой подход рано или поздно перерождается в концепцию крестового похода и манихейский мессианизм, основывающийся на резком и бескомпромиссном разделении мира на сферы божественного и дьявольского, проводящий непреодолимую грань между добром и злом, стимулирует склонность впадать в неумеренный морализм и крайности, что в свою очередь порождает неизбежный конфликт между целями и возможностями их осуществления. Носители тоталитарного мышления склонны быть моральными абсолютистами, разделяющими мир только на белое и черное (у большевиков красное и белое, а у нацистов — коричневое и красное или белое) и требующими на все вопросы немедленного и окончательного ответа.

Соответственно все участники «драмы истории» делятся на силы добра, ассоциируемые с тоталитарным режимом, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все 100% не стоит на страже этого режима. Здесь неукоснительно действует принцип — «кто не с нами, тот против нас». В глазах такого фанатика любой несогласный или, что еще хуже, противник оказывается агентом сатанинских сил, которые будто замышляют грандиозный заговор для уничтожения сил добра. Теория заговора исключает возможность реалистической оценки социальных, исторических или политических факторов. Тот, кто посвящен в заговор, заранее знает весь ход событий, он занимается лишь конкретизацией деталей и этапов прохождения предустановленного течения истории.

Исключая возможность какого бы то было компромисса, теория заговора не оставляет места для сил, занимающих нейтральную позицию. Идти на согласие с теми, кто выступает против вождя и его политического курса, — значит порвать с верой и присоединиться к участникам заговора. За неимением подходящего выражения американский историк Р.Хофстедтер назвал такой подход «параноидным стилем», означающим «предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговоре». Отличительной особенностью такого «параноидального стиля» является не просто то, что его приверженцы рассматривают «обширный» или «гигантский» заговор в качестве движущей силы исторических явлений. В их глазах сама история является заговором, организованным мощными демоническими силами. Параноидальный тип склонен рассматривать историю как результат действий отдельных личностей. Он считает, что враг располагает особо важными источниками и рычагами власти. Например, он контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью «управляемых новостей», он обладает неограниченными ресурсами, секретами «промывания

мозгов» или же держит в своих руках власть над системой образования и др. Это такой тип сознания, который доводит подозрительность и ненависть до уровня мировоззренческого кредо. Будучи совершенно нормальным человеком в отдельных сферах жизни, например в семье, на работе, такой тип способен впадать в крайности и действовать экстремистскими методами в других сферах, например в политике, религии и т.д.

Большевики, поставившие перед собой цель свержения существующей системы, с самого начала вынуждены были действовать как конспиративная партия. Но проблема состояла в том, что сущностной характеристикой большевистской партии оставались конспиративность, своего рода эзотеричность, интеллектуальная, идеологическая и политическая закрытость и после завоевания власти. Всю ее деятельность как во внешне- так и во внутриполитической сфере пронизывали секретность и подозрительность.

В тотальной ментальности, сознательно и целенаправленно воспроизводимой и культивируемой мощным идеолого-пропагандистским аппаратом государства, эти особенности приобретают само-давлеющую значимость. Все это в совокупности создает условия для формирования homo totalitaricus как весьма странной и парадоксальной амальгамы таких характеристик, как чуть ли не обожествление рекордов и средней производительности; революционной (понимаемой в самом широком смысле) героики, герое почитания; слепой веры и крайнего цинизма; вождизма, конформизма и человека-функции.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под политическими системами тоталитарного типа?
2. Каковы основные признаки авторитаризма?
3. Назовите основные авторитарные режимы.
4. Почему говорят, что тоталитаризм — феномен XX века?
5. В чем состоит сущность тоталитаризма?
6. Назовите основные типы и разновидности тоталитаризма.
7. Какие перевоплощения претерпели в тоталитаризме идеи интернационализма и национализма?
8. Объясните, что такое тотальность в тоталитарном государстве?
9. Объясните, в чем состоит дихотомичность и конфронтационность тоталитарного сознания.
10. Почему тоталитарное общество называют закрытым?
11. Что означает идеологический и политический монизм?
12. Почему террор рассматривается как сущностный признак тоталитаризма?

Глава 12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на очевидную значимость политической культуры для понимания мира политического, в нашей обществоведческой литературе эта тема еще не получила должного освещения. В настоящее время существует самый широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия «политическая культура». Нередко ее отождествляют с образовательным и культурным уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, у другого высокий или низкий уровень политической культуры. Некоторые полагают, что политическая культура может быть только у образованных людей. Ее часто путают с политической системой и политическим поведением.

В научной литературе отражено несколько десятков определений политической культуры. Это объяснимо, если учесть сложность и многовариантность проблемы, невозможность сведения ее к какому-либо четко очерченному, раз и навсегда установившемуся феномену. Что же такое политическая культура? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Возникновение конвенции политической культуры

Первая попытка сформулировать концепцию политической культуры была предпринята известным американским политологом Г.Алмондом в статье «Сравнительные политическое системы», опубликованной в 1956 г. (Almond G. Comparative Political Systems // The Journal of politics. 1956. Vol. 18. No. 3). Дальнейшую разработку эта концепция получила в книге Г.Алмонда и С.Вербы «Гражданская культура».

Важным этапом в формировании и утверждении концепции политической культуры стало появление в 1965 г. книги «Политическая культура и политическое развитие», в которой была предпринята попытка определения и сравнения политических культур 13 стран.

Во второй половине 60-х—70-е годы концепцию политической культуры взяли на вооружение такие известные американские социологи и политологи, как В.Ки, Р.Маркридис, В.Нойман, Д.Марвик и др. Первоначально возникнув в США, в последующем эта концепция получила большую популярность и в других странах, а затем стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений. К настоящему времени появилось множество работ, посвященных различным аспектам политической культуры отдельных стран и регионов.

Оценивая значение разработки рассматриваемого подхода, дело нельзя представлять таким образом, что в политологических исследованиях предшествующего периода начисто игнорировались те аспекты, приемы, идеи, которые легли в основу концепции политической культуры. Более того, у английского политолога Д. Кэвенега, по-видимому, были законные основания утверждать, что политическая культура — это новый термин для старой идеи. И действительно, в политических исследованиях осознанно или неосознанно использовались элементы культуры и духа, умонастроения, ценности и т.д., оказывающие влияние на формирование поведения людей в политической сфере. Например, уже Аристотель говорил о «состоянии умов», которое могло повлиять на стабильность общества или его изменение. А. де Токвиль подчеркивал значение политических ценностей и настроений в обеспечении стабильности или изменения общества, а М.Вебер придавал важное значение религии и ценностям в формировании и функционировании политических структур.

Заслуга сторонников политико-культурного подхода состояла в том, что они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами. При этом они исходили из того, что выявление средств и механизмов достижения политической стабильности и общественно-политического развития помимо изучения различных форм правления и конституционно-правовых систем и норм должно включать анализ глубинных эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления, а также выявлению связей, содействующих или, наоборот, препятствующих национальному развитию и достижению общественной стабильности. Предпосылки для массового изучения этих связей были созданы так называемой «бихевиористской революцией», развернувшейся в политической науке США в 50-е годы. Если традиционная политическая наука ограничивалась изучением формальной институциональной структуры государства, то введение бихевиористских методов в политическую науку открыло возможности для исследования более широкого спектра общественных отношений и их связей с государством. В политическую науку были внесены заимствованные из естественных наук модели и методы исследований. Заслуга бихевиористов состояла в том, что они пытались не только использовать эти модели и методы для выявления количественных параметров социальных и политических феноменов, но и смотреть на эти феномены с точки зрения индивидуального избирателя или участника политического процесса. Бихевиоризм имплицитно включал в себя постулат о том, что если раскрыть мотивы, намерения отдельных индивидов в политическом процессе, то можно правильно понять и политическую систему в целом, в которой они действуют.

Для выполнения этой задачи были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологии, социологией, историей и т.д.). Политическая наука оказалась на перекрестке

«междисциплинарного» движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для более всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Важное значение в возникновении политико-культурного подхода имело проникновение в политическую науку после второй мировой войны различных концепций культуры и культурной антропологии. В данном отношении предшественниками концепции «политической культуры» можно считать известных антропологов и культурологов К.Клакхона, А.Кребера, Б.Малиновского и др. Все чаще стали предприниматься попытки рассматривать политические феномены в культурных, социокультурных и социально-психологических терминах.

В целом политико-культурный подход представляет собой попытку преодолеть формально-юридический подход к политике. Как считали Г.Алмонд и другие политологи, традиционный подход к политике в терминах исследования государственно-правовых институтов не в состоянии определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же почему те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемы для других стран. Они ставили своей целью разработать комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микро- и макроуровневого аспектов исследования. С этой точки зрения политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурную антропологию, социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии и др.

Что такое политическое сознание?

При любой попытке вычленения политической культуры, исследования ее основных параметров и составляющих, определения места и роли в подсистеме политического неизменно встает вопрос о ее соотношении с общественным сознанием вообще и политическим сознанием в частности. Без надлежащего выяснения этого вопроса адекватный анализ политической культуры как самостоятельного феномена, играющего свою роль в обществе, представляется, пожалуй, невозможным. Дело в том, что при всем обилии литературы по данной теме вопрос о политическом сознании остается одним из наименее выясненных. Часто говорят о политическом сознании, но имеют в виду общественное сознание вообще, либо политическую идеологию, либо то или иное идейно-политическое течение. Нередко говорят о политической культуре, но имеют в виду то, что традиционно рассматривается как политическое сознание. Поэтому прежде чем приступить к анализу собственно политической культуры, необходимо разобраться в вопросе о том, как она соотносится с традиционными в нашей литературе понятиями «общественное сознание» и «политическое сознание».

Не вдаваясь в детали данной проблемы, отметим, что политическое сознание обычно рассматривается как одна из множества форм общественного сознания. Если согласиться с такой постановкой вопроса, то нельзя не признать, что основной костяк, так сказать, его сердцевину составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы, относящиеся к политической системе, к системе власти и властных отношений, государственному управлению, политическим институтам, к таким категориям, как свобода, справедливость, равенство, демократические принципы, авторитаризм, тоталитаризм, социализм, права человека и др.

Содержание и смысл общественного сознания раскрываются через деятельность людей, в их отношении к окружающему миру. При этом обнаруживается, что такие устойчивые образования, как мотивы, оценки, потребности, интересы, социальные ожидания и притязания, относятся прежде всего к социокультурной и политико-культурной сферам. Их можно отнести и к политическому сознанию, разумеется, если возникнет необходимость его вычленения как самостоятельного образования. Но все же необходимо учесть, что субъективный мир

политического помимо установок, ориентации, ценностей и др., относящихся к миру политики и включаемых, как правило, в политическое сознание, охватывает и такие компоненты, как нормы и «правила игры», поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическую символику и знаковую систему, выражаемые не только словес-но, но и иными средствами и формами. Политико-культурный подход как раз призван учитывать эти моменты.

Показательно, что зачастую у нас понятия «духовная жизнь общества» и «общественное сознание» использовались как синонимы. Так, в «Философской энциклопедии», в частности, говорится: «При социологическом подходе сознание рассматривается прежде всего как духовная жизнь общества в совокупности всех ее форм (наука, философия, искусство, нравственность, религия. правосознание, социальная психология)». Однако в действительности духовная жизнь общества значительно шире общественного сознания.

Показывая методологическую несостоятельность сведения духовной жизни к функционирующему общественному сознанию, А.К.Уледов с полным основанием писал: *«Духовная жизнь* (как и политическая, семейно-бытовая и т.п.) — *это жизнь людей, связанная с удовлетворением их духовных потребностей, с производством сознания, являющимся одним из важнейших видов общественного производства, с духовным общением и т.д., т.е. она отнюдь не сводится к функционирующему общественному сознанию. Идеи, взгляды, представления и другие духовные образования, взятые в их движении, изменении и развитии, составляют лишь одну из сторон духовной жизни».*

Что именно в живописи, музыке, танцевальном искусстве и т.п. относится к сознанию, а что к духовной жизни, духовному производству или духовной культуре? Было бы напрасным трудом искать ответ на этот вопрос в работах, посвященных искусству как форме общественного сознания. В них можно найти лишь пространные рассуждения о гносеологических факторах возникновения и в лучшем случае исторический обзор эволюции искусства как особого общественного феномена, составляющего один из компонентов духовной культуры. Как бы мы ни изощрялись в формулировках касательно того, что искусство представляет собой и форму общественного сознания, и способ духовно-практического освоения мира, мы не вправе игнорировать, что оно в обоих своих качествах прежде всего органическая составляющая духовной культуры. Что касается сознания, то оно, равно как и язык, символика, музыкальные или иные формы, представляет собой средство воспроизводства, творения, познания и трансмиссии искусства.

Или же возьмем мораль, моральное или нравственное. В целом это, с одной стороны, сфера духовного и волевого вообще, противостоящая телесно-материальному, физическому, а с другой — сфера человеческого поведения, нравов, обычаев и т.п. Как представляется, мораль включает всю совокупность нравственных отношений, нравственную деятельность, регулирующие их нравственные нормы, традиции, обычаи. Нормы же — это исторически сложившиеся в данной социокультурной среде стандарты деятельности и поведения людей, посредством которых они подчиняются определенному социальному целому.

Тесно связанный с нравственными нормами обычай как древнейшая форма хранения и трансмиссии социокультурного опыта от поколения к поколению играет немаловажную роль в жизнедеятельности людей. В отличие от предметной стороны социальной культуры — орудий труда, продуктов материального и духовного производства — обычай представляет собой элемент деятельной ее стороны, которая включает нормы общественно-политической жизни, нормы взаимоотношений между людьми, общепризнанные нормы поведения людей, легитимизировавшиеся силой массовой привычки, традиции и общественного мнения.

Из сказанного можно сделать вывод, что все названные и другие основополагающие феномены и категории адекватно можно понять лишь в том случае, если рассматривать их как компоненты не только и не столько общественного сознания, сколько общей для данной нации или другой социально-исторической общности культуры. Сознание, в том числе и общественное в различных его проявлениях, представляет собой одновременно и процесс и результат познания и освоения действительности. Что же в таком случае представляет собой культура? Вопрос, скажем, не из самых простых. Хотя бы потому, что известные

культурантропологи К.Клакхон и А.Кребер еще в 1952 г. выявили и проанализировали 167 определений культуры. С тех пор эта цифра еще более увеличилась.

В различных определениях в разных сочетаниях можно встретить выражения вроде: «жизненные установки», «типы или формы поведения», «типы ориентации» и т.п. Говорят также, что культура детерминирует, определяет, обусловливает, регулирует, оказывает влияние и др. Для нас в принципе важно понять, что культура представляет собой основополагающую инфраструктуру, социально-историческую среду обитания, жизнедеятельности и вопроизводства человека. В ней человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя.

Будучи формой бытия человека, культура в равной мере относится и к сущности, и к существованию человека. Можно сказать, что культура — это базис суверенного бытия людей. *«Мир культуры,—* пишет А.Я.Гуревич,— *образует в данном обществе в данную историческую эпоху некую глобальность, — это как бы тот воздух, которым дышат все члены общества, та невидимая всеобъемлющая среда, в которую они погружены».* В данном контексте национальная культура составляет для ее носителей объективную реальность. Но эта объективность имеет субъективное происхождение, поскольку, хотя культура и предшествует человеку, человек есть и всегда остается актуальным началом культуры. Будучи выражением коллективного «я» определенного сообщества людей, культура включает в себя образ жизни народа, структуру и уровень материальных и духовных интересов и потребностей людей, уровень образования и состояние просвещения, системы нравственных норм поведения и др.

При таком понимании очевидно, что общественное сознание является интегрирующим компонентом социокультурной системы, что оно составляет своего рода субстрат духовной культуры, обеспечивающий ее воспроизводство и трансмиссию от поколения к поколению. По аналогии можно сказать, что политическое сознание, если выделить его в качестве самостоятельной категории, функционирует и самовоспроизводится в определенной политико-культурной среде. Вместе с тем оно есть и условие, и одновременно средство воспроизводства политической культуры.

Политическая социализация

Человек как член конкретного общества проходит процесс социализации не только в соответствующей социокультурной, но и политико-культурной среде. Еще в 430 г. до н.э. Перикл утверждал: «Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все». Судить о политике действительно могут все (неважно как), потому что мир политического в тех или иных форме и степени затрагивает всех и каждого члена общества. Поэтому люди должны иметь хотя бы самые общие представления о мире политического и механизмах его функционирования, о том, в чьих руках находятся бразды правления страной, регионом, городом, кто принимает решения, кто несет ответственность за их выполнение и т.п. Осваивая господствующую в данном обществе политическую культуру, отдельный человек включается в многогранный и динамичный процесс властных отношений, совершает акт воспроизводства себя как политико-культурного существа.

В этом смысле можно говорить о политической социализации людей. В целом под политической социализацией понимается процесс интегрирования и освоения отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры. В этом процессе в той или иной форме принимают участие семья, школа, вузы, общины, добровольные организации, трудовые коллективы, средства массовой информации, политические партии, государственные учреждения.

Можно говорить об узком и широком понимании политической социализации. В узком смысле — это сознательное и целенаправленное внедрение политических ценностей, убеждений, навыков и т.п. Эту задачу выполняют в основном официальные и полуофициальные учреждения, институты, организации. Они имеют своей целью создание благоприятных условий для принятия людьми господствующего социального порядка и его ценностей; общей картины мира, адаптации к ее экономическим, политическим и военным потребностям;

неприятие альтернативных социальных порядков. Школы и другие учебные заведения существуют в качестве агентов господствующих социальных, экономических и политических сил. Они отражают институты и социальные отношения общества, выполняя функции воспроизводства и усиления социальных отношений, включая производство и потребление, их передачу от поколения к поколению.

В широком смысле политическая социализация — это вся система политического обучения, как формального, так и неформального, целенаправленного и непредусмотренного — на всех этапах жизненного цикла, включая не только сугубо политическое, но и неполитическое обучение, которое сказывается на политическом поведении и политических установках.

Среди политологов превалирует мнение, что знания о мире политического у людей начинают формироваться уже в детском возрасте. Вместе с тем необходимо учесть позицию известного швейцарского детского психолога Ж.Пиаже, который считал, что дети до одиннадцатилетнего возраста не обладают концептуальными навыками (или способностью к логическим, абстрактным рассуждениям) каким-то образом связывать свое положение с политическими феноменами, что они вообще не думают о политике. В этом плане для детей характерен эгоцентризм, а их рассуждения не выходят за пределы непосредственного, конкретного, личного. И действительно, касательно политических реальностей, государства и властных отношений у детей младшего школьного возраста прослеживаются весьма смутные и путаные представления об основах политической власти и путях ее завоевания взрослыми, о механизмах формирования политики правительства, участниках политического процесса и др.

Но тем не менее, по данным многих исследований, уже в этом возрасте дети получают определенные знания о политических реальностях и по-своему осваивают их с помощью персонификации этих реальностей. В частности, они узнают о существовании, например, властных отношений, сталкиваясь с местным полицейским, получая информацию из СМИ и разговоров окружающих и родителей о короле, президенте, премьер-министре, губернаторе и т.п. Результаты исследований свидетельствуют, что, например, в Великобритании и США к двенадцати годам две трети детей имеют более или менее четко высказываемые установки, симпатии, антипатии в отношении отдельных политических деятелей и партий. Но они еще носят поверхностный характер и во многом являются отражением позиций родителей, родственников, соседей. При этом «выбор» детьми политической партии редко сказывается на базовых приверженностях стране, политической системе, законопослушности, национальным символам и ритуалам. Дети еще не имеют представления о том, чем партии отличаются друг от друга. Для них партии практически не имеют идеологического значения; как правило, они отождествляются с известными кандидатами, политическими и государственными деятелями. Но уже в возрасте 8—9 лет дети высказывают растущую тенденцию приписывать большие достоинства «своей» партии и ее деятелям.

Как показывает Б.Стейси, в глазах детей выборы — весьма важное событие. По мере взросления они начинают рассматривать голосование как центральную характеристику системы управления. Можно сказать, что ранние партийные симпатии детей кристаллизуются в периоды избирательных кампаний, в атмосфере их широкого освещения в средствах массовой информации, политических дискуссий у себя дома, среди соседей, сверстников и т.п. Поэтому не удивительно, что большинство детей, как правило, проявляют чувства патриотизма и лояльности к правительству и политическим деятелям страны, что создает предпосылки для формирования лояльности в зрелом возрасте в отношении существующей системы.

В целом каждый член общества в процессе социализации и взросления формируется как социально-культурное существо, и в этом качестве он усваивает политическую культуру или отдельные ее компоненты. С этой точки зрения каждый отдельно взятый человек является носителем политической культуры в той мере, в какой он социализируется в условиях данной конкретной социальной общности, и в этом контексте политическая культура составляет интегральную часть социокультурной системы.

Следует отметить, что политическая социализация отнюдь не завершается по достижении человеком зрелого возраста. Это, по сути дела, бесконечный процесс, продолжающийся в

течение всей его жизни. Особенно глубоким и далеко идущим изменениям политическая культура подвергается в периоды войн и кризисов, экстремальных и аномальных явлений в жизни стран и народов.

Составные элементы политической культуры

Политическая культура — это система отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих его элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Это явление динамическое, развивающееся, постоянно обогащающееся историей в своем содержании и формах, явление, чутко реагирующее на изменения в реалиях окружающего мира, будь то промышленная, научно-техническая, компьютерная, информационная или иная революция.

Особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой своего рода «субъективный объект». В узком понимании она составляет не политику или политический процесс в их реальном воплощении, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, государства и власти, законах и правилах их функционирования. Как правило, в политической сфере значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. Формы их реализации, принятие или неприятие подавляющим большинством населения во многом обусловливаются основными характеристиками политической культуры.

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания, а в более широком плане духовной культуры той или иной страны, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению значительных масс населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде этос или дух, который одушевляет формальные политические институты. Вслед за Г.Алмондом и С.Вербой вполне обоснованно можно сказать, что мы говорим о политической культуре точно так же, как об экономической или религиозной культуре.

Подобно тому, как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу — систематическую структуру ценностей и рациональных доводов. Она предоставляет руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность политической сфере, подобно тому, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом. Основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы, поскольку их задача состоит в формировании приверженностей данной системе, а ее нормы служат цели интегрирования социальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определенных функциональных и ситуационных условиях.

Политическую культуру можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать ее как неразрывную часть более широкой культурной общности — национальной, региональной, полиэтнической и др. Соглашаясь с К.Гиртцем в том, что культура — это некая структура определенной совокупности значений, с помощью которых люди формируют свой опыт, и исходя из того, что политика представляет собой одну из главных публичных сфер, в которых раскрываются эти значения, можно вычленить те из них, которые имеют отношение к

миру политики. Эти значения, составляющие политическую культуру, тесным образом связаны с данной культурой в целом, социокультурными, историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами, установками и т.д. Фундаментальные компоненты конкретной культурной общности оказывают большое влияние на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом.

В качестве составных элементов политическая культура включает в себя сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами. Она включает определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших «правил игры», принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, общественно-историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии.

Политическую культуру можно характеризовать как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему. Как отмечает американский политолог Д.Дивайн, политическая культура — это «историческая система широко распространенных, фундаментальных поведенческих политических ценностей», которых придерживаются члены данной общественно-политической системы. Она охватывает наряду с политическими идеями, ценностями, установками действующие нормы политической практики и предполагает изучение таких категорий, как политическая идеология, легитимность, суверенитет, правление закона и т.п. Политическая культура в определенном смысле предоставляет некие рамки, в которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими «правилами игры». Рамки, в которых убеждения, эмоции, нормы и ценности проявляются в политических процессах и политическом поведении, сами по себе составляют важнейший компонент политической культуры.

Цементирующим элементом политической культуры следует считать политическое мировоззрение, составляющее часть общего мирвоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер политических ориентации, симпатий и антипатий людей оказывают господствующая в обществе система мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, фундаментальные взгляды на человека, общество и мир в целом.

Как соотносятся политическая культура и другие компоненты мира политического, прежде всего политическая система? При поисках правильного ответа на этот вопрос необходимо исходить из того, что политические институты, будучи творениями культуры того или иного народа, в свою очередь оказывают значительное влияние на содержание и проявления культуры. Тесная связь существует между политическими поведением и политической культурой. Более того, политическая культура реализуется через политическое поведение.

Хотя политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы мира политического, тем не менее провести между ними четко очерченную линию разграничения весьма трудно. Они взаимно влияют друг на друга, взаимопереплетаются и не могут существовать друг без друга. Например, либерально-демократическая система характеризуется существованием в обществе множества социальных групп и слоев, организации, объединений, заинтересованных групп, религиозных, профессиональных, молодежных и иных ассоциаций, клубов, отстаивающих свои интересы во взаимных конфликтах, столкновениях и сотрудничестве друг с другом. Такое положение получило название «социальный плюрализм». В политической сфере плюрализм проявляется в наличии

множества партий и институтов, в существовании разных идейно-политических ориентации, установок, идеологических течений и направлений. В этом случае мы имеем «политический плюрализм». Причем социальный плюрализм поддерживает и стимулирует политический плюрализм и наоборот.

Правильно понять эти проблемы можно лишь в том случае, если рассматривать политическую культуру не как основной детерминирующий фактор партийно-политических отношений и процессов, а как определенное опосредующее звено между социально-экономическими интересами, базовыми потребностями, социальным статусом, морально-этическими нормами отдельного человека, социальных групп, классов, вовлеченных в политический процесс, с одной стороны, и их политическим поведением — с другой. Воздействие на практические дела не означает их детерминацию. Иначе говоря, политическая культура способствует формированию определенных типов политического поведения, она придает ему определенную направленность, но не является детерминирующим фактором в последней инстанции. Дело в том, что решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата определяется целым комплексом факторов, среди которых социальная структура и политическая система, состояние экономики, просто конъюнктурные факторы, сиюминутные внутри- и внешнеэкономические и внешнеполитические условия и др. Часто общность быта и уклада жизни, непосредственность впечатлений сами по себе могут служить фактором стандартизации сознания, формирования разного рода иллюзий, типологически родственных представлений.

Одним из важнейших факторов утверждения и жизнеспособности политической культуры является легитимность существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Более того, в системе ценностей, ориентации, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Вместе с тем было бы неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только широко разделяемых в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь «позитивными» установками в отношении существующей политической системы, как это делает ряд политологов. Концентрирация внимания исключительно на разделяемых всеми убеждениях и установках и ценностях чревата игнорированием тех из них, которые присущи отдельным социальным группам, выступающим за изменение существующего положения. Часто сам факт, что они не разделяются большинством членов общества, может служить важным показателем сущности и тенденций развития той или иной политической культуры и политической системы в целом. Поэтому значение имеет также выделение расхождений в политических убеждениях различных групп в рамках каждой политической системы. В противном случае, к примеру, совершенно невозможно было бы объяснить такие важнейшие явления в истории капиталистических стран, как левый и правый варианты радикализма, которые выступали и в наши дни продолжают выступать за изменение существующего там положения.

Человеческая деятельность, требующая совместных коллективных усилий, предполагает соответствующую организацию и координацию этих усилий как на индивидуальном уровне, так и в масштабах всего общества. Как показали Г.Алмонд и С.Верба, межличностное доверие является необходимым условием формирования вторичных ассоциаций, которые в свою очередь имеют большое значение для эффективного политического участия в любой демократической системе. Чувство доверия необходимо и для функционирования демократических правил игры. Например, важно оценивать оппозицию как лояльную, которая в случае прихода к власти не будет преследовать своих противников и способна управлять страной, оставаясь в рамках закона. Устойчивость и жизнеспособность любой политической системы зависит от степени соотношения и соответствия ее ценностей ценностям политической культуры. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей опреде-

ляет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Лорд Брайс как-то говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных. В правовом государстве жизнеспособность юридическо-правовой системы и подчинение ей подавляющего большинства населения зависит в значительной степени от уважения к закону, а не от страха применения санкций. Раз такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов. Легитимизация, т.е. обеспечение легитимности,— это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т.д., тем самым придавая смысл всему социальному порядку.

Политическая символика

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на их структурном сходстве. Одной из форм символа является эмблема. Выдающийся российский философ А.Ф.Лосев относил к эмблемам и государственную символику. Частным видом эмблемы является герб, флаг и другие атрибуты, воплощающие прежде всего идею национально-государственного единства и величия. Для того чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта. Символ одновременно является специфическим средством общения между людьми, помогает им узнать их принадлежность к конкретной социальной общности, усвоить пронизывающую эту общность центральную идею.

Символы можно изображать условно-графически (христианский крест, серп и молот, нацистская свастика и т.д.), человеческими или иными фигурами: Джон Булль в Англии, дядя Сэм в США, медведь в России, страус в Австралии и т.п. Такие символы, как, например, флаг страны или сигнальный свет, имеют значение не сами по себе, а лишь в качестве средства выражения связи с обществом или действиями людей. Комплексные системы типа речи, письма или математических знаков — это тоже символы, поскольку и звуки и знаки обладают значимостью только для тех, кто умеет их «читать», расшифровывать смысл.

На поведение людей часто гораздо более сильное влияние могут оказать не столько сами действия правительства, политических партий и деятелей, сколько господствующая в обществе система символики, ориентирующая людей на конкретный тип социальных отношений. Сами по себе символы, не связанные с реальной действительностью, с центральной идеей, господствующей в общественном сознании, не могут правильно объяснить подлинные механизмы и мотивы, которые определяют и регулируют поведение отдельных индивидов и социально-политических группировок. Много разного рода символов создается искусственно, на основе неполной, предвзятой трактовки тех или иных социальных и общественно-политических процессов и явлений. И тем не менее общий язык символики свидетельствует о единстве политической культуры данного общества.

Как отмечал О.Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают разного рода знамена, флаги, гербы, другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Одна часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов культурного, политического сообщества, а другая — создается и целенаправленно внедряется элитами. Со времени возникновения национального государства политические лидеры создавали и использовали национальные символы для обоснования проводимого ими политического курса. Министр иностранных дел Франции Ламартин говорил в 1848 г.: *«Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимете у меня половину мощи Франции как*

здесь в стране, так и за границей». То же самое можно сказать применительно к большинству государств современного мира.

Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы или, как пишет К.Серулоу, «музыкальный эквивалент девиза, герба или флага страны». Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде «визитной карточки» нации. Они — современные тотемы — знаки, с помощью которых народы отличают себя друг от друга или подтверждают границы своей «идентичности».

Каждая страна имеет свой государственный или национальный флаг, олицетворяющий ее независимость, суверенитет и место в мировом сообществе. Показательно, что главы государств (президенты, монархи), вступая в должность, произносят клятву верности при обязательном присутствии государственного флага. Какое бы то ни было оскорбление флага в большинстве стран рассматривается как уголовно наказуемое преступление. флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах превратился в эмоциональное воплощение нации. Не случайно, что, когда граждане одной страны хотят выразить свое недовольство и протест действиями другого государства, они прибегают к публичному сожжению флага этого государства. Как правило, ни одна официальная церемония не обходится без государственного флага. Он водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. В дни официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Государственные флаги являются неизменным атрибутом при двух- или многосторонних переговорах между различными странами. Флаги перед зданием ООН символизируют страны, входящие в эту международную организацию.

Государственный флаг каждой отдельно взятой страны имеет собственную историю. Так, современный российский флаг в его нынешних цветах восходит к военно-морскому флагу, который впервые появился в 60-х годах XVII в. В конце того же века он стал общепринятым. Его поднимали на ботике Петра I в 1688 г., на судах в Белом море в 1693 г., на кораблях Азовского флота в 1697-1700 гг. В начале XVIII в. этот военно-морской флаг описывали так: «Флаг Его Царского Величества московского разделен натрое. Верхняя полоса белая, средняя синяя, нижняя красная. На синей полосе золотой с царской короною венчан двуглавый орел, имеющий в середине красное клеймо с серебряным св. Георгием без змия». При выборе цветов немаловажную роль сыграла русская национальная традиция. У русских с незапамятных времен белый цвет воспринимался как символ свободы и величия, отсюда фольклорный «белый царь». Голубой считался цветом Богоматери. Как полагают исследователи, голубые балдахины патриархов во время крестных ходов указывали на их причастность к служению Богоматери. И, наконец, третий из цветов объясняется пристрастием русских к красному цвету.

В этой связи обращает на себя внимание то, что царские грамоты скреплялись печатью красного воска, под красным балдахином появлялись цари перед народом. Постепенно бело-сине-красный флаг, переданный Петром I в 1705 г. торговому флоту, стал государственным. Позже в XIX в. белой, синей и красной полосам придали значение единства Белой, Малой и Великой Руси. Причем собственно Россия — Великая Русь — получила в этом толковании красный цвет.

Следует отметить, что в триколоре цвета неоднократно менялись. Но все же в народном сознании утвердилось сочетание белого, синего и красного цветов. Интересно, что они украшали ледяные горки на масленицу и балаганы на ярмарках, появлялись при праздновании юбилеев Петра I. Именно бело-сине-красные флаги поднимались при открытии памятника Пушкину в 1880 г. в Москве, а также на Всероссийских художественно-промышленных выставках. Показательно, что царь Александр III перед своей коронацией 7 мая 1883 г. дозволил украшать здания бело-сине-красным флагом. В вопросе о сочетании цветов российского государственного флага последняя точка была поставлена в 1896 г. В том году особое совещание при Министерстве юстиции накануне коронации Николая II определило, что государственным будет «окончательно считаться бело-сине-красный цвет и никакой другой».

Национальный бело-сине-красный флаг снова стал достоянием российского народа в 1989 г., когда он появился на несанкционированных митингах и демонстрациях в Москве и ряде других городов. В рамках решения правительства РСФСР от 5 ноября 1990 г. о создании новой российской символики 21 августа 1991 г. Чрезвычайная комиссия Верховного совета РСФСР постановила «считать исторический флаг России — полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос официальным Национальным флагом Российской Федерации». 31 октября 1991 г. этот флаг был утвержден съездом Народных депутатов. При всех трудностях, переживаемых нашей страной, трехцветному флагу суждено стать символом объединения всех россиян.

Наряду с флагом та или иная страна в представлениях как ее граждан, так и иностранцев, отождествляется с ее гербом. Часто в качестве центрального элемента гербов выступают изображения растений и деревьев (например, у Ливана — кедр, Канады — кленовый лист и т.п.), животные (лев у Великобритании), птицы (орел у США, Германии, России и т.п.). В последних двух случаях напрашивается аналогия с положением дел в мире животных и птиц: подобно тому, как среди зверей царствовал лев, а среди птиц — орел, в мире людей на вершине власти стоят король, император, царь.

Двуглавый орел — один из древнейших символов власти, верховенства и мудрости. Орлы в таком качестве встречаются уже в Древнем Египте. В VII в. до н.э. двуглавый орел символизировал объединение Мидийского царства с Ассирией. Изображения орла встречаются на цилиндрических печатях Халдеи, датирующихся VI веком до н.э. В средние века золотой орел на красном поле стал одним из атрибутов Византийской империи. В XV в. черный орел на золотом фоне был гербом Священной Римской (Германской) империи.

Центральное место занимает изображение орла и в государственном гербе России. По данным ряда исследований, в России стремление представлять высшую власть над людьми приняло геральдическую форму в XV в. В тот период изображение византийского золотого орла на красном фоне было заимствовано Русью после женитьбы Великого Московского князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог. С тех пор российский герб постоянно подвергался изменениям. В последний раз он был изменен в 1856 г. по специально принятому по этому поводу закону.

Центральное место в нем занимал двуглавый орел, изображенный на фоне геральдического щита, который держали ангелы и архангелы Михаил и Гавриил с мечом и крестом. Каждая из голов орла несла по короне, над которыми на некотором расстоянии возвышалась третья, значительно большая корона. Как указывалось в описании герба в законе 1856 г. на груди орла изображен *«герб московский: в червленом и золотыми краями щите святой великомученик и победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазурной приволоке на серебряном, покрытом багряной тканью с золотою бахромою коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона золотым осьмиконечным наверху копьем».*

В свою очередь сам геральдический щит, увенчанный императорской короной, был изображен на фоне «сени» или мантии, соединенной с шлемом Александра Невского. Над ним возвышалась еще одна корона, а над нею хоругвь с полным повторением всех названных выше изображений. Венчал хоругвь символ православия — восьмиконечный крест. Идею государства передавала надпись: «С нами бог». Причем этот девиз повторялся на шлеме Александра Невского и хоругви. Далее на гербе воспроизводился целый ряд других эмблем и символов, призванных передать все атрибуты и нюансы титулатуры российского царя и подчеркнуть его власть над 50 различными по политическому статусу и размерам, а также экономическому, культурному, конфессиональному положению землями Российской империи.

Как известно, эта эмблема перестала быть государственным гербом сразу после октябрьского переворота 1917 г. и установления советского режима. Только в 1993 г. был утвержден новый герб Российской Федерации, в котором воспроизведены основные атрибуты традиционного государственного герба Российской империи. В соответствующих документах этот герб описывается следующим образом: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой золотого двуглавого орла, помещенного на красном поле. Над орлом три

исторические короны Петра Великого (две малые — над головами и над ним — одна большого размера). В лапах орла — скипетр и держава. На груди орла на красном щите изображение всадника, поражающего копьем дракона». Здесь корона — символ не монархии, как это было раньше, а суверенитета. Две головы орла символизируют то, что Россия лежит одновременно в Европе и Азии, она всегда обращена одновременно и на Запад, и на Восток. Шарообразность державы призвана говорить о единстве государства, скипетр же символизирует власть. Всадник, поражающий дракона,— древний символ противоборства добра, побеждающего зло.

Национально-государственные символы и идеалы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и др. Первым и, пожалуй, фундаментальным символом американской нации и государственности является Декларация независимости, принятая Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. и объявившая о разрыве традиционных связей тринадцати колоний с Британской империей и создании независимого государства — Соединенных Штатов Америки.

Декларация независимости, в которой нашли отражение основополагающие идеалы и чаяния американского народа — свобода, равенство и национальный суверенитет, по сути дела, явилась первым в истории официальным документом, в котором был провозглашен принцип народного суверенитета в качестве основы государственного устройства.

Важнейшим символом национальной идентичности американцев стала конституция страны. Большинство американцев рассматривают конституцию как своего рода священный документ. Некоторые политологи проводят аналогию между ней и Библией, называя их «теологическими документами», поскольку в глазах американцев конституция, как и Библия, священна.

Самым завершенным и концентрированным воплощением идеалов свободы и прав человека в США стала статуя Свободы, возвышающаяся в нью-йоркской гавани и как бы приветствующая всех прибывающих в Америку. Для многих поколений американцев, да и не только американцев, она была символом «американской мечты», успеха, страны неограниченных возможностей, принимающей в свои объятия обездоленных и угнетенных со всех концов земного шара. По данным исследований феномена социализации подрастающего поколения, дети всех начальных школ США называют статую Свободы и национальный звездно-полосатый флаг, который был принят Континентальным конгрессом 14 июня 1777 г., лучшими выразителями духа Америки. Флаг и гимн в сочетании с другими патриотическими песнями и маршами превратились в эмоциональное воплощение нации.

Выразителями национального духа, факторами, способствующими формированию национального самосознания и в то же время являющимися воплощением лица страны, могут выступать те или иные города. Если возвращаться к примеру США, то в качестве города-символа следует, естественно, назвать столицу страны Вашингтон. В глазах как самих американцев, так и остального мира Вашингтон ассоциируется с политическим центром Америки, представляется как символ американской нации и государственности. И это вполне объяснимо, если учесть, что Вашингтон — это прежде всего конгресс, президент, закон, Капитолий, Белый дом и здание Верховного суда, Пентагон и Госдепартамент. Здесь в здании Национального архива хранятся важнейшие атрибуты американской нации и государственности, в Вашингтоне расположены памятники и мемориалы отцов-основателей и других выдающихся политических, общественных и государственных деятелей США. Не случайно, когда речь идет о вопросах и проблемах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеют в виду соответственно Россию, Великобританию, Францию.

Вряд ли есть необходимость пояснять, что та или иная совокупность национально-государственных и политических символов характерна для большинства стран и соответствующих политических культур.

Религиозный аспект политической культуры

Немаловажную роль в формировании и функционировании политических культур играет религия. Более того, многие идеи, ценности, установки, связанные с религией, составной частью включаются в политическую культуру той или иной нации, страны, народа. Это объясняется тем, что религия, будучи частью национальной и исторической традиции данного народа, пронизывает его культурное наследие и соответственно не может не отражаться и на характере его политической культуры.

Показательно, что нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновывается ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее положениям, где говорится, что бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история того или иного богоизбранного народа. История дает много примеров, свидетельствующих о том, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Покажем это на примере русского и американского народов. Так, автор «Сказания о князьях Владимирских», поведав о преемственности мировых монархий древнейших царств до римской империи, выводил основы современной ему власти от римского императора Августа. Согласно этому сказанию, Русь является законной наследницей всех древних мировых монархий. Естественно, Рюрик, положивший начало династии Рюриков, правивших Русью до восхождения на престол династии Романовых, ведет свой род от самих римских императоров. Постепенно сформировалась идея Москвы как третьего Рима — наследницы Рима и Константинополя, столицы Восточной Римской империи.

Показательно, что наряду с символами самодержавия и народности в формировании и укреплении русского государства и завоевании им новых земель, стран и народов важную роль сыграла православная церковь. Она давала русским духовную опору, чтобы противостоять мусульманскому Востоку и католическому Западу, которые на тех или иных исторических этапах представляли угрозу их религиозному и государственному существованию. В целом, хотя принципы веры и не преобладали в ущерб политическим, религия часто использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а затем и московских царей.

Пропагандируя грандиозную концепцию, рассматривавшую Москву как «новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя», церковная иерархия постоянно предупреждала царей об их священном долге превратить Московию в «Новую христианскую империю», при этом сколько-нибудь четко не обозначая ее границы. Следует отметить, что эта доктрина сыграла немаловажную роль в экспансии и утверждении многонациональной Российской империи на бескрайних просторах евразийского континента. Поэтому можно утверждать, что в формировании идей величия России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству — Руси-матушке, особом пути России немаловажную роль сыграла и православная вера. Не случайно многие атрибуты и символы православной церкви стали одновременно и символами российской государственности, например храм Василия Блаженного, возвышающийся на главной площади страны рядом с Кремлем, да и храмы в самом Кремле, храм Христа Спасителя, Исаакиевский собор и др. Симптоматично, что церковь возводила в ранг святых выдающихся деятелей, которые в строгом смысле не являлись ее служителями. Речь идет, например, о равноапостольных Кирилле и Мефодии, св. Владимире, Александре Невском и др.

Идея богоизбранности собственного народа не чужда и американцам. С самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом было убеждение об особом пути развития Америки и ее роли в мировой истории. Характерно, что обосновывая исключительное место Америки в мировой истории, автор Декларации независимости США, третий президент Америки Т.Джефферсон в 1785 г. предлагал изобразить на государственном гербе страны взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом

солнца. Почти все отцы-основатели Америки были глубоко убеждены в том, что ей уготована особая судьба, особая божественная миссия.

Приверженность американцев этой идее стала основой американской «имперской» идеологии. Уже в середине XIX в. попытки обосновать и практически реализовать идею о превосходстве и избранности Америки, о ее миссии руководить миром были предприняты в так называемой доктрине «предопределения судьбы» или «явного предначертания». В эту доктрину вошли популярные среди многих поколений американцев мифы о превосходстве и богоизбранности Америки. Суть ее состоит в утверждении, будто судьба американского народа с самого начала предопределена самим богом и Америке суждено стать образцом для всех остальных народов земного шара. Следует отметить, что важнейшие положения этой доктрины на различных этапах истории использовались правящими кругами США для обоснования своей внешнеполитической стратегии.

Многие исследователи прямо связывают с религией республиканские и демократические институты Америки. Как утверждал известный французский общественный деятель и историк А. де Токвиль, истинной школой республиканских добродетелей в Америке была церковь. По его словам, религия представляла собой первый из американских политических институтов. Она была республиканской и демократической религией, которая не только включала республиканские ценности, но и давала первые уроки относительно того, как участвовать в общественной жизни. По словам Токвиля, нравы в большей степени, чем законы или физические обстоятельства, способствовали успеху американской демократии, нравы же коренятся в религии.

Следует сказать, что в той или иной форме «божественная идея» прошла через историю почти всех существующих на земле народов, способствуя их консолидации в самые трудные для них времена.

Обращает на себя внимание тот факт, что религиозный и со-циокультурный традиционализм часто идет рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей. В конце концов религия тесно связана с культурной традицией как частью образа жизни в целом. Когда этот образ жизни подвергается опасности, его религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами защиты существующей системы привычного образа жизни. Поэтому вполне объяснима наблюдающаяся у отдельных категорий населения склонность сетовать в определенных ситуациях на упадок таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм и т.д.

Конфессиональный фактор часто перевешивал в прошлом, а в некоторых странах продолжает перевешивать и в настоящее время социально-классовые приверженности. Именно влияние клерикализма и конфессионализма на общественное сознание и соответственно на политическую культуру обусловило возникновение во многих странах Западной Европы клерикальных партий разных ориентации, роль и значение которых нельзя оценить однозначно. Были и есть консервативные и даже реакционные конфессиональные партии и организации, но были и есть такие, которые выступали с позиций социального реформизма (например, социальное христианство). В наши дни христианская окраска помогла ХДС в ФРГ, ХДП в Италии и аналогичным партиям в других странах привлечь на свою сторону многих верующих трудящихся. В этих партиях наряду с консервативными есть и центристские и либеральные фракции, выступающие за реформы (например, так называемые «социальные комитеты» в ХДС).

Зачастую религиозные ценности и понятия, особенно в условиях эрозии или догматизации осевой идеи или осевого идеала, лежащего в основе той или иной цивилизации, оказывают на значительные категории людей облагораживающее воздействие. Они удерживает их от отчаяния и безысходности, оставляя приверженцами таких немеркнущих общечеловеческих ценностей, как «не убий», «не укради», «возлюби ближнего своего» и т.д. Чувство приверженности чему-то более совершенному и благородному, чем сам отдельно взятый

человек, поднимает его в собственных глазах, воспитывает в нем уважение к своему соседу, согражданину, соплеменнику, представителям других народов.

В периоды социально-политических неурядиц и потрясений, в смутные времена, когда люди волею исторических судеб выталкиваются из привычной, устоявшейся колеи жизни, оказываются отчужденными от существующей системы, многие из них находят утешение и убежище в религии. Наглядный пример — наша страна, где в настоящее время наблюдаются всплеск интереса к религиозной вере и рост религиозного сознания, открываются так называемые воскресные церковные школы и др. Поэтому игнорирование при изучении политической культуры религиозного начала как важного фактора политической социализации было бы явным упрощением.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что политическая культура — весьма сложный и многослойный феномен. Она характеризуется разнообразием и изменчивостью составных элементов. Более того, в рамках одной и той же политической культуры могут быть существенные различия в установках, ориентациях, политических симпатиях и антипатиях граждан одного и того же государства. Этим во многом объясняется существование множества конфликтующих друг с другом идеологических и идейно-политических течений.

Типологизация политической культуры

Простая констатация факта существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не снимает вопрос о том, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, поведении различных групп и слоев населения. Дело в том, что одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных людей и социальных групп в конкретном политическом поведении проявляются по-разному. Поэтому в каждой политической культуре можно выделить совокупность тех или иных черт и характеристик, которые придают ей определенный колорит, некоторую специфику. Это в свою очередь позволяет выделить в рамках единой политической культуры отдельные субкультуры, в которых в той или иной концентрации могут преобладать конфессиональные, этнические, региональные или иные начала.

Сказанное особенно важно учитывать при оценке и характеристике политической культуры разных стран и народов. Необходимо исходить из факта существования многих региональных и национальных вариаций политической культуры. Скажем, нельзя говорить о единой модели политической культуры для Европы и Ближнего Востока, западного полушария и дальневосточного региона и т.п.

Каждой политической системе соответствует особая, собственная базисная модель (или модели) политической культуры, которая в каждой конкретной стране проявляется в национальноспецифических формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентаци-ями людей независимо от их национально-государственной при-надлежности. В этом качестве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения соответствующих стран.

Вместе с тем универсалистские компоненты в каждой отдельной стране проявляются в специфически национальных формах. Это естественно, поскольку в формировании национального самосознания, самой национальной идентичности участвуют как универсалистские, так и сугубо национально-культурные элементы. Так, общественно-исторические, национально-культурные, географические, религиозные и иные особенности формирования и эволюции каждой нации и национального самосознания наложили свой глубокий отпечаток на содержание и форму ее политической культуры.

Все это предполагает необходимость выделения соответствующих моделей политической культуры. Уже первые авторы, обратившиеся к данной проблематике, предложили собственные ти-пологизации политических культур. Так, Г.Алмонд выделил гомогенный,

фрагментированный, смешанный и тоталитарный типы. По его мнению, в англосаксонских странах (США, Великобритании, ряде стран Британского содружества) господствует *секулярная гомогенная политическая культура.* Для нее характерны сосуществование множества конкурирующих, но дополняющих друг друга ценностей, установок, ориентации, рациональный расчет при принятии решений и разрешении споров и конфликтов, индивидуализм, экспериментаторство и т.д. В то же время она гомогенна в том смысле, что подавляющее большинство субъектов политического процесса разделяют основополагающие принципы устройства существующей политической системы, общепринятые нормы и правила игры, ценности. Ролевые структуры, такие как политические партии, заинтересованные группы, средства массовой информации, пользуются значительной долей самостоятельности. Отдельные индивиды принадлежат одновременно к множеству взаимно пересекающихся групп. В итоге признается законность всех интересов и позиций, между ними превалирует взаимная терпимость, что создает условия для прочного консенсуса и прогматического политического курса.

Политическая культура континентально-европейских стран также секулярна, но в то же время, как подчеркивал Алмонд, она фрагментирована. Во *фрагментированной политической культуре* среди различных группировок нет необходимого согласия относительно основополагающих правил политической игры. Общество разделено, или фрагментировано, на множество субкультур со своими ценностями, поведенческими нормами и стереотипами, часто несовместимыми друг с другом. В качестве наиболее характерного примера Алмонд приводит Францию в период Третьей и Четвертой республик и Италию, политическая культура которых была фрагментирована на противоборствующие субкультуры, укорененные в разных институтах. Групповые лояльности усиливали друг друга. Например, католики голосовали за партии католической ориентации, входили в католические профсоюзы, читали католические газеты и даже выбирали близких друзей среди католиков. Подобным же образом организовывали и ограничивали свои связи коммунисты. Способность заинтересованных групп, партий и средств массовой информации переводить потребности и требования в приемлемые политические альтернативы была, таким образом, сильно ограничена. В то же время взаимное усиление социальных, религиозных и политических лояльностей стимулирует противоречия между различными субкультурами. В результате для стран с этим типом политической культуры характерна политическая нестабильность.

Следующий тип Алмонд назвал *доиндустриальной смешанной политической культурой,* характеризующейся сосуществованием традиционных и вестернизированных институтов, ценностей, норм и ориентации. Речь идет о таких атрибутах западной политической системы, как парламент, избирательная система, бюрократия и др., которые в той или иной степени модифицированной форме наложены на традиционалистские реалии соответствующих стран. Как результат такого наложения возникает особый тип, который, используя терминологию М.Вебера, Алмонд назвал *харизматической политической культурой.*

Последняя часто формируется в условиях эрозии традиционных норм, нарушения считавшихся священными обычаев и связей, роста чувства неустойчивости и неопределенности. В результате в поисках защиты и устойчивости люди обращают свой взор к харизматическому лидеру. Такое смещение создает сложнейшие проблемы с точки зрения коммуникации и координации в обществе. Здесь различные группы часто имеют совершенно разное видение стоящих перед обществом политических проблем. В итоге нестабильность и непредсказуемость являются не отклонением от нормы, а неизбежным результатом такой политической культуры. Она господствует в модернизирующихся развивающихся странах.

От всех названных типов, по Алмонду, радикально отличается *тоталитарная политическая культура.* Внешне она по своей гомогенности напоминает первый тип. Но здесь эта гомогенность искусственная, синтетическая. Поэтому отсутствуют добровольные организации и ассоциации, а система политической коммуникации контролируется из центра. Невозможно сколько-нибудь приблизительно определить степень приверженности населения господствующей системе.

Развивая типологию Алмонда, У.Розенбуам выделяет фрагментированные и интегрированные типы политической культуры, между которыми находятся различные модели и промежуточные типы. *Фрагментированный тип* характеризуется отсутствием консенсуса относительно принципов политического устройства общества. Этот тип господствует в большинстве африканских и латиноамериканских стран, отчасти в Северной Ирландии и Канаде. В его основе лежит заметная социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая и иная фрагментация общества. Это создает благоприятные условия для идеологической непримиримости и бескомпромиссности между конфликтующими группами, препятствует выработке неких общепринятых правил политической игры. *Интегрированный тип* отличается наличием сравнительно высокой степени консенсуса по основополагающим вопросам политического устройства, преобладанием гражданских процедур в улаживании споров и конфликтов, низким уровнем политического насилия, высокой степенью различных форм плюрализма (который нужно отличать от фрагментированности).

Согласно типологизации, предложенной Д.Элейзаром, существуют три основных типа политической культуры: *моралистическая, индивидуалистическая* и *традиционная.* Другой американский политолог У.Блюм обосновывал необходимость выделения только *либеральной* и *коллективистской* политических культур.

Очевидно, что рассмотренные типологизации обладают целым рядом достоинств, поскольку в них предприняты попытки вычленить модели политической культуры, исходя из факта существования у различных народов и стран специфических национальных социокультурных, конфессиональных, традиционно-исторических и иных особенностей. Но вместе с тем существует целый ряд соображений, говорящих в пользу определенной корректировки этих типологизаций. Например, лишь с довольно серьезными оговорками можно принять схему Г.Алмонда и его коллег, которые пытались определить различия между гомогенной и фрагментированной политическими культурами по их способности обеспечить стабильность политической системы. Попытаемся разобраться в этом тезисе на конкретных примерах.

В качестве типичного образца фрагментированной политической культуры, как правило, приводилась итальянская. И действительно, результаты многих исследований показывают наличие в этой стране высокого уровня социального отчуждения и недоверия. Итальянцы скептически оценивают свои возможности повлиять на политические институты и процессы, на принятие политических решений. Партийная система также фрагментирована на разного рода левые, центристские и правые партии, часть из которых находится в оппозиции к существующему социальному, экономическому и политическому порядку. О фрагментированности политической культуры свидетельствует, в частности, характерная для политической жизни Италии частая смена правительств.

Вместе с тем существует целый ряд стран с фрагментированными, по типологии Алмонда, политическими культурами, но характеризующимися довольно высокой степенью политической стабильности. К примеру, так называемые консоциативные демократии в Австрии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии являются по своему характеру фрагментированными в том смысле, что они состоят, казалось бы, из нескольких конфликтующих друг с другом субкультур. Так, в Нидерландах католики, кальвинисты и неверующие настолько конфликтовали друг с другом, что некоторые исследователи считали возможным говорить о существовании здесь трех самостоятельных субкультур или даже народов. А Швейцария — это единое сообщество, составленное из трех национальных субкультур. Невозможно не согласиться с утверждением, что в этих странах в течение всех послевоенных десятилетий степень политической стабильности, определенности и предсказуемости отнюдь были не ниже, если не выше, чем в странах с гомогенной или интегрированной политической культурой.

В то же время преимущественно англосаксонская Канада, которая, по схеме Алмонда, должна принадлежать к гомогенному типу, время от времени сотрясается конфликтами на национально-культурной почве, конфликтами, которые в последние два-три десятилетия не раз

грозили самой государственной целостности этой страны. Что касается США, которые действительно отличаются высокой степенью политической стабильности, то не составляет секрета, что серьезные исследователи выделяют там целый ряд субкультур расово-этнического, национально-культурного, конфессионального и регионального характера.

Теперь рассмотрим такую характеристику, как приверженность харизматическому лидеру,— признак, который Алмонд считает достоянием доиндустриальной или смешанной политической культуры. Не требуется особых усилий, чтобы продемонстрировать, что харизматичность в различных ее новых формах и модификациях приобретает особую актуальность в наиболее развитых странах современного мира. Более того, харизматические лидеры и харизма как фактор, определяющий симпатии и/или антипатии избирателей и соответственно их выбор стали важнейшими элементами политической культуры всех типов в эпоху информационной революции и электронных средств массовой информации. Что касается тоталитарного типа политической культуры, то харизма в крайних формах поклонения вождю — фюреру также является ее неотъемлемой составной частью.

Можно было бы привести немало других нестыковок, которые в определенной степени снижают убедительность рассмотренных типологизаций. Но и высказанные аргументы достаточно наглядно показывают необходимость нахождения более приемлемых критериев типологизапий политических культур современного мира. При этом главным условием является учет основных типов или моделей политических систем, в рамках которых формируются и функционируют соответствующие типы политических культур. Нельзя сказать, что Г.Алмонд и его коллеги полностью игнорировали этот момент. Но здесь, как было показано ранее, проблема состоит в неприемлемости самого определения политической системы, которое ими предлагается.

С учетом вышеприведенной типологизаций политических систем можно выделить следующие крупные типы или модели политической культуры: органическую, либерально-демократическую и смешанную.

В рамках *органического типа* можно вычленить различные варианты авторитарной, тоталитарной, традиционной политических культур и субкультур. При всех расхождениях общим для всех них является господство коллективистских, групповых, общинных ценностей, приоритета публичного над частным, прав и свобод группы, коллектива над индивидуальными правами и соответственно подчинение личности коллективу. Для носителей данного типа политической культуры характерны повышенные ожидания от государства, преувеличение его роли в жизни общества, часто доходящее до его мифологизации и даже обожествления.

Государство рассматривается как единый организм, в котором различные институты организации, группы, отдельно взятые люди играют лишь подчиненную роль. В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых здесь преобладают, как правило, отношения «патрон-клиент», государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовывать «отцовскую» заботу о своих подданных. Имеет место та или иная степень персонализации политики и самого государства, когда последнее отождествляется с личностями конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, «отцов нации» и др. Важное место (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) занимают традиция, обычай, норма. В наиболее наглядной и однозначной форме некоторые важнейшие элементы данного типа проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

В большей степени рассматриваемый тип распространен в развивающейся зоне современного мира — Азии, Африке и Латинской Америке. Однако авторитарные и тоталитарные его варианты в разные периоды утверждались во многих европейских странах — СССР, Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции и др.

Либерально-демократический тип характеризуется плюрализмом в социальной, экономической, духовной, политической и других сферах жизни. Важнейшим его компонентом стала идея индивидуальной свободы, самоценности отдельной личности, прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность.

Центральное место здесь занимает убеждение в том, что частная собственность — основа индивидуальной свободы, а она в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида. Особенно важны в данном случае идея идеологического и политического плюрализма и связанные с ним принципы представительства и выборности должностных лиц в государстве.

В глазах приверженцев либерально-демократической модели политической культуры право, правовая система является гарантом индивидуальной свободы выбора по собственному усмотрению морально-этических ценностей, сферы и рода деятельности. Они считают, что закон призван гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу. В обществе должен господствовать закон, а не люди, и функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Для них самоочевидными истинами являются право участия каждого члена общества в политическом процессе, соблюдение определенных «правил игры» между политическими партиями, разного рода заинтересованными группами и др., смена власти в результате всеобщих выборов на всех уровнях власти, другие нормы и принципы парламентаризма и плюралистической демократии.

Эти и другие сущностные характеристики либерально-демократического типа политической культуры, который характерен прежде всего для индустриально развитых стран Запада, в разных национально-культурных условиях проявляются по разному. Именно в этом контексте следует выделить гомогенный, фрагментированный, интегрированный, консенсусный, конфликтный и другие варианты политической культуры в рамках единого либерально-демократического типа.

Между этими двумя типами располагается целый спектр всевозможных национальных, региональных или иных вариантов и разновидностей политической культуры. Что касается предлагаемых Алмондом и его коллегами критериев, таких как харизма, фрагментарность, коллективизм, традиционность, индивидуализм, гомогенность, конфликт, консенсус и т.п., то они в тех или иных сочетаниях могут быть обнаружены почти во всех типах политической культуры. Их сочетание, интенсивность и значимость варьируются от модели к модели и от одной национальной разновидности к другой. С этой точки зрения в современном мире, особенно с окончанием холодной войны и крахом тоталитарных систем, во многих случаях мы имеем дело со смешанными типами политической культуры.

Например, если о сколько-нибудь чистом тоталитарном типе можно было говорить применительно к фашистской Италии и нацистской Германии 30-х годов, а также СССР примерно до 60-х годов, то в настоящее время речь может идти лишь о его остаточных элементах и явлениях. Существенные авторитарные и традиционалистические пласты можно обнаружить в России, Китае, Японии, Испании и т.д.

Поэтому предлагаемые читателю модели политической культуры нужно понимать в смысле веберовских идеальных типов. В определенном смысле — это теоретические конструкции, в которых присутствует значительный элемент абстракции, допущения и редукции. Реальное положение значительно сложнее. Отсюда то разнообразие, сложность и многослойность, которые в рамках одной и той же модели обнаруживаются в конкретных национально-страновых реальностях.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая культура?
2. Как она соотносится с политическим сознанием?
3. Какое место она занимает в общенациональной культуре?
4. Как политическая культура соотносится с политической системой?
5. Назовите важнейшие составные элементы политической культуры.
6. Какое место в ней занимают религиозное, символическое, мифологическое и иные начала?
7. Какие существуют типы политической культуры?

Глава 13. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Как указывалось выше, политическая философия охватывает не только мир сущего, но и мир должного, мир политического в том виде, в каком он есть, и в том, каким он должен быть. «Политические вещи» по самой своей природе не могут быть нейтральны, поскольку сопряжены с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой. Они тесно связаны с такими ключевыми категориями человеческой жизни, как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливое и несправедливое и др. Как отмечал германский политолог Х.Кун, *«государство живет человеком: человек основывает, формирует и руководит им и одновременно живет в нем и благодаря этому постигает его как свою судьбу».*

В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием «человеческое измерение». Политика — это результат сознательных волевых усилий людей, которые ставят перед собой определенные цели, руководствуясь при этом сложившимися у них мировоззренческими установками, нормами поведения, пониманием важнейших аспектов взаимоотношений человека с своей социальной средой. Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует ценностное начало.

Морально-нравственный аспект мира политического

Уже по своему определению политическая философия пронизана морально-этическим началом, ее изучение не может не иметь морально-нравственного или ценностного измерения. Без обращения к сфере целей и идеалов невозможно говорить об адекватном изучении мира политического в целом.

Нравственные начала, ценности и нормы, имеющие касательство к миру политического, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют политическую этику. Политическая этика — это, по сути дела, нормативная теория политической деятельности, затрагивающая такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства и справедливости и др. Она играет ключевую роль в легитимизации как политической власти вообще, так и различных форм правления.

Легитимность современного государства основывается прежде всего на правовом фундаменте, на признании в качестве приоритетных целей обеспечения прав и свобод человека. Жизнеспособная и прочная политическая система — это власть плюс законность и эффективность, т.е. способность удовлетворить основные функции управления.

Однако как законность, так и эффективность во многом определяются тем, насколько государственные институты и сама политическая система в целом соответствуют господствующим в обществе идеалам и ценностям, где морально-этическому началу принадлежит отнюдь не последнее место. Иначе говоря, еще одной важной несущей конструкцией легитимности является морально-нравственная составляющая политической самоорганизации общества. Действительно, как учил Конфуций, *«народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему».* Есть некое рациональное зерно в утверждении, что opus justitiae pax — мир есть продукт справедливости.

Особенность всех этических проблем политики обусловливается тем, что сама политика теснейшим образом связана с насилием. К тому же нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность — с бескорыстием. *«Кто ищет спасения своей души и других душ,—* писал М.Вебер,— *тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским богом в его церковном проявлении,— напряжении, которое в любой момент*

может разразиться непримиримым конфликтом». Отсюда возникают отнюдь не праздные вопросы: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой? правомерно ли применение к сфере политики категории этики и морально-этических ценностей? если нет, то можно ли говорить о человеческом измерении в политике? и т.д.

Следует отметить, что в истории политической мысли на эти вопрсы давались весьма неоднозначные ответы. Это вполне естественно, поскольку, например, Н. Макиавелли, допускающий любой произвол со стороны государя в интересах государства, Ж.-Ж. Руссо, озабоченный мыслью об обеспечении всеобщего блага, совершенно по-разному трактовали термин «политика». В то же время, если не впадать в застывший платонизм, который признавал лишь вечные вневременные ценности, то конкретное содержание и трактовка морально-этических ценностей общества во многом зависят от реальностей каждого конкретного исторического периода. В силу того, что морально-нравственные категории и критерии служат важнейшим средством легитимизации существующего политического режима или конкретной политической стратегии, почти все крупные мыслители, занимавшиеся проблемами политики, государства и права, начиная от Конфуция, Платона, Аристотеля и кончая современными исследователями, так или иначе затрагивали эти понятия.

О том значении, которое античные мыслители придавали нравственому началу, свидетельствует высказывание, например, Сократа: «Лучше терпеть несправедливость, нежели причинить ее». Верность данному принципу Сократ продемонстрировал, отказавшись от побега из Афин после вынесения ему смертного приговора и показав тем самым пример личной нравственности. Определяя в качестве главной цели политики обеспечение «высшего блага» граждан полиса и предписывая ей нравственно-воспитательную роль, Аристотель, в частности, утверждал: *«Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе».* Природа дала человеку оружие — «умственную и нравственную силу», которую можно использовать как для добрых, так и злых деяний. *«Человек, живущий вне закона и права, наихудший из всех... Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения».* Здесь возникает другой вопрос: какое именно содержание Аристотель вкладывал в само понятие справедливость?

Показательна с данной точки зрения позиция Блаженного Августина, который утверждал: «Что не было справедливым, не может быть и законом» (Non videtur esse lex quae juste non fuerit»). «Государства без справедливости — что это, как не большие банды разбойников?»,— так ставил вопрос Блаженный Августин. (О граде Божием, IV, 4). В русле этой традиции Лейбниц, исходя из своей идеи всеохватывающей гармонии, однозначно смешивал сферы права и морали. Во главу юридических предписаний он ставил истину, понимаемую как бескорыстную и беспристрастную любовь. Требуя привести политику в соответствие с требованиями высшего миропорядка и божественного закона, он высказывался за включение в правовые нормы требования об обеспечении блага всех граждан государства.

Несомненный интерес представляет позиция И. Канта, оказавшая значительное влияние на последующую этическую мысль, в том числе на политическую этику. Она следовала из основополагающей мировоззренческой установки философа. Согласно Канту, нет какой бы то ни было действительности, независимой от разума. Наше познание представляет собой не отражение реально существующей действительности, поскольку сама эта действительность является построением нашего разума. Конечно, за этим построением существуют реальные объекты, но они не доступны разуму, ибо существуют сами по себе, в качестве вещи в себе (an sich). Мы можем сравнивать между собой различные представления об объективно существующем мире, связывать и согласовывать множество частных, отрывочных восприятии, объединяя их в единую цепь. При этом, хотя вещь в себе и не познаваема, она освещается светом разума и в силу этого становится нам близкой.

Таким образом, тогда, когда одни философы утверждали, что истина устанавливается путем согласования человеческого разума с реальностями внешнего мира. Кант пришел к выводу, что источник и мерило истины находятся в самом разуме. Соответственно критерии

морали и нравственности выводятся из собственной природы разума. Поскольку центром нравственного сознания является должное, это последнее также не имеет никакого отношения к реально существующему миру, а выводится из самой природы человека, оно потенциально заложено в его природе. Коль скоро политика — это одна из важнейших сфер человеческой деятельности, то она по своему определению не может быть теснейшим образом связана с морально-нравственным началом.

Значительное место проблемам этики в сфере государственной жизни отводил Г.В.Ф. Гегель. Гегель разделил нравственную жизнь на три сферы — семью, гражданское общество и государство, определив их как «моменты» или «элементы» этической системы, регулирующие жизнь каждого отдельно взятого индивида. Этические нормы в действиях и отношениях людей у Гегеля актуализируются по-разному в зависимости от того, в какой сфере они действуют. Что касается государства, то его Гегель рассматривал как «действительность нравственной идеи».

По-своему, но в духе христианской идеи братства трактовал морально-нравственный аспект политики К.-А.Сен-Симон. Он считал, что идея справедливости должна быть совершенно устранена из жизни общества и заменена идеей братства и любви. Характерно, что евангельская заповедь «любите друг друга и помогайте друг другу» послужила эпиграфом к его работе « Индустриальная система ».

Примерно такой же трактовки придерживались русские философы и правоведы (например, В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев и др.), которые решительно выступали против противопоставления права и нравственности, лишения права морального измерения. Эта позиция, в частности, выразилась в известной идее равнозначности правды-истины и правды-справедливости. Но в целом, если традиция, идущая от Платона и Аристотеля, рассматривает мораль и политику как единое целое, призванное реализовать принципы справедливости, то христианская традиция разводит понятия «этика» и «политика», воплощенные в «богово» и «кесарево». Еще Томазий и С. Пуфендорф стремились отделить юриспруденцию и богословие, право и нравственность.

К наиболее радикальным выводам в данном вопросе пришел Н.Макиавелли, который первый в четко сформулированной и резко очерченной форме поставил проблему соотношения этики и политики. Он разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами. Один из важнейших постулатов макиавеллизма — «цель оправдывает средства». Для пользы и в интересах государства, утверждал он, правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т.е. быть одновременно лисой и львом в одном лице. Он вправе не хранить верность своему слову, прибегать к лукавству и вероломству, одним словом, использовать все средства, которые служат делу укрепления государства. *«Благоразумный правитель,—* писал Н. Макиавелли,— *не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы. все люди были добры, это был бы дурной совет, но так как они наклонны. ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им».* Как утверждал Макиавелли, человек, стремящийся делать одно только добро, обречен на гибель среди множества людей, чуждых добру. Для него высшая ценность — это государство, перед которым ценность отдельно взятой личности или какие либо иные ценности должны отступить на задний план или же полностью игнорироваться. Изгнав этику из сферы политики, Макиавелли заменил ее ценностно-нейтральным подходом. Более того, эти аргументы были использованы им для обоснования тезиса о том, что в политике цель оправдывает средства.

К аналогичному выводу, хотя и прямо с противоположных исходных позиций, пришел и марксизм, особенно в его ленинистской версии. В период своего возникновения социалистические и коммунистичесие идеи представляли собой выражения идеальных и нравственных устремлений людей своей эпохи. Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей и концепций. Провозгласив целью социализма «грядущее избавление от рабства и нищеты», К.Маркс и Ф.Энгельс выступили

против «фантастических сентиментальных бредней», которые, по их мнению, могли оказать лишь «деморализующее влияние на рабочих» Они высказывались за свободное самостоятельное творчество «нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях».

Однако в дальнейшем, когда был выдвинут тезис о приоритете социально-экономических факторов и реальных жизненных интересов, эти соображения фактически оказались отодвинутыми на задний план. Более того, уже в «Коммунистическом манифесте» провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», в том числе и с моралью. При всех необходимых в данном случае оговорках, нельзя не признать, что в марксистской этике центральное место занимает противопоставление «классовой морали» универсальным гуманистическим ценностям. Энгельс, например, писал: *«...мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».* Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали В.И.Ленин и его сподвижники и последователи. *«Наша нравственность,—* писал Ленин,*— подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».* Здесь мораль, по сути дела, всецело поставлена на службу политическим целям, доведена до уровня элемента идеологии.

Если марксизм-ленинизм пришел к снижению роли морально-этического начала в политике, подчинив его всецело так называемой классовой морали, то идеологи фашизма и нацизма пошли еще дальше, поставив во главу угла своей идеологии национальную мораль, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой морали. Как утверждал, например, А. Розенберг, идея национальной морали стоит выше всякой любви к ближнему. Именно этот постулат послужил в качестве одного из краеугольных камней нацистской политической идеологии, которая возвела профессионализм в массовом истреблении людей в ранг высшей добродетели.

Тенденция к уменьшению внимания к нравственным аспектам политики усиливалась с постепенным преобладанием в XIX столетии в науке о праве и государстве историзма и позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р. Декарту, Т. Гоббсу и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свести политику всецело к науке с целью создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Как утверждал, например, один из основателей позитивизма О. Конт, нет свободы совести в математике и астрономии, ее не должно быть и в социологии. Позже эту установку усвоили и представители других социальных и гуманитарных дисциплин, в том числе и политической науки. Считалось, что политическая наука, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных сферах, дает возможность определить те величины, действуя на которые можно достичь желаемых результатов. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали сторонники утилитаризма. Его основатель И. Бентам, отказавшись от постулата просветителей о том, что общее благо достигается в случае, если люди руководствуются установками естественного права и вечных законов природы, искал мерило их должного поведения в практической личной выгоде.

Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов привело к отделению фактов от ценностей, к объективизации, ценностной нейтрализации позитивистской политологии. Несовместимость фактов и ценностей постулировалась на том основании, что суждения о последних не содержат объективных знаний, а составляют не более чем эмоциональную реакцию, истинность которой не поддается научной верификации. Провозглашенная позитивистами нейтральность, или беспристрастность политической науки, привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены

«личным делом» участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу. Исходя из этих и подобных им установок представители правового позитивизма (например, Г.Кельзен) решительно отвергали какую бы то ни было теорию справедливости. Следуя данному принципу, позитивисты выступали за то, чтобы юриспруденция занималась разработкой исключительно позитивного права — jus qua jussum, отбрасывая проблему справедливого закона — jus qua justum. Эту позицию наиболее четко выразил, пожалуй, известный французский писатель А.Франс, который утверждал: *«Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный — добродетель, она толкает на преступление».*

Следуя этой традиции, ряд современных авторов также считают необходимым отделить политику от морали. Так, по мнению польского политолога С. Запасника, после обретения независимости экономикой очередь наступила за полным отделением политики от морали. «Такое отделение стало в настоящее время необходимостью самого общественного развития». Он утверждал, что в области политики оправдан только прагматизм, «лишенный даже тех последних связей с моралью, какие пытались сохранить Локк и Милль». Отвергая всякие попытки навязать политикам какие-либо моральные ограничения, Запасник подчеркивал: *«политик... является "вежливым человеком, который должен лгать в интересах своего государства", он не может быть человеком с "чистыми руками", поскольку последнее совершенно несовместимо с его профессией».*

Нельзя в данной связи не отметить также позицию О. Шпен-глера, который считал, что мораль подобно пластике, музыке и живописи представляет собой замкнутый в себе мир образов, который выражает жизнеощущение того или иного народа. Исходя из такой постановки вопроса и по сути отрицая существование каких бы то ни было общечеловеческих морально-этических норм, Шпенглер писал: *«...моралей столько же, сколько и культур... Человек в отдельности может поступать нравственно или безнравственно делать "добро" или "зло" в области исконных чувствований своей культуры, но форма его действий есть нечто заранее данное. У каждой культуры свой собственный этический масштаб, значение которого ограничено его пределами. Общечеловеческой этики не существует».* Очевидно, что такой подход выбивает всякую почву из-под самой мысли о возможности каких-либо объективных критериев определения морально-нравственных или этических начал. Этот подход достиг своего логического завершения в постмодернизме, сторонники которого считают неправомерным вынесение моральных суждений относительно тех или иных действий, в том числе и в сфере политики, поскольку не существует ни правого, ни неправого, ни добра, ни зла, а последствия всех феноменов равновелики по своей значимости и незначимости.

Политика между профессионализмом и моралью

Постулат, согласно которому мораль предписывает выбор достойных средств для достижения разумно поставленных целей, лежит в самом основании политики. Доводы относительно того, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что «чистые руки», т.е. мораль, несовместимы с политикой, не во всем сообразуются с сущностью политики как результата и поля деятельности человека в качестве морально-этического по своей природе существа. В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме противопоставления морали и политики. В реальной действительности, как отмечал К.Г.Баллестрем, «политическое действие развертывается в поле напряжения между властью и моралью». Задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и соответственно поиска оптимальных для всего общества решений. Необходимо различать практическую целесообразность и нравственную справедливость допустимого. Как отмечал А.А. Гусейнов, *«...надо отличать необходимое и допустимое от нравственно достойного и желательного. Смертная казнь допустима, на данном этапе развития общества даже практически необходима, но она не может быть оправдана с позиций высших этических ценностей. Несовершенны общества, которые практикуют смертную казнь, но трижды несовершенны те из них, которые гордятся этим».*

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без строгой профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия, которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций. В данном контексте,' естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности. М.Вебер проводил различие между чиновником и политиком: *«...подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен "управлять" прежде всего беспристрастно... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены "государственные интересы", то есть жизненные интересы господствующего порядка. Sine ira et studio — без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен желать политик — как вождь, так и его свита — бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — ira et studium — суть стихия политика, и прежде всего политического вождя».* Деятельность политика и деятельность чиновника подчиняются отличным друг от друга принципам ответственности. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический же руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А такая ответственность со всей очевидностью предполагает наличие у ее субъекта определенных морально-этических позиций и убеждений. С данной точки зрения профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу.

Высокая эффективность теснейшим образом связана с профессионализмом, а этот последний, в свою очередь,— с нравственностью, поскольку сопряжен с результатами, представляющими общественную ценность. Поэтому в политике неукоснительно должен действовать принцип, который еще Конфуций назвал золотым правилом любой эффективной и справедливой формы правления. «Лунь Юй» свидетельствует: «Цзин-гун спросил учителя об управлении государством. Кун-цзы ответил: "Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном». Цзнн-гун сказал: "Правильно! В самом деле, если государь не будет государем, сановник — сановником, отец — отцом и сын — сыном, то, даже если у меня и будет зерно, хватит ли его мне?". Другими словами, каждый должен делать свое дело, иначе в государстве наступит хаос. И действительно, трудно ожидать эффективности и справедливости в государстве, когда артисты, кинематографисты, журналисты берутся за его управление, вчерашние химики сегодня становятся политологами, лица, не получившие высшего образования,— «академиками» и т.п.

Речь идет о том, что зачастую профессионализм и беспристрастность при решении политических вопросов уже сами по себе могут быть признаками приверженности политика принципам справедливости. Но нельзя не учитывать и то, что беспристаст-ное выполнение профессиональных навыков может служить как правому, так и нейравому делу. Когда мы затрагивам деятельность государства в связи с теми или иными принципами, то неизменно возникает вопрос о правомерности или законности использования государственной власти для реализации таких основополагающих материй, как равенство, справедливость, свобода, защита прав человека. Поскольку принципы могут находиться в состоянии постоянного конфликта между собой, философские аргументы о политике могут оборачиваться оправданием использования принудительной власти государства для реализации политики, вытекающей из этих принципов. Конечно, не все вопросы связаны с принципами принуждения. Человек, выступающий за более либеральное общество со свободно-рыночной экономикой, требует, чтобы государство как можно реже прибегало к использованию принудительной власти. Но сам этот подход представляет собой философский аргумент относительно незаконности использования, силы.

Что касается справедливости в собственном смысле слова, то о ней можно говорить лишь в том случае, если сами цели, установки и правила реализации профессионализма являются справедливыми. Нужно учесть и то, что справедливость, как и право, предполагает беспристрастность, исключение личных симпатий или антипатий при ее осуществлении. Как писал О. Хеффе, *«...справедливость подразумевает такое строгое требование беспристрастности, которое не позволяет использовать собственные предпочтения, идеалы и ценностные представления в качестве критерия».* Если этого нет, то сам принцип справедливости оказывается под угрозой. Очевидно, что в методологическом плане справедливость не противоречит правовому принципу, который всецело построен на признании непредвзятости и равного отношения ко всем людям при условии, что при этом не нарушаются права других людей.

Но тем не менее необходимо провести линию разграничения между правом и нравственностью. Здесь особо важное значение имеет соблюдение принципа так называемого золотого правила, которое, хотя, возможно, и не в вполне осознанной форме действовало уже в доисторические времена и в более или менее четкой форме сформулировано мыслителями древности. Суть его выражается в следующей максиме: *«не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе». С* всей очевидностью золотое правило предусматривает признание каждым человеком наряду с собственными правами и интересами также прав и интересов остальных своих сограждан. В политике при реализации данной максимы особенно важно не допустить перегиба в какую-либо одну сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму, или же подчинения императивов права императивам нравственности и наоборот.

Подчинение права нравственности означало бы стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и могло бы привести к всевластию государства. Об обоснованности этого тезиса со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика всецело была подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное осчастливление всех людей. Здесь была предпринята попытка соединить, как сказал Н. Бердяев, правду-истину с правдой-справедливостью, причем со своеобразно понимаемой правдой-справедливостью — распределительно-уравнительной. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну великого инквизитора, требующего отказа от нее во имя народного блага.

Подлинная любовь к народу не может основываться на игнорировании истины, какой бы горькой и неприятной она ни была. Однако вычленение и определение истины в сфере политического — задача особенно трудная. В данном случае не всегда продуктивен и выбор некоей средней линии, если она построена на замалчивании «неприятных» или «неприемлемых» фактов жизни. Любой политик так или иначе сталкивается с вечной и в сущности неразрешимой антиномией между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством. Весь мировой опыт дает достаточно примеров, показывающих, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности и в первую очередь социально-экономической требует конкуренции, которая порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Но такова жизнь! Без конкуренции, без соперничества она чахнет и рано или поздно прекращается. Как представляется, с точки зрения императивов свободы противоречие между требованиями социальной справедливости и потребностями экономической эффективности в современном индустриальном обществе остается неразрешимым.

Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не могут сколько-нибудь длительное время существовать без легимитизации, которая в свою очередь не может существовать хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость — это один из краеугольных камней любой теории легитимности. Поэтому правы те авторы, которые говорят, что фундамент капиталистической системы рушится, если нельзя доказать, что она основывается на принципах справедливости. Не случайно, даже самые тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность

принципам справедливости. Истинная же справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это требовало бы административного уравнения не равных по своим способностям людей, что в свою очередь означало бы неравное и, следовательно, несправедливое отношение к ним.

В трактовке этого вопроса существует самый широкий спектр мнений. Если левые решительно выступают за так называемую перераспредилительную справедливость, то консерваторы усматривают в ней ущемление свободы тех, кто облагается налогами для обеспечения фондов распределения. Как считал, например, видный представитель консерватизма Ф. фон Хайек, справедливость предполагает распределение или перераспределение материальных благ, а это со своей стороны предполагает распределителя, который осуществляет этот акт в соответствии со своим субъективным пониманием добра и зла, справедливости. В свободном обществе и при рыночной экономике вообще нельзя вести речь о социальной справедливости, поскольку в этом случае нет и не должно быть распределения или перераспределения. Все действия совершаются естественным путем, и каждый участвующий в этом механизме получает свое. Речь может идти о помощи людям при несчастном случае, стихийных бедствиях, болезни, катастрофе, но не об исправлении социальной справедливости и восстановлении справедливости.

По мнению части либералов, близких к консерваторам, справедливость — это прежде всего политическая или формальная справедливость, имеющая в виду прежде всего гарантии реализации прав и свобод каждого члена общества. Главную ошибку сторонников социальной справедливости либералы усматривают в том, что они якобы неправомерно смешивают фундаментальные права, вытекающие из самой природы человека, с социальными правами, которые по отношению к первым носят вторичный характер. Если государство обеспечивает равенство всех граждан перед законом, равные права на участие в политической жизни и равенство возможностей в социально-экономической сфере, то отпадает сам вопрос о социальной справедливости, поскольку в демократическом плюралистическом обществе каждый человек сам способен обеспечить свое материальное благосостояние.

Иной точки зрения придерживается большинство либералов, позиции которых в наиболее четкой форме сформулировал Дж. Роулс. Предложенная им теория в последние два-три десятилетия пользуется наибольшей популярностью. *«При отсутствии определенной меры соглашения о том, что есть справедливое и несправедливое,*— писал Роулс,— *гораздо сложнее людям результативно координировать свои планы для достижения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества. И поскольку концепция справедливости определяет права и обязанности, а также распределительные отношения в обществе, то ее действенными способами можно решить проблемы продуктивности, координации и устойчивости общества. Из всего этого следует широкий контекст справедливости: предпочтительнее та теория, результаты которой более желательны людям».*

Как считал Роулс, подобно тому, как истина составляет главную добродетель науки, справедливость есть главная добродетель общества. Независимо от своей стройности и привлекательности любая теория подлежит замене, если обнаруживается ее несоответствие фактам. То же самое и в отношении общественных институтов и законов, если они продемонстрировали свою несправедливость. В силу того, что любой индивид пользуется правом неприкосновенности своей личности, ни одно общество, претендующее на приверженность принципам справедливости, не вправе нарушить это право под каким бы то ни было предлогом. Подобно тому, как единственным оправданием применения ошибочной теории является отсутствие лучшей, так и «несправедливость становится терпимой, если необходимо избежать еще большей несправедливости».

Долг общества — обеспечить своим членам условия для достойной жизни. У общества не может быть целей, отличных от целей своих членов. Поэтому гражданство представляет собой не только юридически-правовой статус, но и социальное состояние. Равенство перед законом и связанные с этим гражданские права в правовом государстве — это лишь один из аспектов

жизни, который необходимо дополнить социально-экономическими правами. Очевидно, что обеспечение подлинной свободы в обществе предполагает, чтобы каждый человек стал гражданином не только в юридическом и политическом, но также и в социальном плане. Политическое равенство — это не самоцель, а исходное состояние, которое создает равные для всех условия выбора. Оно служит фундаментом, на котором процветает свобода. Свобода остается недостижимой мечтой, пока каждому члену общества не будет обеспечен равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов.

Это предполагает создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса. Одной из важнейших функций гражданского общества и правового государства является обеспечение минимально необходимых средств существования для всех своих членов, прежде всего тех, которые в силу разных причин не в состоянии это делать сами (инвалиды, больные, престарелые, дети-сироты и др.). Первоначально эту задачу выполняли главным образом разного рода институты гражданского общества, такие как кровнородственные, сельские, соседские общины, церковные организации, благотворительные организации и фонды, профессиональные общества, профсоюзы. Однако в силу различных причин в XX в. значительную, все более растущую часть ответственности за обеспечение необходимого уровня жизни людей взяло на себя государство. Более того, в индустриально развитых странах, где неуклонно расширяются социальные программы, осуществляемые государством, утвердилось так называемое государство благосостояния, часть деятельности которого составляет реализация широкого комплекса программ, призванных обеспечить приемлемый уровень жизни экономически и социально незащищенным слоям населения — старикам, инвалидам, всем категориям нетрудоспособных членов общества. В качестве одной из главных целей государства благосостояния его приверженцы выдвинули «расширение» демократии, предоставление всем членам общества не только юридических и политических, но также социальных прав путем справедливого с их точки зрения перераспределения доходов. Социал-демократы и либеральные реформаторы рассматривают государство благосостояния как гарант обеспечения социальной справедливости. В настоящее время выполнение социальных программ стало неотъемлемой частью деятельности правового государства, одним из главных показателей его превращения в государство благосостояния.

Антиномия между равенством и свободой

При решении проблемы справедливости перед любым политиком так или иначе встает вопрос о свободе и равенстве, правах и обязанностях человека и гражданина. Ключевое место здесь занимает идея личной свободы. Она выступает как источник и права, и нравственности. Сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с упрочением идеи свободы личности. Максимум гражданской свободы обеспечивает максимум нравственной свободы. Вместе с тем, как подчеркивал Ф.М.Достоевский, если исповедовать свободу без внутреннего самоограничения, она ведет к распущенности. Свобода личности имеет смысл лишь в соотнесенности с чем-то другим, о ней как о ценности можно говорить лишь в отношениях между людьми. С этой точки зрения свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека. Будучи разумно-нравственным существом, человек, живя и действуя, не только преследует собственные эгоистические цели и интересы, но сознательно руководствуется сверхличными, стоящими над ним началами и законами. Сверхличными, потому что отдельно взятый индивид немыслим вне общества и общественных связей. Человек, взятый сам по себе, не может быть мерой всех вещей. Он может выступать лишь как существо нравственно-разумное, руководствующееся основополагающими морально-этическими нормами и установками, составляющими некую невидимую ось, обеспечивающую сущностное единство общества.

В данном контексте, как отмечал А. Камю, «абсолютная свобода — это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость — это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения. Никто не сочтет свой удел свободным, если он в то же время несправедлив, и справедливым — если он не свободен».

Самый что ни на есть совершенный и справедливый политический порядок содержит предписания и запреты, призванные так или иначе ограничивать противоречащие установленным правовым нормам действия граждан путем применения или угрозы применения насилия, т.е. ограничения свободы. В то же время социальная справедливость, построенная на уравнении всех и вся, при одновременном игнорировании свободы волеизъявления личности может привести прямо к противоположному. Достаточно вспомнить, что именем справедливости, равенства и иных благородных ценностей было совершено немало преступлений, в том числе и в нашей стране. Ради достижения иллюзорной справедливости тоталитаризм, например, на деле узаконил самую вопиющую несправедливость. Суля людям чудеса социально-экономического, политического и нравственного прогресса, он вынудил людей смириться с чудовищными преступлениями.

С точки зрения ранжировки и определения приоритетности целей и средств их достижения актуальна проблема соотношения идеального и реального в политике. Выше указывалось, что этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и соответственно идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую активность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств. «Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки сделать его земным раем»,— писал Ф.Гельдерлин. Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализацию идеала совершенного общества, в сущности не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не могло быть прямолинейного движения к добру, совершенству, справедливости, счастью. Ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как «божественных», так и «дьявольских» начал, начал добра и зла.

Мораль и морально-этические императивы следует рассматривать в качестве идеалов, которые в реально существующем мире большей частью недостижимы. Более того, сама постановка вопроса об «окончательном решении», полной реализации той или иной идеальной политической модели или конечной цели чревата огромными опасностями для самой человеческой свободы и соответственно опасностью аннигиляции самой морали и нравственности. Часто приходится выбирать не между абсолютным и добром и злом, а между меньшим и большим злом. В данной связи интерес представляет постановка вопроса М. Вебером, который проводил различие между этикой ответственности (verantwortungsethik) и этикой убеждений (gesinnungsethik).

Этика ответственности вырабатывается из понимания сложности моральной ситуации в сфере действия политики. Дело в 'том, что политика нередко сопряжена с принуждением и насилием, моральные последствия которых заранее невозможно предвидеть. Невзирая на то, что с моральной точки зрения принуждение всегда оценивается отрицательно, политик все равно прибегает к нему, чтобы обеспечить себе поддержку у людей, используя их стремление к признанию, власти, привилегиям. Что касается этики убеждений, то она строится на принципе сохранения моральной чистоты ценой принесения ей в жертву всех реальностей, противоречащих доктрине, отказа от малых дел, способных как-то улучшить положение людей и т.п. Суть этой позиции в политике состоит в концептуализации борьбы между абсолютными добром и злом, что оправдывает использование любых средств для достижения конечных целей. Здесь приверженость «этике абсолютных целей» противостоит «этике ответственности».

Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества путем создания совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, в том числе, как это продемонстрировали тоталитарные режимы, миллионы, десятки миллионов человеческих жизней. По самой логике вещей он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды. Поскольку путь к цели далек и долог, то необходимо постоянно принимать меры, призванные обеспечивать ее общественное признание путем подавления всякой критики, ликвидации оппозиции, насаждения убеждения в мудрости и всемогуществе предводителя в движении к намеченной цели. Один из важнейших принципов такого утопизма

состоит в том, что каждое поколение будет приноситься в жертву тем, которые придут после него, и так до бесконечности.

Очевидно, что проблему соотношения политических целей и средств невозможно разрешить, основываясь, как это пытался делать Ф.В.Ферстер, на постулате «из добра может следовать добро, из зла лишь зло». Как показывает исторический опыт, в сфере властных отношений наидостойнейшего из людей подстерегает множество соблазнов. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. Приходится констатировать, что последняя слагается из множества константных и переменных величин, где, так сказать, божественное перемежается с сатанинским, благородство с низменным, истинно человеческое с животным, устремленность ввысь с дьявольской одержимостью и т.д.

Очевидно, что не всегда человек выдерживает испытание властью и нередко низменное начало одерживает в нем верх. Поистине, как говорил один из героев Честертона отец Браун, «можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удавалось удержаться на одном уровне зла». К сожалению, за примерами, свидетельствующими о верности этого суждения, нам вовсе не нужно обращаться к отдаленным временам или странам — в нашей сегодняшней жизни их предостаточно. К тому же не всегда человек или идея вступает на общественно-политическую авансцену в своем истинном обличий. Бывает, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил еще Ф.М.Достоевский, зло приходит в мир в маске добра. Нужно ли здесь напоминать, сколько раз в истории разного рода лжепророки, претендовавшие на осчастливливание всех людей, на деле оказывались сущими антихристами и бессовестными злодеями, принесшими неисчислимые бедствия своим, да и чужеземным народам. Эти примеры воочию демонстрируют верность слов лорда Эктона, который говорил, что «любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно».

Выдвигая хорошие, а то и прекрасные идеи, мы не вправе забывать о реальностях, тем более подгонять под них эти реальности. В этом контексте интерес представляет проводившееся П.Сорокиным разграничение в подходах к этике между неокантианством и социологизмом. Первое говорит словами С. Лотце: *«Я все еще убежден, что иду правильным путем, когда ищу в том, что должно быть, основание того, что есть».* Второй же, наоборот, утверждает: «*В том, что есть, мы ищем то, что должно быть».* Однако, как представляется, здесь нельзя допустить проведения непреодолимой линии разграничения между миром сущего и миром должного. Если нет резко очерченной грани между ними, то нет резко обозначенной границы между вопросами власти и вопросами морали.

Идеальная цель, как бы далека и возвышена она ни была, должна принадлежать реальному миру. Важное место в нашей жизни занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями и обстоятельствами. Разумеется, можно пассивно наблюдать, плыть в водовороте политических событий и процессов. Но все же политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события. Оценки, на основе которых принимаются решения, могут быть сознательными или бессознательными, простыми или сложными, тщательно продуманными или поспешными, основанными на солидной или поверхностной информации.

Все многообразие результатов и предметов человеческой деятельности, а также сами отношения между людьми оцениваются в категориях добра и зла, истинного и ложного, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного и т.п. Способы и критерии такой оценки, выраженные в форме нормативных представлений, закрепляются в общественном сознании как «субъективные ценности» — установки, оценки, ориентации, императивы и запреты. В системе ценностей зафиксированы те критерии социально признанного в данном обществе или социальной группе, на основании которых формируются более конкретные системы нормативного контроля и целенаправленные действия людей.

Как выше говорилось, гражданское общество представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает немаловажный вопрос: как достичь

совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этических воззрений? Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику «искусством возможного». В жизни, особенно политической, нередки случаи, когда буквалистская, бескомпромиссная приверженность принципу, диктующему всегда и всюду придерживаться его без учета возможных последствий, может привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Для опытного политика из любого правила или принципа должны быть исключения. Например, во все времена властители, да и политические мыслители отстаивали допустимость лжи во имя укрепления существующей системы, считая ложь во благо вполне допустимым средством политики. Канцлер Германии О.Бисмарк как-то заметил: *«политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях — перед выборами, во время войны и после охоты».* Было бы чистейшей воды лукавстовом утверждение, что такой-то вполне респектабельный крупный политик или государственный деятель (скажем, У.Черчилль, Ф.Рузвельт, Ш. де Голль) никогда не прибегал к обману, передергиванию или искажению фактов, когда это диктовалось высшим интересам нации и государства.

Любые более или менее дееспособные политические программы в процессе своей разработки и осуществления должны приспосабливаться к изменяющимся реальностям, от чего-то отказываться, что-то заимствовать из программ других политических сил и т.д. Здесь как нельзя лучше подходит максима критического рационализма: *«Кардинальная необходимость для политического деятеля — это представить самого себя на месте другого. Кто этого не может и не хочет делать, тот не подходит для мирной внешней политики, как и для демократической внутренней политики. Кто не желает всерьез принимать цели и интересы другого, тот не годится для компромисса. Кто не годен для компромисса, тот не в состоянии сохранить мир».* Иначе говоря, «искусство возможного» требует от всех сторон, вовлеченных в политику, способности и готовности идти на компромиссы. Поэтому политику можно было бы характеризовать также как «искусство компромисса». Достижение приемлемого для всех сторон решения требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения.

Однако в морально-этическом контексте компромисс зачастую может рассматриваться как признак отступления от принципов. Исторический опыт показывает, что людям, как правило, импонируют не те государственные и политические деятели, которые славились своим умением достигать согласия, а те, кто твердо и бескомпромиссно реализовывали свои идеи и замыслы. «Искусство возможного» означает не отказ от морально-этического ценностного начала, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной в смысле учета реальных общественных и структурных предпосылок политической деятельности и возможностей реализации того или иного политического курса. Учет этих предпосылок предполагает то, что К.Г.Баллестрем называет «моральным компромиссом». Такой компромисс отнюдь *«не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитацию, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества».* Все то, что согласуется с такой концепцией справедливости и готовности к компромиссу, представляет собой отрицание возможности определения истинности моральных убеждений, навязывание собственных суждений, стремление устранить, по выражению К.Г.Баллестрема, «скандальный плюрализм при помощи диктата добродетели и воспитания».

Здесь мораль как одно из сущностных проявлений человеческого измерения и абстрактное морализирование совершенно разные вещи. Зачастую нельзя верить на слово тем политикам, которые строят свои карьеры, выдавая себя носителями высшей морали и нравственности, высказывая моралистические суждения и выражая негодование относительно других суждений. Нельзя верить тому, кто, уверенный в своей непогрешимости, претендует на исправление морали других. В большинстве случаев проповедуемая ими мораль — ложная. Важно отличать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и его моральную оправданность и обоснованность. То, что химические исследования и разработки чреваты для людей и общества опасными последствиями, не значит,

что они должны быть прекращены. Но действительно опасен тот химик, который не сознает опасности. То же самое и с политиком.

Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более предвидеть все возможные результаты своих действий. *«Ни одна этика в мире,—* писал М.Вебер в данной связи,— *не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий: и ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия».* Политик часто оказывается перед дилеммой: либо принимать непопулярные и жесткие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще более усугубить ситуацию.

Особенно отчетливо этот момент проявляется в сфере международных отношений. Люди в большинстве своем, как правило, отрицательно или с презрением относятся к неспровоцированному убийству и насилию. Также они относятся и к войне. Однако во внешнеполитической сфере забота о собственной безопасности является определяющим мотивирующим фактором для всех членов международно-политической системы. Главными функциями каждого актора международной политики стали ликвидация или блокирование опасности и стремление обезопасить себя от угроз, исходящих от других акторов. Центральное место в их усилиях занимает защита национально-государственных интересов, поэтому в определенных ситуациях использование силы для этой цели становится неизбежным и желательным. При таком положении соблюдение норм морали становится весьма трудным делом. Поэтому не случайно, что многие исследователи характеризуют международную политику как аморальную или имморальную. Эта аморальность питается тем, что при анархии внимание каждого актора концентрируется на реализации собственных корыстных целей и интересов, а также осознанием того, что не все акторы играют, соблюдая одни и те же правила игры. Правительства, призванные защищать интересы своих граждан от любой внешней угрозы, не тождественны отдельно взятым гражданам отдельно взятого государства. Поэтому моральные нормы, которыми руководствуются отдельные индивиды, не могут служить руководящими для государства.

На международной арене главным приоритетом для государства как актора международной политики является защита своих граждан. Эта цель перевешивает любые требования относительно корректного поведения в отношении других акторов. Ситуация еще больше осложняется тем, что разные акторы руководствуются разными культурными и моральными системами. Например, пацифизм, приверженцы которого ставят под сомнение правомерность с нравственной точки зрения использования силы в решении как внутриполитических, так и внешнеполитических проблем, как нельзя лучше отвечает общепринятым морально-этическим императивам. Одним из важнейших принципов пацифизма является приверженность делу разоружения. И действительно, если убийство, насилие и соответственно война, которая ассоциируется с ними, аморальны, то, казалось бы, любой человек, приверженный принципам морали, должен был бы выступить против накопления орудий войны, за разоружение. Но на практике дело обстоит значительно сложнее. Приверженцы пацифизма, по сути дела, в должной мере не учитывают тот факт, что одной из главных целей правительства любого государства является обеспечение безопасности своих граждан от внешней угрозы. Более того, действия правительства в направлении одностороннего ограничения вооружений или разоружения в мире, напичканном самыми современными вооружениями, именно с моральной точки зрения были бы весьма сомнительными. Как справедливо отмечал А.Уольферс, *«моральные увещевания не подчиняться императивам выживания ... означали бы посоветовать совершить самоубийство».* В сфере международной политической системы сила играет центральную роль, поскольку позволяет стране защищать и

реализовывать свои интересы. Разумеется, и здесь при решении межгосударственных споров все больше используются невоенные и несиловые средства и методы. Однако, когда последние оказываются неэффективными, государство готово прибегнуть к силе. Иногда государство демонстрирует свою слабость в вооружении и неготовность дать достойный отпор возможному противнику, провоцируя тем самым последнего перейти Рубикон и начать войну.

Именно отсутствие такой воли у правительств Великобритании и Франции во второй половине 30-х годов, сделавших ставку на политику умиротворения Гитлера в условиях широкомасштабного наращивания Германией, Италией и Японией вооружения (при политике изоляционизма руководства США), во многом послужили для последних стимулом к развязыванию Второй мировой войны. В данном конкретном случае аморальными можно считать позиции тех, которые именем морали и нравственности призывали к разоружению и миру, а не тех, кто перед лицом неумолимо надвигавшейся войны требовал наращивать вооружения, чтобы остановить Гитлера и его приспешников. Как говорил Н.Макиавелли, чтобы попасть в рай, нужно тщательно изучить дорогу в ад. В данной связи нельзя не отметить, что после 1945 г. мир не стал ареной очередной всемирной бойни именно потому, что каждая из главных противоборствующих сторон выказывала готовность дать отпор возможной агрессии противной стороны и неуклонно наращивала для этого материальную базу сдерживания.

Иными словами, взаимное сдерживание, примерный баланс сил способствовали сохранению мира в течение всего послевоенного периода. Причем необходимо подчеркнуть, что на первом этапе (в 50—60-е годы) этот баланс, давший возможность обеим сторонам осуществить политику гарантированного сдерживания, был достигнут в результате не разоружения, а наращивания вооружений. В результате каждая из сторон была уверена, что после возможного первого удара противника у нее останется достаточно средств для нанесения ему ответного удара. Таким образом, очевидно, что гонка вооружений не всегда и не обязательно является фактором дестабилизации международных отношений и причиной развязывания войны. Именно гонка вооружений в течение нескольких послевоенных десятилетий привела к стабилизации международных отношений, во всяком случае отношений между великими державами, прежде всего СССР и США. В данном случае в тех конкретных обстоятельствах сокращение вооружений или разоружение можно было бы оценить как аморальную позицию, поскольку при отсутствии должного уровня доверия между заинтересованными сторонами они могли подвигнуть одну из сторон перейти роковую черту. Очевидно, что требования разоружения и защиту мира нельзя всегда автоматически отождествлять с приверженностью принципам морали. Поэтому, выдвигая сколько-нибудь ответственные моральные оценки и суждения, нельзя не учитывать их контекст и возможные последствия.

Очевидно, что, с одной стороны, максима «политика есть искусство возможного» ставит определенные пределы морализации политики, а с другой стороны, этика определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом изложенного, перефразируя известное высказывание классиков марксизма, можно сказать: «политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы». Но в любом случае действия настоящего политика должны проверять известное высказывание поэта П.Валери, который говорил: *«Политика — это искусство не давать людям заниматься тем, что для них является главным».* Политика, оцениваемая в морально-этическом измерении, как раз и должна обеспечивать условия, позволяющие людям заниматься тем, что для них является главным.

Противоречие между преходящим и вечным, идеальными основаниями и земным несовершенством, идеальным и реальным составляет неискоренимый закон человеческого существования. Но суть проблемы в рассматриваемом плане заключается в том, что нельзя допускать метафизического противопоставления мира сущего и мира должного, проводить резко обозначенные границы между ними, между сферой морали и сферой политики. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые не без оснований утверждают, что принципы

справедливости имманентно присущи любой правовой системе. Поэтому совершенно неправомерно проводить некую непроницаемую линию разграничения между понятиями «право», «государство», «политика», с одной стороны, и понятиями «нравственность» и «справедливость» — с другой. Необходимо стремиться к достижению высшего синтеза между этими двумя началами, который мог бы послужить онтологической основой мира политического в целом.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятие «политическая этика»?
2. Каково соотношение профессионализма и морали в политике?
3. Чему в политике следует отдавать предпочтение — праву или нравственности?
4. Какова в политике взаимосвязь между справедливостью, правом и нравственностью?
5. Как решается в политике вопрос о соотношении целей и средств?
6. Что вы понимаете под моральным компромиссом и какое содержание вкладываете в известную формулу «политика есть искусство возможного»?

Глава 14. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

В античности и средневековье политическое было непосредственно слито с другими сферами общественной жизни, говоря языком немецкой классической философии, пребывало в состоянии в-себе-бытия и коренилось в контексте господствующей социально-исторической парадигмы. Вычленмвшись из целостного социума, оно породило потребность в разработке особых социально-философских и мировоззренческих оснований, призванных обеспечить собственную легитимизацию и в то же время предложить собственную интерпретацию мира, трансформировать себя, так сказать, из состояния в-себе-бытия в состояние для-себя-бытия. Обнаружилось, что политическое может использовать свое видение мира в качестве орудия собственного производства и воспроизводства, придания себе фундаментальной значимости.

Политическая философия является историческим феноменом и уже только в силу одного этого ее формирование и эволюция представляют собой процесс не только постоянного противоборства и смены различных конфликтующих воззрений, концепций, трактовок мира политического, различных теорий и методологических позиций, но и изменения самого способа познания и осмысления политической сферы.

Мир политического имеет много измерений — социально-экономическое, социокультурное, конфессиональное, историческое, структурное, функциональное, концептуальное и др. В качестве объединяющего их начала выступает мировоззренческое измерение мира политического. Центральный элемент здесь – политическая философия. По мнению Гегеля, абсолютная идея как «единственный предмет и содержание философии» имеет разные формообразования. Причем их философское постижение составляет «задачу отдельных философских наук». Таковыми являются философия истории, философия религии, философия права. Такой же «отдельной философской наукой» является и политическая философия.

Хотя данной проблеме посвящено множество работ, ряд ее важнейших аспектов в должной мере не исследован и требует дальнейшей разработки. Дискуссионными остаются такие важные вопросы, как: когда и в силу каких факторов возникла политическая философия? кого можно считать ее основателями и разработчиками? какие этапы она прошла в своем развитии? и др. Остается еще много неясного относительно сущностных характеристик и основных составных элементов политической философии, хронологии ее возникновения, соотношения с другими социальными и гуманитарными науками, с теорией и идеологией, ее места в мире политического. По сути дела, еще нет более или менее ясного ответа на основополагающий вопрос: «Что есть политическая философия?»

Поэтому естественно, что не совсем ясным остается ответ на вопрос о том, кого именно считать отцами-основателями и современными адептами политической философии. В качестве таковых, например, в фундаментальный труд «История политической философии» включены Фукидид и Платон, Ксенофонт и Аристотель, св. Августин и Аль-Фараби, Фома Аквинский и Н.Макиавелли, М.Лютер и Г.Гроций, Р.Декарт и Дж.Локк, А.Смит и Г.В.Ф.Гегель, К. Маркс и Ф.Ницше, Э.Гуссерль и М.Хайдеггер и др. Нетрудно заметить, что среди них имеются как философы, так и юристы, как политэкономы, так и историки. Зачастую имеет место смешение политической философии и политической теории, нередко эти понятия используются в качестве синонимов. В свою очередь они оба смешиваются с понятием «политическая идеология».

Очевидно, что это сложный и многоаспектный вопрос, имеющий важное значение для правильного понимания как структурных элементов мира политического, так и его понятийно-категориального аппарата. Разумеется, все эти вопросы не могут быть в должной мере раскрыты в одной главе. Поэтому основное внимание здесь концентрируется на наиболее важных, на взгляд автора, сущностных характеристиках политической философии.

Политическая теория

Прежде всего необходимо провести линию разграничения между политической философией и политической теорией или, проще говоря, между теми или иными политическими идеями. Политические феномены, их функционирование невозможно понять в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Политическая мысль может принимать различные формы, но свое реальное воплощение она получает в политической идее и теории. Как отмечал Гегель, все, что нами мыслится, является продуктом мышления. Однако, говорил он, *«мысль есть еще нечто формальное; понятие есть уже более определенная мысль; наконец, идея есть мысль в ее целостности и ее в себе и для себя сущем определении»*.

Как известно, понятие «идея» занимало ключевое место в ряде философских систем античности. В частности, Платон рассматривал эфемерный и изменчивый мир явлений как своего рода эманацию невидимого и неизменного мира идей. Постепенно понятие «идея» потеряло свой первоначальный платоновский смысл, приняв общее значение представления, мысли, постулата. В наше время под политической идеей подразумевается любое политически значимое мнение, утверждение, убеждение, тезис и т.д. Политическая философия же, хотя и включает в себя идеи, не сводится к ним. Главная ее задача состоит в выявлении онтологических оснований политики, ее сущности и предназначения. *Политическая идея* — это не более как развитие или защита каких-либо твердо утвердившихся убеждений или мобилизующих мифов.

С определенными оговорками можно сказать, что комплекс нескольких идей составляет *политическую теорию.* По мнению специалистов, само слово «теория» впервые было введено в древнегреческой философии орфиками и означало «страстное и сочувственное созерцание». Первоначально оно понималось как сконцентрированный мысленный взгляд на вещи. В этом значении понятие «теория» покрывало бытие (онтологию), равно как и объяснение причинно-следственных связей в их религиозном или философском выражении, отображающих эмпирическую или логическую мысленную конструкцию. В современном смысле под теорией понимается комплекс представлений, идей и воззрений, имеющих своей целью истолкование и объяснение тех или иных политических явлений и процессов. Это понятие используют и в более строгом смысле, подразумевая под ним развитую форму организации научного знания, призванную дать целостное представление о мире политического.

Итак, теория представляет собой целостную систему знания, различные компоненты которого находятся в логической зависимости друг от друга и выводятся из определенной совокупности понятий, пропозиций, утверждений. Теория как особая форма освоения и истолкования мира всегда связана с определенными философско-мировоззренческими установками. Это нередко служит фактором, затрудняющим проведение сколько-нибудь четкой

линии разграничения между политической философией и политической теорией. Как писал Дж.Тернер, теоретизирование можно отнести к числу средств, с помощью которых мыслительная деятельность, известная как «наука», может реализовывать три свои основные цели: 1) классифицировать и организовывать происходящие в мире события таким образом, чтобы их можно было представить в перспективе; 2) объяснять причины происшедших событий и предсказывать, когда, где и как будут происходить события будущие; 3) предлагать интуитивно привлекательное здравое «понимание» того, почему и как должны происходить события.

Поэтому очевидно, что описания или систематизация эмпирических фактов, взятые сами по себе, не составляют теорию. Теория в обязательном порядке предполагает не только описание, но и объяснение. Объяснение в свою очередь включает раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах и феноменах, которые данной теорией покрываются. Политическая теория концентрирует внимание на конкретных проявлениях мира политического, таких, например, как структура и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем.

Как считал Т.Парсонс, теории представляют собой аналитические конструкции, используемые для исследования «внешнего мира так называемой эмпирической реальности». При этом, *«по крайней мере некоторые из общих концепций науки не являются фикциями, а адекватно "схватывают" аспекты объективного внешнего мира».* Парсонс, как и большинство ученых начиная с М.Вебера, принимает идею, что концептуальные схемы составляют необходимые аспекты восприятия, будь то в науке или повседневной жизни. В качестве четко сформулированных научных конструкций они обеспечивают объективную и систематическую ориентацию на данные, которые помогают в открытии и исследовании фактов. Парсонс подчеркивал, что теории должны быть в конечном счете системами пропозиций о фактах. Сам он ставил своей задачей формулирование «всеобщей теории социальных наук», призванной выполнять три главные функции: кодификацию существующего конкретного знания; проведение исследований; обеспечение рамок интерпретации исследуемых реальностей. Отсюда теории: структурно-функционального анализа, типологизации политических и партийных систем, теории демократии, тоталитаризма и авторитаризма и т.д.

Что касается политической философии, то она рассматривает исследуемые материи в их целостности, стремится постичь лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политического вообще, идею государства и власти вообще, абстрагируясь от их конкретных воплощений.

Политическая идеология

Мир политического невозможно представить себе без идеологии. С самого своего возникновения власть и связанные с ней формы правления, а также проводимый ими политический курс нуждались в обосновании, оправдании, легитимизации. Идеология, не важно как она называлась в разные исторические эпохи, и была призвана выполнять эту задачу. Поэтому естественно, что немаловажное место и в политической науке, и политической философии занимает вопрос о соотношении политики и идеологии. О его значимости свидетельствует хотя бы тот факт, что XX столетие называют веком идеологии, поскольку он прошел под знаком не просто бескомпромиссной борьбы, а войны различных идеологических систем.

Оставляя в стороне вопрос о причинах, условиях появления и эволюции этого феномена, отметим лишь то, что возникновение и институционализация идеологии в собственном смысле слова теснейшим образом связаны с процессами автономизации гражданского общества и мира политического, усложнения и плюрализации социального состава общества, разложения универсального средневекового мышления, появления политико-философской мысли и ее диверсификации на различные направления и течения, отделения мировоззрения от государства, частным случаем которого первоначально стало отделение церкви от государства.

Идеология теснейшим образом связана также с формированием и институционализацией идей нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий

идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимавшегося третьего сословия, или буржуазии. Другое дело, что в XX в. оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в нашем столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» к т.д. использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил.

Во многом различные идеологические течения явились, по сути дела, результатом приспособления основных направлений политико-философской мысли к непосредственным потребностям практической политики различных конфликтующих сил в обществе. Но в отличие от политической философии, идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения поддержки со стороны населения тех или иных политических программ. Поэтому, естественно, она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений. Они основываются на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического. Для консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее, если не более, важное значение, чем единство интересов ее носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов. Как отмечал германский исследователь О.Ламберг, эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антиподе или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

Следует отметить, что выделение любого течения из общей системы политико-философской или идейно-политической мысли, равно как и любая типологизация составляющих данную мысль течений, предполагает ту или иную степень абстракции, которая в свою очередь теснейшим образом связана с редукцией, т.е. сведением множества противоречивых элементов к какому-либо одному или нескольким базовым элементам. Характерна она и для политико-философских течений. Но в идеологии редукции принадлежит значительно большая роль, чем в политической философии. Именно с ее помощью достигаются большая компактность идеологии, ее простота и доступность для среднего человека определенной ориентации.

Но степень такой редукции варьируется в зависимости от степени открытости или закрытости конкретной идеологической системы: от минимальной в умеренных и центристских до крайних в радикальных и революционных. Существует своего рода закономерность, в соответствии с которой степень радикальности той или иной идеологической конструкции прямо пропорциональна степени редукции основных ее элементов. Известно, что любая идея, как бы совершенна она ни была, доведенная до абсолюта, превращается в свою противоположность или, иначе говоря, в настоящий абсурд. И естественно, попытки ее практической реализации не могут не обернуться далеко идущими негативными последствиями. Это подтверждается на примере тоталитарных идеологий, которые строились на предельном упрощении и сведении всей сложности, многообразия и полноты реальной жизни к одному единственному «изму» путем отсечения от него и по сути дела ликвидации всех неугодных

институтов, организаций, ценностей, политико-философских и идейно-политических течений, религии, классов, сословий и т.д.

Принцип редукции, как правило, обусловливает некоторые специфические особенности идеологии. В методологическом плане она призвана играть в сфере политики ту же роль, что система догматов в сфере религии. И там и здесь вера — в первом случае секулярная, а во втором религиозная — играет центральную роль. «Рим — владыка, если богов чтит: от них начало, в них и конец найдем»,— писал древнеримский поэт Гораций, имея на то более чем достаточно оснований. Падение с пьедесталов или смерть богов часто знаменует собой упадок и смерть старой и восхождение новой цивилизации. Как правило, народы недолго переживают исчезновения своих богов. Глубоко был прав Г.Лебон, когда писал: «Нет ничего более разрушительного, чем прах умерших богов». Банально звучит утверждение, что идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения истинны они или ложны.

И действительно, в истории слишком часто бывало так, что, казалось бы, совершенно нелепые идеи вызывали сильнейшие потрясения, подрывавшие устои казавшихся вечными империй, если люди верили этим идеям. В значительной мере это объясняется тем, что реальной материальной силой, разрушающей устои цивилизации, как правило, выступала масса. А массу можно привлечь не какими-либо сложными рациональными конструкциями, требующими специального аппарата доказательств и обоснований, а простыми, понятными, привлекательными, способными мобилизовать и стимулировать лозунгами, стереотипами, мифами, символами и т.д. Именно среди масс может получить живой отклик, например, призыв какого-нибудь доселе мало кому известного Петра Пустынника устремиться на Восток к гробу Господню или фюрера в лице Гитлера создать тысячелетний рейх, или вождя В. Ленина покончить с вековечной системой эксплуатации человека человеком и создать совершенное бесклассовое общество рабочих и крестьян. Здесь как нельзя к месту мысль Г. Лебона, который говорил: *«Гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю».*

С определенными оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных друг с другом компонента, один из которых в доведенной до логического конца и крайней форме предполагает разрушение существующей системы, а второй — позитивную модель предполагаемого общественного или государственного устройства. Речь идет прежде всего о радикальных идеологиях левого и правого толка, наиболее типичными примерами которых могут служить большевизм и национал-социализм. Большинство же идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, всегда в выигрышном положении находятся те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Для правильного понимания сущности идеологии необходимо иметь в виду еще один момент. Часто — в данном случае не являются исключением и вполне респектабельные идеологические конструкции — идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего привилегированного или же господствующего положения, потому они просто не в состоянии трезвыми глазами смотреть на реальное положение вещей, в том числе и на глубокие изменения, возможно, происшедшие в собственной стране и окружающем мире. Соответственно они готовы отстаивать свои позиции любыми, даже насильственными средствами.

В свою очередь те группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением и выступают за его изменение, склонны впадать в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть различной у разных категорий граждан и диапазон их программ может варьироваться от требований перестройки тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома существующей системы.

Сторонники радикальной или революционной идеологии могут быть настолько одержимы сознанием своей правоты и законности предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность трезво оценивать реальное положение. В результате, особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие бы то ни было серьезные уступки, революция, радикальный переворот нередко могут рассматриваться в качестве универсального ключа к решению всех проблем. Все это свидетельствует о правоте К. Манхейма, по мнению которого *«в слове "идеология" имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его».*

Все сказанное позволяет сделать вывод, что политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений. Однако констатация этого факта сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что при всей его верности знаменитая формула «политика есть искусство возможного» сохраняет правомерность и в современных условиях. С одной стороны, «искусство возможного» ставит определенные пределы идеологизации политики, с другой стороны, идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса может выйти без ущерба основополагающим принципам своего политического кредо.

Поэтому высказываемые у нас часто доводы и рассуждения относительно необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как непременного условия строительства демократического государства лишены каких бы то ни было серьезных оснований, поскольку в современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немыслима без идеологии. Речь в данном случае должна идти, как представляется, не о деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости друг к другу и открытости в отношении друг друга. А это в свою очередь предполагает, что, хотя научный подход и отвергает идеологию в качестве инструмента или исходной посылки исследования, необходимость изучения самой идеологии как неотъемлемого элемента мира политического не отпадает.

Еще Ф.Ницше предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими. Это проявилось, в частности, в выдвижении множества проектов, идей, программ, учений, предлагавшихся в качестве руководства к поискам переустройства существующей и создания новой, более совершенной общественно-политической системы. При этом сама политико-философская мысль оказалась политизированной и идеологизированной, подчиненной императивам системного конфликта, которая стала родимым признаком большей части XX в.

Разделительная линия в этом конфликте была проложена еще в начале века в процессе формирования и более или менее четкого разграничения двух магистральных направлений политико-философской мысли: реформистского в лице либерализма, консерватизма и социал-демократизма и революционного в лице ленинизма и фашизма, каждое из которых имело свои национальные, региональные и системные разновидности.

Ряд ведущих стран, таких как США, Великобритания, Франция, Швеция, Дания, Голландия и др., избрали путь постепенных социально-экономических и политических преобразований капитализма. Причем при всех существовавших между ними разногласиях приверженцами реформистского пути преобразования общества выступили все главные социально-политические силы, признававшие основополагающие принципы рыночной экономики и политической демократии. Всех их объединяло осознание необходимости в

создавшихся в тот период условиях расширения роли государства во всех сферах жизни общества, особенно в социальной и экономической, для предотвращения и преодоления негативных последствий рыночной экономики. В целом речь идет о тех силах, которые в основу своих социально политических программ положили установки и принципы идейно-политических течений либерализма, консерватизма и социал-демократизма.

Революционно-тоталитарный путь избрали Россия, Италия, Германия и целый ряд других стран Европы и Азии, для которых были характерны слабость, неразвитость или полное отсутствие институтов, ценностей, норм гражданского общества, правового государства, конституционализма, парламентаризма и других атрибутов либеральной демократии. Как по своим целям (радикальная замена существующей общественно-политической системы совершенно новой системой), так и по использованным при этом методам (революционный переворот, насильственное свержение существующей власти) оба главных течения тоталитаризма представляли собой революционные движения, поскольку предлагали радикальное изменение существующей системы путем насильственного переворота. Разница заключалась в том, что осуществленная в России социалистическая революция, во всяком случае в теории носила «прогрессивный» характер, так как руководствовалась идеалами всеобщего равенства, социальной справедливости, интернационального единства всех народов и др. Что касается фашистских переворотов, совершенных в Италии, Германии, Испании и некоторых других странах, то они носили «консервативный» характер, ибо в их основе лежали праворадикальные идеи национализма, расизма, имперской великодержавности, апология насилия.

Что есть политическая философия?

Для раскрытия сущности и содержания понятия политической философии в качестве отправной точки, по-видимому, следует взять основные сущностные характеристики самой философии. Главное предназначение последней, как известно, искание или постижение истины о сущности и смысле самого бытия. Приступая к написанию своего фундаментального трехтомного труда «Лекции по истории философии», Гегель отмечал, что в самом этом понятии есть противоречие. *Цель философии* — познать истину, т.е. неизменное, вечное, сущее само по себе. История же занимается вещами преходящими, тем, что некогда существовало, а в другое время уже исчезло, стало достоянием минувших времен. Если философия *«имеет историю, то так как история есть лишь изображение ряда минувших образов познания, в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее».*

Не в меньшей степени соображения Гегеля верны применительно к политической философии. Дело в том, что для мира политического характерна высочайшая степень динамизма. А это означает, что здесь многие феномены, события, процессы настолько эфемерны и быстротечны, что часто исследователь не в состоянии поспеть за ними, тем более установить в этом калейдоскопическом водовороте не то что истину, даже элементарные причинно-следственные связи. В действительности, как справедливо подчеркивал Гегель, в понятии «история философии» противоречия нет, поскольку каждая наука, в том числе и философия, помимо своей внутренней истории имеет внешнюю историю — «историю своего возникновения, распространения, расцвета, упадка, возрождения».

Нет противоречия и в понятии «политическая философия», которая также имеет как внутренний, так и внешний аспекты. Поэтому, говоря, что политическая философия занимает некую точку пересечения между политической наукой и философией, имеют в виду всю сложность и многоаспектность мира политического. Задача политической философии состоит в том, чтобы высветить скрытый принцип всего мира политического в его явленности. Она концентрирует внимание на сущностных аспектах, на самой природе политических феноменов. Внешний аспект — это конкретные проявления, формы и факты, так сказать, феноменальная сторона политического.

В центре внимания политической философии стоят вопросы о сущности государства и власти, их предназначении и целях, отношении к природе человека и др. Она призвана

анализировать, например, государство и власть прежде всего как социальные феномены, как институты политической организации общества, имеющей главной своей целью реализацию всеобщего интереса.

Однако любой политический феномен, например власть саму по себе, невозможно сколько-нибудь четко фиксировать в понятиях, взятых изолированно от других феноменов. Чтобы выявить ее сущность, необходимо определить содержание понятия «государство», а его в свою очередь нельзя выяснить, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие «политическое» и т.д. Власть, взятая в ее конкретной явленности, в чисто практическом воплощении или в сциентистском, эмпирико-фактографическом аспекте, лишается многих своих важных сторон, редуцируется и упрощается. Поэтому при анализе власти применяется множество подходов, каждый из которых имеет свое понимание момента истины, но при этом остается как бы за скобками вопрос о природе власти как человеческого, социального феномена вообще. Политическая наука призвана раскрывать с помощью разных методологических подходов и методов исследования место, роль и функции власти и властных отношений в мире политического, их взаимосвязи с другими сферами человеческой деятельности и т.д.

Что касается политической философии, то она, подчеркиваю, призвана в данном контексте определить природу и предназначение власти. Когда говорят о внутренней стороне, то имеют в виду сущность феномена власти, которая характеризуется в идеальных, абстрактных категориях. *«Все дело в том,—* писал Гегель в данной связи,— *чтобы в видимости временного и преходящего познать субстанцию, которая имманентна, и вечное, которое присутствует в настоящем. Ибо, выступая в своей действительности одновременно и во внешнее существование, разумное, синоним идеи, выступает в бесконечном богатстве форм, явлений и образований».*

Прав был Б.Кроче, который не без оснований отмечал, что история содержит философию внутри самой себя в виде предметов ее суждений. Во многом и политика как важнейшая сфера жизнедеятельности человека содержит в себе собственную философию. В этом контексте политическая философия является составной частью политической действительности. Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее, как сказал бы Э.Гуссерль, есть «латентный разум» мира политического. Оно существует в форме идеи — понятия в себе и для себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества. Иное дело, что вплоть до Нового времени, когда началось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные сферы человеческого социума, оно было как бы неразрывно слито с другими аспектами человеческого существования.

Так или иначе задача политической философии состоит в постижении идей, теорий, принципов, постулатов, мыслей, лежащих в основе мира политического. Они в свою очередь раскрываются в понятиях. *«В философии,—* писал Т.Гоббс,— *определения предшествуют определяемым именам. При обучении философии начинают именно с определений и весь дальнейший процесс приобретения знания сложных вещей осуществляется посредством синтеза, путем сложения понятий».* Поэтому важная функция политической философии состоит в разработке понятийно-категориального аппарата и языка политической науки.

Понятия, обозначая те или иные явления, призваны выделять те особенности мира, которые в настоящий момент считаются важными. Например, атомы, протоны, нейтроны в физике. Понятия должны обладать единообразным содержанием и указывать исследователям на одни и те же явления. Понятийный хаос в философии недопустим, поскольку в таком случае понятия не могут служить делу накопления, интерпретации и трансмиссии философско-теоретического знания. При этом следует подчеркнуть, что в политической философии, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, существенную роль играет абстракция. Особенно отчетливо она проявляется в понятиях, которые, отражая явления, не связанные с определенным контекстом, конкретными местом и временем, характеризуются различной степенью абстрактности. В философии именно абстрактные понятия играют решающую роль,

поскольку, переступая границы конкретных событий и ситуаций, они указывают на общие свойства сходных событий и ситуаций. Но теория не может обойтись без понятий, относящихся к переменным свойствам явлений, отражаемых абстрактными понятиями.

В то же время очевидно, что осмыслить, объяснить и предсказать события можно, только определив отношения между различными понятиями. Идеи, теории, постулаты, принципы, составляющие ткань политической философии, возможны лишь как результат группирования понятий в суждения или утверждения. Сами теоретические суждения могут в той или иной степени отличаться друг от друга по форме. Существует множество аргументов как за, так и против различных форм. Это вполне естественно, если учесть, что для поисков правильных ответов на поставленные вопросы необходимы соответствующие параметры и критерии их оценок. Поэтому в задачу политической философии входит осмысление содержания конкретных политических понятий.

С данной точки зрения немаловажное значение приобретает правильная трактовка основополагающих понятий политической философии, соответствующая национально-культурным и общественно-историческим реальностям. Возьмем, например, понятие «демократия», которое в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие» или «власть народа».

В соответствии с таким пониманием важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Однако мы знаем, что имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и в современную эпоху. Более того, в само понятие «народ» в различные эпохи вкладывался разный смысл. Так, в эпоху античности под это понятие подпадали только свободные граждане, которые не всегда составляли большинство населения того или иного полиса. В Римской империи народом считались только исконно римские граждане. Громадное число людей, проживавших на обширных пространствах империи, не будучи рабами и даже зависимыми, не могли претендовать на этот статус в силу того, что они не принадлежали к Populus ro-тапае (римскому народу).

Если проанализировать базовые признаки античной и современных форм демократии, то между ними обнаруживаются качественные различия. По-разному трактуется понятие демократии и в современном мире. Так, на самом Западе базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Естественно, что восточные народы с органическими национально-культурными традициями также имеют собственное, во многом отличное от западных народов понимание демократии.

Нельзя не затронуть и такой вопрос. Существует мнение, что демократия может быть тоталитарной или авторитарной. Но это явное недоразумение, основывающееся на подмене понятий. Если рассматривать с точки зрения форм власти, то очевидно, что при всей внешней схожести отдельных атрибутов (например, принцип избрания путем всеобщего голосования, который в тоталитарной системе был формальным и чисто ритуальным процессом и результаты которого заранее были предопределены) тоталитаризм (или авторитаризм) и демократия по подавляющему большинству системообразующих принципов представляли собой прямо противоположные формы организации и реализации власти.

Все сказанное выше верно применительно к большинству понятий политической философии, таким как либерализм, консерватизм, радикализм и др., содержание которых в соответствии с изменившимися социальными и политическими реальностями в процессе исторического развития подвергалось существенным трансформациям.

Теоретические суждения должны быть систематически организованы в соответствии с избранным теоретиком углом зрения и понятийным аппаратом. Задача абстракции состоит в том, чтобы упростить реальность, но при этом не искажая сути этой реальности. Если в большинстве социальных и гуманитарных наук абстракция возможна a posteriori, то в политической философии она допускается a priori. Политический философ не просто описывает

факты, олицетворяемые теми или иными событиями политической жизни, а выявляет сущности, в которых достигается единство внутренней и внешней сторон феноменов, проявлениями которых и являются эти факты. Иначе говоря, политическую философию интересует не столько эмпирическая, фактографическая сторона мира политического, сколько значимость и смысл последнего в целом. Если философия, как таковая, призвана постичь природу вещей вообще, то цель политической философии — понимание природы политических вещей.

Говоря словами Гегеля, философия есть постижение наличного и действительного. С этой точки зрения политическая философия концентрирует внимание на сущем, т.е. мире политического таком, каков он есть на самом деле. Она призвана постигать сущность политического, определять, так сказать, в последней инстанции природу политических вещей в самом широком и глубинном понимании этих слов. Объясняя суть своей книги «Философия права», Гегель писал: *«Данная работа, поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе. В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, каким оно должно быть; содержащееся в нем поучение не может быть направлено на то, чтобы поучать государство, каким ему следует быть: его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано».*

В целом, соглашаясь здесь с Гегелем, следует отметить, что этот тезис, совершенно верный применительно к философским проблемам права, нуждается в определенных оговорках, когда речь идет о политической философии. Особо следует подчеркнуть, что сущность политического отнюдь не исчерпывается конкретно существующими реальностями. Политическая философия имеет своей задачей выяснение природы политических вещей со всеми их атрибутами, такими как добро и зло, реальное и идеальное, сущее и должное, совершенное и несовершенное, справедливое и несправедливое, подлежащее сохранению или изменению, одобрению или осуждению.

Как отмечал Л.Страусс, политическая философия представляет собой попытку заменить мнение о природе политических вещей знанием о ней. Это знание включает в себя различные интерпретации, трактовки, субъективные оценки. Последние в свою очередь по самой своей природе предполагают принятие или непринятие, выбор или отклонение, одобрение или осуждение этих вещей. Поэтому все они не могут быть нейтральны. Их невозможно правильно понять, если они не рассматриваются в терминах добра и зла, справедливости и несправедливости, сущего и должного и т.д.

Показательно, что в античной философии в качестве одной из центральных выступала проблема добродетели, рассматриваемой прежде всего как идеал, т.е. должное. По большому счету сущее, т.е. наличные политические реальности, соизмерялись с идеалом. Более того, Л.Страусс усматривал главную причину кризиса современной политической философии в разрыве с классической политико-философской традицией, главным объектом внимания которой, по его словам, было должное. Здесь неважно, прав Страусе или нет. Суть вопроса состоит в том, что политическая философия не может не касаться вопроса о критериях и качествах, дающих отдельному человеку, группе, классу право управлять другими людьми, партией, государством. Поднимая этот вопрос, политический философ не может не коснуться основополагающих морально-этических норм и правил человеческого общежития, составляющих сердцевину системы легити-мизации большинства существующих форм правления.

Политическая философия, включающая комплекс теорий, концепций, идей, имеет одной из своих целей легитимизацию или делегитимизацию определенного политического порядка. Она призвана выявить истинность или ложность общепризнанных политических норм и ценностей, поэтому всегда ставит под сомнение господствующие концепции политического порядка. При этом политическая философия призвана определить некую магистральную линию политического развития. С этой точки зрения, пожалуй, прав был Э.Берк, который утверждал, что дело теоретика-философа — указать истинные цели государства; дело же политика-

практика — найти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться ими.

Необходимо отметить, что составным компонентом политической мысли и, несомненно, политической философии являются разного рода политические утопии, предлагающие более совершенные, на взгляд их авторов, альтернативные существующим формы государственно-политического устройства. Более того, один из величайших философов всех времен и народов Платон создал модель утопического государства, а его труд «Государство», в котором изложена эта модель, рассматривается как политико-философское произведение.

К тому же политическая философия имеет дело не только с сущим, но и должным, она оперирует также гипотетико-дедуктивными категориями по формуле «что было бы, если бы». Она отдает предпочтение той или иной политической системе, например демократии перед тоталитаризмом, или, наоборот, может предлагать свои модели политического развития в качестве наиболее совершенной альтернативы. Все изложенное говорит о том, что мир политического и политическая философия как неотъемлемая его часть пронизаны морально-этическим началом. Из этого следует, что политическая философия не может не затрагивать аксиологический аспект мира политического. Более того, можно говорить о политической аксиологии как самостоятельном подразделе политической философии.

Смысл жизни коренится не только в рациональных, научных, поддающихся исчислению и строго научному анализу феноменах, но и в иррациональном, традиционном, волевом, эмоциональном, характерологическом и т.д., которые не всегда и не обязательно поддаются такому анализу. Человек не мыслим без мифа, сами табу и табуизация, сыгравшие столь большую роль в восхождении человека из стадного состояния, теснейшим образом связаны с мифическим началом. Можно сказать, что в определенном смысле даже сама история человечества пронизана мифологическим началом, поскольку жизнь не только простых, но и великих людей, а также деятелей, творивших эту историю, в большинстве случаев окутана как бы непроницаемой оболочкой мифического. Я имею в виду не только божественных и полубожественных, легендарных и полулегендарных героев и персонажей вроде Зороастра, Конфуция, Будды, Иисуса Христа, Мухаммеда, но и реальные личности — древнеегипетских фараонов, Дария, Александра Македонского, римских императоров, халифов, средневековых королей и т.д., которые якобы получали свою власть прямо от Бога.

В истории часто случалось так, что роль, которую какой-либо политический или государственный деятель играл на той или иной авансцене, постепенно приобретала самостоятельное и доминирующее значение, полностью отодвигая на задний план или вовсе элиминируя ее первоначального носителя. Совершенно бездарный обладатель королевского или иного титула, восшедший на трон, унаследовав его от своих великих предков, в глазах народа становился помазанником божьим просто в силу того, что он играл предоставленную ему роль. Бывало и так, что роль вообще может обойтись без своего исполнителя.

Таким образом, миф — интегральная, неотделимая часть человеческой истории, и человек не имеет будущего без мифа, без мифологии, без веры. Мобилизующие мифы, символы, иллюзии являлись одним из могущественных факторов истории. Именно им во многом обязаны своим появлением колоссальные пирамиды и сфинксы в Египте и гигантские христианские соборы в Европе. С ним связано создание и уничтожение громадных и могущественных империй. Все они воплощаются в политической мифологии, понимаемой в самом широком смысле слова.

При этом необходимо учесть следующий момент. Зачастую миф отождествляют с чем-то примитивным, первобытным, чуждым мышлению современного цивилизованного человека, и поэтому подлежащим преодолению. Исходя из этого многие авторы всерьез пытались обосновать мысль, что миф либо сам собой, либо усилиями рационалистической науки исчезнет как сколько-нибудь значимый фактор общественной и политической жизни. Разве миф, говорил, например, Э.Кассирер, не обречен на исчезновение «перед лицом подлинной, научной истины, перед лицом понятия природы и предметности, созданным в рамках чистого

познания? Миф с его миром мечты и волшебства представляется раз и навсегда канувшим в небытие с первыми лучами научного видения мира».

Однако мифическое продолжает жить и даже процветать в современном мире, несмотря на беспрецедентные успехи научного знания. Иначе и быть не может, поскольку, как справедливо подчеркивал Гете, миф, как и поэзия, отражает то, «на чем держится глубинное единство мира», и поэтому он способен постигать высшую истину. Живучесть мифа объясняется прежде всего тем, что он питается из вневременных глубин истории и традиций. История полна свидетельств того, что любые попытки развенчания одних мифов неизбежно сопровождались возрождением старых или же появлением новых, не менее привлекательных и действенных. Каждая эпоха, отвергая или в модифицированном виде сохраняя старые, непременно создавала и собственные мифы, в том числе и политические. С соответствующими оговорками можно согласиться с Р.Петтацони, который утверждал, что от повторения мифа зависит «сохранение и умножение жизни» и даже «всего мира...который не может существовать без мифа», ибо истина мифа есть «истина жизни».

Классический миф, как правило, не сочинялся каким-либо конкретным автором, он формировался как бы спонтанно, обкатываясь и выкристаллизовываясь в народном сознании многих поколений людей. Современный же миф специально конструируется и внедряется в массы. Но и он невозможен без существования стадного сознания, основанного на слепом повиновении господствующим предрассудкам и не способного критически осмыслить происходящие в обществе события и процессы. Именно живучесть и, более того, расширенное воспроизводство такого массового или корпоративного сознания в современном мире объясняет тот факт, что в условиях господства научного знания люди часто руководствуются примитивными, фантастическими и даже бредовыми идеями. Большей частью *миф* — это инструмент иллюзорного преодоления, снятия противоречий, образ, дающий философскую значимость фактам повседневной жизни. В этом качестве миф представляет собой одну из реальностей истории. Миф и связанные с ним символ, иррациональный образ способны оказывать решительное влияние на политическое поведение и действия людей, играть роль цементирующего элемента, вокруг которого могут сплотиться огромные массы людей.

Учитывая сказанное, Б.Рассел отводил философии промежуточное место между теологией и наукой. Подобно теологии, говорил он, задача философии состоит *«в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым».* Но в то же время *«подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения».* Все конкретные знания принадлежат науке, а догмы, выходящие за пределы конкретных знаний,— теологии. *«Между теологией и наукой,—* продолжал Рассел,— *имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля* и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными».

Важной составной частью политической философии является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Концептуальный и идейный арсенал методологии, в совокупности составляющий общий подход к решению стоящих перед политической наукой проблем, базируется на мировоззренческих постулатах, разрабатываемых в политической философии. Методология включает в себя также различные методы и приемы исследования и анализа, а также проверки и оценки их результатов.

В целом можно сказать, что в задачу политической философии входят поиски ответов на следующие и подобные им кардинальные вопросы: в силу каких причин возможна политическая самоорганизация общества? каковы факторы, определяющие политическую самоорганизацию общества? как создаются, сохраняются, изменяются и распадаются различные политические системы? что есть raison d'etre государства? в какой мере политическую реальность можно изобразить в соответствующих понятиях и терминах? насколько содержание этих последних значимо для субъектов политики? что именно лежит в основе

права: божественный закон, разум, естественное право, право сильного, насилие и др.? как совместить права и свободы отдельного индивида с его ответственностью перед обществом или с правами коллектива? и т.п. На все эти вопросы адекватные ответы можно найти на путях выявления взаимосвязей и соотношений целого и частного, общего и индивидуального, теории и практики, свободы, справедливости и равенства в мире политического.

Онтология мира политического

Для политической философии мир политического служит источником философской рефлексии о принципах порядка, свободы, равенства, справедливости и др. Она избегает вопросов типа: где, когда, как, кто или категорий: здесь и теперь. Ее интересует прежде всего сократовский вопрос: «что есть...?» В центре внимания политической философии — не конкретная политическая ситуация, не конкретные формы и проявления политической деятельности, а природа мира политического, политической жизни вообще, например: не конкретное государство, не конкретная властная структура, а природа государства и власти вообще, не конкретная война, а природа войны вообще, ее место и роль в жизни человеческих сообществ и др.

Можно сказать, что *политическая философия* — это дисциплина о принципах политической самоорганизации общества. Одна из важнейших характеристик данных принципов в их философском толковании — способность к универсализации, суть которой состоит в том, что в равных условиях он будет действовать одинаково. Например, для утверждения и эффективного функционирования политической демократии и ее институтов необходим определенный минимум условий, без которых они просто невозможны. Так, нельзя выявить сущность политической системы без выяснения сущности соответствующего общества. Например, правовое государство немыслимо без некоторых базовых характеристик общества, на которых оно и опирается. В качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает свободная личность, наделенная врожденными неотъемлемыми правами. Общество может быть названо гражданским лишь с того момента, когда за человеком как личностью признаются неотъемлемые права на жизнь, свободу и реализацию своих способностей, когда эти права становятся основными опорами общественного здания. Все это проявляется в том, что гражданское общество и правовое государство не могут существовать друг без друга.

Гражданское общество и правовое государство в свою очередь предполагают определенный тип экономики. Экономическая и политическая свобода производив от свободы личности. В то же время без экономической свободы, без свободы выбора источников получения средств существования не может быть и свободы политической: первая представляет собой необходимое условие для достижения второй. Существует взаимообусловленная связь между демократией, частной собственностью и свободно-рыночной экономикой.

Понятия и категории «власть», «государство», «политика» и им подобные всегда выступают в конкретных формах и обличиях в зависимости от национально-культурного, общественно-исторического, парадигмально-мировоззренческого и иных контекстов. Их конкретные типы и содержание зависят от исторических, национально-культурных традиций, типа политической культуры и миропонимания данного народа. Их нельзя представлять как вечные, вневременные ценности, как некие неизменные сущности, одинаково верные для всех времен и народов.

С данной точки зрения показателен тот факт, что влияние одних и тех же идей в разных исторических условиях могут проявляться совершенно по-разному. Например, ряд установок, которые традиционно оценивались как факторы, отрицательно влияющие на развитие восточных обществ в направлении модернизации, в современных реальностях приобретают позитивную значимость. Так, в научной литературе 60-х — первой половины 70-х годов господство конфуцианской идеологии рассматривалось в качестве главного препятствия для восточно-азиатских стран на пути их перехода к рыночной экономике и политической

демократии. Но такая оценка коренным образом изменилась в 80-х годах, когда целый ряд стран региона осуществили стремительный рывок в своем экономическом и технологическом развитии и за беспрецедентно короткий период как бы перепрыгнули из аграрно-индустриального общества в информационное общество, тем самым создав предпосылки для трансформации авторитарных политических режимов в либерально-демократические.

Касаясь ложного, метафизического толкования идеи античной свободы европейскими мыслителями своего времени, Т.Гоббс утверждал: *«ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков».* Здесь философ имел в виду попытки некритического перенесения идеалов и ценностей одной исторической эпохи, т.е. античности, на другие исторические эпохи, в частности на реалии Нового времени.

Ценности и идеалы, воплощенные в социальных и гуманитарных науках, зависят от основных характеристик общества, которому эти науки принадлежат, поскольку они носят исторический характер. Например, как отмечал Р.Коллингвуд, *«"Государство" Платона — изображение не неизменного идеала политической жизни, а всего лишь греческого идеала политики, воспринятого и переработанного Платоном. "Этика" Аристотеля описывает не греческую мораль, а мораль грека, принадлежащего к высшим слоям общества. "Левиафан" Гоббса излагает политические идеи абсолютизма семнадцатого столетия в их английской форме. Этическая теория Канта выражает моральные убеждения немецкого пиетизма; его "Критика чистого разума"* анализирует теории и принципы ньютоновской науки в их отношении к философским проблемам его времени».

Но тем не менее политическая философия, будучи дисциплиной, призванной исследовать природу политических вещей, затрагивает целый комплекс основополагающих аспектов, которые в рамках человеческой истории имеют как бы вневременной характер. В этом контексте был прав Л.Страусс, который считал, что политическая философия занимается поисками трансисторических истин о политике. Она определяет границы политического, политической жизни и деятельности как таковых, различные формы их государственного воплощения.

Однако мы знаем, что современные общества характеризуются самыми различными формами плюрализма, обусловленными, в свою очередь, существованием множества слоев, сословий, классов, представителей различных этносов или наций, конфессий, культур, профессий, имеющих свои особые интересы, часто не совпадающие и, более того, конфликтующие друг с другом. Можно сказать, что конфликт — это неотъемлемая сущностная характеристика любого человеческого сообщества.

Коль скоро политика теснейшим образом связана с конфликтом, то одна из главных задач политической философии состоит в выявлении природы и социальных основ конфликтов. Поэтому политическая философия не может игнорировать тип общества, формой политической самоорганизации которого выступает государство или политическая система.

Сам процесс формирования и консолидации человеческих сообществ был связан с их взаимным противопоставлением друг другу. Конфликты имели место если не внутри отдельных первоначальных родов, племен, этносов, то между ними. Противопоставление мы—они, наши—чужие составляло неотъемлемый и определяющий элемент этого процесса. Показательно, что самоназвания многих этносов в переводе на современный язык означают «люди» (или «человек» во множественном числе), противопоставляемые «нелюдям» (или «нечеловекам»), т.е. всем остальным «чужим» племенам и этносам.

Без всякого преувеличения можно сказать, что государственное, властное начало, политика имеют место там, где существуют конфликты. Средством полного развития человеческих сил природа избирает противоборство этих сил в обществе. *Противостояние* — тоже форма общения и общежития, хотя и «антиобщественная». И действительно, человеку по своей природе присуща склонность делать все по-своему. Естественно, что в этом отношении он встречает противодействие со стороны других индивидов, которые также стремятся делать

все по-своему. Другой факт самым непосредственным образом проявляется в борьбе за свою долю власти между различными социальными силами.

Показательно, что факт конфликтного происхождения властных отношений, политики, государства осознали уже мыслители древности. Еще в «Государстве» устами Полемарха Платон говорил о том, что политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества или одной партии («друзей») в борьбе с ее политическими противниками («врагами»). Искусство справедливой политики — «это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред». Выступая с позиций сущего или реального положения вещей, платоновский Фраси-мах ратовал за то, чтобы в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не отдавался подвластным. Как считал Фрасимах, не существует людей, которые бы, находясь у власти, могли отдать предпочтение интересам других в ущерб своим собственным. Примечательно, что, считая все существующие системы правления несправедливыми, Сократ не оспаривал фактическую правомерность фрасимаховского конфликтного принципа, выведенного из реального жизненного опыта.

Эта традиция, идущая через Н.Макиавелли и Т.Гоббса, нашла свою дальнейшую разработку у К.Шмитта. Рассматривая политику в категориях «друг—враг», Шмитт полагал, что социальные отношения уплотняются, превращаются в политические при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. По сути, Шмитт рассматривал дихотомию «друг—враг» в качестве главного конституирующего признака политических отношений, самого смысла существования политического как самостоятельной сущности. В своих построениях Шмитт ставил во главу угла именно эту дихотомию, которой у него соответствовали противостояния «добро—зло» в морали, «прекрасное—безобразное» в эстетике, «выгодное—невыгодное» в экономике. Причем, согласно Шмитту, политические категории самодостаточны и независимы от моральных, экономических и иных категорий, политический враг необязательно плох с моральной точки зрения или безобразен с эстетической точки зрения. Дело в том, что он другой, чужой.

Эта линия в разработке и трактовке политического в разных вариациях, с различной степенью ударения на универсальность и интенсивность конфликта нашла отражение в большинстве политико-философских систем от левого радикализма до правого консерватизма. Свое наиболее законченное выражение она нашла в тоталитарных политико-философских конструкциях в лице марксизма-ленинизма и национал-социализма. В них идея непримиримой классовой борьбы и теория бескомпромиссной борьбы высших и низших рас и народов были возведены до статуса универсального принципа, лежащего в основе всех без исключения общественно-исторических и социально-политических феноменов и процессов.

Тем самым дихотомия «друг—враг» была перенесена на все сферы и принципы жизни. Политический враг не может быть союзником или другом в экономической, социокультурной, эстетической или иных сферах. Элиминируется само понятие нейтралитета. В либеральной системе мировоззрения нейтралитет в отношении существующей формы правления подразумевает молчаливое соглашение с ним. В марксизме-ленинизме и национал-социализме нейтралитет воспринимается как неприятие господствующей политической системы. Действует принцип — если ты не с нами, то против нас, и ты соответственно причисляешься к лагерю врагов. Если враг не сдается — его уничтожают.

Практически единодушное признание конфликтности как важнейшей сущностной характеристики мира политического служит весомым доказательством ее универсальности. Это вполне естественно, если учесть, что любое человеческое сообщество, особенно высокоорганизованное, сочетает в себе интересы самых разнообразных социальных и политических сил, организаций, групп, институтов и т.д. А это предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами.

В данной связи особо следует отметить, что политика подразумевает участие людей во властных отношениях или стремление оказать влияние на распределение власти. Как отмечал М.Вебер, *«кто занимается политикой, тот стремится к власти как средству, подчиненному*

другим целям (идеальными или эгоистическими), либо к власти "ради нее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает».

Более того, политика имеет своей целью не только обоснование и защиту позиций той или иной конкретной социально-политической группы, сословия, класса, партии, государства, но и дискредитацию, подрыв позиции противника. *«В политическом конфликте, который с самого начала является рационализированной формой борьбы за социальное господство,—* подчеркивал К.Манхейм,— *удар направляется против социального статуса оппонента, его общественного престижа и уверенности в себе».*

Поэтому мир политического можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социально-политических сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени этих сил. Поскольку в политике речь прежде всего идет о власти, а власть является одним из главных ресурсов, которым располагает общество, одним из главных источников авторитета и влияния, то конфликт часто приобретает самодовлеющий характер, нередко выливаясь в ожесточенные схватки противоборствующих сторон вплоть до гражданской войны. Констатируя этот аспект, К.Манхейм отмечал, что политика *«все более идет к тому, чтобы стать борьбой не на жизнь, а на смерть. Чем ожесточеннее становилась эта борьба, тем более она захватывала те эмоциональные глубинные пласты, которые прежде оказывали неосознанное, хотя весьма интенсивное, воздействие, и насильственно вовлекали их в сферу осознанного».*

Однако очевидно, что люди, живущие вместе, могут преследовать разные цели и поступать по-разному, но очевидно также и то, что они не могут жить вместе, если расходятся по всем без исключения вопросам. Как показывает исторический опыт, противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми. Люди объединяются в сообщества в силу общего стремления к совместной жизни. Так, предназначение гражданского общества в том и состоит, чтобы обеспечить достижение какого-то единства, или modus vivendi, между различными социально-политическими, социокультурными или иными силами и интересами. Оно в самом себе имманентно содержит некие нормы, императивы и пределы, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и направить ее в созидательное русло.

Или, становясь на позицию И.Канта, можно сказать, что гражданское общество само, независимо от государства, располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нормы.

Именно институты гражданского общества — семья, школа, церковь, соседские или иные общины, разного рода добровольные организации и союзы — способны играть такую роль. Эта функция, в сущности, чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в том случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность решить данную задачу. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Конфликт и консенсус — две важнейшие характеристики любой сферы человеческой деятельности, в том числе и мира политического. Политика связана как с разрушением, так и с созиданием, в ней и грязь и чистота, и добро и зло. Она связана как с миром, так и с кровью и насилием. Речь идет прежде всего о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, а с другой стороны, ее подрыву и соответственно изменению как отдельных институтов, так и всей системы в целом. Поэтому вполне объяснимо, что феномен политического колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая — как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества. Но все же определяющим является то, что своей целью политическое ставит всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что политика призвана находить пути и средства разрешения возникающих в человеческом сообществе конфликтов, примирения и совмещения различных интересов всех членов общества. В этом смысле был прав С.Л.Франк, который писал: *«Политика есть лечение (гигиеническое, терапевтическое, в безвыходных случаях — хирургическое) общества или его воспитание, создание условий и отношений. наиболее приемлемых для развития его внутренних творческих сил».* Если гражданское общество представляет собой арену столкновения и взаимодействия множества частных противоречащих друг другу и конфликтующих интересов, то мир политического заключает в себе объединяющее всех членов общества начало. Государство, выступающее как наиболее законченное воплощение идеи политического и выражающее всеобщую волю, преследует цель воспрепятствовать разрастанию конфликтов различных интересов, обеспечить условия для достижения консенсуса по основополагающим вопросам общественно-политического устройства. При этом оно вправе использовать для достижения этой цели не только внутренне присущие любому человеческому сообществу пути, средства и механизмы, но и целый комплекс искусственных, внешних механизмов и институтов в лице государства, права, законов, власти и др., призванных в случае необходимости применять принудительные меры (см. гл. 4).

С этой точки зрения для характеристики феномена политического определяющее значение имеет принцип всеобъемлемости или всеобщей обязательности решений и велений государства, использующего для общезначимого регулирования общественных отношений все арсеналы закона, права и аппарата насилия. Важно учесть, что не существует и не может существовать какого бы то ни было аполитического общества, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности в той или иной форме и степени пронизаны политическим началом. Главная функция политического состоит в том, чтобы обеспечить единство общества, разделенного на разнородные группы, слои, классы. В сущности, общество едино в качестве политического сообщества. Политическое играет интегративную или интегрирующую роль.

Поэтому, когда мы выделяем гражданское общество и мир политического в качестве самостоятельных подсистем человеческого социума, то имеем в виду их разграничение лишь в смысле веберовских идеальных типов. Это некие абстрактные конструкции, которые не всегда совпадают с реальной жизненной практикой. Стихийность и спонтанность свободы находят выражение в гражданском обществе, а начала порядка и упорядоченности — в государстве. Частное начало или исключительная приверженность принципу приватности разделяет, разобщает людей в соответствии с их особыми интересами, а организационное начало, воплощающееся в государстве, их объединяет. Это обеспечивается, в частности, господством единой для всех государственной власти, возвышающейся над другими началами. Иными словами, гражданское общество и правовое государство предполагают и обусловливают друг друга, или, как говорил Гегель, они составляют две стороны одной и той же медали.

Таким образом, конфликт и политика самым теснейшим образом связаны между собой. Поэтому центральное место в политической философии занимает вопрос о том, как совместить друг с другом конфликт, порождаемый неизбежной конкуренцией различных интересов за ресурсы, с требованиями порядка и согласия, без которых невозможно представить себе жизнеспособность любого человеческого сообщества. Существуют разные источники и причины возникновения конфликтов, а также разные пути и средства их разрешения. Это находит выражение в факте существования различных форм правления и политической системы, власти и государства.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные предпосылки и необходимые условия возникновения политической философии?

2. Что понимается под политической философией? Назовите ее сущностные характеристики.

3. Каковы различия и сходства между политической философией и политической теорией?

4. Каково соотношение политической философии с собственно философией и политической наукой?

5. Дайте общую характеристику политической онтологии.

6. Какие подразделения политической философии вы можете назвать?

Глава 15. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Философские, мировоззренческие аспекты мира политического воплощаются в идеологических или идейно-политических установках, ориентациях, принципах соответствующих политических сил. Поскольку инфраструктуру современного мира составляют гражданское общество, правовое государство, социальный, политический, конфессиональный и другие формы плюрализма, то естественно, что происходит более или менее глубокое размежевание социально-политических сил по их интересам, потребностям, симпатиям, приоритетам и т.д. Такое размежевание, как правило, выражается в существовании целого ряда идейно-политических течений и направлений, отличающихся друг от друга по трактовке роли в политическом процессе отдельного человека, групп, партий, социальных сил, классов, их подходу к решению важнейших экономических и социальных проблем, по тому, какое место и роль отводятся ими основным социально-экономическим и общественно-политическим институтам (частной собственности, свободному рынку, государству, партиям), предлагаемым ими программам и средствам решения стоящих перед обществом проблем и др.

Среди них особенно выделяются либерализм, консерватизм, социал-демократизм, марксизм, различные формы тоталитаризма и авторитаризма. Эти идейно-политические течения представляют собой сложные и многоплановые явления, проявляющиеся в различных вариациях, как внутри отдельных стран, так и особенно на межстрановом уровне. Каждое из них составляет комплекс идей, принципов и установок, которые могут лежать в основе программ политических партий и политической стратегии тех или иных социально-политических сил, того или иного правительства или правительственной коалиции. Вместе с тем они представляют собой нечто большее, а именно типы и формы освоения и понимания социально-политического мира, системы воззрений, установок, ориентации, теорий, доктрин.

В силу необъятности проблемы и невозможности втиснуть в рамки одной главы все нюансы и оттенки, разновидности и переходные ступени основных течений идейно-политической мысли основное внимание здесь концентрируется на ключевых или осевых для каждого из этих течений аспектах.

Либерализм

Либерализм ассоциируется с такими привычными для современного общественно-политического лексикона понятиями и категориями, как идея самоценности отдельно взятой личности и ее ответственности за свои действия; идея частной собственности, как необходимого условия индивидуальной свободы; принципы свободного рынка, свободной конкуренции и свободного предпринимательства; принцип равенства возможностей; система разделения властей, сдержек и противовесов; идея правого государства с принципами равенства всех граждан перед законом; гарантия основных прав и свобод личности (свободы совести, слова, собраний, создания ассоциаций и партий); всеобщее избирательное право и т.д.

Либерализм — это весьма гибкое и динамичное идейно-политическое течение, открытое влиянию со стороны других течений, чутко реагирующее на изменения в общественной жизни. Либерализм формировался и развивался в различных социально-исторических и национально-культурных условиях. При близком рассмотрении в либерализме обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, противоречий. В разные периоды

он выступал в различных формах. Учитывая этот факт, говорят о существовании многих либерализмов. Так, свою книгу, посвященную данной теме, английский исследователь Дж. Грей озаглавил следующим образом: «Либерализмы: очерки по политической философии».

Но при всей своей многовариантности либерализм имеет общие истоки и определенный комплекс концепций, идей, принципов и идеалов, в совокупности делающих его особым типом общественно-политической мысли. Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции. У его истоков стояли такие личности, как Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, А. Смит, В.Гумбольдт, Т.Джефферсон, Дж. Медисон, Б.Констан, А. де Токвиль и др. На протяжении всего XIX в. эти идеи были продолжены и дальше развиты И.Бентамом, Дж. С. Миллем, Т.Х.Грином, Л.Хобхаузом, Б.Бозанкетом и другими представителями западной общественно-политической мысли. Существенный вклад в формирование либерального мировоззрения внесли представители европейского и американского Просвещения, французские физиократы, приверженцы английской манчестерской школы, представители немецкой классической философии, классической политэкономии.

При всех различиях общее между этими разными мыслителями, идейными направлениями и движениями состояло в том, что каждый из них по-своему, в соответствии с реальностями времени высказывался за пересмотр устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических проблем, за перестройку потерявших эффективность общественно-политических и государственных институтов, за ревизию и модернизацию основных положений, доктрин и концепций в связи с изменившимся положением в обществе. Участники английской буржуазной революции середины XVII в., славной революции 1688 г., войны за независимость США руководствовались многими из тех идеалов и принципов, которые позже стали составной частью либерального мировоззрения. *«Мы считаем,*— заявили на весь мир авторы Декларации независимости,— *самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью».*

Поворотным пунктом в формировании либерализма, да и в размежевании основных течений западной общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени следует считать Великую французскую буржуазную революцию конца XVIII в. В частности, один из ее главных политико-идеологических документов — «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.— в емкой и строго отчеканенной форме провозгласила те идеи, ценности и установки, которые стали важнейшими системообразующими элеменами классического либерализма: *«Целью всякого политического объединения является сохранение естественных неотъемлемых прав человека. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».*

Как правило, выделяют две исторически сложившиеся либеральные традиции: англосаксонскую и континентально-европейскую. Наиболее выпукло либеральный идеал складывался в англосаксонских странах, особенно в США. Здесь индивидуалистическому идеалу придавалась самодовлеющая значимость. Он рассматривался не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов буржуазного общества, а как главная цель всякого разумного общества вообще. В своих крайних формах эта тенденция трансформировалась в различные варианты анархизма, либертаризма и другие разновидности индивидуалистического радикализма. Что касается континентально-европейской традиции, то в ней больший акцент делался на процессы национальной консолидации и отказ от всех форм авторитаризма. В силу большого разнообразия исторических условий в каждой стране либерализм обрел собственную окраску.

Собственный существенный вклад в разработку либеральных идей внесли представители русской общественно-политической мысли. Своими корнями эти идеи восходят, по-видимому, ко временам правления Екатерины II, которая вынашивала планы реформ системы государственного правления, призванные расширить личную свободу дворян, усилить роль органов управления отдельных сословий, ввести элементы разделения властей на уровне

местного самоуправления и др. В оценке основополагающих идей прав и свобод человека, взаимоотношений отдельно взятой личности, общества и государства, развития социальной и экономической сфер российский либерализм формировался и развивался в одном направлении с западным. Однако нельзя не отметить тот факт, что в силу экономической отсталости, сохранения крепостного права и других пережитков феодализма, господства самодержавия и целого комплекса других причин либеральное мировоззрение в России характеризовалось некоторыми специфическими особенностями и окончательно укоренилось лишь во второй половине XIX— начале XX в. Особенно большая заслуга в этом отношении принадлежит Т. Грановскому, Б. Чичерину, П. Струве, П. Милюкову, П. Новгородцеву и др., попытавшимся развить и применить принципы либерализма к российским реальностям. В частности, именно ими были заложены основы русского конституционализма, идеи правового государства и гражданского общества применительно к российским реальностям. Их заслуга состояла также в практической постановке проблем прав и свобод личности, подчинения государственной власти праву, верховенства закона.

В целом либеральное мировоззрение с самого начала тяготело к признанию идеала индивидуальной свободы в качестве универсальной цели. Более того, гносеологической предпосылкой либерального мировоззрения является вычленение человеческой индивидуальности, осознание ответственности отдельного человека за свои действия как перед самим собой, так и перед обществом, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию. Если для Аристотеля полис есть самодостаточная ценность, а для консерватора Э. Берка «люди проходят, как тени, но вечно общее благо», то у одного из столпов либерализма Дж. Локка отдельный индивид, противопоставляемый обществу и государству,— «хозяин своей собственной персоны». Дж. С. Милль сформулировал эту мысль в форме следующей аксиомы: «Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно».

На основании такого подхода классический либерализм объявил потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий, поставив на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельного разумного существа, независимой единицы социального действия. Именно индивидуализм лежит в основе идеи права каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Именно из экономической свободы выводилась политическая и гражданская свобода. С формированием и утверждением идеи индивидуальной свободы все более отчетливо вычленялась проблема отношений государства и отдельного человека и соответственно проблема пределов вмешательства государства в дела индивида. На основе этих постулатов были сформулированы политэкономические, юридически правовые и государственно-политические концепции, в которых право было превращено в инструмент гарантирования отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и создания условий для претворения в жизнь этого выбора.

Такой индивидуалистический идеал сулил быстрое продвижение вверх по социальной лестнице, успех в борьбе за место под солнцем, стимулировал предприимчивость, настойчивость в поисках новых путей достижения успеха, трудолюбие, новаторство и другие ценности и ориентации, которые в совокупности сделали капитализм столь динамической системой. Очевидно, что свобода понималась приверженцами либерализма в негативном смысле, т.е. в смысле свободы от политического, церковного и социального контроля со стороны феодального государства. Борьба за свободу для них означала уничтожение внешних ограничений, накладываемых на экономическую, физическую и интеллектуальную свободу человека. Эту позицию А.Берлин сформулировал следующим образом: «Я свободен настолько, насколько в мою жизнь не вмешиваются другие».

Такой подход предполагал для всех членов общества равные возможности самореализации и равные права в достижении своих целей и интересов. Отсюда принцип laissez faire, laissez passer, свободного рынка и свободной конкуренции в социальной и экономической сферах. Важным компонентом либерализма стал принцип плюрализма во всех сферах

общественной жизни: в социальной— различных классов, слоев, заинтересованных групп и т.д., в культурной — разнообразных этнических, региональных или иных культур, культурных типов и течений, средств массовой информации, различных конфессий, церковных деноминации, вероисповеданий, в политической — политических сил, партий, организаций, группировок, клубов.

Изложенные постулаты либерализма выражались в законодательно закрепленном принципе равенства всех перед законом, в идеях государства—» ночного сторожа» и правового государства, демократии и парламентаризма. Суть идеи государства-«ночного сторожа» состояла в оправдании так называемого минимального государства, наделенного ограниченным комплексом самых необходимых функций по охране порядка и защите страны от внешней опасности. Здесь приоритет отдавался гражданскому обществу перед государством, которое рассматривалось как необходимое зло. Из воззрений Дж. Локка, например, можно сделать следующий вывод: верховный государственный орган можно сравнивать не с головой, увенчивающей общество, а с шляпой, которую можно безболезненно сменить. Иначе говоря, общество — постоянная величина, а государство — производное от него.

При всем сказанном либерализм ни в коем случае нельзя отождествлять с апологией неограниченной, анархически понимаемой свободы индивида — делать все, что ему заблагорассудится, игнорируя при этом общепринятые в данном обществе нормы и правила игры. Неотъемлемая составная часть либеральной идеи свободы индивида — ответственность последнего перед обществом за свои действия. Представители либерализма, особенно умеренного крыла, не отвергали позитивные функции государства в тех случаях, когда это считалось необходимым для обеспечения общего блага.

В либерально-демократической системе правовая государственность соединена с институтами открытого общества. В этом контексте либерализм внес значительный вклад в формулирование принципов конституционализма, парламентаризма и правового государства — несущих конструкций политической демократии. Либералам принадлежит приоритет в разработке основополагающих принципов и ценностей демократии, из-за чего последнюю, часто не без оснований, называют либеральной, хотя, как будет показано ниже, отождествление этих двух феноменов не совсем правомерно.

В целом либерализм представляет собой определенный образ мысли, противоположный догматизму, схематизму, одномерности и нетерпимости. Здесь нет однозначных, раз и навсегда установленных норм и правил. Можно сказать, что гносеологические и социально-философские корни либерализма лежат в стремлении людей приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, модифицировать, пересматривать изжившие себя, устаревшие социальные и политические институты, нормы, ценности. Учитывая такую особенность либерализм с определенными оговорками можно назвать формой *секулярного протестантизма.* Если в сфере религии протестантизм явился реакцией на католический универсализм, то либерализм первоначально послужил делу политико-философского и идейно-политического обоснования освобождения людей от оков внеэкономического принуждения. С этой точки зрения лица, твердолобо и догматически отстаивающие тот или иной принцип либерализма, взятый изолированно, вне конкретного общественно-исторического контекста, по-видимому, должны рассматриваться как антилибералы.

Анализ работ ведущих представителей либерализма на протяжении XIX и XX вв. показывает, что большинство из них было устремлено на поиск путей приспособления классического наследия к постоянно изменяющимся условиям. Поэтому неудивительно, что вся история либерализма связана с его постоянными изменениями и перевоплощениями. Так, период конца XIX—начала XX в. стал, по сути дела, новым рубежом в судьбе либерализма. В тот период, в условиях перерастания капитализма в качественно новый этап своего развития более четко обнаружились как сильные, так и слабые его стороны. В частности, важнейшие положения классического либерализма (приверженность свободному рынку и свободной конкуренции) стали использоваться для защиты интересов привилегированных слоев населения. Поэтому не удивительно, что выдвинулась целая плеяда политэкономов,

социологов, политологов и политических деятелей (Дж. Гобсон, Т.Грин, Л.Хобхауз, протестантский священник и публицист Ф.Науман, а за ним экономисты В.Репке, В.Ойкен в Германии, Б.Кроче в Италии, Л.Уорд, Дж. Кроули, Ч.Бирд, Дж. Дьюи и другие в США), выступивших с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения.

Их заслуга состоит в разработке комплекса новых идей, установок и принципов, которые в совокупности получили название *новый либерализм,* или *социальный либерализм.* Прежде всего подверглись ревизии идеи свободного рынка и свободной конкуренции. Под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии изначально присущий либерализму индивидуализм был в значительной степени модифицирован и уравновешен признанием значимости коллективного начала и позитивной роли государства в жизни общества. Водоразделом, четко и бесповоротно утвердившим новый или социальный либерализм в качестве одного из важнейших реформистских течений, стал великий экономический кризис 30-х годов нашего века. Основополагающее значение имело завоевавшее в тот период широкую популярность кейнсианство, построенное на признании необходимости дополнения традиционных для либерализма принципов индивидуализма, свободной конкуренции и свободного рынка принципами государственного регулирования экономической и социальной сфер.

Реальным воплощением переоценки и переформулирования важнейших постулатов отцов-основателей либерализма стали институционализация в последующие десятилетия системы и механизмов государственного регулирования экономики и самого государства благосостояния с его широкомасштабными социальными программами. Получив первоначально сильнейший импульс в США, где президент-реформатор Ф.Д.Рузвельт провозгласил и начал реализовывать программу «нового курса», этот процесс в тех или иных формах и масштабах охватил почти все индустриально развитые страны.

Важные изменения в либеральном мировоззрении произошли после Второй мировой войны. Необходимо отметить, что на протяжении XIX и первые десятилетия XX в. были достигнуты впечатляющие успехи в реализации основополагающих либеральных идеалов, идей и концепций. Утверждение и институционализация демократических норм и принципов в большинстве передовых стран питали убеждение в некой исчерпанности повестки дня либералов, а сами они были склонны усматривать свою задачу не в достижении чего-либо нового, а в сохранении уже достигнутого. К тому времени существенно изменился общественно-политический ландшафт Запада. Консервативные партии де-факто приняли нововведения в государственно-политической системе, реализованные большей частью по инициативе либералов. На авансцену выступили социал-демократические партии, которые взяли на себя функцию по дальнейшему развитию начинаний, реализованных либералами. Другими словами, ряд важнейших принципов либерализма был буквально «растаскан» консерваторами справа и социал-демократами слева. Об этом свидетельствует, в частности, так называемое либерально-консервативное согласие (консенсус), которое в 50—60-е годы установилось между умеренным крылом консервативного лагеря и различными реформистскими силами, в том числе либералами.

При таком положении получили популярность рассуждения о кризисе и даже смерти либерализма. Однако в условиях характерной для послевоенных десятилетий интенсификации динамики общественно-исторических процессов либерализм не мог просто сойти со сцены. Более того, в 70-80-х годах заговорили уже о возрождении либерализма. Так, возражая тем, кто говорил о крахе и возможном исчезновении либерализма, английский исследователь И.Бредли писал: «Либеральное пламя в настоящее время горит в нашей стране более ярко, чем когда бы то ни было за многие годы». О том, что во Франции в «моду вошел либерализм», который притягивает к себе все возрастающее число сторонников из самых разных социальных слоев, писал в 1984 г. бывший премьер-министр этой страны Р. Барр.

Большинство приверженцев либерализма предприняли довольно энергичные усилия по переосмыслению своих позиций в важнейших вопросах, касающихся характера взаимоотношений общества, государственно-политической системы и отдельного индивида, капитализма и демократии, свободы и равенства, социального равенства и справедливости. Эти усилия породили целую гамму новейших его модификаций и вариантов, что в значительной степени затрудняет поиски общих знаменателей и вычленение либерализма как окончательно оформившегося типа или течения общественно-политической мысли. Все же, как представляется, в этой мозаике можно выделить два более или менее четко очерченных блока, каждому из которых присущ комплекс некоторых общих идей, принципов и подходов к важнейшим проблемам, стоящим перед обществом.

В первом случае речь идет об идейно-политической конструкции, которая в крайних своих проявлениях тяготеет к либертаризму с его негативной трактовкой свободы, концепцией минимального государства, приверженностью принципам laisser faire, свободного рынка и т.д. Это течение, называемое иногда в западноевропейских странах *неолиберализмом,* в США соответствует так называемой чикагской школе. Его приверженцы, по сути дела»— экономические консерваторы, повторяющие с определенными модификациями отдельные основные положения классического либерализма. Во втором случае речь идет о течении, занимающем некое среднее положение между социал-демократией и консерватизмом. Его представители выступают за довольно далеко идущие реформы в социальной и экономической сферах. Именно это течение берется в качестве основного компонента современного либерализма. Во избежание терминологической путаницы в отношении ее можно использовать название «социальный либерализм».

В чем же все-таки состоит суть «возрождения» или «обновления» либерализма и что из себя представляет либерализм на исходе XX столетия? На эти вопросы можно ответить, лишь выяснив позиции либерализма по таким ключевым проблемам общественной жизни, как роль государства, отношение к власти и демократии, трактовка свободы, равенства, справедливости и т.д. В вопросе о взаимоотношениях отдельного индивида, государства и общества одно из центральных мест в либерализме отводится переосмыслению роли государства в экономической и социальной сферах, сохраняется приверженность ряду важнейших постулатов либерализма послевоенных десятилетий, в частности программам социальной помощи малоимущим слоям населения, вмешательству государства в социальную и экономическую сферы и т.д.

Вместе с тем, осознав факт возрастания негативных последствий чрезмерно разросшейся бюрократии и государственной регламентации в экономической и социальных сферах, либералы выступают за стимулирование рыночных механизмов при одновременном сокращении регулирующей роли государства. Вполне в духе классического либерализма К. Полен, например, считал, что экономические законы, основанные на стремлении к индивидуальной выгоде и прибыли, ведут к наибольшему счастью для наибольшего числа людей. Поэтому, по его словам, необходимо предоставить всем дееспособным членам общества максимум возможностей для самореализации и оптимум условий для свободной игры рыночных сил. Признавая неизбежность и даже необходимость государственного вмешательства, либералы постоянно озабочены тем, как ограничить пределы этого вмешательства. При всем том большинство либералов сознает пределы возможного ограничения роли государства. Они отнюдь не забыли, что именно введение государственного регулирования способствовало смягчению экономических кризисов и их последствии.

В целом в течение своего более чем двухсотлетнего существования либерализм эволюционировал от позиции безусловной защиты идеи негативной свободы к позиции отстаивания идеи позитивной свободы. Сторонники позитивной трактовки свободы в либерализме пытаются найти дилемме соотношения свободы и государства весьма своеобразное решение путем разграничения экономического и политического либерализма. В данной связи французский политолог Л. Рутье приводит следующее образное сравнение: *«Либерализм настоящий не позволяет использовать свободу для того, чтобы ее уничтожить.*

Манчестерский либерализм... можно сравнить с таким режимом на дорогах, который позволяет автомобилям ездить без правил. Пробки и задержки движения в подобных случаях были бы бесчисленными». «Либеральное государство — это то,— продолжает Рутье,*— где автомобилисты свободны ехать, куда им заблагорассудится, но уважая при этом правила дорожного движения».*

В тесной взаимосвязи с проблемами равенства и свободы встает вопрос о справедливости общественно-политической системы. Либералы убеждены в том, что любая законная и эффективная форма правления должна основываться на принципах справедливости. Однако, по их мнению, справедливость — это прежде всего «политическая справедливость» или «формальная справедливость», определяющая общепринятые законы и принципы, обеспечивающие свободы и права всех граждан. Что касается социальных прав, то их реализация призвана обеспечить необходимый уровень благосостояния для каждого гражданина в современном обществе. К ним либералы относят права на образование, труд, пособие по старости, а также определяемые кодексом социального страхования. Это «долги», превращенные в права законом, но не подлинные права, равные по своему значению фундаментальным правам, вытекающим из самой человеческой природы.

Исходя из такой постановки вопроса большинство либералов отдает предпочтение равенству возможностей перед социальным равенством. По их мнению, государство гарантирует равенство всем без исключения гражданам перед законом, равные права участия в политической жизни и равенство возможностей в социально-экономической сфере, что собственно и обеспечит реализацию принципов справедливости. Это, пожалуй, самое уязвимое место в позициях либералов. Ни одному из них, в сущности, не удалось разрешить извечную антиномию между равенством и свободой, между равенством, свободой и справедливостью. Да вряд ли есть смысл упрекать их в этом. Ведь это одна из кардинальных проблем самого человеческого существования. А кардинальные проблемы не могут иметь окончательных решений.

Консерватизм

Консерватизм вобрал в себя различные, порой противоречивые идеи, концепции, доктрины, традиции. Характерно, что в четырехтомной антологии «Мудрость консерватизма» среди приверженцев консервативной традиции перечислены такие разные по своим социально-философским и идейно-политическим позициям мыслители, как Платон, Аристотель, Цицерон, Н. Макиавелли, Г. Болингброк, Э. Берк, Ж. де Мэстр, Л. де Бональд, А. де Токвиль, Ф. Ницше, А. Гамильтон, Дж. Адамс, Ф. фон Хайек и др. Этот факт свидетельствует о неоднозначном толковании консерватизма, разнообразии его идейных корней, а также его сложности и многовариантности.

По общепринятому мнению, писаная история современного консерватизма начинается со времен Великой французской революции конца XVIII в., а именно с опубликования в 1790 г. эссе «Размышления о революции во Франции» английского политического деятеля и политического философа Э. Берка. Примерно с того времени берут начало две классические традиции консерватизма: первая — восходящая к французским мыслителям Ж. де Мэстру и Л. де Бональду; вторая — к Э. Берку. Серьезный вклад в развитие консервативной традиции внесли русские философы, социологи и политические мыслители, такие как К. Леонтьев, Н. Данилевский, В. С. Соловьев, И. Ильин и др.

Отцы-основатели консерватизма противопоставили выдвинутым европейским Просвещением и Великой французской революцией идеям индивидуализма, прогресса, рационализма взгляд на общество как органическую и целостную систему. Объясняя власть и общество волей божьей, Л. де Бональд рассматривал власть как «живое существо», воля которого «называется законом, а его действия — правительством». Общество также живое существо, имеющее свое детство, юность, зрелость. Возражая Руссо и Канту, которые считали, что общество создано человеком и для человека, де Бональд утверждал: «Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя». Критикуя индивидуализм,

де Бональд, в отличие от философов Нового времени, которые создали философию «я», говорил, что «я хотел создать философию социального человека, философию мы». Исходя из этого он рассматривал государство как «большую семью», которой и телом, и душой принадлежат все составляющие ее «обездоленные индивидуумы». В конструкциях отцов-основателей консерватизма естественным и законным считалось лишь общество, основанное на иерархической структуре, отдельные части которой обеспечивают жизнеспособность и целостность общественного организма, подобно тому, как отдельные органы человеческого тела — жизнеспособность и целостность всего его организма.

Исходя из подобных установок, Ж. де Мэстр, в частности, отвергал саму мысль о писаной конституции в качестве основы государственного устройства. Во-первых, говорил он, фундаментальные принципы политических конституций существовали до всякого писаного закона; во-вторых, конституционный закон есть и должен быть развитием или санкционированием существующего вечно неписаного права; в-третьих, сущностно конституционный, истинно фундаментальный закон никогда не подлежит и не может подлежать писанию, поскольку при этом подвергается опасности существование самого государства; в-четвертых, слабость и неустойчивость конституции прямо пропорциональны количеству зафиксированных в ней в письменной форме статей. История все же отдала предпочтение иному пониманию конституции и конституционализма.

Отправным пунктом философии консерватизма является убеждение в греховной сущности человека. Для нее зло и страдания неотделимы от самого человеческого существования, и мудрость правителей состоит в том, чтобы свести к минимуму их последствия. На этом основании классический консерватизм отвергал абстрактные идеи индивидуальной свободы, прав человека и общественного договора, а также утилитаризм и веру в прогресс. Как утверждал, например, Э.Берк, над человеком довлеет проклятие первородного греха. В силу злой и греховной сущности своей природы он не ведает, что для него лучше и что хуже. Человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития общества.

Свобода, о которой говорят идеологи Просвещения и Великой французской революции, утверждал Берк, не имеет ничего общего с истинной свободой, дарованной английскому народу обычаем и традицией. Цель общества не в придумывании мнимых свобод, которые могут обернуться всеобщей анархией, а в сохранении и защите существующих свобод, основывающихся на традиции. Поэтому существующим институтам, по мнению консерваторов, следует отдать предпочтение перед любой теоретической схемой, какой бы совершенной она ни показалась с рациональной точки зрения.

Очевидно, что консерватизм представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов тех или иных слоев населения. «Консервативное» включает в себя утвердившийся и общепринятый в обществе набор ценностей, детерминирующих поведение и образ мысли значительных категорий людей, а также формы приспособления к традиционным социальным нормам и институтам. Важное место в нем занимают глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, характерные для психологии массовых слоев населения. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии.

Гносеологической предпосылкой консерватизма является то, что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. Это, с одной стороны, эволюция, развитие и отрицание старого, разрыв с прошлым и творение нового. С другой стороны, он сохраняет и переносит из прошлого в настоящее и будущее все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система может трансформироваться во многих своих аспектах, в то же время сохраняя преемственность в других аспектах. Форсирование процесса разрушения старого мира во имя построения на его развалинах нового мира, как показал исторический опыт, в лучшем случае занятие бесполезное, а в худшем — чревато трагическими последствиями. Можно сказать, что лишь при наличии взаимодействия и

тесного переплетения двух начал: развития и творения нового, с одной стороны, и сохранения преемственности с прошлым — с другой, можно говорить об истории и общественно-историческом процессе.

Консерватор рассматривает существующий мир как наилучший из всех возможных. Конечно, любая страна, любая нация нуждается в категории людей, партий и организаций, а также в обосновывающей их интересы идеологии, призванных сохранять, защищать и передавать будущим поколениям то, что достигнуто к каждому конкретному историческому периоду, ибо народ без памяти о прошлом — это народ без будущего. Нельзя не сказать и о том, что любому обществу в целом есть что отстаивать, сохранять и передавать будущим поколениям.

Вместе с тем истинный консерватизм, призванный защитить статус-кво, обосновать необходимость его сохранения, должен учитывать изменяющиеся реальности и приспосабливаться к ним. Поскольку мир динамичен и подвержен постоянным изменениям, консерватизм не может отвергать все без исключения изменения. Показательно, что начиная со второй половины XIX в. и особенно в XX в. (в ряде случаев после Второй мировой войны), приспосабливаясь к социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, консерваторы приняли многие важнейшие идеи и принципы, которые ими раньше отвергались — например, свободно-рыночные отношения, конституционализм, систему представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм и ряд других. Приняли они также отдельные кейнсианские идеи государственного регулирования экономики, социальных реформ, государства благосостояния.

В этом аспекте консерватизм претерпел далеко идущую трансформацию в 70—80-х годах. Особенность данного периода состояла в кризисе левых — от коммунистических до социал-демократических и кейнсианских моделей общественного развития. Консерватизм и правизна, по сути дела, заполнили тот вакуум, который образовался с утратой левыми интеллектуальной опоры, их ослаблением, дефицитом дееспособных идей и концепций на левом фланге. Приход к власти в 1980 г. в США Р.Рейгана и его победа вторично в 1984 г., победа консервативной партии во главе с М.Тэтчер в Англии три раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широких слоев населения.

При близком рассмотрении между отдельными национальными вариантами консерватизма, да и внутри последних, обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений и т.д. Все же в целом можно выделить неоконсерваторов, новых правых, традиционалистских или патерналистских консерваторов. Отдельные группировки новых правых и часть неоконсерваторов в ряде стран по комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в ней, идут настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое «радикалистское» течение консерватизма. Под последним подразумевались прежде всего рейганизм в США и тэтчеризм в Англии, установки которых в том или ином сочетании были заимствованы неоправыми и неоконсервативными группировками Западной Европы. В целом они являются правыми радикалами, поскольку ратуют за изменение основ современного капитализма и восстановление принципов индивидуализма, свободно-рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде. В крайних своих проявлениях либертаризм выступает за анархо-капитализм, т.е. свободно-рыночное общество, вообще не признающее государство.

Большинство консервативных политических сил, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, сознает невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврата к системе, основанной всецело на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции. При всех рассуждениях о необходимости возврата к свободному рынку консерваторы и неоправые не выдвигали, да и не могли выдвигать, задачу демонтажа института государственного вмешательства. По их мнению, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи государства благосостояния разрушают сам принцип опоры каждого человека на собственные силы и воспитывают в людях

иждивенческие настроения. Но вместе с тем большинство консерваторов выступают за сохранение с теми или иными модификациями государства благосостояния.

В чем же состоит новизна новых вариантов консерватизма? Как правило, в качестве одного из важнейших элементов консерватизма рассматривается неприятие идеологий, идей, теорий и др. Но при этом нельзя забывать, что сам консерватизм не что иное, как комплекс идей, концепций, принципов. В действительности, когда говорят об «антиидеологичности» и «антитеоретичности» консерваторов, по сути дела, имеют в виду не отсутствие у них вообще идей и теорий, а то, что они отдают предпочтение прагматизму, оппортунизму, компромиссу перед абстрактными схемами. Они против абсолютизации каких бы то ни было идей и теорий, тем более против их реализации в чистом виде на практике. И в этом, как представляется, они совершенно правы. Ведь история дает множество примеров, когда попытки реализации самых, казалось бы, прекрасных и совершенных идей, доведенных до логического конца, заканчивались абсурдом оруэлловского толка, инквизицией, «ночами длинных ножей», бухенвальдами, гулагами. Консерваторы имеют идеи, концепции и теории, но они не интересуются открытием фундаментальных принципов политики и формулированием широких концепций. Они ищут ключи к решению проблем в практике и конкретных делах.

Идеологичность консерватизма воочию обнаружилась во второй половине 70-80-х годах, когда была поставлена задача его идеологического перевооружения. Устами одного из лидеров американского неоконсерватизма И. Кристола консерваторы заявили, что «неидеологическая политика — это безоружная политика». Идеологизация или реидеологизация данного варианта консерватизма выражается в защите его представителями принципов свободно-рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, в критике государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т.д.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-кво существующих в каждый конкретный исторический период институтов, социальных структур, ценностей. В действительности же консерватор не мог игнорировать все без исключения изменения. Борковскому стандарту государственного деятеля отвечали «предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе». Даже у Ж. де Мэстра, о котором у нас сложилось представление, как о решительном и бескомпромиссном защитнике феодальных и абсолютистских порядков, монархические и клерикальные взгляды уживались с определенной долей терпимости в сфере религии и признанием необходимости перемен. Он считал изменение «непременным признаком жизни». Более того, де Мэстр признавал факт эрозии старого порядка и неизбежность Великой французской революции. Однако при всем том де Мэстр был убежден, что изменениям подвержены лишь формы вещей, а сущность их, будучи отражением божественной мысли, неизменна.

Нельзя не упомянуть, что у истоков социальных реформ стояли Б.Дизраэли, О. Бисмарк и другие, внесшие заметный вклад в развитие современного консерватизма. П. Вирек рассматривал реформы как неизбежное зло, которое, по его словам, необходимо провести постепенно без «антиисторической спешки» сверху, а не «методами толпы» снизу. В целом консерватизм выступает за медленные и постепенные изменения, имеющие своей целью сохранение всего хорошего и исправление дурного. С изменением наличных социально-политических реальностей изменяется и содержание консерватизма.

Самое, казалось бы, парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. В этом плане неоправые и неоконсерваторы проявили изрядную степень гибкости и прагматизма, умение приспосабливаться к создавшимся условиям. Они четко уловили настроение широких масс населения, требующих принятия мер против застоя в экономике, безработицы, стремительно растущей инфляции, расточительства государственных средств, негативных явлений в социальной жизни. В значительной степени разгадка успеха представителей консервативных сил сначала в Англии и США, а затем в ФРГ, Франции и других странах кроется в том, что они предложили перемены в момент, когда их желало большинство избирателей. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ большинства консервативных партий стало обещание

перемен. На выборах 1979 г. М.Тэтчер, например, претендовала на полное изменение политики господства государства во всех сферах жизни людей, на свертывание такого господства. В программе, предложенной на выборах 1980 г., Р.Рейган подчеркивал необходимость положить «новое начало Америки». Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как поворот, перемена, переоценка, новая ориентация, обновление и пр.

Неоправые идут еще дальше. Так, представитель американских «новых правых» П. Уэйрич заявил: «Мы не консерваторы, мы радикалы, стремящиеся к свержению истеблишмента». Один из руководителей французских новых правых А.Бенуа утверждал, что «любой консерватизм революционен».

Особенность консерваторов 70—80-х годов состоит также в том, что из противников научно-технического прогресса они превратились в убежденных его сторонников. Тесно связывая с ним изменения в различных сферах общественной жизни, французские неоправые претендовали на то, чтобы «подготовить почву для революции XXI в., которая соединила бы древнейшее духовное наследие с самой передовой технологией» [25]. Выть консервативным означает «маршировать во главе прогресса», — заявлял Ф.Й. Штраус в 1973 г. на съезде ХСС. По словам видного деятеля ХДС Р.Вайцзеккера, консерваторы — за прогресс, ибо «тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером». Отказавшись от антитехницизма, неоконсерваторы прошли своеобразную метаморфозу и превратились в приверженцев технического прогресса и экономического роста. В то же время по-своему толкуемый антисциентизм стал лозунгом отдельных левых и либеральных группировок, выступающих за преобразование существующей системы на основе принципа «меньше — это лучше», постматериальных ценностей и т.д. Другими словами, в оценке научно-технического прогресса и сциентизма консерватизм и либерализм, а также левые как бы поменялись местами.

Для всех течений современного консерватизма, особенно для новых правых и традиционалистов, характерна приверженность социокультурному и религиозному традиционализму. Отказ от традиционных ценностей рассматривается ими как главная причина всех негативных явлений в современном обществе. Как утверждал, например, Р.Уивер, отрицание всего трансцендентного привело к релятивизму, рассматривавшему человека как «меру всех вещей», к отказу от доктрины первородного греха, которую заменили идеей о доброй природе человека. Поскольку лишь физический, чувственный мир стал считаться единственно реальным, начался упадок религии и восхождение рационализма и материализма. Эта сторона у консерваторов проявляется в откровенной ностальгии по более простому, более организованному и гомогенному миру, который, по их мысли, существовал в XVIII-XIX вв. в период свободно-предпринимательского капитализма. Они настойчиво приводят доводы и аргументы в пользу восстановления традиционных ценностей и идеалов, ассоциируемых с семьей, общиной, церковью и другими промежуточными институтами.

В данном вопросе европейские неоправые зашли настолько далеко, что возврат к прошлому мыслится ими как отказ от самой иудеохристианской традиции, возрождение ценностей языческой Европы на базе синтеза начал Аполлона и Диониса. «Песнь мира — языческая, таково послание революции грядущего века» — утверждают французские новые правые. Христианство не устраивает их тем, что оно своим монотеизмом уравнивает всех верующих, вносит в «европейское сознание революционную антропологию, основанную на идеях эгалитаризма и тоталитаризма». Что касается древней индоевропейской традиции или, проще говоря, язычества, то оно привлекает их своим политеизмом, служащим как бы современным вариантом политико-культурного и мировоззренческого плюрализма. Тезис о «глубоких различиях» между расами, порожденных специфическими различиями в природно-климатических и историко-культурных условиях их жизни и эволюции, ссылки на этноплюрализм, этническое и культурное разнообразие дают новым правым возможность использовать антиколониалистские лозунги левых для обоснования «генетической предрасположенности» каждой расы к раз и навсегда установившейся социокультурной модели. По их мнению, за любым универсализмом скрывается тот или иной этноцентризм, навязывающий другим народам свои ценности и понятия.

Значительное место в конструкциях современных консерваторов занимают проблемы свободы, равенства, власти, государства, демократии и т.д. Следует отметить, что в трактовке данного круга проблем большинство консерваторов считают себя решительными защитниками прав человека и основополагающих принципов демократии. В целом для них характерно амбивалентное отношение к государству и связанным с ним институтам. «Человек рожден свободным, но он всюду в цепях»,— говорил Ж.-Ж. Руссо. «В цепях он и должен быть»,— отвечает на это консерватор, защищающий «необходимые цепи традиции и исторической преемственности», на которых, по его мнению, основываются гражданские свободы. С одной стороны, в глазах консерваторов государство — это источник и защитник закона и морали. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. Для них характерно позитивное, зачастую авторитарное отношение к государству, что в свою очередь предполагает или порождает антииндивидуализм. С другой стороны, сильное государство может оказаться инструментом подавления индивидуальной свободы. Поэтому теоретики консерватизма постоянно подчеркивают «важность ассоциаций людей, меньших по размеру, чем государство».

При необходимости выбора между индивидом и обществом значительная часть консерваторов ставит на первое место общество. Далеко идущие выводы в этом вопросе делают представители европейского традиционалистского консерватизма, представленного патерналистским крылом в английском торизме, голлизмом во Франции, правыми консерваторами и частью представителей социал-консерватизма в ФРГ. Как отмечал, например, П. Уорстхорн, «социальная дисциплина... представляет собой значительно более плодотворную... тему для современного консерватизма, чем индивидуальная свобода».

В качестве важного шага в направлении преодоления наметившегося во второй половине 70—начале 80-х годов «кризиса доверия» традиционалистские консерваторы предлагают восстановление авторитета и престижа власти и государства. Настаивая на том, что власть — предпосылка всех свобод, они придают первостепенное значение закону и порядку, авторитету и дисциплине. Подлинный порядок в обществе зиждется, по их мнению, на образовании, дисциплине и институтах, а свободу может обеспечить только сильное государство. Говоря словами Г.К. Кальтенбруннера, они рассматривают власть как «не поддающийся устранению факт мировой истории». Здесь приходится признать правоту консерваторов, поскольку, где нет дисциплины, закона и порядка, там нельзя говорить об эффективности и дееспособности государственно-политических институтов, об их полной легитимности в глазах основных категорий населения.

В целом идеи и концепции традиционного консерватизма, которые в тех или иных пропорциях интегрировали в себя и остальные варианты консерватизма, сводятся к следующему: вера в естественный закон, независимый от воли людей; убеждение в том, что человеческое общество представляет собой своего рода «духовную корпорацию», такую как церковь; тезис, согласно которому порядок, справедливость и свобода являются продуктами очень длительного периода человеческой истории; вера в многообразие, сложность и непознаваемость установившихся социальных институтов и форм жизни; убеждение в том, что частная собственность — продукт человеческого разнообразия, без нее свобода невозможна, а общество обречено на гибель и т.д.

Современный консерватизм, прошедший длительный путь исторического развития, представляет собой весьма сложное и многослойное образование, в котором уживаются самые разнообразные, порой конфликтующие между собой идеи, концепции, установки и принципы. С одной стороны, они ратуют за восстановление принципов свободной конкуренции и свободно-рыночных отношений, с другой стороны, всячески подчеркивают свою приверженность традиционным ценностям и идеалам с их ударением на семью, общину, церковь и другие промежуточные институты, которые, как выше говорилось, подрываются в процессе реализации принципов свободно-рыночной экономики. Вместе с тем традиционалистское и патерналистское течения консерватизма выступают в защиту сильной власти и государства, видя в них средство обеспечения закона и порядка, сохранения традиций и национального начала.

Здесь, пожалуй, в наиболее отчетливой форме высвечиваются противоречивость, амбивалентность позиций консерваторов в трактовке проблем свободы, равенства, прав человека и соотношения последних с традицией, государством. Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что проблемы слишком сложны и деликатны и их невозможно объяснить с помощью простых и однозначных формул, доводов и аргументов. Особенно бережно и осторожно к трактовке этих проблем следует подходить в периоды крупных социально-экономических сдвигов, когда людям свойственно впадать в крайности, которые почти всегда чреваты непредсказуемыми негативными последствиями. В условиях масштабных и глубоких перемен, которые в настоящее время переживает наша страна, умеренность, взвешенность, здравый смысл, характерные для консерватизма, способны послужить противовесом таким крайностям.

Социал-демократизм

Под социал-демократией, как правило, подразумевают теорию и практику всех партий, входящих в Социалистический интернационал. Социал-демократию можно обозначить и как социально-политическое движение, и как идейно-политическое течение. Причем внутри нее существует целый ряд национальных и региональных вариантов, социально-философских, идеологических и политических течений. Например, применительно к социалистическим партиям Франции, Италии, Испании, Греции, Португалии используются понятия «социализм», «латинский социализм» или «средиземноморской социализм». Существуют «скандинавская» или «шведская» модель, «интегральный социализм», основывающийся на австромарксизме. Выделяют «фабианский социализм», «гильдейский социализм» и т.д.

Но тем не менее все названные разновидности социал-демократии с теми ли иными оговорками, как правило, объединяются общим понятием «демократический социализм». Своими идейными корнями социал-демократия восходит к Великой французской революции и идеям социалистов-утопистов. Но она вобрала в себя также множество идей из других политических течений. Особо следует отметить, что первоначально социал-демократия вызревала отчасти в рамках марксизма, под его сильным влиянием. При этом главным стимулом утверждения и институционализации социал-демократии стали формирование и неуклонное возрастание в последней трети XIX—начале XX в. роли и влияния рабочего движения в зоне капиталистического развития. Более того, почти все социал-демократические партии возникли как внепарламентские, призванные отстаивать в политической сфере интересы рабочего класса.

Социал-демократия появилась в качестве альтернативы капитализму. В этом качестве первоначально она в принципе разделяла важнейшие установки марксизма на началах обобществления средств производства, всеобщего равенства, социальной справедливости и т.д. Отдельными ее отрядами признавался также предлагавшийся марксистами революционный путь ликвидации капитализма и перехода к социализму. Но в реальной жизни получилось так, что социал-демократия в общем и целом отвергла эти установки, признала существующие общественно-политические институты и общепринятые правила игры. С этой точки зрения всю последующую историю социал-демократии можно рассматривать, как историю постепенного отхода от марксизма. Важную роль в эволюции социал-демократии сыграла сама жизненная практика, которая заставляла ее учитывать общественно-исторические реальности, позволяла убедиться в бесперспективности революционного перехода от старой к новой общественной системе, в необходимости трансформировать, усовершенствовать ее, интегрировавшись в ее структуры и приняв многие из ее ценностей, норм, принципов.

С самого начала для большинства социал-демократических партий было характерно совмещение революционных лозунгов с оппортунистической, прагматической политической практикой. Постепенно в их программах брали верх оппортунизм, прагматизм, реформизм. Особенно ускоренными темпами этот процесс пошел после большевистской революции в России 1917 г., которая перед всем миром воочию продемонстрировала драматизм революционного пути перестройки общества.

Следует подчеркнуть, что именно по основополагающим принципам марксизма, касающимся революции, непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата в первые два десятилетия XX в., обозначилась великая схизма, или раскол, в рабочем движении и социал-демократии. Не будь этой схизмы, по-иному могла сложиться магистральная линия исторического развития современного мира. Но большевистская революция и созданный вслед за ней III Коммунистический интернационал институционализировали этот раскол. Социал-демократия и коммунизм, выросшие практически из одной и той же социальной базы и одних и тех же идейных источников, по важнейшим вопросам мироустройства оказались по разные стороны баррикад.

Как бы предвидя возможность появления авторитарного социализма (согласно марксистской идее диктатуры пролетариата), руководители реформистского крыла социал-демократии провозгласили своей целью построение демократического социализма. Само понятие «демократический социализм» вошло в научный и политический лексикон в конце XIX в. и включало в себя идею политической, экономической и культурной интеграции рабочего движения в существующую систему. Для представителей данной традиции с самого начала было характерно признание правового государства как позитивного фактора в деле постепенного реформирования и трансформации капиталистического общества.

Немаловажный вклад в разработку идей демократического социализма внесли представители английского фабианского и гильдейского социализма, поссибилизма и других реформистских течений во французском социализме, австромарксизме и особенно его идейные руководители О.Бауэр, М.Адлер, К.Реннер и др. Особенна велика была роль Э.Бернштейна. Главная его заслуга состояла в отказе от тех установок марксизма, реализация которых в России и ряде других стран привела к установлению диктаторских режимов. Здесь имеют в виду прежде всего установку на разрушение старого мира, диктатуру пролетариата, непримиримую классовую борьбу, социальную революцию и т.д. Отвергая идею диктатуры пролетариата, Э.Бернштейн обосновал необходимость перехода социал-демократии «на почву парламентской деятельности, числового народного представительства и народного законодательства, которые противоречат идее диктатуры». Он считал, что «социализм не только по времени, но и по внутреннему своему содержанию» является «законным наследием» либерализма. Речь идет о таких принципиальных для обоих течений вопросах, как свобода личности, хозяйственная самостоятельность отдельного индивида, его ответственность перед обществом за свои действия и т.д. «Свобода, сопряженная с ответственностью,— говорил Бернштейн,— возможна лишь при наличии соответствующей организации и в этом смысле социализм можно было бы даже назвать организаторским либерализмом».

В такой социалистической интерпретации либеральных принципов Бернштейн выделял три основные идеи: свободу, равенство, солидарность. Причем на первое место он ставил солидарность рабочих, считая, что без нее свобода и равенство при капитализме для большинства трудящихся останутся лишь благими пожеланиями. Здесь перед социал-демократией вставал сакраментальный вопрос: как добиться того, чтобы социалистическое общество стало обществом наибольшей экономической эффективности и наибольшей свободы, одновременно не отказываясь от равенства всех членов общества? Главную задачу социал-демократии Бернштейн видел в том, чтобы разрешить эту антиномию.

Вся последующая история социал-демократии, по сути дела, есть история поисков путей разрешения этой антиномии. Были и такие национальные социал-демократические движения, которые с самого начала развивались на сугубо реформистских началах и испытывали на себе лишь незначительное влияние марксизма. К ним относятся, в частности, английский лейборизм и скандинавская социал-демократия, которые, отвергая революционный путь замены капитализма социализмом, вместе с тем декларировали цель построения справедливого общества. При этом они исходили из тезиса о том, что, ликвидировав эксплуатацию человека человеком, необходимо оставить в неприкосновенности основные либерально-демократические институты и свободы.

Существенной вехой в становлении современной социал-демократии стала действительная «национализация» различных ее национальных отрядов. Уже Э. Бернштейн подверг сомнению правомерность тезиса «Коммунистического манифеста», согласно которому «у пролетария нет отечества». Он твердо высказывался за то, чтобы германские рабочие в случае необходимости встали на защиту национальных интересов Германии. Голосование немецких социал-демократов 4 августа 1914 г. в Рейхстаге за принятие закона о военных кредитах представляло собой признание ими общей национальной задачи, открытую манифестацию подчинения классовых приоритетов национальным приоритетам. Фактически это означало признание германской социал-демократией существующего национального государства как положительного факта истории.

Война внесла свои коррективы в позиции лейбористов Великобритании. Был, в частности, поколеблен их пацифистский интернационализм. В 1915 г. представители лейбористской партии вошли в состав коалиционного правительства Асквита. Очевидно, что, включившись в механизм управления страной, социал-демократы приобрели новый статус, продемонстрировали, что превратились в вполне лояльные политические силы, добивающиеся своих целей в двуедином процессе взаимного соперничества и сотрудничества рабочего класса и буржуазии в рамках национального государства. По этому же пути пошли социал-демократические партии других стран индустриально развитой зоны мира.

По-видимому, определенный потенциал развития по реформистскому пути был заложен и в российской социал-демократии, в той ее части, которая была представлена меньшевиками, в особенности В.Г. Плехановым и его сподвижниками. Но победу в ней, как мы знаем, одержало революционное крыло во главе с В.И. Лениным.

После Второй мировой войны наступил новый этап в судьбах демократического социализма. В свете опыта фашизма в Германии и большевизма в СССР европейская социал-демократия в реальной политике пошла на разрыв с марксизмом и на признание непреходящей ценности правового государства — демократического плюрализма, самого демократического социализма. В 1951 г. Социалистический интернационал принял свою программу принципов — Франкфуртскую декларацию, в которой были сформулированы основные ценности демократического социализма. Она содержала также положение о возможности плюралистического обоснования социал-демократами социалистической цели. Последняя точка в этом вопросе была поставлена сначала в Венской программе Социалистической партии Австрии (1958) и Годесбергской программе СДПГ (1959), которые решительно отвергли основополагающие постулаты о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, уничтожении частной собственности и обобществлении средств производства. В последующем по этому же пути — одни раньше, другие позже (некоторые в 80-х годах) — пошли остальные национальные отряды социал-демократии.

В чем суть послевоенного социал-демократизма вообще и демократического социализма в частности? Пожалуй, наиболее емко и лаконично эта суть выражена в Годесбергской программе, в которой в качестве «основных целей социалистического стремления» провозглашены свобода, справедливость и солидарность. Эти три пункта в различных модификациях с дополнением ценностей «равенство», «демократия» и т.д. в той или иной форме присутствуют в программах большинства социал-демократических партий. Центральное место в построениях демократического социализма занимает свобода, означающая самоопределение каждого человека. Равенство дает смысл свободе. Справедливость, которая не учитывает равенство прав всех людей, неизбежно превращается в уравниловку, которая подминает под себя действительную справедливость. Иначе говоря, свобода и равенство обусловливают друг друга. Выражением этой обусловленности является справедливость. Справедливость есть не что иное, как равная для всех свобода. Но свобода отдельного индивида может реализовываться только в свободном обществе и, наоборот, не может быть свободного общества без свободы отдельного индивида, который в свою очередь должен нести ответственность перед обществом за свои действия. Очевидно, что в демократическом социализме преобладает позитивное толкование

свободы — свобода не от чего, а для чего. В личной сфере это означает свободное развитие личности, а в политической — участие в принятии решений в обществе и государстве.

Следует отметить, что, оказавшись в ряде стран у руля правления или превратившись в серьезную парламентскую силу, социал-демократические партии и поддерживающие их профсоюзы стали инициаторами многих реформ (национализация ряда отраслей экономики, беспрецедентное расширение социальных программ государства, сокращение рабочего времени и др.), составивших тот фундамент, который обеспечил бурное экономическое развитие индустриальных стран. Им же принадлежит большая заслуга в создании и институционализации государства благосостояния, без которого немыслима общественно-политическая система современного индустриально развитого мира. Позитивным фактором мирового развития стал Социалистический интернационал, объединивший 42 социалистические и социал-демократические партии европейских и неевропейских стран. Европейская социал-демократия сыграла немаловажную роль в достижении разрядки напряженности между Востоком и Западом, в развертывании Хельсинкского процесса, других важных процессов, способствовавших оздоровлению международного климата последних десятилетий. Неоценимую роль во всех этих аспектах сыграли такие выдающиеся деятели социал-демократии XX в., как В.Брандт, У.Пальме, Б.Крайский, Ф.Миттеран и др.

В последние полтора-два десятилетия в общем контексте дальнейшего освобождения от остатков марксистского наследия в социал-демократии наблюдалась тенденция к усилению акцента на пересмотр позитивной роли государства, на индивидуальную свободу, частную собственность, рыночные отношения и другие, связанные с ними ценности и установки. В 70—80-х годах большинство из них приняли новые программные документы. Все они ставят в основу своих программ и платформ ряд базовых установок, такие как политический плюрализм, частно-капиталистические рыночные принципы экономики, государственное регулирование экономики на основе кейнсианских рекомендаций, социальная помощь неимущим слоям населения, обеспечение максимального уровня занятости и др. В тот период в социал-демократии росли настроения в пользу отказа от лозунгов национализации, обобществления или социализации и других традиционных установок демократического социализма. Это, в частности, выразилось в том, что во многих аспектах эти партии осуществляли, по сути дела, неоконсервативную экономическую политику денационализации, разгосударствления, децентрализации.

В целом для демократического социализма идеалом является постепенность, конкретность мер, осуществляемых в процессе выполнения повседневной рутинной работы, реализации так называемых «малых дел», которые в совокупности и составляют движение к социализму. В этом смысле движению отдается приоритет перед отдаленной абстрактной целью. Такой подход в сущности стал стратегической установкой политических программ большинства партий демократического социализма. Так, исходя из постулата о том, что не может быть абсолютной, окончательной истины, авторы Годесбергской программы подчеркивали, что в реальной действительности не может быть абсолютной свободы, абсолютной справедливости и абсолютной солидарности. Поэтому речь должна идти не о стремлении к ним как к абсолютным ценностям, а о стремлении к большим, чем на самом деле есть, свободе, справедливости и солидарности.

Сейчас, в начале XXI столетия, весьма трудно выявить сколько-нибудь четко очерченные различия между социал-демократическими партиями и партиями других идейно-политических ориентации. Дело в том, что многие принципы, установки, ценности, нормы, политической демократии, которые раньше были полем ожесточенной борьбы между ними, стали, как указывалось выше, их общим достоянием. Но все же дискуссионным, спорным остается вопрос о пределах демократии. Консерваторы и либералы склонны настаивать на том, что демократия представляет собой сугубо политический феномен и поэтому не должна распространяться на другие сферы, в частности экономическую. Социал-демократы же, наоборот, придерживаются той позиции, что демократия, свобода, равенство — величины субстанциональные, и поэтому

не должны быть ограничены политической сферой. Речь, таким образом, в обоих случаях идет не о самой демократии, а о сферах и пределах ее распространения.

Марксизм

Марксизм — одно из крупных течений идейно-политической и социально-философской мысли, включающее в себя комплекс воззрений по широкому спектру общественно-исторических, экономических, социальных, политических, идеологических и множеству других проблем. Основные его положения были разработаны в XIX в. К.Марксом и Ф.Энгельсом. Их идеи были дальше развиты многочисленными последователями — Э.Бернштейном, Г.В.Плехановым, В.И.Лениным, К.Каутским и многими другими. Поскольку эта проблема в достаточной степени изучена в мировой и отечественной научной литературе, то здесь будут рассмотрены лишь те ее аспекты, которые относятся к политической науке.

Марксизм возник и развивался в общем русле европейской политико-философской мысли, и в этом отношении он являлся детищем Просвещения и рационалистической традиции. Его родовая близость, например, к либерализму выражается, в частности, в наличии в нем целого ряда положений, которые либералы могут принять без особых оговорок. Например, такие как: *«свободное развитие каждого является условием свободного развития всех; свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»* и др.

В то же время в марксизме содержались элементы, которые стали основой для радикального пересмотра и отрицания важнейших положений породившей его капиталистической парадигмы. Маркс исходил из тезиса о том, что для правильного понимания современного ему общества необходимо прежде всего выявить и проанализировать закономерности и механизмы функционирования и развития экономической системы. Совокупность производительных сил и производственных отношений, писал К. Маркс, составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политико-идеологическая надстройка. В нее входят юридически-правовые и политические институты, государство, социокультурная и духовная сферы, идеология, весь строй сознания. Главное внимание уделялось обоснованию мысли о том, что экономический базис определяет структуру и характер политической и идеологической надстройки. Именно противоречие между производительными силами и производственными отношениями служит движущим фактором общественно-исторических изменений. *«Способ производства материальной жизни,—* писал он,— *обусловливает социальный, политический и духовный процессы, жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».* Иначе говоря, в рамках каждой общественно-политической системы производительные силы могут развиваться до определенного предела. Наступает эпоха социальной революции, в результате которой создаются новые экономические и политические отношения, соответствующие уже более развитым производительным силам. Исходя из такой установки, Маркс выделял азиатский, рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства, названные им социально-экономическими формациями.

Выходя далеко за пределы экономической теории, марксизм претендовал на всеохватывающее толкование смысла истории и самого человеческого существования. Не случайно, что свою социальную теорию Маркс назвал историческим материализмом. Центральное место в нем занимала теория классов и классовой борьбы как движущей силы общественно-исторического прогресса. По схеме Маркса, в каждой из следовавших друг за другом формаций производительные силы контролировались незначительным меньшинством власть имущих, которые использовали свою экономическую власть для эксплуатации подавляющего большинства народа, присваивая себе производимый им прибавочный продукт. Поэтому, утверждали Маркс и Энгельс, в каждой формации существовали класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. При рабовладельческой формации это были

рабовладельцы и рабы, при феодальной — феодалы и крестьяне, капиталистической — буржуазия и рабочий класс. Эта конфликтная ситуация порождает классовую борьбу, которая разворачивается вокруг вопроса о собственности и контроле над средствами производства.

На протяжении всей истории именно эта борьба определяла характер и направления общественного развития. Все политические институты, духовные ценности, нормы, установки формируются на основе господствующих экономических отношений правящим классом, в руках которого сосредоточена экономическая власть. Для обоснования и оправдания своего господствующего положения правящий класс разрабатывает особый комплекс идей, концепций, установок, которую Маркс и Энгельс назвали идеологией.

В гл. 3 уже рассматривалась позиция марксизма в отношении гражданского общества. Во многом отходя от позиций Гегеля, Маркс утверждал, что в гражданском обществе в «своей ближайшей действительности» человек — мирское существо, имеющее и для себя и для других значение действительного индивида. В государстве же, где человек признается родовым существом, он лишен своей действительной индивидуальности. Отсюда, говорил он, вытекает *«различие между религиозным человеком и гражданином государства, между поденщиком и гражданином государства, землевладельцем и гражданином государства, между живым индивидом и гражданином государства».* Маркс подчеркивал, что социальные структуры гражданского общества не есть самостоятельные образования, порождающие буржуазное общество, а скорее представляют собой формы, в которых возникло буржуазное общество. Последнее, в свою очередь, имеет преходящий характер, поскольку порождает пролетариат — могильщика буржуазного общества.

Однако в работах классиков марксизма мы не найдем сколько-нибудь подробной характеристики конкретных социально-экономических и политических параметров социалистического и коммунистического обществ, весьма слабо разработана теория государства. По сути дела здесь мы имеем не столько теорию, сколько критику существующего буржуазного государства. Независимо от формы государственно-политического устройства, будь то античные демократии, древнеримская империя, восточные деспотии, абсолютизм средневековой Европы или парламентские представительные демократии XIX в., утверждали основоположники марксизма, содержание и смысл господства в так называемом эксплуататорском обществе остаются одинаковыми — это диктатура эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. Что касается буржуазного государства, то Маркс называл его «комитетом, управляющим общими делами всего класса буржуазии».

Соответственно буржуазная демократия рассматривалась в марксизме лишь как политико-правовая оболочка классового господства капитала над наемным трудом, буржуазии над трудящимися массами. Таким же образом характеризовались все важнейшие политические институты. Например, Энгельс оценивал республиканскую и демократическую партии, составляющие двухпартийную систему США, как *«две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей».*

Поскольку любое государство представляет собой орудие господства одного класса над другими классами, то с исчезновением классовых различий и сосредоточением всех средств производства в руках рабочего класса сама потребность в «публичной власти», т.е. государстве, потеряет всякий смысл. Политическая власть, по Марксу, это «организованное насилие одного класса для подавления другого». Когда победивший над буржуазией пролетариат сам превращается в господствующий класс и упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этим *«он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».* На смену старому буржуазному обществу *«приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».*

Поэтому вполне объяснимо, что в глазах основоположников марксизма применительно в будущему вопрос об отношениях между государством и гражданским обществом терял всякий смысл. Основоположники марксизма были убеждены, что в коммунистическом обществе

благодаря «всестороннему развитию индивидов исчезает порабощающее человека подчинение его разделению труда». Считалось, что в *«коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике,— как моей душе угодно,— не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком».*

Однако исторический опыт XX в. убедительно продемонстрировал жизнеспособность и, более того, необходимость государства в деле решения важнейших проблем, стоящих перед обществом. Противоречия и конфликты не могут исчезнуть из жизни людей. Результатом исчезновения или ликвидации государства, призванного разрешить эти конфликты и противоречия, стали бы хаос и анархия, которые по своим разрушительным возможностям могут стать хуже любой диктатуры и деспотизма. Тем более, тот же опыт XX в. показал, что результатом социальных революций, в том числе и социалистической, как это произошло в России и Китае, становится не уничтожение государства, а многократное его усиление и расширение.

С определенными оговорками можно сказать, что марксизм является ровесником национальной идеи и понимаемого широко (а не только сугубо негативно) национализма. В этом контексте он представляет собой не только вызов классической политической экономии, не только критику капиталистических производственных отношений, но и критику национализма и религии. Будучи программой освобождения людей от промежуточных образований, мешающих превращению отдельного индивида во «всемирную историческую личность», марксизм постулировал образование пролетариата в качестве силы, трансцендирующей национальные приверженности и действующей на наднациональном уровне.

Соответственно национализм, равно как и религия, рассматривался как противник и враг, с которым необходимо вести решительную и бескомпромиссную борьбу. При этом марксисты считали, что классовые различия играют более фундаментальную роль, по сравнению со всеми другими различиями, в том числе и национально-этническими. Была сформулирована идея, согласно которой национализм представляет собой продукт капиталистического развития и ему суждено исчезнуть с исчезновением капитализма. Предполагалась, что с установлением господства пролетариата и по мере утверждения принципов социализма разделение людей по национальному принципу потеряет всякий смысл. При этом особо подчеркивалась мысль, что только пролетариат способен стать той силой, которая способна выполнить историческую задачу объединения народов в единое целое.

Таким образом, суть социальной теории марксизма можно свести к следующим основным положениям: экономический базис общества определяет его политико-идеологическую надстройку; противоречие между производительными силами и производственными отношениями и классовая борьба определяют основные направления общественно-исторического развития; капитализм в силу своей классовой эксплуататорской сущности носит преходящий характер; капитализм порождает своего могильщика в лице рабочего класса, который в ходе социальной революции свергает власть буржуазии и устанавливает диктатуру пролетариата как переходный этап к коммунизму.

Не раз предпринимались попытки пересмотра и ревизии социально-философских, экономических и политических идей и установок, разработанных Марксом и Энгельсом. Поэтому неудивительно, что при всем своем внешнем единстве марксизм является многоплановым и сложным течением политико-философской мысли. В его рамках можно обнаружить множество как национальных, так и идеологических различий и оттенков. Первоначально марксизм лег в основу программ и платформ социал-демократических партий, возникших в конце XIX в. Однако, как выше говорилось, начиная с конца того века и особенно на протяжении всего XX в. социал-демократия постепенно подвергла ревизии важнейшие положения марксизма справа, т.е. на путях отказа от его революционных лозунгов и разработки

собственного реформистского пути преобразования общества. Этот путь привел подавляющее большинство социал-демократов к полному отказу во второй половине XX в. от основных положений и установок марксизма.

Марксизм подвергся существенной ревизии также слева в направлении конкретизации и ужесточения заложенных в нем революционных принципов. На этом пути отдельные его положения были использованы для разработки в самом конце XIX — начале XX в. политической доктрины левого революционного радикализма в лице ленинизма и родственных ему течений. Инициатива в этом деле принадлежала русской левой социал-демократии во главе с В.И.Лениным. Поэтому-то это новое течение и получило название марксизма-ленинизма или просто ленинизма, которое в свою очередь легло в основу левоэгалитарной большевистской теории общества и государства.

Основные его политико-философские установки более подробно будут рассмотрены в следующем параграфе. Здесь целесообразно отметить следующие соображения, которые не всегда учитываются при анализе преемственности марксизма с возникшими в конце XIX— начале XX в. леворадикальными течениями, в том числе и с ленинизмом. Если Маркс и Энгельс утверждали, что социалистическая революция произойдет первоначально в экономически наиболее развитых странах, то Ленин пришел к выводу о возможности ее победы в относительно отсталых индустриально-аграрных странах, к числу которых относилась Россия. Не менее важно и то, что в отличие от Маркса и Энгельса, по мнению которых социалистическая революция достигнет успеха лишь в том случае, если она произойдет одновременно в группе наиболее развитых стран Европы, Ленин обосновывал мысль о возможности ее победы в одной, отдельно взятой стране.

Но дело не только и не столько в этом. Ленин и его сподвижники пересмотрели и в такой степени дополнили учение своих предшественников, что, оценивая ленинизм, правомерно говорить о новом политико-философском или идейно-политическом течении, во многом по своим базовым установкам существенно отличающемся от классического марксизма.

История предоставляет нам множество примеров того, что одни и те же идеи в разных исторических условиях могли использоваться для обоснования совершенно различных интересов и целей. Более того, на основе одного и того же набора данных можно построить разные, часто несовместимые друг с другом философские и идейно-политические конструкции. Как правило, большее значение приобретает не просто какая-либо идея, взятая сама по себе, а то, как она интерпретируется, в чьих интересах используется.

Во-первых, из самого марксизма, наряду с ленинизмом и другими течениями левой политической мысли (сталинизмом, титоизмом, маоизмом, троцкизмом и т.д.), вышли также социал-демократизм, австромарксизм, неомарксизм, еврокоммунизм, отдававшие приоритет реформистскому пути преобразования общества. В данной связи нельзя не обратить внимание на тот факт, что примерно такое положение наблюдается применительно к другим важнейшим течениям политико-философской мысли. Например, из лона классического либерализма вышли не только социальный или реформистский либерализм XX в., но также разного рода радикальные течения индивидуалистического анархизма, либертаризма, твердого индивидуализма и т.д.

Напомним в данной связи и тот неоспоримый факт, что сам марксизм во многом являлся детищем либерализма. В этом плане интерес представляет то, что под определенным углом зрения некоторые идеи Ж.-Ж. Руссо можно интерпретировать в тоталитарном духе. Так, Руссо, как известно, ратовал за учреждение особой государственной религии, цель которой состояла бы в том, чтобы воспитать доброго гражданина и верного подданного. За государством признавалось право изгнать из страны гражданина, не признающего догматов государственной религии. Более того, предусматривалось, что если тот или иной гражданин, публично признав догматы государственной религии, будет действовать вопреки им, то он заслуживает смертной казни. Насколько мне известно, Маркс и Энгельс никогда не высказывали подобного рода суждений. Приходится признать и то, что теория общественного договора Руссо содержала потенциальную возможность трактовки взаимоотношений отдельного человека, общества и го-

сударства в тоталитарном духе. Известно и то, что нацистские идеологи причисляли к своим духовным предшественникам Гегеля, Ницше и других выдающихся философов прошлого. Таких примеров можно привести множество.

Во-вторых, прав был В.И. Ленин, который говорил о трех известных источниках марксизма. Точно так же сам ленинизм помимо марксизма, который, как уже говорилось, был подвергнут существенной ревизии, черпал идеи из целого ряда других источников. На дух ленинизма, по-видимому, существенный отпечаток наложили якобинство периода Великой французской революции, бланкизм с его теорией заговора и конспирации, нечаевщина с ее террором, некоторые идеи русских революционных демократов. Следует особо отметить также то, что помимо тех упомянутых выше коррективов, которые были внесены в первоначальные установки марксизма, В.И.Ленин как незаурядный политический деятель и идеолог творчески переосмыслил все эти идеи, строго ориентировав их на цели захвата и удержания государственной власти. С этой точки зрения его вклад состоял в предельной политизации и идеологизации марксизма, выхолащивании его научного содержания и потенциала, сведении к нескольким догмам, служащим всецело обоснованию и продвижению революции. Он разработал пути и средства, стратегию и тактику захвата и удержания государственной власти. Речь идет о революционной партии нового типа, теории социалистической революции, теории и практике диктатуры пролетариата, демократического централизма и социалистического государства, создании нового типа изоляции противников режима в виде концентрационных лагерей, а также машины широкомасштабного государственного террора. Все эти компоненты и сделали ленинизм одним из вариантов модели переустройства общества.

Наряду с ленинизмом тоталитарные альтернативы переустройства капиталистического общества сформировались и на правом фланге. Речь идет прежде всего о фашизме и национал-социализме. С ними тесно связано еще одно течение, называемое авторитаризмом. В монографии «Политическая философия» я подробно изложил различия между этими, на первый взгляд, разными течениями, а также их схожесть. Тоталитарные течения, равно как и любые диктаторские идейно-политические течения, при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии.

Не допуская или существенно ограничивая оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с одним безальтернативным кандидатом, где результаты заранее известны. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал и др.

Не углубляясь далеко в историю, отметим лишь, что теория абсолютизма, элементы которой присутствуют в диктаторской форме власти, возникла в XVI в. в связи с попытками европейских народов создать самостоятельные национальные государства, независимые от Римского папы и Священной римской (германской) империи. С ней связаны юридически-правовые идеи государственного суверенитета, разработанные легистами короля Франции Филиппа Красивого. В основу проекта абсолютной монархии легли также рассмотренные выше идеи Ж.Бодена, Ж.Боссюэ, Т.Гоббса и др.

Их идеи легли в основу теории абсолютной монархии, которая пришла на смену ограниченной монархии. Наиболее типичными примерами абсолютной монархии стали Франция Людовика XIV, Пруссия Фридриха II, Австрия Иосифа II, Россия Екатерины II в XVIII в. В дальнейшем термин «абсолютизм», который не имеет точного смысла, стал применяться для обозначения всех систем правления без представительных институтов или конституционных ограничений. Хотя он нередко используется в качестве синонима тирании или деспотизма термином «абсолютизм» обозначают государственные режимы начала нового времени. Его аналогами стали понятия «бонапартизм» в XIX в. и «тоталитаризм» и «авторитаризм» в XX в.

Что касается авторитарных режимов, то диапазон их распространения весьма широк, а число их в настоящее время, особенно в третьем мире, весьма велико. Разделяя важнейшие характеристики диктатуры, авторитаризм и тоталитаризм в ряде аспектов существенно

отличаются друг от друга. Так, для тоталитаризма, как будет показано ниже, характерны полное слияние в единое целое общества и государства; общества, государства и партии; экономики, политики и идеологии и т.д.

Для авторитаризма также присущи доминирование государства над обществом, примат исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями. Но здесь такое доминирование не приобретает ту жесткость и всеохватность, которые характерны для тоталитаризма. Авторитаризм использует слабость и неразвитость гражданского общества, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. Здесь экономика сохраняет значительную степень самостоятельности. Сохраняется плюрализм социальных сил. Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. Допускается разграничение между светской и религиозной, личной и публичной сферами жизни. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Допускается «дозированное инакомыслие». Сохраняются классовые, сословные, клановые, племенные различия. Если средоточием власти в тоталитаризме является партия, поглощающая государство, то в ав-торитаризме таким средоточием является государство. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нередко означает смену политического режима без радикального переустройства экономического строя. Переход же от тоталитаризма на рельсы демократизации предполагает коренное изменение всей общественной системы.

Существует множество типов авторитарных режимов. В основном эти режимы распространены в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америке и редко в капиталистических странах (Испании, Португалии, Греции до антидиктаторских революций середины 70-х годов), но отстающих в своем развитии от главных индустриальных стран.

Что касается тоталитаризма, то сам этот термин происходит от позднелатинского слова «totalitas», означающего цельность, полнота. Он возник и получил распространение в 20-30-е годы и использовался для обозначения политических систем в фашистской Италии, нацистской Германии и большевистском СССР, а также так называемых народно-демократических режимов, установленных после Второй мировой войны в ряде стран Восточной Европы и Азии. Объединяя эти режимы и их политико-философские установки в единый феномен, следует отметить, что как между фашизмом и большевизмом, так и внутри них самих прослеживаются довольно существенные различия. Сущностные характеристики правой разновидности тоталитаризма в наиболее завершенной форме воплотились в германском национал-социализме, а левой — в советском большевизме.

При всей сложности и спорности этой проблемы приходится констатировать, что фашизм и большевизм имеют точки как соприкосновения концептуального и типологического характера, так и расхождения.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается сущность идейно-политической мысли в отличие от других форм общественного сознания?
2. Перечислите сущностные характеристики либерализма.
3. Каковы факторы формирования и основные вехи эволюции либерализма?
4. Что такое классический либерализм и новый либерализм?
5. Как трактуют либералы проблемы государства, власти и личности?
6. Назовите основные сущностные характеристики консерватизма.
7. В чем вы видите новизну неоконсерватизма и неоправых?
8. Каковы позиции консерваторов в трактовке проблем свободы, демократии, государства?
9. Какое место занимает социал-демократия в идейно-политическом спектре?
10. Каков вклад социал-демократии в формирование государства благосостояния?
11. В чем сущность политической доктрины марксизма?
12. Какого рода ревизии подвергся марксизм в ленинизме?
13. Назовите основные варианты тоталитаризма и авторитаризма.

Глава 16. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИКЕ

Средства массовой информации (СМИ) — один из важнейших институтов современного общества, выполняющий многообразные функции, такие как информирование населения о событиях, происходящих в стране и в мире; образование и социализация; реклама в различных ее ипостасях; развлечения и искусство и т.д. СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию. Массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется с помощью СМИ. Огромна их роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире, осуществляются через и с помощью СМИ. Эти обстоятельства приобретают особую актуальность и значение на фоне все большего проникновения СМИ в политическую сферу, превращения их в один из важнейших инструментов реализации политического процесса.

Место и роль СМИ в политике

Уже первые шаги телевидения на политической арене в 50—начале 60-х годов вызвали среди специалистов эйфорию по поводу всемогущего нового средства массовой информации. Сенсационная победа на президентских выборах 1960 г. в США малоизвестного тогда сенатора Дж.Кеннеди над вице-президентом страны Р.Никсоном была тут же зачислена в актив телевидения, транслировавшего серию дебатов между кандидатами. Учитывая этот и подобные ему факты, западные исследователи пришли к выводу, что активизация деятельности СМИ способствовала эрозии организационной структуры политических партий, размыванию их социальной базы, ослаблению партийной приверженности все большего числа избирателей в индустриально развитых странах. Это нашло отражение в формировании и широком распространении тезиса о том, что СМИ заменяют политические партии, становясь основным механизмом регулирования и реализации политического и особенно избирательного процесса. Утверждается, что журналисты, репортеры, специалисты по рекламе и другие представители СМИ пришли на смену традиционным политикам в качестве привратников политического процесса. Не лишены основания наблюдения и тех специалистов, которые изображают журналистов как новых творцов политических идей и мифов, взявших на себя функцию, которую раньше выполняли интеллектуалы. Знаменательно, что в современной политологии СМИ характеризуют такими пышными титулами, как «великий арбитр», «четвертая ветвь власти» наряду с законодательной, исполнительной и судебной.

Вера во всемогущество телевидения настолько велика, что иные политические деятели считают, что тот, кто контролирует телевидение, контролирует всю страну. Говорят, что в 1966 г. после того, как известный по всей стране телекомментатор У.Крон-кайт посетил Вьетнам и заявил, что война зашла в тупик, президент США Л.Джонсон сказал своим помощникам: «Если мы потеряли Кронкайта, то мы потеряли среднюю Америку». По свидетельству одного журналиста, президент Франции Ш.де Голль спрашивал Дж.Кеннеди о том, как он умудряется править Америкой, не имея контроля над телевидением. Касаясь влияния испанских СМИ, президент издательского концерна ПРИСА Х.де Поланко как-то не без хвастовства заявил: «Две наиболее важные власти в Испании — это правительство и ПРИСА, а правительство назначаем мы, и оно будет править столько, сколько мы захотим».

Разумеется, во всех этих рассуждениях присутствует элемент преувеличения. Но фактом является то, что современную политику невозможно себе представить без прессы, радио и телевидения. Можно уверенно утверждать, что в тех грандиозных переменах, которые в настоящее время переживает наша страна, не последнюю роль играют СМИ. Более того, можно даже утверждать, что в условиях отсутствия оппозиционных партий, сколько-нибудь значимых организаций и союзов, способных бросить реальный вызов тоталитарной системе, СМИ

сыграли роль своего рода организатора и мощного стимулятора тех сил, которые в конечном счете способствовали политическому поражению этой системы. Еще в начале 60-х годов канадский социолог М.Маклюэн не без некоторого преувеличения утверждал, что средство передачи само по себе более важно, чем передаваемая им информация. С этой точки зрения каждая система массовой коммуникации имеет свои специфические особенности.

Но все СМИ объединяет способность к прямой связи с общественностью, как бы минуя традиционные институты связи, такие как церковь, школа, семья, политические партии и организации и т.д. Как раз эта способность и используется рекламным агентом, пытающимся убедить публику купить тот или иной товар; политическим деятелем и политической партией для мобилизации массовой поддержки своей программы и т.п. В течение длительного периода для широкой публики главным источником информации служила пресса — газеты и журналы. Первоначально многие из них возникли в качестве органов тех или иных политических партий либо в той или иной форме были вовлечены в политический процесс.

Во всяком случае газеты с самого начала не скрывали, что не собираются быть политически нейтральными. Значение имело и то, что они предлагали не только политическую и экономическую информацию. Предоставляя также материалы развлекательного характера и местные новости, они приучали простых людей рассматривать себя в качестве части более широкого мира, реагирующей на происходящие в нем события. Радио и телевидение значительно расширили возможности эксплуатации массовых коммуникационных процессов в политических целях.

Изобретение радио в конце XIX в. радикальным образом и навсегда изменило механизм распространения информации, сделав возможным передавать ее через государственные границы и на дальние расстояния. К началу и в период Второй мировой войны радио стало одним из главных средств политической мобилизации общества и важнейшим инструментом пропаганды. Еще более возросла его роль в послевоенный период, когда оно пришло практически во все уголки развитых стран. По своей значимости радио постепенно стало уступать только стремительно набиравшему силу телевидению. Для телевидения период от его возникновения до превращения в важный инструмент политики оказался еще короче, что объясняется главным образом бурными темпами его развития и распространения.

Началом «эры телевидения» в политике считается 1952 г., когда оно было впервые использовано для широкого освещения президентской избирательной кампании в США. В 70—80-х годах телевидение, которое приобретало все больший вес в политическом процессе, стало доминирующим средством массовой информации. В качестве примера влияния телевидения на характер политического поведения и особенно голосования американских избирателей, в США часто приводят телевизионные дебаты между Дж.Кеннеди и Р.Никсоном в 1960 г. Э.Роупер, который в тот период проводил опрос среди избирателей, пришел к выводу, что именно эти теледебаты в значительной степени способствовали победе Кеннеди.

В 1980 г., по существующим данным, теледебаты дали возможность Р.Рейгану не только ликвидировать 4% -ный разрыв с Дж.Картером, но и на 5% опередить его. Немаловажную роль сыграли теледебаты между главными претендентами в последующих избирательных кампаниях: между Р.Рейганом и У.Мондейлом в 1984 г., Дж. Бушем и Дюкакисом — в 1988 г., Дж. Бушем и У.Клинтоном в 1992 г. Постепенно теледебаты между конкурирующими кандидатами на высшие выборные должности как инструмент предвыборной борьбы получают все большее признание и организуются во всех индустриально развитых странах, в том числе и у нас в России. Очевидно, что хотя утверждение М.Маклюэна, будто «электронная деревня» стала реальностью, является преувеличением, тем не менее телевидение в индустриально развитых странах в наши дни обладает огромными возможностями для воздействия на общественное мнение. В зависимости от того, в чьих руках оно находится, его можно использовать как для объективного оперативного информирования людей о реальных событиях в мире, их просвещения и воспитания, так и манипулирования в интересах тех или иных групп людей.

Роль СМИ в политике нельзя оценивать однозначно. Они представляют собой сложный и многогранный институт, состоящий из множества органов и элементов, предназначенных реализовывать многообразные задачи информирования населения о происходящих в каждой конкретной стране и во всем мире событиях и явлениях.

Еще Г.Ласуэлл выделил следующие четыре основные функции СМИ: наблюдение за миром (сбор и распространение информации); редактирование (отбор и комментирование информации); формирование общественного мнения; распространение культуры. Другими словами, СМИ обеспечивают расширенную форму человеческой коммуникации. Ко всему этому нужно добавить еще одну важнейшую их функцию по политизации общества и политическому просвещению широких слоев населения. Пресса, радио, телевидение претендуют на выполнение функций «сторожевой собаки общественных интересов», на то, чтобы быть «глазами и ушами общества», предупреждая, например, о спаде в экономике, росте наркомании и преступности, коррупции в коридорах власти и др. Для оправдания такого имиджа или такой претензии СМИ должны выглядеть независимыми как с экономической, так и политической точки зрения. В большинстве индустриально развитых стран СМИ представляют собой частно-предпринимательский институт, отрасль экономики, в которой заняты десятки, а то и сотни тысяч человек. Их экономическая деятельность основывается на сборе, производстве, хранении и «продаже» информации.

В этом качестве функционирование СМИ подчиняется законам рыночной экономики. Они пронизаны противоречиями общества и воспроизводят их в своих публикациях и программах. Они затрагивают интересы различных слоев и групп. По мере увеличения экономической мощи и социокультурного влияния СМИ приобретают относительную свободу от контроля со стороны государства и крупнейших корпораций — рекламодателей. Естественно, реклама, будучи одним из важнейших источников финансирования и прибылей СМИ, служила и продолжает служить существенным препятствием для их моральной и политической независимости. Однако дело нельзя представлять таким образом, что рекламодатели прямо диктуют главному редактору той или иной газеты или журнала свою волю. Тем более крупнейшие конгломераты СМИ на Западе сами превратились в самостоятельную, исключительно прибыльную отрасль бизнеса со своими особыми интересами, которые не всегда совпадают и даже зачастую вступают в конфликт с интересами тех или иных влиятельных сил в обществе или политического руководства страны. Коммерческое начало, которое лежит в основе большинства органов и организаций СМИ, в принципе индифферентно к содержанию, оно предполагает рыночное использование информации для продажи как можно более широкой публике.

Примечательно, что в феврале 1988 г. впервые за все семь лет пребывания у власти тогдашнего президента США Р.Рейгана три ведущие телекомпании США отклонили просьбу Белого дома предоставить ему возможность выступить по их каналам. Официальные представители этих компаний в один голос заявили, что коль скоро в президентской речи не будет содержаться ничего нового, коммерческие интересы компаний не позволяют им тратить эфирное время впустую. СМИ в своих публикациях, репортажах и комментариях могут пролить свет на скрытые пружины политики правящих кругов, обратить внимание общественности на наиболее одиозные стороны их деятельности. В качестве примеров можно назвать публикацию газетой «Нью-Йорк таймс» части так называемых «документов Пентагона», разоблачение газетой «Вашингтон пост» Уотергейтского скандала, трансляцию ведущими телекорпорациями разоблачительных слушаний этого дела в конгрессе, мобилизацию общественного мнения ведущими органами СМИ западных стран против грязной войны США во Вьетнаме и многое другое. Можно упомянуть и то, что отдельные органы СМИ США сыграли свою роль в уходе с политической арены президентов Л.Джонсона и Р.Никсона.

Другими словами, общественное мнение, в той или иной форме выраженное через СМИ, играет немаловажную роль в ограничении власти и конкретных действий правящих кругов, в разоблачении отдельных наиболее вопиющих нарушений законности с их стороны. Следует отметить и то, что многие журналы и газеты, а также радиовещательные и радиотелевизионные

станции, такие, например, как «Шпигель», «Штерн», «Тайм», «Ньюсуик», «Камбио-16», «Панорама», «Эуропео», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс», «Монд», «Фигаро», «Матэн», держатся на плаву и даже процветают на вскрытии скандалов, разоблачении махинаций, выискивании секретов, выставляя их на всеобщее обозрение. Разоблачительная или «исследовательская» журналистика стала девизом многих изданий.

В этом плане не являются исключением и российские СМИ, зачастую падкие до сенсации, стремящиеся «взорвать бомбы», раскрывая одновременно коррупцию, должностные злоупотребления, обман избирателей и падение политической морали в коридорах власти. Многие из них задают тон в публичных дискуссиях и спорах, доводят наиболее актуальные проблемы и темы, скандалы и аферы до общественности.

Именно с подачи этих и подобных им «элитных» изданий стал достоянием гласности Уотергейтский скандал, приведший впервые в американской истории к отставке президента Р.Никсона в 1974 г. Парижский еженедельник «Канар аншене» в определенной степени способствовал поражению президента В.Жискар д'Эстена на выборах 1981 г., раздув «дело о бриллиантах», которые ему якобы преподносил в подарок президент Центрально-африканской Республики Бокасса. Западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал 22 февраля 1977 г. статью под заголовком «Телефонное покушение на гражданина Т.», в которой подробно описывал скандал, связанный с тайным проникновением сотрудников ведомства по охране конституции в дом инженера К.Траубе и установкой на его телефонах подслушивающих устройств. Вскоре после этого разоблачения министр внутренних дел ФРГ В.Майхофер, ответственный за эти действия, был вынужден подать в отставку. Значительную лепту «Шпигель» и другие респектабельные журналы внесли в раскрытие «аферы Флика» — крупнейшего за всю послевоенную историю скандала, связанного с подкупом политических деятелей. Таких примеров можно привести множество.

Необходимо отметить и то, что, апеллируя к таким чувственным, иррациональным, эмоционально-волевым компонентам общественного сознания, как чувство любви к родине, националистические и патриотические настроения, СМИ способны мобилизовать значительные слои населения в поддержку тех или иных акций правящих кругов либо отдельных заинтересованных групп. Как правило, в подобных случаях изменения в массовом сознании носят кратковременный характер и по завершении пропагандистской кампании по данному конкретному поводу все, как говорится, возвращается на круги своя. Эта особенность функционирования СМИ, как будет показано ниже, особенно отчетливо проявляется во время избирательных кампаний.

Примером умелого и широкомасштабного использования иррациональных импульсов является нагнетание в США в начале 80-х годов средствами массовой информации «патриотизма» и откровенно националистических настроений в отношении Советского Союза. Завидную способность апеллировать к эмоционально-волевым, иррационалистическим импульсам продемонстрировали английские СМИ во время англо-аргентинской, или фолклендской войны в 1982 г. Нагнетая в стране, казалось бы, уже канувшие в Лету имперские амбиции и притязания, а также антиаргентинские настроения, английская пресса, радио, телевидение убедили весь мир в том, что средний англичанин, несмотря на радикальное изменение положения Великобритании. на мировой арене, остается восприимчив к заклинаниям духов «отцов» и душеприказчиков колониальной империи.

Тенденции воздействия СМИ на общественное мнение

Как показывают результаты многих социологических и социально-психологических исследований, постоянные сообщения СМИ об отклоняющихся от общепринятых в обществе норм явлениях и событиях, подаваемые, как правило, сенсационно, порождают у читателей, слушателей, зрителей беспокойство и страх перед нарушением привычного миропорядка, привычного течения жизни, страх за свое место в обществе, за свое будущее. В то же время факты свидетельствуют о том, что у людей, уделяющим СМИ слишком много внимания, легко вырабатываются негативные установки относительно окружающего мира. Так, дети, которые

часто и много смотрят передачи, напичканные насилием, убеждаются в том, что в мире, в котором они живут, много насилия, беспорядка, торжествуют права сильного и др. Они склонны с большей готовностью примириться с этими негативными явлениями, рассматривать их не как отклонение от нормы или результат дисфункций общественной системы, а как ее неотъемлемую, интегральную часть. Причем разные категории населения могут реагировать на эти явления по-разному. Постоянные сообщения о преступности, наркомании, терроризме, беспорядках наводят часть читателей, слушателей, телезрителей на мысль о необходимости «твердой руки», сильной личности, которая сможет положить конец анархии, обеспечить закон и порядок. Именно среди этой части нашли живейший отклик Р.Рейган, М.Тэтчер и другие руководители правых и консервативных сил, которые как раз выступали с подобными лозунгами. Для другой части людей в качестве компенсаторного механизма служат уход в частную жизнь, приватизация, а еще для части людей — присоединение к разного рода общинам, коммунам, религиозным сектам.

Пожалуй, с рассматриваемой точки зрения о характере и масштабах воздействия СМИ на эмоционально-волевой и иррациональный уровень общественного сознания наглядно представление можно получить на примере сдвигов в массовом религиозном сознании ряда индустриально развитых стран, сдвигов, которые в совокупности получили; название «новое религиозное сознание». Оно проявляется во многих формах: в неуклонном росте консервативных церквей, неожиданном всплеске различных вариаций фундаментализма, росте в отдельных странах числа прихожан церквей, появлении множества традиционных и нетрадиционных сект и др.

Об этом же свидетельствует беспрецедентное расширение масштабов так называемых «электронных церквей», в которых используют радио и телевидение в качестве своеобразного амвона для проповеди своих взглядов. Передачи религиозного характера или же затрагивающие темы религиозной веры стали обычным делом в ведущих радиотелевизионных сетях индустриально развитых стран. Растет число радиотелевизионных станций, всецело специализирующихся исключительно на религиозной тематике. Используя новейшие достижения научно-технического прогресса, привлекая первоклассных специалистов по аудиовизуальной и компьютерной технике, консультантов по созданию наиболее привлекательных имиджей и аранжировке передач, эти «электронные церкви» стали мощным средством воздействия на общественное сознание.

Апеллируя к многомиллионным аудиториям и выколачивая из них зачастую значительные денежные средства, они превратились в обыкновенные деловые корпорации с оборотами в десятки и даже сотни миллионов долларов. Более того, ряд наиболее известных «электронных священников», или «телепроповедников», особенно в США (например, Дж.Фолуэлл, Б.Грехэм и др.), приобрели настолько большое влияние на общественность, что с их мнением вынуждены считаться высшие государственные деятели. Показательно, что телепроповедник П.Робертсон на президентских праймериз 1992 г. был одним из претендентов на выдвижение кандидатом на пост президента США от республиканской партии.

СМИ, сами являясь частью современной действительности со всеми ее противоречиями, конфликтами, неурядицами, в той или иной форме воспроизводят их. Поэтому потоки информации состоят из множества противоречивых, часто несовместимых друг с другом сообщений и материалов. Одному человеку или отдельной группе людей невозможно ни голосовать за все партии или за всех кандидатов, ни покупать все рекламные товары, ни соглашаться со всеми предлагаемыми мнениями. Зачастую эти сообщения и материалы нейтрализуют друг друга.

Несомненно, что совокупность программ и материалов СМИ оказывает влияние на формирование общественного мнения, но они не штампуют его. Общественность не является однородной массой, а представляет собой совокупность различных социальных групп, слоев, прослоек, включенных в семейные, производственные и иные отношения со своими привычками, установками, ориентациями, ценностями и вкусами. Не существует среднего телезрителя или читателя, телевидение или газета являются лишь одними из многих каналов,

связывающих отдельного индивида с обществом, и влияние СМИ осуществляется в значительной степени опосредовано через эти своеобразные фильтры. В частности, решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата определяется целым комплексом факторов, среди которых социальная структура и форма политической системы; политическая культура и система ценностных ориентации; состояние общественного мнения, а также конъюнктурные факторы, определяющие внутри- и внешнеполитические условия, состояние экономики и др. Воздействие СМИ модифицируется влиянием семьи, школы, церкви, общины и других институтов.

Но здесь нельзя не учитывать и то, что сами эти институты также испытывают на себе воздействие СМИ. Как бы то ни было, изучение данного феномена необходимо дополнить анализом межличностного общения, межличностных отношений, взятых во всем их объеме. При таком анализе обнаруживается, что СМИ не дают и не могут дать зеркальное отражение действительности. Взятые сами по себе они не всегда и не обязательно являются инициаторами или субъектом изменений в сознании отдельных людей или социальных групп. Сами по себе они не являются ни инструментом разрушения, ни инструментом созидания и прогресса. Их позитивная или негативная роль определяется тем, какими именно социальными силами и с какой целью они используются. Здесь уместно напомнить высказывание известного английского историка Дж.М.Тревеляна о том, что политика — результат, а не причина социальных изменений. Подобным же образом то, что СМИ послужили инструментом изменений в том или ином направлении, определяется в конечном счете теми задачами и потребностями, которые выдвигаются каждой конкретной общественно-исторической ситуацией. С этой точки зрения СМИ являются лишь одним из инструментов, дополнительным фактором, способствующим изменениям. Здесь характер и масштабы их влияния не следует оценивать по схеме: стимул— реакция, непосредственные причины—результаты.

Что такое «теледемократия»?

Важной особенностью развернувшейся в настоящее время информационной или телекоммуникационной революции стала замена однолинейной связи между отправителем и получателем информации многофункциональной и диалоговой связью, создающей новые возможности для участия в информационном обмене. Важность этого явления для политических процессов стала особенно очевидна с внедрением кабельного телевидения «двусторонней связи», которое завоевывает все более прочные позиции во всех развитых капиталистических странах. Предсказывая это, Ж.-Л.Серван-Шрейбер еще в 1972 г. отмечал, что появление на свет кассет и кабельного телевидения вызовет, хотя бы в силу их технических особенностей, далеко идущие последствия социального и частного порядка. Кабельные телеприемники оснащены коммутационными панелями и микропроцессорами и подключаются к центральному компьютеру кабельной компании.

При помощи технологии двусторонней связи потребитель может читать газету, получать почту, делать покупки, читать видеокниги из библиотеки, улаживать свои финансовые дела. Система может быть также использована для предупреждения о пожаре или попытке взлома. Более того, по системе двусторонней связи зрители имеют возможность выражать свое мнение по принципу «да—нет», «больше—меньше», нажимая соответствующие клавиши панелей, установленных в их телеприемниках. Эти новые технические средства и приемы в политическом процессе могут быть использованы для проведения опросов общественного мнения с «моментальным» подведением их результатов в политических дискуссиях, на референдумах и др.

Такие приемы получают настолько большую популярность, что в западной политологии их характеризуют как средства всеобщей демократизации общества. Например, О.Тоффлер считает, что по мере роста числа персональных компьютеров и «компьютерной вооруженности» населения будут созданы условия для прямого информационного контакта людей, сократятся возможности для установления над ними централизованного контроля со стороны государства и тем самым уменьшится угроза личным свободам. Данная технология

открывает дорогу плюрализму, обеспечивает широкие возможности для выражения местных интересов, для замены представительной демократии «демократией участия», не нанося ущерба ни одному демократическому институту.

Для обозначения указанного феномена изобретено даже специальное понятие «теледемократия». «Демократия участия» — это такая система политической организации общества, где граждане прямо, без посреднической помощи избираемых представителей смогут решать все интересующие их социальные и политические вопросы. По мнению сторонников концепции демократии участия, если раньше демократия, осуществляемая через средства массовой информации, была технически неосуществима, то теперь это может стать реальностью. Разумеется, в подобных рассуждениях много здравого смысла.

Действительно, при определенных условиях, особенно на местном уровне, при решении конкретных проблем, имеющих значение для того или иного региона или страны в целом, эффективно могут быть использованы отдельные элементы «теледемократии», приемы «электронного голосования на дому». Однако было бы опрометчиво однозначно оценивать значение и роль новейших средств телекоммуникации, поскольку, как выше говорилось, они сами по себе нейтральны. Результаты, последствия их использования во многом определяются тем, как и в каких целях они применяются. В самом начале внедрения «электронного голосования» подвергалась сомнению объективность его результатов. Это можно продемонстрировать на следующем примере. 28 октября 1980 г. телекомпания Эй-би-си после телевизионных дебатов между Р.Рейганом и Дж. Картером, транслировавшихся на все штаты США, предложила телезрителям позвонить по определенному телефону и высказать мнение о том, кто выиграет на предстоящих президентских выбора. После подсчета около 727 тыс. звонков оказалось, что Рейган по популярности почти в два раза превосходит Картера. Оспаривая в данном случае соответствие результатов опроса телезрителей действительным позициям электората по стране в целом, советники Картера указывали на ряд факторов, которые, по их мнению, повлияли на эти результаты: во-первых, теледебаты транслировались во время, более удобное для зрителей западных штатов, где Рейган пользовался большей популярностью; во-вторых, из городов труднее звонить на студию из-за пробок на АТС, чем из сельской местности (в городах было больше сторонников Картера); в-третьих, не исключалась возможность нескольких звонков одного человека; в-четвертых, стоимость одного телефонного звонка составляла 50 центов, что снижало желание наиболее бедных слоев населения, традиционно голосовавших за демократов, участвовать в опросе. К тому же технология двусторонней политической коммуникации позволяла организаторам опросов легко оперировать полученными данными, сами ответы были предопределены составителями кабельных программ, так как зрителю предоставлялось право выбора из ограниченного числа альтернатив, например: «А», «Б» или «В».

Следует учесть также и то, что «теледемократия участия» с помощью кабельного телевидения может означать и усиление тоталитарных тенденций. Приобретая форму своеобразного плебисцита, она, по сути дела, перешагивает стадию обсуждения тех или иных проблем, по которым принимаются решения, оставляет избирателя наедине с центральной ЭВМ, лишь регистрирующей его мнение. Политики приобретают дополнительный канал доступа к общественному мнению. При таком положении увеличивается возможность навязать публике решение, основанное не на разуме, а на эмоциях. Таким образом, активизация и расширение поля деятельности СМИ, широкое использование опросов общественного мнения, политических консультантов и специалистов, занимающихся организацией и проведением избирательных кампаний, «продажей* избирателям специально «сконструированных» имиджей кандидатов способствуют, с одной стороны, лучшему освещению и доведению до широких слоев населения проблем, стоящих перед обществом, позиций и альтернатив, предлагаемых различными партиями и кандидатами, а с другой стороны, ведут к беспрецедентному увеличению возможностей для манипулирования настроениями и ориентациями людей. В данной связи нельзя не затронуть еще один аспект, влияющий как на сам политический процесс, так и на его освещение средствами массовой информации.

Взаимоотношения СМИ и властных структур

Характер взаимоотношений правительства и средств массовой информации варьируется от страны к стране в зависимости от того, о каких органах СМИ идет речь, какое конкретное правительство стоит в данный период времени у власти, какие проблемы стоят в центре внимания, какова ситуация в мире и многое другое. Немаловажное значение имеет то, в какой степени журналисты, репортеры, обозреватели, редакторы и издатели разделяют те или иные ценности, идеалы, идейно-политические ориентации, установки. Хотя отдельные газеты и журналы ассоциируются с конкретными политическими партиями или организациями и даже выступают официальными органами последних (в качестве типичного примера можно привести газету «Форверст» и журнал «Нойе Гезельшафт» — официальные органы СДПГ), большинство органов СМИ в индустриально развитых странах предпочитают подчеркивать свою независимость от государства, государственно-политических институтов, прежде всего от правительства.

Примечательно, что, например, в Испании партийные газеты и журналы имеют очень незначительные тиражи, не соответствующие числу членов партии, и оказывают сравнительно небольшое влияние на общественное мнение. В целом применительно к большинству индустриально развитых стран, как представляется, следует говорить не о партийной приверженности тех или иных органов СМИ, а об их тенденции ориентироваться на центр, левую или правую половину идейно-политического аспекта. Так, во Франции, например, за исключением «Юманите» и «Матэн», трудно говорить о близости какой-либо газеты к определенной партии. Более подходящим для характеристики французской печати остается деление на «правую» и «левую». Левый фланг традиционно занимают «Юманите» (орган ФКП), «Матэн» — близкая к еоцпартии, «Монд», «Либерасьон» и др. Правый фланг — это в основном пресса газетного магната Эрсана во главе с «Фигаро» и «Фигаро магазэн», «Франссуар». Газетная сеть Эрсана, как писала «Матэн», превратилась в главное оружие правых сил. Однако картина не всегда не такая уж простая и прямолинейная. Как писала газета «Революсьон», Эрсан способен иметь одну газету консервативную, а другую — скорее либеральную.

В Великобритании также мало органов СМИ, которые открыто ассоциируют себя с какой-либо конкретной политической партией. Вместе с тем можно сказать, что газета «Дейли телеграф» связана с крупным бизнесом, «Гардиан» выражает позиции реформистских сил, «Дейли миррор» поддерживает лейбористов, а «Файнэншл таймс» отражает интересы финансовых кругов Лондона. В целом, как отмечал один агент по рекламе, «Таймс» читают те, кто управляет страной «Файнэншл таймс», те, кто ею владеет, а «Гардиан» — те, кто хочет управлять страной. Такая неоднозначность позиций СМИ обуславливает то, что взаимоотношения между ними и правительствами, в зависимости от того, какая партия стоит у власти, складываются либо по конфликтной, либо консенсусной, либо консенсусно-конфликтной модели. Наиболее крайний пример конфликтной модели дают Испания, Португалия и Греция в период их перехода от диктатуры к режиму буржуазной демократии. Ситуации конфликта между СМИ и правительством нередко характерны для США.

В этой связи можно вспомнить, например, резкую критику ведущими органами СМИ войны во Вьетнаме, особенно на завершающем этапе, их позиции в Уотергейтском скандале, смакование прессой во вред картеровской администрации нашумевшего дела об употреблении одним из его сотрудников наркотиков, слухов об интимных связях, якобы существовавших между Картером и его секретаршей С.Клау, так называемое дело Янга и др. Весьма напряженные отношения между СМИ и правительством сложились во время американского вторжения на Гренаду, когда рейгановская администрация по сути дела отстранила от освещения событий на острове представителей многих органов прессы, радио и телевидения.

В открытый конфликт вылились трения между правительством Тэтчер и английскими СМИ во время фольклендской войны, когда журналистам был закрыт доступ в районы боевых действий — передача корреспонденции всячески задерживалась, а в Лондоне только одним министерством обороны осуществлялась двойная цензура. Министерство сознательно дезори-

ентировало журналистов, широко использовало практику дезинформации. Это в свою очередь заставило СМИ обращаться к иностранным источникам информации, что также вызывало серьезные нарекания со стороны правительства. Вместе с тем необходимо отметить, что для получения информации по важнейшим вопросам государственной политики СМИ заинтересованы в доступе к ведущим государственным и политическим деятелям, особенно руководителям партий, государств и правительств, являющихся источником информации «из первых рук». Неудивительно, что подавляющая часть журналистов, корреспондентов, репортеров сосредоточена в столицах развитых капиталистических стран. Так, например, в настоящее время в Вашингтоне аккредитованы более 16 000 корреспондентов. Около 60 из них вместе с обслуживающими их операторами и техническими специалистами по звуку ежедневно работают в Белом доме. Они представляют главным образом телеграфные агентства «Ассошиэйтед Пресс» и «Юнайтед Пресс интернэшнл», а также вашингтонские бюро крупных газет, журналов и радиосетей. В дополнение к этому различные синдикаты новостей предоставляют информацию более мелким органам СМИ, которые не могут содержать собственные бюро и корреспондентов. Обе палаты Конгресса имеют «галерки» для средств массовой информации, особенно радио.

Связи власть имущих и СМИ осуществляются по многим каналам. Важную роль во взаимоотношениях между политическими деятелями и представителями СМИ играет институт пресс-конференций. И здесь пальма первенства принадлежит США. Президент Т.Рузвельт (1901-1908) первым начал проводить пресс-конференции и отвел в Белом доме специальное помещение для корреспондентов. Вильсон «институционализировал» взаимоотношения прессы и президента, превратив пресс-конференции, которые стали проводиться регулярно, в официальный канал политической информации для прессы и общественного мнения. В свою очередь, вашингтонские журналисты учредили Ассоциацию корреспондентов в Белом доме. Пресс-конференция значительно содействовала «политической конвергенции» правительства и прессы. Для президента это был новый и удобный механизм более широкой, чем прежде, мобилизации общественного мнения в поддержку своего политического курса, для прессы — новый источник политической информации.

Но в целом, как признают сами американские журналисты, *«президентские пресс-конференции, особенно телевизионные — с гораздо большей долей вероятности можно назвать инструментом, с помощью которого президенты обращают новости себе на пользу, чем инструментом, при помощи которого репортеры добиваются от последних информации, которую общественность не могла бы получить другим путем».*

Пресс-конференции, хотя и в меньших масштабах, стали общепризнанной формой политической коммуникации и в европейских странах. Хотя, как правило, «паблисити» глав государств и правительств формируются во многих департаментах и офисах, ключевая роль в этом отношении принадлежит пресс-секретарям и их штатам. В США именно пресс-секретарь «продает» средствам массовой информации и через них широкой публике политику и политический «имидж» президента. Наиболее ценную информацию о президенте обозреватели и журналисты, аккредитованные при Белом доме, могут получить не на публичных выступлениях или пресс-конференциях, а от людей из близкого окружения президента в частных беседах. Это дает администрации широчайшие возможности для манипулирования общественным мнением: как правило, раскрывается лишь та информация, которая в выгодном свете представляет президента и администрацию. Методом «утечек» эта информация попадает в прессу, которая создает благоприятный климат для восприятия общественностью и реализации того или иного решения.

В Англии правительство также имеет специальную службу по связям с общественностью и прессой, а при премьер-министре состоит пресс-секретарь, который является главным поставщиком ежедневных сообщений о политике правительства. Главная их задача состоит в том, чтобы при освещении СМИ политики правительства, способствовать тому, чтобы не наносился ущерб престижу последнего. Следует учесть также то, что государство в развитых капиталистических странах является крупнейшим производителем информации. Так,

правительство США входит в число 20 крупнейших рекламных агентств страны, соперничая по расходам с такими гигантскими корпорациями как Кока-Кола. Годовые расходы правительства на рекламу составляют 200 млн долл. Не зря Вашингтон называют «Голливуд на Потомаке». Правительственные агентства тратят примерно 600 млн долл. на производство фильмов и аудивизуальных программ. В 1986 г. стоимость печатной продукции правительства составила около 1,3 млрд долл. Деятельность службы «Паблик ри-лейшнз», т.е. службы по связям с общественностью, обходится государству в 400 млн долл. в год. В настоящее время службы «Паблик рилейшнз» имеются практически во всех важнейших государственных ведомствах. Например, штат служащих — специалистов по вопросам информации и связи с общественностью Пентагона состоит из 1227 человек. Мощный аппарат «Паблик рилейшнз» создан при конгрессе. Капитолий издает свои собственные бюллетени (например, «Конгрэшнл рекорд»), имеет свою собственную радиотелевизионную студию.

Первой издательской группой Франции по количеству названий является государство. Каталог официальных публикаций, безусловно, самый обширный из всех публикуемых каким-либо западным государством. В перечне наиболее плодовитых по количеству изданий министерств пальма первенства, бесспорно, принадлежит министерству обороны Франции. Имея 38 изданий, выходящих ежегодно тиражом 35 млн экземпляров, оно опережает даже службы премьер-министра (34 названия, тираж 4,8 млн экз.). Объяснение политики правительства стоит казне все дороже — в 1980 г. оно обошлось правительству в более чем 100 млн франков. Помимо законов, регулирующих деятельность СМИ, государство само непосредственно участвует в распространении информации через агентство Франс Пресс и крупное рекламное агентство ГАВАС. Важным инструментом осуществления влияния правительства на СМИ является предоставление им государственных субсидий. Из 14 тыс. выходящих во Франции изданий более 10 тыс. получают субсидии от государства на основании того, что их содержание «представляет всеобщий интерес».

СМИ в качестве инструмента «политического маркетинга»

С распространением телевидения некоторые исследователи стали связывать надежды на сокращение стоимости и масштабов избирательных кампаний, рост информированности и политической активности электората, усиление общественного контроля над политическим процессом. Однако всему этому не было суждено сбыться. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на примере США. Начиная с президентских выборов в 1964 г. обозначился спад в политической активности избирателей. Вопреки ожиданиям неуклонно возрастали продолжительность и стоимость избирательных кампаний. Дорогостоящая реклама стала важной составной частью любой избирательной кампании на сколько-нибудь высокие государственные посты. Характерно, что значительная часть расходов на проведение избирательных кампаний кандидатов ныне приходится на СМИ.

В обстановке усиливающейся политической конкуренции фактор времени приобретает неуклонно возрастающее значение. Поэтому еще до начала избирательной кампании органы СМИ пользуются особым вниманием со стороны всех претендентов и кандидатов. Политический деятель, решивший баллотироваться на ту или иную высокую выборную должность, стремится как можно раньше обратить на себя снимание органов СМИ и через них — общественности и деловых кругов.

Не случайно, в период первичных выборов руководители избирательной кампании видят прямую связь между отношением к ним со стороны прессы и их способностью собирать денежные средства. Стремление завоевать симпатии прессы облекается в неформальный, даже дружественный стиль общения претендентов с журналистами: широко практикуются частные встречи, совместные поездки, званые обеды с приглашением наиболее влиятельных журналистов и т.п. История президентских выборов в США дает немало примеров того, как именно благодаря своей активности на этом этапе претендент получал необходимые шансы на номинацию от своей партии. Так было с Дж.Кеннеди в 1960 г., в то время малоизвестным сенатором от Массачусетса, выигравшим номинацию у именитого Г.Хэмфри, или с

Дж.Картером, который своими бесчисленными визитами в офисы различных редакций и телестудий задолго до начала первичных выборов привлек к себе внимание СМИ.

Поэтому неудивительно, что от выборов к выборам в США наблюдается тенденция к перенесению фактического начала предвыборной кампании на все более ранние сроки по сравнению с их официальным началом. Например, баталии за кресло в Белом доме в Вашингтоне разворачиваются за год и более до самих выборов в ноябре, а не в феврале того же года с первичных выборов в штате Нью-Гэмпшир.

По мере все более широкого проникновения стиля и методов коммерческой рекламы в сферу политики политические кампании в средствах массовой информации все больше приобретают характер рекламных. Предсказывая такое развитие событий еще в начале 50-х годов, председатель демократической партии штата Мичиган Н.Стейблер предупреждал, что «выборы во всевозрастающей степени станут спорами не между кандидатами, а между крупными рекламными фирмами». И действительно, в области СМИ утвердился своего рода новый вид профессиональной деятельности — «политический маркетинг». При обосновании значимости политического маркетинга порой дело доходит до того, что ряд авторов проводит аналогию между рекламой товаров в бизнесе и кандидатов в политике. Так, основываясь на концепции «экономического человека», А.Лепаж считал, что поведение индивидуума в кабине для голосования принципиально не отличается от его поведения в универмаге. Как и любой другой товар, имеющий свои отличительные свойства — цвет, форму, упаковку, кандидат на выборные должности тоже должен предлагать избирателям определенные физические качества. Некоторые авторы не утруждают себя подобными тонкостями и говорят о тождестве коммерции и политики, маркетинга коммерческого и политического.

Суть политического маркетинга состоит в следующем. Каждый кандидат на выборный пост занимается, хочет он того или нет, исследованием конъюнктуры «рынка», изучает «свой» округ, оценивает сложность проблем и соотношение различных социальных интересов для определения предвыборной тактики. Само же «искусство и способ» выиграть на выборах превращаются в вид профессиональной деятельности, которым занимаются профессиональные советники.

Политический маркетинг включает три этапа: первый — социальный, экономический, политический, психологический анализ места действия; второй — выбор стратегии, определение целей для обработки среди различных групп избирателей, выбор темы кампании, тактики использования местных и национальных СМИ; третий — продвижение кандидатов, или на профессиональном жаргоне, который уже успел утвердиться,— «товара». Одно из главных мест здесь занимают СМИ, тем более что специалисты по коммуникации являются решительными сторонниками применения тактических и технических приемов коммерческой рекламы к политической.

Наиболее законченную форму политический маркетинг приобрел в США, где детально разрабатываются механизмы и методы его реализации в избирательном процессе. Ключевое место среди них занимают опросы общественного мнения, политические консультанты по организации и проведению выборов, техника создания и «продажи» имиджей кандидатов. В настоящее время в США возникло множество фирм и компаний, которые играют растущую роль в организации и проведении различных политических кампаний.

Американские консультанты разворачивают свою деятельность и за пределами страны. В последние годы их услугами, особенно в избирательных кампаниях, пользуются по крайней мере в 30 странах — Австралии, Великобритании, Канаде, Франции, Испании, Японии, Швеции, Италии и др.

Рекламные агентства играют все большую роль в избирательном процессе европейских стран. Характерно в этом отношении положение дел во Франции. Здесь начало профессиональному политическому маркетингу было положено в 1965 г., когда организацию избирателей кампании центриста Ж.Леканюэ взял в свои руки дипломированный специалист по рекламе М.Бонгран. На следующий год он создал компанию «Услуги и методы», которая впоследствии была переименована в «Мишель Бонгран А.О.», предлагающую свои услуги как

предприятиям, так и государственным учреждениям и политическим партиям. В 70— 80-х годах использование коммерческой технологии в политике шло по нарастающей. Перед выборами 1978 г. кандидатам от всех партий предлагался уже полный набор рекламных услуг. Европейские выборы 1979 г., по мнению специалистов, дали сильный импульс развитию политического маркетинга в Западной Европе. В итоге президентские выборы 1981 г. стали самыми «коммерческими» за всю историю Франции. Свидетельством растущего веса политического маркетинга стало появление большого числа работ, посвященных этой теме. Он стал популярным предметом во многих высших учебных заведениях.

Предпринимаются попытки координацией деятельности политических консультантов на международном уровне. Уже функционирует международная ассоциация политических консультантов, основанная в 1968 г. итальянским специалистом по рекламе Дж.Наполитано и М.Бонграном. В ее руководство входят представители США, Франции, Испании, Португалии и Дании. В Сорбонском университете разработана и действует программа подготовки докторов по политическим коммуникациям.

Ныне специалисты и консультанты занимают одно из центральных мест в аппарате претендентов на политические посты во всех сколько-нибудь крупных партиях развитых стран. Каждая из них имеет собственных экспертов по вопросам опроса общественного мнения, консультантов по вопросам радио и телевидения. Помимо них партии в соответствии со своими возможностями прибегают к услугам специалистов по самому широкому кругу вопросов — от организации поездок кандидата по стране до распространения рекламной литературы.

С начала 60-х годов телевизионные сети США также используют штат специалистов, занимающихся изучением проблем, связанных с избирательным процессом. В течение всего года они проводят опросы общественного мнения, собирают информацию о предстоящих выборах, изучают ошибки в прогнозах, допущенные на прошлых выборах, и разрабатывают методы совершенствования своей аналитической работы. Значительный шаг в деле развития системы сбора политической информации был сделан в 1964 г. созданием «Службы избирательных новостей» — консорциума трех радиотелевизионных сетей, «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс интернэшнл». Она разработала сравнительно точную и быструю технику подсчета голосов.

Наиболее точное определение функций политических консультантов, которых нанимают, как правило, из числа наиболее опытных журналистов-комментаторов, сотрудников рекламных и консультативных фирм,— режиссура избирательных кампаний. Располагая широкими личными контактами, знанием истории различных кампаний, опытом деятельности в сфере СМИ, эти деятели, чьи собственные политические взгляды перекрывают весь существующий спектр — от крайне левых до крайне правых, действуют тем не менее в пределах четко обозначенных границ поставленной перед ними задачи. Они организуют благоприятное освещение программы и облика своего клиента в органах массовой информации, определяют темы и антураж передач и телефильмов о нем, продумывают содержание, форму и внешние аксессуары его публичных выступлений.

Широко используется организация «предвыборных псевдособытий» с их последующим освещением в органах СМИ — лотерей для избирателей, «походов» и «поездок» претендента по стране, его «рабочих дней» и т.п. При том, что демонстрация таких «безобидных» сюжетов по телевидению в виде так называемых коммерческих фильмов, т.е. фильмов, снятых по заказу претендента и показываемых в оплаченное им телевизионное время, — дело чрезвычайно дорогостоящее, в глазах претендентов этот способ распространения информации о себе обладает несравненными преимуществами перед «бесплатным» освещением по инициативе СМИ: в первом случае и содержание фильма, и форма информации целиком находится под контролем заказчика. Кроме того, политикам, не обладающим необходимой популярностью, вообще трудно рассчитывать на внимание со стороны прессы, и в этом случае телереклама остается для него наиболее надежным способом получения паблисити.

Задача политических консультантов — не просто привлечь внимание общественности к претенденту, но создать его определенный имидж или образ. Специалисты по общественному

мнению, привлекая известных кинорежиссеров и актеров, используя технические приемы и методы, первоначально применявшиеся в коммерческой рекламе, разработали «технологию» создания и «продажи» имиджей политических деятелей. Эти имиджи должны максимально соответствовать целям избирательной кампании, представлениям общественности о наиболее желательном типе политического лидера, ожиданиям партийных заправил, расчетам деловых кругов. При этом специалисты исходят из тезиса, высказанного еще в 1956 г. председателем национального комитета республиканской партии США Л.Холлом, согласно которому «вы продаете своих кандидатов и свои программы так же, как бизнес продает свои товары».

В настоящее время существует целая теория «идеального кандидата», на основе которой конструируются имиджи реальных претендентов. К примеру, такой кандидат должен обладать чертами характера, которые максимально соответствуют конкретной политической ситуации в стране. Так, в периоды социально-политических кризисов наибольшими шансами обладают «откровенные» и «честные» политики, способные на максимально «открытый» разговор с обществом. Отправляясь от этих и множества других обобщенных характеристик «идеального претендента», консультанты мобилизуют все наличные пропагандистские средства, чтобы подчеркнуть наиболее выигрышные черты своего клиента и замаскировать неблагоприятные или не соответствующие ожиданиям избирателей.

Важнейшим инструментом реализации политического маркетинга в политическом процессе стали опросы общественного мнения. В условиях парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма партий и политических организаций общественное мнение приобрело беспрецедентное значение и влияние. Более того, при парламентском режиме в современных условиях как ценность правительственных программ, так достоинства политических деятелей, как правило, измеряются их популярностью.

СМИ и опросы общественного мнения

Важнейшим инструментом выявления состояния общественного мнения стали опросы. Об их значимости свидетельствует, например, такой факт: М.Тэтчер не объявляла дату проведения досрочных парламентских выборов 1987 г. до тех пор, пока в течение нескольких месяцев опросы не стали показывать их благоприятный исход для консерваторов. Свидетельством повышения значения опросов общественного мнения в политическом процессе являются возрастающее внимание и интерес к ним со стороны правительственных и частных организаций, кандидатов, баллотирующихся на различные посты, разного рода фондов, ассигнующих средства на разработку политических проблем, появление огромного количества работ по этим проблемам. Об этом же свидетельствует неуклонный рост расходов политических партий на проведение опросов, особенно в периоды избирательных кампаний. Пальма первенства в этом отношении, несомненно, принадлежит США. В настоящее время в Америке действует более 200 специализированных фирм, которые довели методику зондажа позиций общественности по тем или иным проблемам до высокого уровня. Наиболее авторитетны опросы, проводимые институтом Гэллапа.

Как правило, этот институт строит свои выводы на опросе 1500 человек, представляющих различные избирательные участки по всей стране. Этот прием обеспечивает более или менее сквозной срез электората, содержащий в соответствующей пропорции фермеров, горожан, белых, негров, чиканос, бедных, богатых, южан, северян и др. На первый взгляд, количество опрошенных незначительно, но, как показывает опыт, результаты опросов получаются такими же, как если бы были опрошены 3, 10 или даже 20 тыс. человек. Последний перед президентскими выборами опрос общественного мнения, проводимый институтом Гэллапа, определяет победителя со средней ошибкой всего 1,5%.

Правда, за исключением этого последнего опроса, ни один из опросов, проводимых в ходе предвыборной борьбы, не в состоянии предсказать ее конечный результат, но каждый из них, во-первых, довольно точно фиксирует положение дел — соотношение сил между конкурирующими кандидатами, отношение общественности к правительству, мнения различных групп электората по узловым национальным проблемам — на момент проведения;

во-вторых, в связи с другими и ранее проведенными опросами показывает развитие общих тенденций избирательной кампании, с учетом которых корректируются стратегия и тактика соперников. Опросы крупнейших фирм — Гэллапа, Харриса, Роупера, Янкеловича и других — обычно публикуются в печати, но кандидаты все чаще прибегают к услугам таких фирм, которые по условиям контракта работают только на них и не публикуют полученных сведений в печати.

В последние годы опросам общественного мнения большое внимание уделяется и в других странах. Хотя надо отметить, что не во всех странах они приобрели такой размах, такую разработанность и точность, как в США. Но тем не менее опросы общественного мнения все настойчивее утверждаются в странах Западной Европы в качестве важнейшего инструмента выявления общественных умонастроений. И здесь США сыграли роль своего рода экспортера. Примечательно, что институт Дж.Гэллапа имеет филиалы на всех континентах. Фирмы Л.Харриса, Д.Янкеловича, Д.Стреча также имеют филиалы в Западной Европе, Японии, Австралии, Канаде.

Во Франции насчитывается около 150 специализированных организаций, занятых исследованиями общественного мнения, где работают примерно 10 тыс. человек. Оборотный капитал различного рода институтов по изучению общественного мнения превышает ежегодно почти 1 млрд франков. В последние годы во Франции в среднем каждые два дня проводится опрос общественного мнения по политическим вопросам. Ритм проведения таких опросов заметно ускорился с 1987 г.

Опросы общественного мнения являются средством политической разведки, выявления позиций населения по самым различным проблемам политического характера. Они призваны определить, какого мнения избиратели придерживаются относительного того или иного политического дела, какие конкретные проблемы их волнуют, действенность тех или иных внутри- и внешнеполитических акций правительства и др. Здесь широко применяются методы и технические приемы выявления спроса и эффективности рекламы, используемые в бизнесе, особенно в торговле. Вместе с тем опросы общественного мнения превратились из средства выявления настроений избирателей в инструмент придания определенной направленности этим настроениям. Опросы выявляют, организуют и обнародуют мнения, не требуя каких-либо действий со стороны носителей этих мнений. Разумеется, проявление мнения через опросы отнюдь не исключает его проявления и в поведении. Но тем не менее опросы дают заинтересованным лицам или партиям возможность оценивать состояние общественных умонастроений до того, как они проявятся в поведении тех или иных групп населения. С точки зрения заинтересованных лиц достоинство опросов состоит в том, что они позволяют выявить установки общественности до их материализации в нежелательных, разрушительных политических действиях.

Выявляя индивидуальные позиции опрашиваемых, опросы закрепляют их в рамках коллективных представлений. Демонстрируя как бы усредненные позиции в усредненных цифрах, СМИ заставляют большинство читателей, слушателей или зрителей, особенно неискушенных, молчаливо, не задумываясь, воспринимать их как позиции большинства населения или избирателей. Выступая в качестве инструмента пропаганды и одновременно выполняя вспомогательную роль по отношению к средствам массовой информации, опросы общественного мнения позволяют проверить эффективность пропагандистского обеспечения определенного политического курса. Одновременно опросы создают видимость участия масс, впечатление их вовлеченности в политический процесс.

Опросы в конечном счете способствуют также трансформации общественного мнения в менее опасный для существующего режима феномен. Во многих отношениях опросы общественного мнения содержат значительный элемент запрограммированности и могут быть использованы с целью манипулирования общественным мнением. О манипулятивных возможностях опросов свидетельствует, например, тот факт, что малейшая модификация вопросов, задаваемых опрашиваемым, может привести к совершенно разным результатам. Например, по данным одного опроса, 50% американцев доверяет «господствующей религии»,

но лишь 35% доверяет «организованной религии». Около 63% из них питают очень большое доверие к армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам, но эта цифра составляет лишь 48%, когда речь идет о «военных» и 21% — о «военных руководителях». В то время как 21% американцев питает большое доверие к «организованному рабочему движению», лишь 7% настроены так в отношении «большого профсоюза».

Поэтому к данным опросов общественного мнения, ставящих своей целью выявление идеологических и идейно-политических позиций различных групп населения, оценками программ политических партий и отдельных политических деятелей следует относиться осторожно. Результаты опросов, широко освещаемые СМИ, оказывают самое непосредственное влияние на характер и содержание избирательной кампании, заставляя кандидатов вносить соответствующие коррективы в свои позиции, определяя их ориентацию на те или иные социальные группировки, в то же время увеличивая или уменьшая их популярность среди электората.

В этом плане большое значение имеет так называемый «эффект фургона с оркестром» (band-wagon effect) или, проще говоря, «эффект успеха», суть которого состоит в том, что люди склонны принять те мнения, которые разделяются (или, по-видимому, разделяются) большим числом людей. Прослеживается тенденция к переходу избирателей на сторону опережающего кандидата. Претендент, добивающийся преимущества над своими противниками, вдруг начинает пользоваться растущей популярностью среди населения. СМИ сосредотачивают на нем значительно больше внимания, чем на других кандидатах, и он приобретает большую известность. В итоге успех рождает успех. Опросы общественного мнения, фиксируя лидеров и отстающих, в значительной степени закрепляют складывающееся соотношение сил и усиливают едва только намечающиеся тенденции.

При оценке «эффекта фургона с оркестром» следует учесть также и то, что телевизионные персоналии в совокупности составляют «телевизионную культуру». Как пишет американский политолог Р.Сноу, то, что они представляют, защищают или критикуют, часто воспринимается как истина или правильный путь решения проблем. В течение всей истории телевидения такие личности, как М.Берл, Э.Салливен, Б.Уолтерс, Ф.Донахью и др., стали героями культуры. Огромное влияние, которым они обладают, дает им возможность «продавать» лицо, становиться экспертами по вопросам политики и воспитания детей, утверждать тенденции в моде. Признание телевидением, радио и прессой служит в некотором роде показателем значимости именно данного конкретного индивида, выделенного из всей массы остальных людей.

«Театрализация» политического процесса

Развитие СМИ, особенно телевидения, усилило тенденцию к стиранию линии разграничения между программами новостей и развлекательными программами. И там, где важность информации определяется и оценивается ее рекламными качествами, неизбежно растет разрыв между реальным миром и миром, предлагаемым СМИ. Составители информационных программ, озабоченные соображениями развлекательности, предпринимают все возможное для превращения реальности, в нечто развлекательное. Они могут выдумать материал, исказить факты, отбросить или изменить «скучные» факты, людей, события, соответствующим образом подправив и «упаковав» их, опустить ключевую информацию. И это естественно, поскольку главная задача телевизионной программы состоит в том, чтобы завоевать и сохранить аудиторию.

В последнее время резко возросло значение «символической политики», «политики театра», основанной на образах или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам. Под воздействием как объективных изменений в политическом процессе, так и специфики современных СМИ избирательные кампании выливаются в своего рода популярные спектакли или даже спортивные репортажи со своими победителями и проигравшими. Кандидат, который хочет добиться успеха, должен быть актером, уметь вести себя перед телекамерами, играть свою роль

в спектакле. В настоящее время существует множество статей и книг с детальными рекомендациями, как демонстрировать себя на телеэкране, какие использовать жесты, как говорить и т.п. В одной из своих статей журнал «Камбио-16», например, давал испанским политическим деятелем следующие рекомендации: *«выступая по телевидению, кандидат должен говорить не так, как он это делает на публичном митинге, т.е. официально. требовательно, высокопарно, а, наоборот, мягким, задушевным голосом, без категорических утверждений, почти умоляюще, избегая триумфалистских фраз и глаголов в инфинитиве и императиве, которые являются свидетельством жесткости и прагматизма».*

Для исправления дефектов и ошибок в речи кандидатов используется электронная техника, например логометр, исправляющий невнятное произношение, плохую дикцию, быструю речь. Особенно гипертрофированные формы при создании имиджа приобретает «конструирование» физических, внешних характеристик кандидатов. В этом плане к настоящему времени утвердилась целая галерея героев, жестов, мимических упражнений. Это — знаменитая «молодежная» прическа и «спортивная» внешность Дж. Кеннеди, «простецкие» манеры и жесты Дж. Картера, не менее знаменитая, почти «детская» улыбка Р.Рейгана, которая, несмотря на возраст последнего, превратилась в его «товарный знак», и т.д. Примечательно, что изменение прически того или иного кандидата зачастую преподносится СМИ чуть ли не как сенсация.

Неудивительно, что в избирательных кампаниях элемент регулирования и манипулирования приобрел столь важное значение. Манипуляторский характер деятельности специалиста по созданию и «продаже» имиджей особенно откровенно сформулировал один из помощников Р.Никсона Р.Прайс: *«Мы должны иметь полную ясность в одном: избиратель реагирует на образ, а не на человека. Значение имеет не то, что есть, а то, что проецируется и... не столько то, что проецируется, сколько то, что избиратель воспринимает. Поэтому мы должны, менять не человека, а производимое впечатление».* В избирательных кампаниях все действия кандидата тщательно режиссируются в соответствии с подобными установками. Менеджеры избирательной кампании, специалисты по средствам массовой информации и опросам общественного мнения внимательно контролируют, что говорит и делает их кандидат, куда и как он идет, что могут выявить в его поведении телекамеры.

Одержимость внешними показателями и театральностью нашла наиболее законченное выражение в Р.Рейгане. Как утверждал один из сотрудников штата по проведению избирательной кампании Рейгана в 1976 г., эта кампания напоминала «голливудскую картину». Рейган, продолжал этот деятель, «проводит кампанию подобно оперной звезде в концертном турне. Он играет свою роль так долго, что это <то, что он играет.— *К.Г.*> кажется ему реальным. Его выступления отличаются тщательной инсценированностью. У него всегда открытое улыбающееся лицо. Он легко парирует вопросы репортеров и корреспондентов. Одним словом, он «стопроцентный американец», открытый, простой человек, «хорошей парень».

Эти особенности СМИ, достигшие своей наиболее завершенной формы в США, во все более широких масштабах перенимаются партиями и политическими деятелями европейских стран. Здесь постепенно также внедряются американские стандарты политического маркетинга. В данной связи ведущие органы СМИ обратили внимание на роскошную постановку церемонии посещения Ф.Миттераном после своего избрания на пост президента усыпальницы выдающихся деятелей — Пантеона. Совершенно сознательно этому зрелищу был придан характер какого-то священнодействия на глазах у всей Франции. Под звуки «Гимна радости», который исполнял под дождем Парижский хор, телезрители увидели президента, в одиночестве шествующего среди холодного мрамора надгробий. Словно по мановению волшебной палочки у него в руках возникала одна роза за другой, которые он возлагал на надгробия Жана Жореса, Жана Мулена и других. Покоренный зритель, как отмечает Б.Ридо, забывал о хорошо поставленном освещении, о подозрительной толкотне операторов с телекамерами, все было направлено на то, чтобы показать самою душу Миттерана, как бы приобщить каждого к интимной сущности президента в момент его молитвы.

Очевидно, что уходят в прошлое выступления политических деятелей с импровизированных трибун и напыщенные ходульные речи, а также «ораторский стиль» ведения кампаний.

Вместо них политику избирательной кампании формируют специалисты по опросам общественного мнения и исследователи политической конъюнктуры. Все это способствует тому, что СМИ концентрируют внимание на наиболее драматических событиях и действиях, значительно обедняя и упрощая действительное положение в стране и в мире. Так, освещение избирательных кампаний зачастую ограничивается сообщениями о том, где кандидат находится и перед кем он выступает. Характер повседневного проведения кампании заставляет кандидатов иметь заранее подготовленную речь, которая с незначительными модификациями повторяется на следующих друг за другом выступлениях. Для репортеров эти речи дают мало нового материала. Обвинения и контробвинения между кандидатами носят более драматический характер, и они более привлекательны для передачи через средства массовой информации, в результате для реальных и сложных общественных проблем остается мало места.

Это особенно верно в отношении телевидения, где потребность в эффектных, бросающихся в глаза визуальных эффектах отодвигает на задний план действительно актуальные социально-экономические и политические проблемы. Внимание концентрируется на второстепенных вопросах и малозначащих противоречиях между партиями, а то и отдельными политическими деятелями, на хорошо известных или импозантных личностях, на всем том, что выглядит драматически, зрелищно, отвлекая внимание общественности от главных проблем, стоящих перед обществом.

Чрезмерное значение придается фактам, не имеющим сколько-нибудь заметного влияния на общественную жизнь. Как утверждал французский обозреватель журнала теленовостей П.Саба, телепередача должна быть прежде всего зрелищной, ее конструкция зависит в большей степени от материалов, имеющихся у редакции, нежели от «реальной иерархии событий дня». Схематизируя события или решения, прибегая к рекламному стилю политических заявлений (например, «французский народ — особый народ», «французские трудящиеся— лучшие в Европе»,— говорил Жискар д'Эстен), «политизированным» формам рекламных объявлений, СМИ превращают политическую информацию в «товар» с хорошими рыночными возможностями.

В итоге наблюдается тенденция к преобладанию студийных передач над прямыми. По-существу телевидение, как и пресса, прибегает к реконструкции события в студийных условиях и не демонстрирует их в процессе совершения. Все меньше и меньше следуя за реальной действительностью, телевидение проявляет тенденцию привлекать ее в телестудию в час выпуска новостей. За счет свертывания традиционных информационных передач растущее значение приобретает тенденция к организации событий в самой студии. Это более надежно, это проще снимать, это непосредственно транслируют в эфир, создавая иллюзию подлинности. В итоге логика телевидения берет верх над логикой жизни.

Усиливается жажда быстрых результатов, что значительно уменьшает вероятность принятия политическими деятелями долговременных решений в отношении важных проблем, способствует концентрации внимания кандидатов во время избирательной кампании главным образом на текущих конъюнктурных вопросах. При многочисленности кандидатов расхождения между ними по существу основных общенациональных проблем, как правило, незначительны. Поэтому как в публичных действиях самих претендентов, так и в их освещении органами СМИ акцент часто делается не на анализе общественной проблематики, не на политической платформе кандидатов, а на их личности, на их «способности» управлять страной. Разумеется, проблемные моменты сохраняют свою значимость, особенно в периоды кризисов и социально-политической напряженности в обществе, но в очень общей, символической форме.

При таком положении может создаться ситуация, когда победу на выборах одерживает не тот, кто действительно осознает реальные проблемы, стоящие перед страной, и предлагает наиболее оптимальные пути их решения, а тот, кто способен обеспечить себе наибольшую

популярность в глазах общественного мнения и, умело используя средства массовой информации, «продать» себя и свою предвыборную программу как можно большему числу избирателей.

Другими словами, телевидение обладает большей способностью подать личность, нежели идею или программу. В результате политики максимально персонифицируются. Политическая жизнь превращается в аренду столкновения личностей, которых можно заснять на пленку. Их можно пригласить в студию, побеседовать с ними. Комментарий к их словам заменяет комментарий к событиям реальной жизни. Вопросы многочисленных журналистов, прямые опросы зрителей, их телефонные звонки в студию — все это свидетельствует о том, что в политике, которой посвящена передача, оцениваются прежде всего человек, его способность судить о делах, убеждать людей, его психология и характер, способность владеть собой, но уж никак не его политика.

Зная это, политический деятель часто стремится не к тому, чтобы его высказывания передавали суть проблемы, а к тому, чтобы они производили впечатление. В США этот момент приобрел прямо-таки гигантские масштабы на партийных съездах, которые, по сути дела, представляют собой тщательно подготовленные рекламные спектакли. В 1980 г. три основных телесети США израсходовали на освещение партийных съездов 40 млн долл. Примечательно, что в освещении съезда республиканской партии принимало участие в общей сложности 12 тыс. человек, т.е. в 6 раз больше людей, чем число его делегатов. И это естественно, поскольку, как отмечает Э.Костикян, «электронная политическая система» вознаграждает «исполнителя», актера, «электронную личность», людей, лучше проявивших себя в «электронной политике», основанной на манипулировании настроениями и поведением избирателей.

Все это в совокупности создает возможность для выдвижения на политическую арену малокомпетентных деятелей. Американскую политологию, например, не перестает интриговать феномен «кандидата от СМИ» Дж. Картера. О Картере—общественном деятеле до предвыборной кампании знали не более 1% американцев. Картер—претендент на президентское кресло достиг в ходе избирательной борьбы перевеса над всеми соперниками. Картер—президент даже по словам симпатизировавших ему наблюдателей, на редкость быстро обнаружил неспособность руководить простейшими государственными делами. Результатом телевизионного обмана, подмены содержания формой во время предвыборных кампаний явилось последующее неизбежное разочарование в политике правительства, лидер которого, казавшийся таким обаятельным с экранов телевизоров, не сумел реализовать большинство своих предвыборных обещаний.

Но это лишь одна сторона деятельности СМИ. Если же взять все доводы и аргументы в совокупности, то можно сделать вывод, что СМИ превратились в одну из важнейших конструкций в инфраструктуре подсистемы политического, взяв на себя существенную роль соединения последнего с гражданским обществом.

Контрольные вопросы

1. Дайте общую характеристику СМИ как общественно-политического института.
2. Перечислите важнейшие функции СМИ.
3. Что имеется в виду, когда СМИ называют четвертой ветвью власти?
4. Каковы взаимоотношения СМИ с властными структурами?
5. Каковы функции СМИ как инструмента политического процесса?
6. Что такое политический маркетинг?
7. Какова роль политических консультантов в политическом маркетинге?
8. Что вы понимаете под «театрализацией» политического процесса?

Приложение

ПРОГРАММА КУРСА «ПОЛИТОЛОГИЯ»

Политология как самостоятельная научная и образовательная дисциплина призвана изучать мир политического в его целостности и в то же время в конкретных проявлениях. Одна из важнейших задач политологического образования состоит в том, чтобы дать студенту необходимый минимум знаний об основных проблемах, институтах, отношениях, ценностях мира политического, политических реальностях, явлениях и процессах как на страновом, так и на международном уровне. Это, в свою очередь, предполагает, что в вводном учебном курсе главное внимание должно быть сконцентрировано на ключевых темах и вопросах, позволяющих определить место и роль мира политического и его конкретных составляющих в целостном человеческом социуме, сущностные характеристики политики и ее функции в обществе. Речь идет прежде всего об основополагающих феноменах и категориях: власть и властные отношения, гражданское общество и государство, политические системы и режимы, партийные и избирательные системы, их типологизация, мировоззренческое измерение политики и основные идейно-политические течения, политическая этика и политическая культура. Что касается таких тем и проблем, как политическое лидерство, политические технологии, политический менеджмент, то они являются производными от основополагающих материй мира политического (например, типа политической системы или режима) и должны рассматриваться либо в соответствующих разделах политической науки (например, прикладной политологии, политической социологии), либо при более полном раскрытии таких сквозных тем, как сущность власти и государства, демократии и диктатуры и т.д.

С учетом этого составлен и структурирован настоящий учебник и предлагаемая ниже программа курса политологии.

Тема I. **Политология как самостоятельная научная дисциплина: этапы формирования, предмет, цели и задачи**

Основные этапы формирования и эволюции политологии. Понятие «политическая традиция», важнейшие факторы и исторические этапы формирования и эволюции политологии. Общая характеристика состояния изучения политических феноменов в античности и средневековье. Основные причины и факторы вычленения политологии в Новое время. Появление первых кафедр политической науки, национальных ассоциаций политических наук, специальных политологических журналов в конце XIX— начале XX в., закладка в тот период фундамента политической науки, начало выделения ее важнейших национальных школ и направлений, методологических принципов, методов и инструментария исследования, понятийно-категориального аппарата. Две тенденции в развитии политической науки.

Особенности развития и функционирования политической науки в США, странах Европы в период между двумя мировыми войнами. Перемещение центра общественных наук, в том числе и политологии, в США. Триумф позитивизма в политологии. Восстановление европейской политологической традиции после Второй мировой войны. Особенности развития политических наук в послевоенные десятилетия. Возникновение новых разделов политической науки, разработка новых теорий, концепций, методологических принципов и методов исследования. Конец холодной войны, перспективы восстановления прерванной политологической традиции в России и ее воссоединение с мировой политологией.

Объект и предмет исследования политологии. Что такое политология и каковы ее основные цели и задачи? Ее место среди других социальных и гуманитарных наук. Содержание понятий «политика», «политическое», «мир политического», «политическая сфера». Проблема определения мира политического как проблема выявления границ между гражданским обществом, миром политического и производственно-хозяйственной сферой как тремя основными сферами человеческого социума и его значение для политологии. Важнейшие

составные элементы мира политического. Три главных комплекса проблем, составляющих в совокупности предмет исследования политологии.

Место политологии в системе социальных и гуманитарных наук. Соотношение политологии с другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Различия и точки схождения между политологией и историей, политологией, социологией и политической социологией. Политическая социология, сравнительная политология, политическая психология, политическая антропология — важнейшие разделы политической науки. Методология и основные методы политического исследования, категории и понятия политической науки.

Тема II. **Социологические основания политики**

Гражданское общество как основополагающая инфраструктура политической системы. Исторические предпосылки формирования гражданского общества и важнейшие этапы его эволюции. Составные элементы, основные инструменты ценности гражданского общества. Гражданское общество как целостная система жизнеобеспечения социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению. Основные составляющие гражданского общества. Соотношение гражданского общества и правового государства: права человека и права гражданина; экономический, социальный, культурный, политический, идеологический и иные виды плюрализма. Условия механизмы реализации плюрализма в гражданском обществе, политической сфере.

Место и роль экономики в политической системе. Разграничение между экономической и политической сферами, собственностью и властью как необходимое условие существования гражданского общества и правового государства. Частная собственность — личная свобода — политическая свобода. Значение и роль частной собственности и свободы экономического выбора в качестве необходимого базиса всех форм свободы. Гражданское общество как сообщество частных собственников. Многообразие источников власти и его воплощение в политическом плюрализме. Социальные классы, слои, группировки и заинтересованные группы, их основные характеристики и составляющие, а также формы и механизмы отражения интересов их и позиций в политическом процессе. Профсоюзы и разного рода объединения предпринимателей как наиболее влиятельные заинтересованные группы в современном индустриальном обществе и их роль в политической жизни.

Социокулътурное измерение мира политического. Политика как функция конкретных людей — членов гражданского общества. Человеческий фактор в детерминации важнейших сущностных характеристик политического вообще и политических институтов, процессов и явлений в частности. Разъединение государства и религии, государства и идеологии, раздвоение общественного и частного, общества, государства и идеологии, права и морали, политической науки и идеологии, религиозного и светского и т.д.

Тема III. **Власть и государство**

Сущностные характеристики власти. Исторические истоки власти. Многозначность понятия «власть», формы и типы власти, особенности собственно политической власти. Соотношение политической власти с политическим влиянием и политическим авторитетом, их сходство и различие. Власть как система господства и подчинения, насилия и принуждения, наказаний и поощрений, контроля и управления, соперничества и сотрудничества. Важнейшие подсистемы власти: правовая, административно-управленческая, военная, воспитательно-образовательная, пенитенциарная и т.д. Легитимность власти, определяющая условия, формы и рамки существования и функционирования государства и политической системы. Проблемы политического господства и сотрудничества, формирования власти и политической иерархии, механизмов правления в рамках различных политических систем; отношений людей с инструментами власти, механизмов обеспечения единства, жизнеспособности и бесперебойного функционирования общества; политической социализации, политической коммуникации и др.

Сущностные характеристики государства. Государство как основная форма самоорганизации общества. Государство — главный институт реализации власти и стержневой элемент политической системы. Основные институты государства, их роль и функции. Его базовые признаки: территориальный императив, суверенитет, монополия на легитимное

насилие, абстрактность, безличность, всеобщность права и закона. Основные факторы и исторические вехи формирования и эволюции современных национальных государств. Базовые характеристики национального государства. Правовое государство, его основные институты, принципы и ценности.

Тема IV. **Политические системы и политические режимы**

Политическая система как форма самоорганизации общества. Основополагающие параметры политической системы в контексте вопросов: «кому следует править?», «почему?», «как?», «в чьих интересах?» Государственно-административный аппарат. Бюрократия, ее место и роль в властных структурах и в системе управления. Феномен бюрократизма. Общая характеристика политических отношений. Субъекты политических отношений: социальные, институциональные, функциональные. Конфликт и консенсус как основополагающие параметры политических отношений. Разнообразие путей и средств разрешения конфликтов и достижения консенсуса и их отражение в многообразии форм правления, режимов, правительств, политических партий и организаций.

Проблема классификации или типологизации политических систем. Важнейшие типологизации политических систем от Платона до настоящего времени. Типологизация политических систем на основе системообразующих характеристик. Их особенности и различия. Формы территориально-политического или государственно-административного устройства: унитаризм, федерализм, конфедерализм. Соотношение демократии, авторитаризма и тоталитаризма с унитаризмом, федерализмом и конфедерализмом в различных странах. Основные характеристики всех названных типов с точки зрения вертикального и горизонтального распределений властных структур и полномочий, централизма и децентрализма, центральных и местных органов власти и т.д.

Политические режимы. Базовые характеристики политического режима. Соотношение политической системы и политического режима. Критерии определения политического режима. Типологизация политических режимов. Особенности выделения политических режимов в демократической и диктаторской политических системах. Основные режимы демократического и диктаторского типа. Их базовые характеристики и различия.

Тема V. **Демократии: принципы, установки и ценности**

Демократия как одна из важнейших форм политической самоорганизации общества. Исторические типы демократии и основные исторические вехи формирования современной демократии. Основные институты, принципы и ценности демократии, представительство, конституционализм, парламентаризм. Система разделения властей, сдержек и противовесов, институты законодательной, исполнительной и судебной власти, принципы их взаимодействия и функционирования, выборность важнейших органов власти. Место, структура, прерогативы, роли и функции каждой из главных ветвей власти. Политический и идеологический плюрализм, отделение идеологии и религии от государства. Основные режимы политической демократии. Взаимоотношение парламента и правительства, центральных и местных органов правления, различных ветвей власти при президентской республике (США), парламентской республике (ФРГ, Италия), современной конституциональной монархии (Великобритания) и смешанной президентско-парламентской республике (Россия, Франция). Общая характеристика современных форм демократии: представительной, плебисцитарной и «демократии участия». Особенности перехода от тоталитаризма к демократии в России.

Демократия в незападном, мире. Экспансия демократии в современном мире. Соотношение рыночной экономики и политической демократии. Его значение для стран незападного мира. Демократия как народовластие в контексте ее совместимости с незападными национальными культурами. Различия между западной и восточной культурами с точки зрения утверждения демократических институтов и ценностей. Феномен новых демократий, их сущностные характеристики и особенности. Вестернизация или особый путь политической модернизации. Синтез западного и восточного начал. Гибридный характер новых демократий. Проблема выживаемости демократии в незападном мире.

Тема VI. **Политические партии и избирательные системы**

Сущность, место и роль политических партий в политической системе. Политические партии как инструмент реализации политического представительства. Исторические вехи формирования и эволюции идеи политического представительства. История формирования и утверждения политических партий. Определение и сущностные характеристики партии. Составные элементы и структура партий. Основные функции партий, нормы и правила их деятельности, современные типы и формы политических партий, иных партийных систем. Роль партий в обеспечении взаимосвязей между различными уровнями и различными секторами политической сферы. Роль партий в утверждении и стабилизации общенациональной политической системы. Состав и членство партий. Типологизация политических партий. Общая характеристика основных типов политических партий. Особенности эволюции партийных систем в современном мире. Понятие функционального правительства и его роль в «увязке» групповых и общегосударственных интересов. Политические клубы, ассоциации, гражданские объединения, общественные организации, комитеты политического действия как средства обеспечения функционального представительства. Особенности формирования политических партий в России.

Избирательные системы. Место и роль избирательных систем в политической системе. Понятие электората или избирательного корпуса. Активное и пассивное участие в избирательном процессе. Роль и значение выборов в реализации «законных» норм ротации власти. Типологизация избирательных систем. Общая характеристика каждого из основных типов. Их преимущества и недостатки.

Тема VII. **Политические системы диктаторского типа**

Тоталитаризм и авторитаризм как современные формы демократии. Определение и общая характеристика диктатуры как формы государственно-политической системы и ее отличие от демократии. Причины возникновения и исторические судьбы диктатуры. Различия и точки схождения тоталитаризма и авторитаризма. Их основные институты, принципы и ценности. Особенности авторитаризма в современном мире. Типологизация авторитаризма и тоталитаризма. Современные типы и формы авторитаризма. Тоталитаризм как феномен XX века. Основные формы и типы тоталитаризма. Правый и левый варианты тоталитаризма в лице нацистского режима 30-40-х годов в Германии (и его нынешние идейно-политические разновидности в форме неонацизма и неофашизма) и большевистской системы в СССР. Их сходство и различия. Промежуточные или гибридные формы тоталитаризма. От авторитаризма к тоталитаризму и обратно. Факторы, формы и этапы перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии.

Тема VIII. **Политическая культура**

Основные характеристики политической культуры. Политическая культура как система отношений и одновременно процесс производства составляющих ее элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Соотношение политического сознания и политической культуры. Политическая культура как составная часть общенациональной культуры и социокультурной системы. Политико-культурная среда как важный фактор политической социализации подрастающего поколения. Соотношение политической культуры и политической системы. Основные концепции политической культуры.

Политическая культура как комплекс представлений о мире политического, нормах и правилах политического поведения. Политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами, ориентации и установки в отношении существующей системы и ее институтов как составные компоненты политической культуры. Политическая культура как ценностно-нормативная система, социологические основы политической культуры, социокультурные, общественно-исторические, этнонациональные, религиозные и иные факторы ее детерминации, ее роль в формировании разных типов политического поведения. Основные принципы и критерии типологизации политической культуры. Важнейшие типы политической культуры, их сущностные характеристики и различия.

Тема IX. **Политическая этика**

Место и роль морально-этического начала в мире политического. Политическая этика. Основные подходы к оценке ценностного начала в политике и их эволюция. Проблема соотношения факта и ценности. Политическая ассоциация как вопрос о «ранжировке» человеческих ценностей и поиске наилучших средств их реализации. Антиномия между свободой и равенством, эффективностью и справедливостью. Проблема разграничения мира сущего от мира должного, профессионального начала от нравственного, права от нравственности и т.д. Допустимые пределы компромисса в политике. Принцип «политика есть искусство возможного» в морально-этическом контексте.

Тема X. **Политическая философия**

Определение и общая характеристика политической философии. Ее соотношение с философией как гуманитарной дисциплиной и политологией. Политическая философия как часть политологии, ее сущностные характеристики и составные элементы. Основные вехи формирования и эволюции политической философии от античности до наших дней. Гносеологический и эпистемологический аспекты политической философии. Онтология, аксиология и логика мира политического и методология его изучения как составные элементы политической философии.

Сущее и должное, власть и властные отношения, государство и правление закона, свобода и равенство, эффективность и справедливость как основополагающие объекты политико-философского анализа.

Политическая теория и политическая идеология. Понятия «политическое учение» и «политическая теория», их содержание и составные элементы, соотношение с политической философией. Предмет и метод истории политических и правовых учений. Соотношение идеологии и политики. Сущностные характеристики политической идеологии, ее составные элементы и структура. Основные задачи, цели и предназначение идеологии. Проблема отделения идеологии от государства и плюрализм идеологических и идейно-политических течений. Политика как арена столкновений различных конфликтующих между собой идеологических систем и идейно-политических течений и направлений.

Тема XI. **Основные течения идейно-политической мысли**

Понятие идейно-политического течения, его содержание и параметры. Принципы и критерии, типологизация идейно-политических течений современности. Либерализм, консерватизм, социал-демократизм, марксизм и основные разновидности тоталитаризма. Их основополагающие принципы, установки и подходы к трактовке самого феномена политического, его важнейших институтов, проблемам взаимоотношения личности, общества и государства, гражданского общества и правового государства, свободы, равенства, справедливости, прав человека, различных форм государственного устройства. Общая характеристика их системообразующих элементов и исторических путей эволюции.

Тема XII. **Средства массовой информации в политике**

Место, роль и важнейшие функции средств массовой информации в политической жизни. Основные виды СМИ. СМИ как «сторожевая собака общественных интересов». СМИ в качестве «четвертой власти». Роль СМИ в эволюции политических процессов вообще и функций политических партий в частности. Начало «эры телевидения» и особенности функционирования электронных СМИ. Формы и методы воздействия СМИ на общественное мнение. Значение информационной и телекоммуникационной революции для расширения роли СМИ в политической жизни. Сущностные характеристики и параметры феномена «теледемократии». Характер и основные направления взаимоотношений СМИ и властных структур. Роль и значение института «паблик рилейшнз». СМИ в качестве инструмента «политического маркетинга». Сущность политического маркетинга. Роль политических консультантов и имиджмейкеров в создании и «продаже» образов политических деятелей. Технология создания имиджей кандидатов. Роль СМИ в организации проведения опросов общественного мнения. «Театрализация» политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.

Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание // Политические исследования. 1995. № 3.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Баллестрем К.Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики // Философские науки. 1991. № 8.

Бертран Р. Власть. Социальный анализ // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. **XX в.** М., 1997.

Боттомор Т.Б. Политическая социология // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. **XX** в. М., 1997.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990.

Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

Даль Р.А. Введение в экономическую демократию. М., 1991.

Демократия в Японии: опыт и уроки. М., 1991.

Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.

Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.. 1997.

Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. М., 1994

Липсет С.М. Политическая социология // Американская социология сегодня: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Лысенко В.И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политический опыт и тенденции 80-90-х годов. М., 1994.

Мерриам Ч.Э. Новые аспекты // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. **XX** в. М., 1997.

Михельс Р. Социология политической партии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политической мысли. XX в. М.,1997.

Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. **XX** в. М., 1997.

Оукшотт М. Массы в представительной демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. М., 1997.

Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994.

Салмин А.М. О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной властей в Российской Федерации // Политические исследования. 1996. № 1.

Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.

Хорос В.Г., Чешков М.А. Авторитаризм и демократия в Третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7.

Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Политические исследования. 1992. № 4.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. № 5.